

ISSN (print) 2686-9764 Том 16, № 3 (59),
ISSN (online) 2782-1986 2022

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

научно-практический журнал

Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

science and practice journal

of Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penitentiary Service

**Volume 16, No. 3 (59),
2022**

PENITENTIARY SCIENCE

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

ISSN (print) 2686-9764

ISSN (online) 2782-1986

2022, том 16, № 3 (59)

научно - практический журнал

Вологодского института права и экономики

Федеральной службы исполнения наказаний

Научно-практический
журнал
«Пенитенциарная
наука»

издается с 2007 года,
до августа 2019 года
выпускался под назва-
нием «Вестник институ-
та: преступление, нака-
зание, исправление»

Учредитель:
ВИПЭ ФСИН России

Журнал
зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций.
Свидетельство
о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС77-76598
от 15.08.2019

Журнал размещается
в следующих
реферативных и
полнотекстовых
базах данных:
DOAJ, EBSCOhost,
WorldCat, East View
Information Services,
Российский индекс
научного цитирования
(РИНЦ), научная
электронная библиотека
«КиберЛенинка»,
Электронный
периодический
справочник «Система
ГАРАНТ»

Все права защищены.
Перепечатка материа-
лов только с разреше-
ния редакции журнала.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Харьковский Е. Л. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Каравалева Ю. И. – ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат социологических наук.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Антонян Ю. М. – профессор кафедры уголовного права и процесса Российского государственного гуманитарного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Беляева Л. И. – профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Зауторова Э. В. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор;

Кругликов Л. Л. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук высшей школы и Российской академии естественных наук;

Мацкевич И. М. – заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Мешко Г. – профессор факультета уголовного правосудия и безопасности Университета Марибор (Словения), доктор, профессор криминологии;

Панченко В. Ю. – заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Московского университета им. А. С. Грибоедова, доктор юридических наук, доцент;

Поздняков В. М. – профессор кафедры научных основ экстремальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор;

Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Стоянов В. – проректор по учебной работе Варненского свободного университета им. Черноризца Храбра (Болгария), доктор психологических наук, профессор;

Чукмаитов Д. С. – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Жетысуского государственного университета им. И. Жансугурова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминологии Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Букалерева Л. А. – заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминологии Российского университета дружбы народов, профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Гаврилов Б. Я. – профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Авторские материалы рецензируются и не возвращаются.

Редакция сохраняет за собой право производить сокращения и редакционные изменения рукописи

Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций

Адрес редакции:
160002, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Адрес издателя:
160002, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Адрес типографии:
153035, г. Иваново,
ул. Дзержинского, д. 39,
стр. 8

Телефоны:
(8172) 51-82-50, 51-46-12
51-98-70

E-mail:
vestnik-vipefsin@mail.ru

Сайт:
<https://jurnauka-vipe.ru>

Подписной индекс 41253
по Объединенному
каталогу
«Пресса России»

Свободная цена

© ВИПЭ ФСИН России

Дата выхода в свет:
30.09.2022

Тираж 1000 экз.

Голодов П. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Дворянсков И. В. – главный научный сотрудник Научно-исследовательского института воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Зубкова В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, почетный профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова;

Ищенко Е. П. – заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Ковтуненко Л. В. – профессор кафедры педагогики и педагогической психологии факультета философии и психологии Воронежского государственного университета, доктор педагогических наук, доцент;

Козаев Н. Ш. – заместитель начальника Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России по учебной и научной работе, доктор юридических наук, доцент;

Козаченко И. Я. – заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Малышев К. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук;

Нагорных Р. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Панова О. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

Пантелеева Н. В. – заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова (Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент;

Поникаров В. А. – профессор кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Ромашов Р. А. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Хатуаева В. В. – заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент;

Цветков В. Л. – начальник кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, доктор психологических наук, профессор;

Шаталов А. С. – профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Шмонин А. В. – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Северо-Западного института (филиала) Университета им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук по научным специальностям: 12.00.01; 12.00.08; 12.00.09; 12.00.11; 12.00.12; 12.00.14; 5.3.9; 5.8.1. Согласно Рекомендации Президиума ВАК Минобрнауки России от 10.12.2021 № 32/1-НС в журнале указываются два шифра научных специальностей.

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	234
РОМАШОВ Р. А. Пенитенциарное право: феноменология и системность	234
ГОЛУБЦОВА А. И. Факторы, влияющие на безопасные условия отбывания наказания осужденными отряда по хозяйственному обслуживанию следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы	245
БАРХАТОВА Е. Н. Уголовно-правовое воздействие: особенности, формы, вопросы реализации	254
БАБАЯНЦ Э. А. Изменение судом категории преступления как средство индивидуализации назначения уголовного наказания	263
ГИРЬКО С. И., ХАРЧЕНКО С. В., ДОЛГОПОЛОВ А. А., КАМБАРОВ А. М. Российское ускоренное дознание: современные метаморфозы процессуальной формы	274
КУЗНЕЦОВА Н. В., МАКАРОВА Т. В. Организационно-правовые аспекты обеспечения сотрудничества учреждений уголовно-исполнительной системы с религиозными организациями	285
ИВАНЬКОВ И. А. К вопросу о понятии оперативного поиска в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы	293
ДЯДЬКИН О. Н., КАЛЯШИН А. В. Документы планирования развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в период 2010–2030 гг.: наименование, вид и порядок введения в юридическую силу	302
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	310
АЛИГАЕВА Н. Н. Эмоциональные состояния осужденных: модель программы психологической коррекции	310
ЗАУТОРОВА Э. В., СОБОЛЕВ Н. Г. Особенности осмысленности жизни у осужденных с длительными сроками отбывания наказания	320
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	327
ПАНОВА О. Б. Основные формы научного пенитенциарно-педагогического знания	327
ПАМЯТИ Д. В. СОЧИВКО	343
СОЧИВКО О. И., ПЛОТКИН Д. М. Жизненный путь и деятельность пенитенциарного психолога доктора психологических наук, профессора полковника внутренней службы Дмитрия Владиславовича Сочивко	343

Научная статья

УДК 343

doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.001

Пенитенциарное право: феноменология и системность

РОМАН АНАТОЛЬЕВИЧ РОМАШОВ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия,
romashov_tgp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9777-8625>

Реферат

Введение: право как системное явление представлено двумя теоретическими моделями: динамическим процессом и статичной конструкцией. Право в динамике – это взаимосвязанные этапы (стадии), в совокупности составляющие феномен правовой жизни. Конструктивный (юридико-технический) подход к пониманию права предполагает его восприятие в качестве совокупности взаимосвязанных и взаимодействующих средств, создаваемых и применяемых для упорядочения и охраны общественных отношений, сложившихся на определенном историческом этапе в обособленной социально-культурной среде. Взаимозаменяемость в русском юридическом языке слов «право» и «закон» обуславливает смешение понятий «система права» и «система законодательства», следствием чего является терминологическое отождествление категорий «отрасль права» и «отрасль законодательства». Проблему понимания пенитенциарного права и определения его места в правовой системе и системе законодательства следует решать с учетом циклической природы российского полито- и правогенеза. В современной России внедрение в терминологический оборот слова «пенитенциарный», с одной стороны, связано со стремлением к европеизации традиционных правовых институтов путем их простого переименования (уголовно-исполнительное право – пенитенциарное право). С другой стороны, использование термина «пенитенциарный» применительно к системе исполнения уголовных наказаний, а также совокупности правовых актов, регламентирующих общественные отношения в данной области, призвано показать трансформацию наказания из института государственной репрессии в средство исправления и профилактики. *Целью* статьи является системный анализ права как динамического процесса и формализованной конструкции с акцентом на понимании пенитенциарного права и определении его места в правовой системе и системе законодательства. *Методологическую основу* образуют общенаучные (системный, структурный, функциональный), частные (сравнительно-правовой анализ, межотраслевой синтез, правовая систематика) и специальные (теоретико-правового моделирования, циклического полито- и правогенеза) методы познания правовой действительности. *Выводы:* пенитенциарное право следует рассматривать в контексте соотношения категорий «система права», «правовая система», «система законодательства». На основе метода циклического полито- и правогенеза предлагается осуществлять это с учетом специфики организации и функционирования уголовно-исполнительных систем Российской империи, Советской России (РСФСР/СССР) и Российской Федерации. В современной России пенитенциарное право представляет межотраслевую нормативную общность, объединяющую правовые акты, регламентирующие общественные отношения в сфере пенитенциарной жизнедеятельности. Не имеет смысла говорить о пенитенциарном праве как вновь образованной отрасли системы права в силу восприятия последней в качестве объективной категории (логической умозрительной конструкции). Вместе с тем пенитенциарное право, пенитенциарная система, пенитенциарная наука являются устоявшимися терминологическими конструкциями, наполняемыми различными смысловыми коннотациями как в научных исследованиях, так и в правовых актах.

Ключевые слова: система права; правовая система; система законодательства; пенитенциарий; пенитенциарное право; пенитенциарная наука; уголовно-исполнительная система.

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Ромашов Р. А. Пенитенциарное право: феноменология и системность // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 3 (59). С. 234–244. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.001.

Original article

Penitentiary Law: Phenomenology and Consistency

ROMAN A. ROMASHOV

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, romashov_tgp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9777-8625>

Abstract

Introduction: law as a systemic phenomenon is represented by 2 theoretical models: a dynamic process and a static construction. Law in dynamics is interrelated stages that together make up the phenomenon of legal life. A constructive (legal and technical) approach to understanding law presupposes its perception as a set of interrelated and interacting means created and used to streamline and protect public relations that have developed at a certain historical stage in a separate socio-cultural environment. Interchangeability of the words “law” and “legislative act” in the Russian legal language causes confusion of the concepts “system of law” and “legislative system”, which results in terminological identification of the categories “branch of law” and “branch of legislation”. The problem of understanding penitentiary law and determining its place in the legal system and the legislative system should be solved taking into account the cyclical nature of Russian political and legal genesis. In modern Russia, introduction of the word “penitentiary” into terminology is connected, on the one hand, with the desire to Europeanize traditional legal institutions by simply renaming them (penal law – penitentiary law). On the other hand, the use of the term “penitentiary” in relation to the system of execution of criminal penalties, as well as to the totality of legal acts regulating public relations in this area, is intended to show transformation of punishment from the institution of state repression into a means of correction and prevention. *Purpose:* to carry out a systematic analysis of law as a dynamic process and a formalized structure, with an emphasis on understanding penitentiary law and determining its place in legal and legislative systems. The *methodological basis* is formed by general scientific (systemic, structural, functional), private (comparative legal analysis, intersectoral synthesis, legal systematics) and special (theoretical and legal modeling, cyclic political and legal genesis) legal reality cognition methods. *Conclusions:* consideration of penitentiary law should be carried out in the context of correlation of the categories: system of law, legal system, system of legislation. Taking the method of cyclic political and legal genesis as a basis, it is proposed to consider penitentiary law with regard to the specifics of organization and functioning of the penal systems of the Russian Empire, Soviet Russia (RSFSR/USSR) and the Russian Federation. In modern Russia, penitentiary law is an intersectoral normative community that unites legal acts regulating public relations in the field of penitentiary life. It makes no sense to talk about penitentiary law as a newly formed branch of the system of law, due to the perception of the latter as an objective category (logical speculative construction). At the same time, penitentiary law, penitentiary system, penitentiary science are well-established terminological constructions filled with various semantic connotations both in scientific research and legal acts.

Keywords: system of law; legal system; legislative system; penitentiary; penitentiary law; penitentiary science; penal system.

12.00.01 – Theory and history of the law and state; history of the law and state studies.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

5.1.4. Criminal legal sciences.

Введение

Проблемы понимания и системного анализа права относятся к числу вечных и привлекают внимание ученых-юристов, работающих как в области общей теории права, так и в сфере отраслевой и прикладной юриспруденции. При этом нередко «отраслевники» и «прикладники», затрагивая теоретические вопросы, уходят от общей теории, применяя собственное видение в качестве базы, на которой и строят свои дальнейшие рассуждения, в том числе критического характера.

Выделение в праве новых отраслей, в том числе и *межотраслевого* (курсив наш. – Р. Р.) характера, представляет технико-юридическую новацию постсоветского права с его перманентной изменчивостью, свойственной как действующему отраслевому законодательству, так и теории системы права. Поэтому высказываемые отдельными авторами предложения рассматривать пенитенциарное право как отрасль современного российского права не содержат в себе принципиальной новизны и качественным образом не отличаются от подобных им устремлений обосновать самостоятельный отраслевой статус, например, горного, медицинского, образовательного, железнодорожного права.

Не пытаюсь оспаривать такого рода точки зрения, считая их допустимыми в силу субъективной природы самого процесса научного познания, в рамках предлагаемой статьи мы постараемся показать особенности восприятия пенитенциарного права в контексте общей теории системного правопонимания с последующим сопоставлением категорий «система права», «правовая система», «система законодательства».

За основу рассуждений будет взят метод циклического полито- и правогенеза, в соответствии с которым пенитенциарное право в плане общей теории представляет собой объективированную категорию, возникающую одновременно с организационно-функциональным оформлением специализированной государственной системы исполнения уголовных наказаний и изменяющуюся вместе с ней.

Системность как универсальное свойство права

Право как социально-культурное явление одновременно является динамическим процессом (правотворчеством и правореализацией) и конструкцией (совокупностью структурно-функциональных элементов).

Системность права как процесса представляет последовательную сменяемость этапов/стадий правовой жизни. Любая правовая форма когда-то возникает, обретает и утрачивает юридическую силу, оказывает неоднозначное по эффективности регулятивно-охранительное воздействие на общественные отношения.

Конструктивный (юридико-технический) подход к пониманию права предполагает его восприятие в качестве совокупности взаимосвязанных и вза-

имодействующих средств, создаваемых и применяемых для упорядочения и охраны общественных отношений, сложившихся на определенном историческом этапе в обособленной социально-культурной среде.

Системная характеристика динамики права предполагает два основных подхода: линейный (традиционный) и циклический (дискретный).

Линейность означает сохранение правом юридической силы в плане закрепляемых правовой традицией ценностей, принципов, технологий правотворческой и правореализационной деятельности. При этом говорить о состоявшейся правовой традиции можно только тогда, когда вышеупомянутые ценности, принципы и технологии сохраняются в относительно неизменном виде у трех и более сменяющих друг друга человеческих поколений, представители которых выступают в качестве субъектов правотворческих и правореализационных отношений.

Циклическость (дискретность) права означает, что отдельные этапы правовой жизни по сути своей являются различными жизнями, каждая из которых связана с качественно отличной от предшествующей парадигмой правопонимания и его (права) структурно-содержательной характеристикой. Это, как и в человеческой жизни, где поколение отцов может оставить детям и позитивное (предметы недвижимости, финансовые активы, доброе имя и т. п.), и негативное (долги, память о совершенных предками преступлениях и предательствах и т. п.) наследие, а может не оставить ничего в принципе при условии, что то самое поколение детей (потомков) либо не появилось вовсе, либо отказалось в своей динамике от опыта, накопленного отцами. В каждом завершенном цикле правовой жизни, как впрочем и в любой другой жизненной форме, обязательно представлены фазы (стадии) условного рождения, взросления, зрелости, старения, смерти. В циклическом (дискретном) праве каждый последующий правовой цикл основан на отрицании предыдущего исторического опыта. Независимо от того, признается такое отрицание на государственном уровне либо, напротив, государство в лице его отцов-основателей провозглашает вечность, незыблемость собственных устоев, проводя от современного состояния вглубь веков единую и, что очень важно, неразрывную историческую линию, каждый последующий правовой цикл выступает могильщиком предшествующего и ставит свое рождение в непосредственную зависимость от завершения более раннего этапа развития, аналогичного биологической смерти. Применительно к системной динамике российского права сказанное означает, что факт появления социалистического государства и права был обусловлен крахом государственно-правовой системы императорской России. В свою очередь, современная постсоветская российская государственно-правовая система сформировалась в результате разрушения советского ее варианта.

В рамках каждого из перечисленных циклов, два из которых (имперский и советский) являются завершёнными (замкнутыми), а один (постсоветский) – длящимся, существовали и существуют качественно отличные представления как о самом правовом феномене (правопонимании), так и о его конструктивной системе.

Системность права, понимаемого в качестве устоявшейся конструкции, применительно к циклическому правогенезу предполагает, что единого представления о праве, неизменного для различных дискретных циклов, нет и быть не может.

В Российской империи право представляло собой, с одной стороны, возведенную в закон волю царствующего монарха (императора всея Руси, хозяина земли Русской), с другой – традицию «русского мира», представленного в своей основе связанной круговой порукой сельской общиной, с третьей – извечную веру в некую справедливость с одновременным неверием государственному чиновнику и государственному закону, который «что дышло – куда повернул, то и вышло».

В Советской России право – это возведенная в закон воля господствующего класса – трудящихся (рабочего класса, колхозного крестьянства и трудовой интеллигенции, объединенных в «нерушимый блок коммунистов и беспартийных»). Советское социалистическое право было противопоставлено буржуазному (западному) и основывалось на качественно отличных от последнего ценностных приоритетах и принципах построения и функционирования.

Для современной России право – комплекс исходящих от государства, выражающего волю *всего* (курсив наш – *P. P.*) народа России, формально-юридических актов и процессов, основанных на ценностях и принципах естественного права и опирающихся в своих построениях на основную ценность – человека, его права и свободы (ст. 2 Конституции Российской Федерации).

Различие в подходах к правопониманию влечет за собой разные представления о системе права, воспринимаемого одновременно в качестве теоретической абстракции, умопостроения логической конструкции и сложившегося в определенной нации на определенном историческом этапе явления социально-культурной реальности – живого права.

Обобщая вышесказанное, следует сделать вывод, что любые рассуждения о системности права необходимо вести, во-первых, исходя из дифференциации динамики и статики правовой материи, а во-вторых, принимая во внимание особенности правовой феноменологии и функциональности в рамках определенных циклов полито- и правогенеза.

Система права и система законодательства

Вопрос о соотношении понятий «право» и «закон», равно как и производных от них сочетаний «система права» и «система законодательства», входит в число наиболее обсуждаемых как в общетеоретической, так и в отраслевых юридических науках. Причем исследователей зачастую вводит в заблуждение единство в названиях понятий, существенным образом отличающихся друг от друга как по форме внешнего

выражения, так и по содержательному наполнению. В русском языке слова «право» и «закон» могут как отождествляться, так и противопоставляться, что невозможно, к примеру, в англо-американской юридико-лингвистической традиции, где словами «law» и «right» обозначают качественно различные категории, которым в российском праве в наибольшей степени соответствуют понятия объективного и субъективного права.

Система права представляет сугубо теоретическую конструкцию, непосредственным образом не зависящую от определенного социо-пространственно-временного континуума. В рамках последнего формируются и функционируют система национального законодательства и национальная правовая система.

Система права характеризует право как обособленную конструкцию, возникающую в формально-юридическом смысле одновременно с государством (кстати, с этого же момента следует говорить о появлении феноменов преступления и преступности) и трансформирующуюся вместе с ним. В общетеоретическом понимании в системе права целесообразно выделять всего три отрасли: публичное позитивное право (обязательственное), публичное негативное право (запретительное) и частное (дозволительное) право. Предлагаемый подход обусловлен существованием трех базовых средств правового воздействия: запрета, долженствования и дозволения. Эти средства, естественно, в различном пропорциональном соотношении образуют правовые системы во всех когда-либо существовавших и существующих государствах.

Дискуссии о критериях отраслевого деления в праве, развернутые в советской юридической науке в 30-х, 50-х и 80-х гг. XX в., имели своей основной целью не столько выяснение проблематики, обозначенной в их названии, сколько разрешение более глобальных вопросов, связанных с пониманием и структурированием советского социалистического права, противопоставляемого буржуазному «псевдоправу», сложившемуся в странах капиталистического Запада, на тот момент противостоявшего коллективному социалистическому Востоку. Причем, как отмечают большинство исследователей, в рамках первой дискуссии ее участники занимались не столько отраслевым делением, сколько решением вопроса о новой характеристике права с точки зрения его содержательной организации [6]. Перед советскими правововедами стояла задача обосновать переход от революционного права и революционной законности начального этапа строительства государства диктатуры пролетариата к социалистическому праву и социалистической законности государства демократии трудящихся. В отличие от теории права Российской империи, строившейся на базисных принципах традиционного европейского (буржуазного) права, советская теоретико-правовая наука категорически отвергала деление права на публичное и частное, полагая, что в государстве «нового исторического типа» не должно быть ничего частного, в том числе и права. Таким образом, прагматический смысл дискуссии 1930-х гг. сводился

к отраслевой структуризации советского социалистического права с определением предмета и метода отраслевого регулирования.

Дискуссия 1950-х гг. была направлена на более основательное изучение и адаптацию системного подхода к гуманитарным исследованиям в целом и юридической науке в частности. Именно этой дискуссии мы обязаны появлением юридической категории «система права» в ее современном понимании [6]. При этом наиболее острую полемику вызвали вопросы, связанные с обсуждением предмета правового регулирования в области гражданского права, лишенного в условиях советского периода возможности оперировать такими значимыми категориями, как частная собственность, частная предпринимательская деятельность, коммерческая деятельность и др.

Говоря о третьей дискуссии, развернувшейся в 1980-х гг., представляется целесообразным процитировать слова одной из песен В. Цоя: «Перемен, мы ждем перемен...». Глубокий кризис, четко обозначившийся в названный исторический период, обусловил стремление найти правовое решение, связанное с оптимизацией государственно-правовой системы, на тот момент явно не способной преодолеть возникающие вызовы и угрозы, в конечном счете повлекшие распад СССР и разрушение мировой системы социалистического права. При этом участники дискуссии в своих рассуждениях пытались адаптировать стремительно устаревающее догматическое советское социалистическое право к новациям непрерывно изменяющейся социально-правовой реальности.

Проведенный сравнительный анализ позволяет прийти к заключению о том, что по сути своей имевшие место дебаты сводились не столько к обсуждению теоретических понятий и принципов, характеризующих систему права в целом и ее отдельные составные элементы (институты, подотрасли, массивы) в частности, поскольку они были широко известны, использовались как в научном, так и в практическом обороте и особых споров не вызывали, сколько к определению численного состава обособленных отраслей права с обоснованием необходимости включения в существующую систему новых отраслевых направлений. Однако такой подход означал фактическое смешение «теоретических» отраслей права с «практическими» отраслями законодательства. Соответственно, актуализировался вопрос о сосуществовании в рамках национальной правовой системы России понятий «система права» и «система законодательства». В современной российской теории права они соотносятся как содержание и форма, абстрактное и конкретное, теоретическое и практическое. Система права представляет собой теоретическую модель нормативного структурирования права безотносительно к его национально-исторической специфике. Подход к пониманию права как нормативной макросистемы основывается на выделении первоэлемента – нормы права, логическая структура которой (диспозиция – типовой стандарт запрещенного, обязательного, возможного поведения; гипотеза – условия, обеспечивающие реализацию определенного в диспозиции поведенческого стандарта; санкция – юридически

значимые последствия реализации соответствующего поведенческого стандарта) по сути своей совпадает со структурированием права как логической абстракции. Именно поэтому в теоретической системе права целесообразно выделять только три отрасли. Как уже ранее говорилось, это публичное (обязательственное), публично негативное (запретительное) и частное (дозволительное) право. Что же касается выделения других отраслей, то речь идет не о праве, а о законодательстве, и именно с изменениями в области законодательного регулирования были связаны предложения о формировании новых отраслевых направлений. Подтверждением сказанного является осуществленное в соответствии с приказом Минобрнауки России от 24.02.2021 № 118 укрупнение научных специальностей, в рамках которого все отраслевые направления научных исследований в юриспруденции оказались сведены к пяти группам: теоретико-исторические правовые науки, публично-правовые (государственно-правовые) науки, частно-правовые (цивилистические) науки, уголовно-правовые науки, международно-правовые науки. Если убрать из приведенного перечня первую и пятую группы (первую – в силу общеправового характера, пятую – принимая во внимание качественное отличие международного права от национального), то мы получим ту самую трехчленную структуру системы права, о которой говорилось ранее.

Что же касается системы законодательства, то она действительно непрерывно изменяется как в количественном (появление новых отраслей), так и в содержательном отношении. В отличие от системы права, представляющей объективную категорию, существующую, как уже отмечалось, вне зависимости от специфики государственного устройства и национально-исторических культурных особенностей, система законодательства формируется государством и в своей структурно-содержательной композиции всецело зависит от него. Перечень отраслей российского законодательства ранее закреплялся Указом Президента Российской Федерации от 16.12.1993 № 2171 «Об общеправовом классификаторе отраслей законодательства». В настоящее время действует Указ Президента Российской Федерации от 15.03.2000 № 511 «О классификаторе правовых актов», в рамках которого определяются наиболее важные предметы законодательного регулирования, на основе чего формируются соответствующие отрасли законодательства.

Наблюдающееся смешение понятий «отрасль права» и «отрасль законодательства», вызванное, в первую очередь, характерной для русского языка терминологической взаимозаменяемостью категорий «право» и «закон», обуславливает ситуацию, когда, говоря о появлении новых отраслей права, авторы имеют в виду одноименные отрасли законодательства, а точнее, объединенные по определенным предметам законодательного регулирования правовые акты. Именно с подобным смешением связан неутраченный спор о том, следует ли считать новыми отраслями права такие образования, как рекламное право, спортивное право, транспортное право, гра-

достоительное право и т. п. Кроме того, в качестве самостоятельных отраслей права некоторые ученые предлагают выделять общности правовых актов, регламентирующих отдельные виды юридически значимой деятельности, рассматриваемой безотносительно к сфере общественных отношений, в рамках которых она осуществляется. Речь в данном случае идет о кадровом праве, дисциплинарном праве, цифровом праве, энергетическом праве, потребительском праве и т. п. Получается, что создание новой отрасли права элементарно просто: нужно присоединить к существительному «право» какое-либо прилагательное (горное, трубопроводное, обязательственное, компенсаторное и т. п.) – и дело сделано, «новая отрасль права» появилась. Несмотря на очевидную абсурдность такой методики «правообразования», она продолжает вдохновлять на дальнейшие «поиски и открытия» тех, кто ничтоже сумняшеся полагает, что теоретическую модель права можно столь же перманентно трансформировать, сколь это позволяет делать с собой отраслевое законодательство [3].

К вопросу о категориальном статусе пенитенциарного права

Написать эту статью нас побудила публикация А. М. Боброва и Н. А. Мельниковой «Есть ли основания выделять пенитенциарное право в системе российского права?» [4]. Откликнувшись на просьбу выступить в качестве ее рецензента и не без гордости отметив, что авторы избрали наши научные труды в качестве наиболее часто цитируемых, вместе с тем мы были вынуждены не согласиться с рядом сформулированных положений и выводов, а это, в свою очередь, подвигло нас на собственные рассуждения в рамках заявленной темы. Как и вышеназванные исследователи, мы посчитали необходимым первоначально представить свое понимание системы права и системы законодательства, сделав акцент на их соотношении.

Без сомнения, система права и система законодательства – это разные явления. Спорить с этим, равно как и доказывать очевидность высказанной позиции, не имеет смысла.

Система права представляет совокупность правовых норм, система законодательства – совокупность законодательных актов.

Что такое пенитенциарное право и в структуру какого системного образования оно входит?

Ответы на поставленные вопросы, по мнению А. Н. Боброва и Н. А. Мельниковой, следует искать в истории науки «тюрьмоведение», называемой в дальнейшем «пенитенциарная наука». С подобной точкой зрения при всем уважении как непосредственно к авторам, так и к ее Величеству Науке согласиться не представляется возможным. Институт наказания возникает задолго до его научного осмысления. Уголовное наказание в виде тюремной изоляции, имеющее своей целью не только кару за совершенное преступление, но и исправление осужденного, появляется в Европе в эпоху Просвещения и основывается на идее о рациональной организации общества и всех процессов в нем. С одной стороны, законодатели пытались более равномерно распре-

делить наказания, которые в предшествующие эпохи настигали далеко не всех преступников, но зато тех, кого настигали, карали непропорционально общественной опасности совершенного преступления, обрушивая всю мощь суверена на тело фактического либо назначенного государством преступника. При этом основной задачей архаичного наказания являлась демонстрация государственной мощи и ее беспощадности по отношению к реальным и потенциальным преступникам. Отсюда сочетание в наказании таких характерных свойств, как жестокость, зрелищность (публичность) и скоротечность.

Мыслители эпохи Просвещения пытались разрабатывать такие системы наказаний, которые должны были демонстрировать уже не мощь и беспощадность государства, а неправильность самого преступления как формы человеческого поведения. Ученые думали над наказаниями, которые бы сами показывали, в чем состояла суть преступления и какой урон оно нанесло обществу. Речь шла о мерах воздействия, в содержании которых репрессивное начало наказательного воздействия сочеталось бы с исправительно-воспитательным. В подобном понимании тюремная система наибольшим образом подходила не столько для кары преступников (поскольку не отвечала ранее перечисленным характеристикам института карательного наказания, не обеспечивая ни зрелищности, ни скоротечности наказательного воздействия; что же касается жестокости, то, будучи скрытым от широких масс за стенами тюремных казематов, наказание в существенной мере утрачивало свое профилактическое значение), сколько для их перевоспитания. Одним из аспектов тотальной рационализации и специализации общественной жизни в условиях эпохи Просвещения является возникновение феномена дисциплины, предполагающего анализ и формализацию каждого действия, производимого человеком, подчинение этих действий как по отдельности, так и в их общей совокупности строгому порядку. Такое разложение действий на детали, выстраивание их в строгие последовательности, охватывающие большие промежутки времени и значительные по численности коллективы, представляет собой особый индустриальный способ подчинения человека исходящей от государства в лице его представителей власти, будь то власть тюремного надзирателя, школьного учителя, армейского командира. В силу подобного отношения к устройству общественной организации и осуществлению социального управления дисциплинарное учреждение с охраняемым внешним периметром, строгим распорядком дня, постоянным надзором и контролем со стороны администрации по отношению к спецконтингенту стало основным кандидатом на роль инструмента по перевоспитанию преступников и встраиванию их в глобальную государственную машину, где аналогичным же образом создавались и действовали другие институциональные формирования: школы, больницы, заводы и фабрики, армейские подразделения.

В Российской империи централизованная система государственного управления в сфере исполнения уголовных наказаний была создана в 1879 г.,

когда в составе Министерства внутренних дел было учреждено Главное тюремное управление [5]. Традиционный для России подход, когда русское слово, обозначающее то или иное явление, механически заменяется иностранным, был реализован и в этом случае. Тюремная система стала именоваться пенитенциарной, а на смену тюремоведению как направлению научных исследований и образовательного процесса пришла пенитенциаристика. Справедливости ради следует отметить, что сам факт заимствования западноевропейского опыта, в том числе в сфере исполнения уголовных наказаний, не следует рассматривать в негативном ключе. Россия всегда демонстрировала наибольшие темпы развития в условиях открытости для восприятия позитивных наработок в различных сферах общественной жизни. Переход к уголовно-исполнительной системе европейского типа имел основной целью гуманизацию института наказания, перенос акцентов в его исполнении с карательной на исправительную составляющую. Именно с исправлением преступника, основанным на осознании негативной природы преступления, его восприятии в качестве безусловного зла, и последующими раскаянием за содеянное, стремлением к искуплению вины было связано внедрение в уголовно-исполнительную терминологию слова «пенитенциарий» (лат. *penitentiarium* – дом покаяния) и производных от него (пенитенциарный, пенитенциаристика и др.) [1]. Кстати, этой же целью было обусловлено появление в уголовно-исполнительной системе Российской империи учреждений, называемых исправительными домами [2]. Можно ли говорить о том, что внедрение в «русский уголовно-исполнительный язык» слов «пенитенциарий», «пенитенциарный» и др. привело к практической трансформации тюремной карательной системы в исправительную (пенитенциарную), а тюремной науки – в пенитенциарную? Конечно, нет. Сам по себе факт замены одного названия другим далеко не всегда означает качественные преобразования смысла и содержания переназванных явлений. В статье А. Н. Боброва и Н. А. Мельниковой, к тексту которой мы уже обращались ранее и будем апеллировать в дальнейшем, значительное внимание уделяется рассуждениям об административном праве, особенная часть которого, по мнению авторов, включает практически все милитаризованные отрасли права: пенитенциарное, военное, миграционное, полицейское. Получается, что исследователи практически встают на позицию, которую на протяжении всей своей публикации яростно критикуют. Пенитенциарного права как отрасли нет, а *милитаризованные* (курсив наш – *P. P.*) отрасли права, к числу которых относятся и пенитенциарное, есть. То, что эти и многие другие направления публично-правового воздействия непосредственным образом связаны с государственным управлением, очевидно. Но из этой очевидности не следует, что все, в той или иной степени связанное с государственным управлением, входит в предметную область административного права. Последнее в современном его состоянии включает в качестве носителя самостоятельных подотраслей правовые

основы государственной организации, правовые основы административной юстиции, правовые основы административной ответственности. Особенностью системы законодательных источников административного права является их частичная кодификация, что, с одной стороны, позволяет говорить о возможности выделения из административного права новой отрасли (к примеру, административно-процессуального права), а с другой – предполагает рассмотрение административного направления правового регулирования в качестве не абстрактной отрасли права, а вполне реальной отрасли национального законодательства. При этом рассуждения о том, какое название (полицейское право, государственное право, административное право) более соответствует научности, а какое является псевдонаучным, как представляется, не имеют смысла в силу субъективности точек зрения авторов, руководствующихся в своих построениях монистическим принципом «все точки зрения делятся на две – мою и неправильную».

Вернемся к пенитенциарному праву. Действительно, в Российской империи данный термин при отраслевом делении права не использовался, и ничего странного в этом нет. Российские ученые дореволюционного периода опирались в своих теоретических конструкциях на континентальную европейскую традицию и в большей степени не решали абстрактный теоретический вопрос, что такое право и каким образом оно устроено, а выстраивали практико-ориентированные конструкции, имевшие своей целью адаптацию имплементируемых правовых институтов, принципов, технологий к реалиям российского общества, изначально ориентированного не на формально-юридические предписания, а на морально-нравственные установки. Именно с этим обстоятельством следует связывать относительное невнимание к вопросам структурирования права со стороны российских ученых-юристов XIX – начала XX вв.

Советская юриспруденция основывалась на полярной концепции мироустройства, в рамках которой противопоставлялись две государственно-правовые системы: западная (капиталистическая) и восточная (социалистическая). Причем данное противопоставление носило антагонистический характер. То, что провозглашалось ценным на капиталистическом Западе, не признавалось социалистическим Востоком и наоборот. Естественно, такое положение дел не могло не затронуть сферу права. Однако, если капиталистическое право, в целом сложившись в странах Западной Европы, более чем за 200 лет (XVII–XX вв.) обрело стабильные юридические формы и признаваемые большинством граждан юридико-технические средства правотворческой и правореализационной деятельности, то социалистическое, возникнув как явление новой реальности на революционной волне «отречения от старого мира» и неприятия опыта прежней жизни, вынуждено было с колес создавать собственную правовую теорию, в рамках которой вопросы, связанные с отраслевым делением, вполне закономерно вышли на первый план. Вполне логично, что из советского уголовно-исполнительного языка исчезло чуждое советской атеистической менталь-

ности слово «пенитенциарный», одним из значений которого являлось «покаянный». В советской России уголовно-исполнительная система распространяла свое действие на две категории граждан. В отношении врагов народа/государства и неисправимых преступников (злостных рецидивистов) уголовное наказание выступало в качестве карающего меча. Что же касается лиц, принадлежавших к классово близким трудящимся социальным группам и совершивших преступления в силу недостаточности культурного развития, по недомыслию и неосторожности, то применительно к ним государственная система уголовных наказаний являла собой инструмент профилактического и исправительного воздействия. При этом на государственном уровне поддерживалась гипотеза о возможности окончательного искоренения преступности как явления, чуждого советской культурной традиции, ориентированной в своем поступательном развитии на построение бесклассового, а значит, и безгосударственного коммунистического общества, в котором не будет ни преступности, ни уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного права, ни связанной с этими отраслями уголовно-исполнительной системы.

Разрушение системы *советского социалистического права* (курсив наш – Р. Р.), обусловленное разрушением советского социалистического государства (СССР/РСФСР), не сопровождалось переосмыслением концептуальных основ правопонимания. Несмотря на критику ортодоксального нормативизма советского периода и активное внедрение в теорию правопонимания концептуального плюрализма, в первую очередь юснатурализма, в области отраслевой и прикладной юриспруденции продолжал главенствовать юридический позитивизм, основанный на неразрывной связи права с государством и безусловном доминировании в системе формальных источников права нормативно-правовых актов, среди которых приоритет отдавался актам национального законодательства и президентским указам.

В сложившейся ситуации дискуссия о структурной композиции системы права с дальнейшим определением в ней тех или иных предлагаемых заинтересованными авторами отраслей приобретала характер обсуждения ради обсуждения. Если советское право проводило четкое разграничение с имперским, считая себя исторической инновацией, то право современной России, констатируя свое отличие как от монархического, так и от советского, тем не менее четкого разграничения между соответствующими правовыми парадигмами не проводит. Нельзя же всерьез признавать концептуальными изменениями переименование государственного права в конституционное, а теории государства и права – в теорию права и государства. Возвращение в юридический словарный оборот термина «пенитенциарный» следует рассматривать под разными углами. С одной стороны, сторонники его внедрения руководствовались, как уже ранее отмечалось, стремлением к «умничанью» за счет механического изменения соответствующей линейки названий: уголовно-исполнительная система – пенитенциарная система, уголовно-испол-

нительное право – пенитенциарное право, учреждения уголовно-исполнительной системы – пенитенциарные учреждения и т. п. Если брать за основу такой подход, то вопрос о том, является ли пенитенциарное право элементом системы права современной России (хотя, на наш взгляд, корректнее говорить либо о национальной правовой системе, либо о системе национального законодательства), сводится к тому, считаем ли мы понятия «уголовно-исполнительный» и «пенитенциарный» взаимозаменяемыми. Примерно такая же ситуация сложилась в середине 90-х гг. прошлого века, когда решался вопрос об изменении названия науки, отрасли права и учебной дисциплины с государственного права на конституционное. При этом очень много говорилось о том, насколько важно такое изменение в плане демократизации государственного устройства России. Что интересно, большинство кафедр в ведомственных вузах сохранили советское название «кафедра государственно-правовых дисциплин». Его же получила одна из укрупненных научных специальностей – публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Если же исходить из сущности пенитенциарности как сферы социальной деятельности, в которой наказание воспринимается не столько как карательное воздействие, призванное продемонстрировать мощь и безжалостность государства в отношении маленького человека, никак не застрахованного в своей жизни от сумы и от тюрьмы, сколько в качестве преподаваемого урока, направленного на осознание вины за совершенное преступление и деятельное раскаяние в нем, то ситуация кардинальным образом меняется. Закрепление в ст. 2 Конституции Российской Федерации положения, в соответствии с которым «человек, его права и свободы являются основной ценностью», наполняет существующую систему исполнения наказаний качественно отличной как от имперского, так и от советского аналогов смысловой нагрузкой, придавая ей именно пенитенциарную (исправительную, покаянную) направленность. Нас могут упрекнуть в правовом идеализме. Не будем спорить, в современной России многие внедренные в теперь уже далеких 1990-х гг. либеральные ценности и принципы воспринимаются как нежизнеспособные, химеричные. Но такое отношение не является свидетельством того, что эти ценности не могут быть восприняты и реализованы в принципе. Возьмите, к примеру, церковь. Данная структура, работая с верующими и идущими к вере, не ставит перед собой задачу выращивания стопроцентных праведников. Задачу не ставит, а деятельность, направленную на утверждение человека на богоугодном пути, осуществляет, в том числе в учреждениях уголовно-исполнительной системы, реализуя тем самым пенитенциарную функцию. То же самое можно сказать и о сотрудниках уголовно-исполнительной системы, работающих с преступившими закон гражданами, остающимися при этом людьми, права и свободы которых государство признает в качестве основной ценности.

И снова зададимся вопросом, можно ли говорить о пенитенциарном праве как отрасли современного российского права. Если иметь в виду объективное

право безотносительно к национально-исторической специфике, то, вне всякого сомнения, нет. Можно с определенными оговорками говорить о пенитенциарном праве и пенитенциарной системе применительно к национальной правовой системе России. Такое понимание позволяет осуществлять сравнительный анализ аналогичных систем (независимо от их официального наименования), создаваемых и функционирующих на различных этапах российско-го политогенеза. В частности, проведенный разбор позволяет утверждать, что концепция организации и деятельности советской уголовно-исполнительной системы без сколько-нибудь существенных изменений была воспринята уголовно-исполнительной системой постсоветской России, которая продолжает в настоящее время оставаться преимущественно репрессивно-карательной, независимо от того, используется в ее наименовании слово «пенитенциарный» или нет.

Говоря о месте пенитенциарного права в системе национального законодательства, следует подчеркнуть недопустимость сведения правовых актов, регламентирующих сферу, тем или иным образом связанную с исполнением уголовных наказаний, исключительно к уголовно-исполнительному праву. Люди, отбывающие наказание, участвуют в разнообразных правоотношениях, определяемых различными правовыми актами (конституционными, гражданскими, административными, семейными, трудовыми и др.), при этом правовое регулирование осуществляется с учетом субъектного состава и содержания соответствующих отношений, которые, несмотря на предметное различие, имеют общий объект – пенитенциарную среду. Именно такая особенность позволяет говорить о пенитенциарном праве как межотраслевой нормативной общности, объединяющей как специализированные правовые акты, так и акты, имеющие опосредованное отношение к пенитенциарным коммуникациям.

В заключение выражаем благодарность А. Н. Боброву и Н. А. Мельниковой за подготовленную ими статью, прочтение которой побудило нас еще раз осмыслить феномен пенитенциарного права. Единственное, о чем хотелось бы попросить уважаемых авторов, – о сохранении в своих последующих работах корректного отношения к любым высказываемым точкам зрения, независимо от субъективной их оценки. Полагаем, что классические отрасли права не нуждаются в чьей бы то ни было защите именно в силу своей «классичности». Пенитенциарное право на классическую роль в юриспруденции точно не претендует, поэтому и пафосно защищать от него систему права в целом и систему российского права в частности не стоит.

Представляя собой регулятивно-охранительную систему, объединяющую правовые акты, в которых закрепляются пенитенциарные нормы, определяющие основополагающие принципы и механизмы организации и функционирования пенитенциарной системы, устанавливающие меры поощрения за позитивное поведение и меры негативной ответственности за совершение правонарушений, пенитенциарное право выступает в качестве комплексного

средства правового воздействия в сфере пенитенциарных правоотношений.

С учетом разделения функций права на регулятивные и охранительные следует дифференцировать регулятивные и охранительные функции пенитенциарного права. Регулятивное воздействие пенитенциарного права имеет своей целью поддержание сложившегося в пенитенциарной сфере правопорядка и его позитивную коррекцию. Охранительное воздействие направлено на профилактику возможных правонарушений и адекватную реакцию на совершаемые противоправные деяния. При этом во всех случаях реализация норм пенитенциарного права осуществляется в форме пенитенциарных правоотношений, противопоставляемых пенитенциарным правонарушениям.

На сформулированный А. Н. Бобровым и Н. А. Мельниковой вопрос, являются ли отношения, возникающие в уголовно-исполнительной системе в связи с противоправными деяниями, пенитенциарными или не входят в предмет пенитенциарного права, считаем нужным ответить следующим образом. Право и правонарушение, являясь детерминирующими явлениями, одновременно выступают в качестве антагонистических конструкций. Правонарушение проистекает из права, так же как смерть является следствием жизни. Рассуждая в рамках формально-юридического подхода к пониманию права, следует признать, что не является правонарушением деяние, прямо не предусмотренное в качестве такового в соответствующем правовом акте. А раз так, то, как это ни парадоксально, правонарушение – это следствие права. Нет правового акта, определяющего виды и составы правонарушений, а также устанавливающего меры юридической ответственности за них, – нет в формальном смысле и самих правонарушений. Соответственно, все юридически значимые (предусмотренные правом) общественные отношения следует разделять на правомерные (правоотношения) и противоправные (правонарушения). Из сказанного следует, что пенитенциарные правоотношения – это всегда отношения правомерные. Не являются исключением и отношения, возникающие в связи с совершением (либо профилактикой) пенитенциарных правонарушений. Данные правоотношения связаны с реализацией охранительной функции пенитенциарного права и поэтому называются охранительными. В отличие от регулятивных правоотношений, основанных на презумпции правомерности сознания и поведения субъектов соответствующих пенитенциарных коммуникаций, охранительные правоотношения основываются на презумпции противоправности субъективного сознания и поведения. Таким образом, в предметную область пенитенциарного права входят как правомерные, так и противоправные деяния участников пенитенциарных коммуникаций. В то же время в качестве позитивных форм социального поведения в пенитенциарной сфере следует рассматривать только правоотношения. В свою очередь, правонарушения представляют собой противоправные юридические факты, с профилактикой которых и противодействием которым связаны пенитенциарные правоотношения охранительной направленности.

Итак, существует ли пенитенциарное право? Ответ: существует. Несмотря на отсутствие законодательной дефиниции, термин «пенитенциарный» достаточно активно используется как в научно-образовательном процессе, так и в официальном нормотворчестве, в том числе встречается в действующей Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 г.

Занимает ли пенитенциарное право определенное место в российской правовой системе? Если мы признаем существование пенитенциарной системы, то логично признавать и пенитенциарное право, а раз так, то и определенное место в системе национального права России этот феномен занимает. Является ли это место четко определенным и однозначно воспринимаемым всеми исследователями? Нет, поскольку нет в науке единого мнения, характерного для базирующейся на властной вертикали бюрократии, где приказ начальника воспринимается подчиненным как закон.

Устоится ли термин «пенитенциарный» применительно к организационным и нормативным регуляторам, при помощи которых осуществляется регулятивно-охранительное воздействие в сфере исполнения наказаний, покажет высший судья – равнодушное время. Лично мы выступаем за то, чтобы со временем пенитенциарное право приобрело свой концептуально завершенный категориальный статус, прежде всего в научной сфере. И сам факт того, что данная статья опубликована в журнале «Пенитенциарная наука», нас вдохновляет и радует.

Выводы

1. Системность является универсальным свойством права как в абстрактно-теоретическом, так и в праксиологическом его понимании.

2. Используемые в общетеоретической и отраслевой юридической науке понятия «система права», «правовая система», «система законодательства» в ряде случаев четко не разграничиваются, что приводит к смешению формы и содержания категорий «отрасль права» и «отрасль законодательства».

3. Дискуссии относительно выделения в системе права новых отраслей продиктованы в большинстве случаев субъективными интересами отдельных авторов, решающих эгоистические задачи, как правило связанные с получением ученых степеней.

4. Пенитенциарное право как объективированное понятие – теоретико-правовая модель – представляет собой межотраслевую нормативную общность, формирующуюся одновременно с организационно-функциональным становлением специализированной государственной системы исполнения уголовных наказаний и видоизменяющуюся одновременно с ней.

5. В современном российском праве пенитенциарное право рассматривается либо как «переименованное на европейский манер» уголовно-исполнительное право, продолжающее оставаться столь же репрессивно-карательным, сколь и предшествовавшее ему уголовно-исполнительное право советского периода, либо как правовая новация, с одной стороны, призванная показать смену карательно-репрессивной целевой установки российской уголовно-исполнительной системы на исправительно-воспитательную, с другой – расширяющая предмет правового воздействия данной общности за счет включения в него наряду с собственно уголовно-исполнительными отношениями коммуникаций, регламентированных нормами других отраслей российского права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, В. И. Формирование российской пенитенциарной политики и ее источников (1879–1917 гг.) / В. И. Алексеев // Журнал российского права. – 2010. – № 7 (163). – С. 92–97.
2. Алексеев, В. И. Исправительный дом в системе пенитенциарных учреждений как результат тюремных преобразований в России (1879–1917 гг.) / Василий Иванович Алексеев // Уголовно-исполнительное право. – 2015. – № 4 (22). – С. 69–73.
3. Баранов, А. М. Перманентное изменение уголовно-процессуального закона как свойство современной законности / А. М. Баранов // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 424. – С. 204–207.
4. Бобров, А. М. Есть ли основания выделять пенитенциарное право в системе российского права? // Артем Михайлович Бобров, Наталья Александровна Мельникова // Пенитенциарная наука. – 2022. – Том 16, № 2 (58). – С. 118–126.
5. Пертли, Л. Ф. Тюремная политика Российской империи (1879–1917 годы) / Л. Ф. Пертли // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2018. – № 9. – С. 29–34.
6. Уфимцева, Е. В. Развитие идей о критериях разграничения отраслей права в советской и современной российской юридической науке / Е. В. Уфимцева // Юридические исследования. – 2015. – № 4. – С. 132–163.

REFERENCES

1. Alekseev V.I. Formation of the Russian penitentiary policy and its sources (1879–1917). *Zhurnal rossiiskogo prava=Journal of Russian Law*, 2010, no. 7, pp. 92–97. (In Russ.).
2. Alekseev V.I. Correctional house in the penitentiary system as a result of prison transformations in Russia (1879–1917). *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo=Penal Law*, 2015, no. 4 (22), pp. 69–73. (In Russ.).
3. Baranov A.M. Permanent changes in the criminal procedure law as a property of modern law. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta=Tomsk State University Journal*, 2017, no. 424, pp. 204–207. (In Russ.).
4. Bobrov A.M., Mel'nikova N.A. Is there any reason to single out penitentiary law in the system of Russian law? *Penitentsiarnaya nauka=Penitentiary Science*, 2022, vol.16, no. 2 (58), pp. 118–126. (In Russ.).

5. Pertli L.F. Prison policy of the Russian Empire (1879–1917). *Vedomosti ugovovno-ispolnitel'noi sistemy=Vedomosti of the Penitentiary System*, 2018, no. 9, pp. 29–34. (In Russ.).

6. Ufimtseva E.V. Development of ideas about the criteria for distinguishing branches of law in Soviet and modern Russian legal science. *Yuridicheskie issledovaniya=Legal Studies*, 2015, no. 4, pp. 132–163. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

РОМАН АНАТОЛЬЕВИЧ РОМASHOV – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, romashov_tgp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9777-8625>

ROMAN A. ROMASHOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor at the Department of State and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, romashov_tgp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9777-8625>

Статья поступила 07.07.2022

Научная статья

УДК 343.81

doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.002

Факторы, влияющие на безопасные условия отбывания наказания осужденными отряда по хозяйственному обслуживанию следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы

АННА ИГОРЕВНА ГОЛУБЦОВАКазанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань, GolubcovVA@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2013-3102>

Реферат

Введение: лишение свободы в отечественном уголовном и уголовно-исполнительном праве является самым строгим видом наказания для лиц, совершивших преступления. Главной задачей, стоящей перед учреждениями Федеральной службы исполнения наказаний, признается исправление осужденных. Формирование у осужденных правопослушного поведения, уважения к общепринятым нормам и правилам человеческого общежития, восстановление и поддержание социальных связей невозможны без реализации государственной политики, направленной на обеспечение прав и законных интересов граждан, в том числе в местах принудительного содержания. Являясь местом предварительного заключения, следственные изоляторы уголовно-исполнительной системы выступают в роли исправительного учреждения в отношении целого ряда осужденных. Особый режим функционирования следственных изоляторов создает определенные трудности в процессе отбывания и исполнения наказания. В статье рассмотрены факторы, влияющие на обеспечение безопасности осужденных, отбывающих наказание в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы. *Цель:* изучить различные теоретические подходы к классификации факторов, влияющих на безопасность отбывания наказания, а также определить основные угрозы жизненно важным интересам осужденных. *Методы:* методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают анкетирование и статистический анализ. *Результаты:* на основе проведенного анализа выделены основные факторы, влияющие на безопасные условия отбывания наказания осужденными отряда по хозяйственному обслуживанию следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы. *Выводы:* автор приходит к заключению о необходимости постоянного государственного контроля за реализацией уголовно-исполнительной политики в области обеспечения безопасности лиц, лишенных свободы, а также продолжения научной и правоприменительной деятельности по защите жизненно важных интересов осужденных.

Ключевые слова: факторы безопасности; безопасность осужденных; отбывание наказания; социально-психологический климат.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Голубцова А. И. Факторы, влияющие на безопасные условия отбывания наказания осужденными отряда по хозяйственному обслуживанию следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 3 (59). С. 245–253. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.002.

Original article

Factors Affecting Safe Conditions for Serving Sentences in Economic Maintenance Units of Pre-Trial Detention Facilities

ANNA I. GOLUBTSOVA Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia, GolubcovVA@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2013-3102>

Abstract

Introduction: deprivation of liberty in the domestic criminal and penal law is the most severe form of punishment for persons who have committed crimes. Institutions of the Federal Penitentiary Service face the task to correct convicts. Formation of law-abiding behavior and respect for generally recognized norms and rules of human community in convicts, restoration and maintenance of social ties is impossible without implementation of state policy aimed at ensuring the rights and legitimate interests of citizens, including in places of forced detention. Pre-trial detention centers perform functions of a correctional institution in relation to a number of convicts. The special mode of functioning of pre-trial detention centers imposes certain difficulties on the process of serving and executing sentences. The article considers factors affecting the security of convicts serving sentences in pre-trial detention facilities of the penal system. *Purpose:* to study various theoretical approaches to classifying factors and their impact on the process of execution and serving of punishment, as well as identify key threats to convicts' vital interests. *Methods:* the methodological basis of this study is a set of methods of scientific cognition, among which the main place is occupied by questionnaires and statistical analysis. Results: based on the analysis carried out, the author makes a conclusion about crucial factors affecting safe conditions of serving sentences by convicts of the economic maintenance unit of pre-trial detention centers of the penal system. *Conclusions:* the author emphasizes the need for constant state control over the penal policy implementation in the field of ensuring safety of persons deprived of liberty, as well as continuation of scientific and law enforcement activities to protect the vital interests of those sentenced to imprisonment.

Keywords: safety factors; convicts' safety; serving of sentence; socio-psychological climate.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Golubtsova A. I. Factors affecting safe conditions for serving sentences in economic maintenance units of pre-trial detention facilities. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 3 (59). pp. 245–253. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.002.

Введение

Обеспечение прав человека при исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы, личной безопасности и неприкосновенности осужденных и лиц, заключенных под стражу, в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы России является приоритетной задачей, стоящей перед исполнительными учреждениями и следственными изоляторами Федеральной службы исполнения наказаний. Конституция Российской Федерации, декларируя права и свободы человека, в том числе совершившего преступное деяние, наделяет государственные органы обязанностями по их признанию, соблюдению и защите.

Обнародованные в 2021 г. правозащитными организациями данные о случаях совершения преступного насилия в отношении осужденных, отбывающих наказание в учреждениях ФСИН России, в том числе с участием сотрудников и персонала, влияют на общественное мнение об отечественной пенитенциарной системе в части выполнения правоохранительной функции, связанной с исправлением осужденных. Серьезные нарушения в области соблюдения прав человека в процессе отбывания наказания в виде лишения свободы не только привели к кадровым изменениям в руководстве пенитенциарной службы и ее территориальных органов, возбуждению уголовных дел в отношении осужденных и сотрудников учреждений, но и привлекли внимание к институту отбывания уголовных наказаний со стороны высших государственных органов и Президента России. Можно выделить поручения главы государства, связанные с усилением мер прокурорского надзора за деятельностью мест заключения под стражу, а также подготовкой и внесением изменений в уголовно-исполнительное законодательство в части установле-

ния ответственности за пытки или иные действия, противоречащие воле человека.

Несмотря на принятые меры, к сожалению, необходимо признать тот факт, что на самом высоком уровне было уделено мало внимания причинам и условиям формирования практики применения незаконных способов исправления осужденных, а также факторам, влияющим на процесс исполнения и отбывания наказания. Все это требует более глубокого научного анализа проблем, связанных с обеспечением безопасности осужденных, и принятия действенных мер, направленных на создание безопасной среды в исправительных учреждениях.

Изучению факторов, влияющих на обеспечение безопасности осужденных в процессе исполнения и отбывания наказания, посвящены работы Е. В. Мартыновой, Д. В. Углицких, А. В. Звягиной, А. В. Смирнова, Б. Б. Казака, А. В. Щербакова, Л. В. Ложкиной, А. В. Чугунова, А. М. Сысоева, Н. В. Кузьминой, Т. А. Скуба, А. Н. Журавлева, Е. К. Панасенко, В. Б. Шабанова, А. Л. Сантасова, А. Л. Лукьянович, М. А. Громова, Р. З. Усеева, С. В. Кулаковой и др. Однако имеющийся серьезный массив теоретических знаний по-прежнему не находит должного применения на практике.

Теоретические основы

Изучение научной литературы позволяет выделить различные критерии классификации факторов, влияющих на безопасность осужденных в процессе отбывания наказания. Большинство ученых безопасность осужденных связывают со следующими факторами:

- экономическое состояние не только пенитенциарной системы, но и государства в целом;
- территориально-географическое расположение учреждений, исполняющих наказание;

- природно-климатические и экологические условия среды в местах дислокации учреждений;
- социально-политическое состояние общества;
- показатели преступности и состояние криминальной среды и другие факторы, влияющие на процесс исполнения и отбывания наказания.

При этом некоторые ученые выделяют иные факторы, влияющие на уровень защищенности жизненно важных интересов осужденных. Например, в число таковых включают состояние производственно-хозяйственной деятельности исправительного учреждения и оперативно-режимную обстановку в учреждении. Такого мнения придерживаются Е. В. Мартынова, Д. В. Углицких, А. В. Звягина, А. Н. Журавлев, Е. К. Панасенко.

Так, Е. В. Мартынова помимо основных факторов выделяет условия, влияющие на уровень безопасности осужденных, ранжируя их по силе проявления и размеру возможного вреда:

- наличие в исправительном учреждении запрещенных предметов, в том числе алкогольных напитков и наркотических средств;
- организация и предоставление медицинской помощи;
- материально-бытовое обеспечение осужденных;
- противоправное поведение осужденных, направленное на ущемление прав и свобод личности, связанное с посягательством на жизненно важные интересы [10].

В своем исследовании Д. В. Углицких указал, что на безопасные условия отбывания наказания осужденными оказывают влияние:

- кадровое обеспечение исправительного учреждения;
- эффективное взаимодействие всех структурных подразделений учреждения по обеспечению надзора;
- состояние оперативной обстановки и принятие решений при ее изменении;
- состояние правопорядка и законности в исправительном учреждении, а также материально-техническое обеспечение организации надзора [15].

Одним из важных условий, обеспечивающих безопасность осужденных, по мнению А. В. Звягиной, является трудовая адаптация. Автор выделяет производственные и внепроизводственные факторы. К производственным отнесены факторы, связанные с привлечением трудоспособных осужденных к трудовой деятельности, невостребованностью большинства профессий, осваиваемых осужденными в процессе отбывания наказания, устареванием большей части материально-технической базы производственного сектора. Внепроизводственные факторы включают в себя экономические, организационные, психофизиологические, социально-психологические и культурно-бытовые [4].

А. Н. Журавлев, рассматривая вопросы обеспечения безопасности в процессе исполнения наказания через показатели состояния оперативной обстановки в исправительном учреждении, предлагает следующую классификацию негативных факторов:

- недостатки в сфере организации исполнения наказания, связанные с организацией деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы;
- состояние преступности как внутри, так и вне исправительного учреждения;
- политическая обстановка в стране и связанные с ней акции народного неповиновения;
- негативная реакция осужденных на изменения внешней и внутренней среды обитания;
- чрезвычайные ситуации в исправительном учреждении (пожары, аварии, взрывы, разрушения);
- неустойчивость функционирования исправительного учреждения;
- невыполнение сотрудниками должностных обязанностей, несоблюдение мер безопасности и правил несения службы, а также непрофессиональные действия сотрудников и др. [3].

Е. К. Панасенко разделяет факторы на группы, связанные:

- с организационно-управленческой деятельностью администрации исправительного учреждения;
- трудовым использованием осужденных;
- состоянием надзора за поведением осужденных;
- сферой исполнения и отбывания лишения свободы [11].

А. М. Смирнов, рассматривая вопросы обеспечения безопасности пенитенциарных учреждений, предложил выделять виктимологическую безопасность, определяемую как состояние защищенности от противоправных (негативных) действий и посягательств. Вероятность стать жертвой противоправного посягательства или преступления, по мнению автора, зависит от следующих факторов:

- личностной характеристики осужденного;
- характера совершенного преступления;
- психологической среды обитания осужденных;
- состояния правопорядка и законности в процессе исполнения наказания;
- социального статуса осужденного [13].

Б. Б. Казак, А. В. Щербаков, Л. В. Ложкина, А. В. Чугунов, А. М. Сысоев, Н. В. Кузьмина, Т. А. Скуб связывают безопасность осужденных с таким фактором, как состояние пенитенциарной преступности в целом.

Б. Б. Казак и А. В. Щербаков пришли к выводу, что безопасность исправительного учреждения также зависит от специфики пенитенциарной преступности, которая включает в себя:

- пенитенциарные отношения;
- субъектный состав преступников;
- специфику психоэмоциональной стороны преступных проявлений;
- повышенную латентность.

По масштабу распространенности угроз и опасностей ученые делят факторы на глобальные, региональные и локальные [5].

Л. В. Ложкина и А. В. Чугунов среди прочих факторов безопасность осужденных в исправительном учреждении связывают:

- с состоянием преступности в стране;
- изменением в худшую сторону качественных характеристик осужденных, высоким уровнем совер-

шенных в исправительном учреждении преступлений против личности;

- недостаточной профилактической работой по предотвращению преступлений;

- непростым финансовым положением самой пенитенциарной системы и др. [9].

Изучая вопросы противодействия экстремизму в местах лишения свободы, А. М. Сысоев уровень безопасности личности считает обусловленным следующими особенностями исправительных учреждений:

- социальная изоляция;
- приоритет асоциальных отношений в среде осужденных;

- агрессивное поведение большого количества осужденных;

- высокий процент лиц, страдающих психическими расстройствами;

- «перенаселенность» пенитенциарных учреждений;

- однообразии быта осужденных;

- строго регламентированный процесс исполнения уголовного наказания [14].

Н. В. Кузьмина, Т. А. Скуб справедливо отмечают, что факторами, оказывающими непосредственное влияние на процесс отбывания наказания, могут быть как различные изменения в обществе, так и состояние преступности в стране, а именно:

- организационно-правовые и криминогенные процессы, протекающие в исправительном учреждении;

- социальная среда;

- преступная идеология;

- недостатки в работе самих исправительных учреждений;

- пробелы в законодательстве;

- недостатки, имеющие криминальный, психологический и организационно-управленческий характер [7].

А. В. Щербаков связывает состояние безопасности осужденных с негативными процессами и явлениями социального толка, к которым он относит омоложение преступности и ухудшение криминологических характеристик осужденных, а также трудности организации социально полезной занятости осужденных в исправительном учреждении и принятия мер по их ресоциализации [18].

В. Б. Шабанов, А. Л. Сантасов, А. Л. Лукьянович, рассмотрев состояние внутренних процессов социальной среды при исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы, специфику социальной сферы исправительного учреждения, а также недостатки деятельности пенитенциарной системы, пришли к выводу, что безопасность осужденных также зависит:

- от уровня социального контроля над преступностью;

- научных исследований, законодательной инициативы и правоприменительной деятельности в области защиты прав человека;

- специфичности мест лишения свободы;

- наличия преступных норм и традиций психологического контакта;

- состояния общественного контроля за деятельностью уголовно-исполнительной системы;

- эффективности деятельности контролирующих и надзирающих органов [17].

Важнейшей задачей в сфере обеспечения безопасности, по мнению С. В. Кулаковой, является недопущение каких-либо эксцессов с участием осужденных и формирование психологической готовности сотрудников к указанным действиям. Как отмечает автор, все факторы, влияющие на психологическую готовность сотрудников обеспечивать безопасность учреждений уголовно-исполнительной системы, можно разделить на организационные, материально-технические, психологические и криминогенно-ситуативные, включающие в себя:

- организационные вопросы деятельности пенитенциарных учреждений и готовности к действиям при возникновении чрезвычайных обстоятельств;

- инженерно-техническое обеспечение служебной деятельности;

- систему личностных и профессиональных характеристик сотрудников [8].

М. А. Громов, разделив все факторы, влияющие на безопасность осужденных, на внешние и внутренние, особое внимание уделяет:

- нравственной характеристике общества, от которой зависит духовная безопасность страны;

- демографическим процессам и структуре населения;

- географическому положению учреждений уголовно-исполнительной системы;

- деятельности международных организаций;

- состоянию криминальной культуры в среде осужденных;

- состоянию производственной и хозяйственной деятельности в исправительном учреждении;

- состоянию исправительного процесса и др. [1].

Р. З. Усеев состояние защищенности жизненно важных интересов осужденных связывает:

- с влиянием на них опасностей природного, экологического, техногенного и социального характера;

- специальным статусом пенитенциарной системы;

- состоянием социальной и правовой защищенности службы в уголовно-исполнительной системе;

- уровнем служебной дисциплины, преступности среди сотрудников уголовно-исполнительной системы, степенью ее коррумпированности;

- несовершенством уголовно-исполнительного законодательства;

- несоблюдением отечественного и международного законодательства в области пенитенциарного права и др. [16].

Результаты

Рассмотрев классификации, предложенные учеными-пенитенциаристами, можно сделать вывод о том, что основными факторами, влияющими на безопасность осужденных, являются:

- условия отбывания наказания;

- криминальная среда отбывания наказания;

- криминологическая характеристика осужденных;

- кадровое обеспечение исправительных учреждений, социальная защищенность сотрудников уголовно-исполнительной системы;

- эффективный надзор за осужденными;
- состояние оперативной обстановки и принятие решений при ее изменении;
- материально-техническое обеспечение организации надзора;
- трудовая адаптация осужденных;
- морально-психологический климат;
- состояние правопорядка и законности;
- специфика пенитенциарной преступности;
- криминогенная обстановка в стране;
- финансовое положение уголовно-исполнительной системы;
- социальная изоляция, асоциальные отношения в среде осужденных;
- строго регламентированный процесс исполнения уголовного наказания;
- воспитательная работа с осужденными и их ресоциализация;
- государственный, судебный, общественный контроль и надзор за деятельностью исправительных учреждений;
- деятельность международных организаций;
- уровень развития субкультуры осужденных;
- состояние и применение норм отечественного и международного уголовно-исполнительного законодательства.

Рассмотрим влияние вышеперечисленных факторов на состояние защищенности жизненно важных интересов личности, соблюдение прав и законных интересов осужденных, отбывающих наказание в следственном изоляторе.

Согласно УИК РФ следственный изолятор является исправительным учреждением для нескольких категорий осужденных. Самой значительной категорией являются лица, которые были оставлены в учреждении выполнять работы хозяйственного назначения. Осужденные отбывают наказание в следственном изоляторе на условиях, которые установлены в колониях общего режима, но с существенными, на наш взгляд, особенностями, в большинстве случаев положительно влияющими на процесс исполнения наказания.

Учитывая тот факт, что все осужденные, отбывающие наказание в следственном изоляторе, трудоустроены и имеют постоянный заработок не ниже установленного прожиточного минимума, вопросы трудовой адаптации на процесс обеспечения безопасности должного влияния не оказывают. Более того, финансовая безопасность осужденных не зависит от экономической обстановки в регионе дислокации изолятора, хозяйственной и производственной деятельности учреждения, а также и других факторов, связанных с трудовым использованием осужденных. Указанные обстоятельства обеспечивают стопроцентное привлечение к труду осужденных, имеющих иски по уголовным и гражданским делам, что гарантирует принятие должных мер к их погашению.

Работы, выполняемые осужденными в следственном изоляторе, в основном не носят производственного характера, за исключением приготовления пищи и стирки постельного белья. Справедливо будет отметить, что уровень производственного травматизма

среди осужденных указанной категории незначителен. Как правило, травмы носят бытовой характер и не приводят к тяжелым последствиям.

Принимая во внимание тот факт, что в следственном изоляторе отбывают наказание лица, преимущественно положительно характеризующиеся, ранее не отбывавшие наказание в виде лишения свободы, криминальные проявления, угрожающие личной безопасности осужденных, в отряде по хозяйственному обслуживанию выражены слабо. Низкий уровень криминогенности связан также с тем, что отбывать наказание в отряде по хозяйственному обслуживанию остаются те лица, которые не хотят находиться в колонии общего режима. Причин нежелания ехать в колонию может быть несколько: страх перед криминальной средой, присутствующей в колонии общего режима, адаптация осужденных к условиям следственного изолятора и нежелание в будущем вновь переживать стресс, связанный с переводом в другое исправительное учреждение.

Как правило, в среде осужденных, отбывающих наказание в следственном изоляторе, уровень развития криминальной субкультуры крайне низкий, взаимоотношения носят в основном доброжелательный характер, уровень нарушений и преступлений, а также влияние криминогенной среды минимальны.

Рассматривая вопросы виктимологической безопасности осужденных, отбывающих наказание в следственном изоляторе, можно с уверенностью сказать, что вероятность стать жертвой преступления в период отбывания наказания незначительна. Положительные личностные характеристики осужденных, слабо выраженная криминальная субкультура, отсутствие осужденных отрицательной направленности, повышенная толерантность к характеру совершенного преступного деяния, морально-психологический климат в среде осужденных, поддержание на должном уровне законности и правопорядка, статус осужденных «ранее не отбывавшие наказание», отсутствие опыта лишения свободы – все это предельно минимизирует негативные угрозы безопасности осужденных и практически исключает совершение преступлений против личности.

Положительное влияние на безопасность осужденных в следственном изоляторе также оказывают факторы, связанные с процессом исполнения наказания:

- высокая степень надзора за заключенными и его материально-техническое обеспечение;
- высокий уровень применения интегрированных систем безопасности;
- повышенные требования к изоляции различных категорий лиц, содержащихся в следственном изоляторе;
- камерное содержание лиц, способных оказывать негативное влияние на осужденных, и др.

Необходимо также отметить, что отряды по хозяйственному обслуживанию следственного изолятора, как правило, немногочисленные, их количественный состав зависит от фактической наполняемости учреждения. В соответствии с правилами проектирования количество осужденных, выполняющих хозяй-

ственные работы, не может превышать 7 % лимита наполнения следственного изолятора [12]. В таких условиях возможна более эффективная работа по исправлению осужденных, формированию и закреплению у них положительных качеств, уважительного отношения к нормам человеческого общежития, соблюдению прав на личную неприкосновенность, жизнь и здоровье, поддержанию здорового морально-психологического климата. Тем самым снижается зависимость процесса отбывания наказания от социальной изоляции, асоциальных межличностных отношений, быта осужденных, проблем организации их социально полезной занятости и мер по ресоциализации.

Не оказывают существенного негативного влияния на безопасность осужденных территориально-географические условия функционирования учреждения. В основном следственные изоляторы располагаются в крупных населенных пунктах. В местах их дислокации, как правило, расположены другие органы государственной власти, правоохранительные органы, которые осуществляют судебный, общественный и ведомственный контроль деятельности изоляторов, а также постоянный прокурорский надзор. В указанных обстоятельствах вопросы обеспечения прав осужденных, в том числе на личную безопасность, находятся под более пристальным вниманием, чем в исправительных учреждениях, расположенных за пределами крупных территориальных образований.

Однако справедливо будет отметить, что помимо положительных моментов, связанных с отбыванием наказания в следственном изоляторе, существуют и негативные. Реальное воздействие на состояние защищенности жизненно важных интересов осужденных могут оказывать финансово-экономическое положение пенитенциарной системы, а также профессиональная деятельность сотрудников и персонала.

В информационно-аналитической справке по результатам изучения социально-психологической обстановки в среде осужденных, проводившегося по указанию ГУФСИН России по Пермскому краю в 2021 г., выявлены характерные для большинства следственных изоляторов проблемные моменты. К ним осужденные отнесли:

- организацию работы медицинской части;
- нарушения в оплате труда, связанные с отсутствием компенсации за переработку, работу в выходные и праздничные дни;
- обеспечение магазинов при следственном изоляторе продуктами питания и предметами первой необходимости;
- коммунальные и бытовые условия проживания;
- встречи с родными и близкими людьми, защитником по уголовному делу;
- организацию исправительного процесса;
- низкий уровень справедливости во взаимоотношениях с сотрудниками, а также высокий уровень конфликтности [2].

Имеющиеся в процессе отбывания наказания трудности в большинстве случаев носят объективный характер и связаны с особенностями функциониро-

вания следственного изолятора как учреждения, исполняющего приговор суда.

Выделим ряд объективных угроз жизненно важным интересам осужденных, связанных с особым характером деятельности следственного изолятора.

1. Специфика деятельности следственного изолятора.

Рассматриваемые учреждения предназначены в первую очередь для содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений. Для этого устанавливается режим содержания под стражей, направленный в том числе на обеспечение прав и законных интересов заключенных. В этом состоит одна из основных функций изолятора. Следственные изоляторы выполняют две разные по содержанию, но одинаковые по степени ответственности задачи:

- содержание под стражей лиц, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу;

- исполнение уголовного наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных, в том числе входящих в отряд по хозяйственному обслуживанию.

При этом закономерно считается, что выполнение первой задачи образует приоритетное направление деятельности, вследствие чего вопросам обеспечения прав и законных интересов осужденных, как правило, уделяется меньше внимания. Необходимо отметить, что повышенная конфликтность взаимодействия осужденных с сотрудниками учреждения в большинстве случаев не связана с низким уровнем законности в процессе исполнения уголовного наказания и не влечет применения не предусмотренных уголовно-исполнительным законодательством средств исправления осужденных, а является следствием высоких нагрузок, большого объема выполняемых сотрудниками и персоналом следственных изоляторов задач.

Однако в указанных условиях может возникнуть и другой негативный момент, связанный с наличием неслужебных взаимоотношений сотрудников и персонала с осужденными. В условиях дефицита кадров и большого объема выполняемых служебных задач нередки случаи, когда осужденные могут привлекаться к выполнению несвойственных задач.

2. Особая среда отбывания наказания.

Принято считать, что уголовно-исполнительная система начинается со следственного изолятора. Именно в него первоначально поступают лица, в отношении которых судом избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Подозреваемые и обвиняемые проходят необходимое медицинское освидетельствование, флюорографическое и лабораторные исследования, по результатам которых нередко выявляются инфекционные, социально значимые и опасные заболевания (туберкулез, гепатиты, сифилис, чесотка, ВИЧ-инфекция и др.). Учитывая, что осужденные, отбывающие наказание в следственном изоляторе, непосредственно и постоянно выполняют работы по хозяйственному обслуживанию всех помещений и объектов, находятся в зоне риска, угроза их заражения указанными заболеваниями является высокой.

3. Количественный и качественный состав осужденных.

Отряд по хозяйственному обслуживанию формируется из осужденных, ранее не отбывавших наказание, положительно характеризующихся, не желающих отбывать наказание в исправительной колонии общего режима, а также обратившихся к начальнику следственного изолятора с соответствующей просьбой.

По мнению К. В. Корсакова и И. А. Жилко, осужденные указанной категории всегда характеризовались отсутствием ярко выраженной антиобщественной установки и значительно меньшей по сравнению с другими категориями осужденных подверженностью действию различного рода криминогенных факторов [6].

Нередко инициаторами оставления осужденных в отряде по хозяйственному обслуживанию являются родственники осужденных, так как у них отсутствует возможность посещать родственников в исправительном учреждении в силу его удаленности и наличия иных личных обстоятельств. Учитывая, что лимит наполнения отряда по хозяйственному обслуживанию зависит от наполняемости следственного изолятора, фактическая численность осужденных не может быть увеличена без каких-либо серьезных оснований. Недостаточность количества осужденных, выполняющих работы по хозяйственному обслуживанию, приводит к нарушению в процессе отбывания наказания осужденными таких требований трудового законодательства, как:

- предоставление должного количества выходных дней;
- соблюдение 40-часовой рабочей недели;
- оплата сверхурочных часов, а также работы в выходные и праздничные дни;
- предоставление и проведение ежегодных отпусков и т. д.

Администрация следственного изолятора в большинстве случаев поддерживает осужденных при подаче ими ходатайств об изменении вида исправительного учреждения, замене неотбытой части наказания более мягким видом, а также условно-досрочном освобождении.

В силу того, что в следственном изоляторе не регламентирован порядок отбывания наказания осужденными на строгих условиях, предусмотренных УИК РФ, осужденные, допустившие злостные нарушения, а также не желающие отбывать наказание в условиях изолятора, переводятся в колонии общего режима.

Считаем, что в указанных обстоятельствах осужденные вынуждены принимать соответствующие условия отбывания наказания в следственном изоляторе, претерпевать ограничения прав и законных интересов в надежде на скорейшее освобождение от отбывания наказания.

4. Состояние финансового и хозяйственного обеспечения.

Следственные изоляторы, выполняя функции исправительных учреждений, не ведут никакой произ-

водственно-хозяйственной деятельности. В большинстве случаев у них отсутствует возможность осуществлять внебюджетную деятельность, что приводит на практике к отсутствию дополнительных средств.

Заключение

Справедливо будет отметить, что, несмотря на имеющиеся негативные факторы, влияющие на процесс исполнения и отбывания наказания в следственном изоляторе, по сравнению с состоянием защищенности жизненно важных интересов осужденных, отбывающих наказание в исправительном учреждении, условия пребывания в изоляторе являются более безопасными. В отрядах по хозяйственному обслуживанию практически не совершаются преступления, а уровень правонарушений является минимальным.

Несмотря на то, что в следственном изоляторе обеспечиваются положительный морально-психологический климат и более безопасные условия отбывания наказания, с целью снижения негативного влияния процесса отбывания наказания на состояние жизненно важных интересов осужденных предлагаем:

- держать на постоянном контроле вопросы обеспечения безопасности учреждений уголовно-исполнительной системы. Разработать концепцию безопасности уголовно-исполнительной системы, в которой предусмотреть меры, направленные на обеспечение безопасности подозреваемых, обвиняемых и осужденных в местах лишения свободы;
- усилить роль общественных организаций, в том числе правозащитных, в обеспечении защиты прав осужденных, что повысит уровень доверия общества к деятельности пенитенциарного ведомства. Расширить возможности привлечения гражданских общественных организаций (учреждений, объединений) к решению вопросов, связанных с оказанием медицинской, социальной, психологической и иной помощи лицам, отбывающим наказание;
- продолжить научные исследования в области уголовно-исполнительного права и своевременно внедрять научные достижения в практическую деятельность учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Закрепить в УИК РФ и Федеральном законе «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» понятие «безопасность осужденных и лиц, заключенных под стражу», определить критерии, пределы, силы и средства ее обеспечения.

Соглашаясь с мнением зарубежных ученых, отметим, что лишение свободы оказывает долгосрочное влияние на позитивную жизнь правонарушителей, в связи с чем рекомендуется предпринимать согласованные усилия по реинтеграции бывших осужденных, прилагать все усилия к тому, чтобы они могли получить оплачиваемую работу после возвращения на свободу и не совершили больше преступлений [19].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Громов, М. А. Организация безопасности в исправительных учреждениях : учебное пособие / М. А. Громов. – Рязань : Академия права и управления Минюста России, 2004. – 252 с.
2. Голубцова, А. И. Особенности социально-психологического климата в среде осужденных, отбывающих наказание в отряде по хозяйственному обслуживанию в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы России (на примере следственных изоляторов ГУФСИН России по Пермскому краю) / А. И. Голубцова // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. – 2022. – № 1 (44). – С. 30–42.
3. Журавлев, А. Н. Классификация факторов, осложняющих оперативную обстановку в исправительном учреждении / А. Н. Журавлев // Уголовно-исполнительное право. – 2006. – № 1. – С. 88–89.
4. Звягина, А. В. Трудовая адаптация осужденных как один из факторов обеспечения экономической безопасности уголовно-исполнительной системы / А. В. Звягина // IV Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» : сборник тезисов выступлений и докладов участников : в 10 томах. Том 9. – Рязань : Академия ФСИН России, 2019. – С. 80–83. – ISBN 978-5-7743-0937-5.
5. Казак, Б. Б. Отдельные угрозы и факторы, оказывающие влияние на безопасность уголовно-исполнительной системы / Б. Б. Казак, А. В. Щербаков // IV Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» : сборник тезисов выступлений и докладов участников : в 10 томах. Том 9. – Рязань : Академия ФСИН России, 2019. – С. 295–300. – ISBN 978-5-7743-0937-5.
6. Корсаков, К. В. Криминологическая характеристика осужденных, оставленных в следственных изоляторах для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию / К. В. Корсаков, И. А. Жилко // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2013. – № 3. – С. 72–79.
7. Кузьмина, Н. В. Факторы, обуславливающие обеспечение безопасности в местах лишения свободы / Н. В. Кузьмина, Т. А. Скуб // Модернизация российского законодательства в условиях конституционной реформы : сборник трудов XVII Всероссийских декабрьских юридических чтений в Костроме. Всероссийская научно-практическая конференция (9–10 декабря 2020 г., г. Кострома) / ответственные редакторы Г. Г. Бриль, В. В. Груздев. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2021. – С. 322–325. – ISBN 978-5-8285-1141-9.
8. Кулакова, С. В. Факторы и механизмы формирования готовности сотрудников уголовно-исполнительной системы к обеспечению безопасности в пенитенциарных учреждениях / С. В. Кулакова // Глобальный научный потенциал: психология и педагогика. – 2018. – № 10 (91). – С. 27–28.
9. Ложкина, Л. В. Безопасность в исправительных учреждениях и факторы, негативно влияющие на ее состояние / Л. В. Ложкина, А. В. Чугунов // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2013. – Выпуск 3. – С. 161–167.
10. Мартынова, Е. В. Факторы, влияющие на состояние личной безопасности осужденных к лишению свободы, в процессе оперативно-розыскной деятельности / Е. В. Мартынова // Человек: преступление и наказание. – 2016. – № 4. – С. 104–109.
11. Панасенко, Е. К. Криминологическая безопасность осужденных в местах лишения свободы : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Панасенко Екатерина Константиновна. – Рязань : Академия ФСИН России, 2007. – 29 с.
12. Свод правил СП 247.1325800.2016 «Следственные изоляторы уголовно-исполнительной системы. Правила проектирования» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200137143?ysclid=I7ivlxosd806058710> (дата обращения: 25.05.2022).
13. Смирнов, А. М. Виктимологическая безопасность осужденных к лишению свободы: концептуальные аспекты / А. М. Смирнов // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Том 14, № 2. – С. 277–289.
14. Сысоев, А. М. Оперативно-режимное сопровождение организации противодействия радикализации осужденных к лишению свободы / А. М. Сысоев // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2012. – № 4. – С. 11–21.
15. Углицких, Д. В. Факторы, влияющие на безопасность, и средства ее обеспечения в исправительных учреждениях, исполняющих пожизненное лишение свободы / Д. В. Углицких // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». – 2007. – № 1-2. – С. 108–109.
16. Усеев, Р. З. Обеспечение безопасности исправительных учреждений : учебное пособие / Р. З. Усеев. – Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2015. – 135 с. – ISBN 978-5-91612-100-1.
17. Шабанов, В. Б. Факторы, обуславливающие обеспечение безопасности осужденных в местах лишения свободы / В. Б. Шабанов, А. Л. Сантасов, А. Л. Лукьянович // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2017. – № 2 (27). – С. 55–60.
18. Щербаков, А. В. Теоретические и правовые аспекты обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы / А. В. Щербаков // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Том 26, № 2. – С. 187–192.
19. Amali, S. E. Incarceration for Reformation or Deformation? / Sadiq Ewa moda Ameli, Ephraim Kevin Sibanyoni, Thompo Tshivhase // International Journal of Criminology and Sociology. – 2021. – Volume 10. – Pp. 562–571.

REFERENCES

1. Gromov M.A. *Organizatsiya bezopasnosti v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh: uchebnoe posobie* [Organization of security in correctional institutions: textbook]. Ryazan: Akademiya prava i upravleniya Minyusta Rossii, 2004. 252 p.
2. Golubtsova A.I. Features of the socio-psychological climate among convicts serving sentences in the maintenance units in the pre-trial detention centers of the Russian penitentiary system (on the example of pre-trial detention centers of the Main Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Perm Region). *Vestnik Permskogo instituta Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazaniy=Journal of the Perm Institute of the FPS of Russia*, 2022, no. 1 (44), pp. 30–42. (In Russ.).
3. Zhuravlev A.N. Classification of factors complicating the operational situation in a correctional institution. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo=Penal Law*, 2006, no. 1, pp. 88–89. (In Russ.).

4. Zvyagina A.V. Labor adaptation of convicts as one of the factors of ensuring economic security of the penitentiary system. In: *IV Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi forum "Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie": sbornik tezisov vystuplenii i dokladov uchastnikov: v 10 tomakh. Tom 9* [IV International Penitentiary Forum "Crime, punishment, correction": collection of abstracts of speeches and reports of participants: in 10 volumes. Volume 9]. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii, 2019. Pp. 80–83. (In Russ.). ISBN 978-5-7743-0937-5.
5. Kazak B.B., Shcherbakov A.V. Certain threats and factors influencing the security of the penal enforcement system. In: *IV Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi forum "Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie": sbornik tezisov vystuplenii i dokladov uchastnikov: v 10 tomakh. Tom 9* [IV International Penitentiary Forum "Crime, punishment, correction": collection of abstracts of speeches and reports of participants: in 10 volumes. Volume 9]. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii, 2019. Pp. 295–300. (In Russ.). ISBN 978-5-7743-0937-5.
6. Korsakov K.V., Zhilko I.A. Criminological characteristics of the convicted who work detention facilities upkeeping service. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava=Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2013, no. 3, pp. 72–79. (In Russ.).
7. Kuz'mina N.V., Skub T.A. Factors determining security in places of deprivation of liberty. In: Bril' G.G., Gruzdev V.V. (Eds.). *Modernizatsiya rossiiskogo zakonodatel'stva v usloviyakh konstitutsionnoi reformy: sbornik trudov 17 Vserossiiskikh dekabr'skikh yuridicheskikh chtenii v Kostrome. Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya (9–10 dekabrya 2020 g., g. Kostroma)* [Modernization of Russian legislation in the context of the constitutional reform: proceedings of the 17th All-Russian December legal readings in Kostroma. All-Russian Scientific and Practical Conference (December 9–10, 2020, Kostroma)]. Kostroma: KGU im. N. A. Nekrasova, 2021, pp. 322–325. (In Russ.). ISBN 978-5-8285-1141-9.
8. Kulakova S.V. Factors and mechanisms to develop the personnel readiness to ensure security in penitentiary institutions. *Global'nyi nauchnyi potentsial: psikhologiya i pedagogika= Global Scientific Potential: Psychology and Pedagogy*, 2018, no. 10 (91), pp. 27–28. (In Russ.).
9. Lozhkina L.V., Chugunov A.V. Safety in penitentiary institutions and factors which have a negatively effect on safety. *Vestnik Udmurtskogo universiteta, seriya Ekonomika i parvo= Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*, 2013, no. 3, pp. 161–167. (In Russ.).
10. Martynova E.V. The factors influencing the state of personal security of prisoners in the course of detective activities. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie=Man: Crime and Punishment*, 2016, no. 4, pp. 104–109. (In Russ.).
11. Panasenko E.K. *Kriminologicheskaya bezopasnost' osuzhdennykh v mestakh lisheniya svobody: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Criminological safety of convicts in places of deprivation of liberty: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii, 2007. 29 p.
12. The Code of rules SP 247.1325800.2016 "Pre-trial detention facilities of the penal system. Design rules". *Elektronnyi fond pravovykh i normativno-tekhnicheskikh dokumentov: sait* [Electronic fund of legal and regulatory documents: website]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/1200137143?ysclid=l7ivlxosd806058710> (accessed May 25, 2022).
13. Smirnov A.M. Victimological safety of persons sentenced to imprisonment: conceptual aspects. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal=All-Russian Journal of Criminology*, 2020, vol. 14, no. 2, pp. 277–289. (In Russ.).
14. Sysoev A.M. Operational-regime support of the organization of counteraction to radicalization of persons sentenced to imprisonment. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy=Vedomosti of the Penitentiary System*, 2012, no. 4, pp. 11–21. (In Russ.).
15. Uglitskikh D.V. Factors affecting safety and means of ensuring it in correctional institutions executing life imprisonment. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: yurisprudentsiya=Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence*, 2007, no. 1–2, pp. 108–109. (In Russ.).
16. Useev R.Z. *Obespechenie bezopasnosti ispravitel'nykh uchrezhdenii: uchebnoe posobie* [Ensuring safety of correctional institutions: textbook]. Samara: Samarskii yuridicheskii institut FSIN Rossii, 2015. 135 p. ISBN 978-5-91612-100-1.
17. Shabanov V.B., Santashov A.L., Luk'yanovich A.L. Factors determining the security of convicts in detention facilities. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii= Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia*, 2017, no. 2 (27), pp. 55–60. (In Russ.).
18. Shcherbakov A.V. Theoretical and legal aspects of safety precautions of the penal system. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie=Man: Crime and Punishment*, 2018, vol. 26, no. 2, pp. 187–192. (In Russ.).
19. Amali S.E., Sibanyoni E.K., Tshivhase T. Incarceration for reformation or deformation? *International Journal of Criminology and Sociology*, 2021, vol. 10, pp. 562–571.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АННА ИГОРЕВНА ГОЛУБЦОВА – аспирант Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань, Россия, GolubcovVA@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2013-3102>

ANNA I. GOLUBTSOVA – Postgraduate Student of the Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia, GolubcovVA@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2013-3102>

Статья поступила 18.04.2022

Уголовно-правовое воздействие: особенности, формы, вопросы реализации

ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА БАРХАТОВА

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия,
ekaterinabarhatova1997@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0381-5462>

Реферат

Введение: в статье раскрывается сущность уголовно-правового воздействия, анализируются его формы, исследуются механизмы реализации отдельных из них. Акцентировано внимание на особенностях регламентации механизма реализации уголовно-правовых мер в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации. Затронуты проблемы научного и законодательного определения отдельных форм уголовно-правового воздействия, а также уголовной ответственности. Обоснован вывод о необходимости совершенствования законодательного регулирования отдельных форм уголовно-правового воздействия и механизма их реализации, а также корректировки самих форм уголовно-правового воздействия. *Цель:* разрешение отдельных вопросов регламентации механизма реализации различных форм уголовно-правового воздействия. *Методы:* в статье использовались общенаучный диалектический метод познания, позволивший уяснить суть явлений; метод анализа для выявления основных проблем, возникающих при законодательном регулировании уголовно-правового воздействия; метод синтеза, способствовавший формированию авторской позиции по поводу выявленных проблем и выработке механизма их возможного решения. *Результаты:* современные формы уголовно-правового воздействия, закрепленные в уголовном законе, и сами подходы к пониманию уголовно-правового воздействия и его реализации вызывают вопросы, обусловленные общепризнанной в науке уголовно-правовой точкой зрения относительно момента начала и окончания уголовной ответственности и подходом к пониманию уголовной ответственности. Отдельные формы уголовно-правового воздействия представляются малоэффективными и требуют корректировки. Законодательное регулирование механизма реализации уголовно-правового воздействия нуждается в пересмотре ввиду несоответствия своего современного состояния требованиям, предъявляемым к кодификации норм одной отрасли права. *Выводы:* представляется необходимым скорректировать определенные в уголовном законе формы уголовно-правового воздействия, определив, что следует отнести к таковому, руководствуясь преследуемыми им целями и задачами. Кроме того, целесообразен пересмотр системы уголовно-исполнительного законодательства, не удовлетворяющей требованиям кодификации и не отражающей в полном объеме специфику уголовно-исполнительного права.

Ключевые слова: уголовно-правовое воздействие; уголовная ответственность; уголовно-исполнительное право; воспитательное воздействие; судебный штраф; наказание; постпенитенциарное воздействие.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

5.1.4 – Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Бархатова Е. Н. Уголовно-правовое воздействие: особенности, формы, вопросы реализации // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16. № 3 (59). С. 254–262. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.003.

Original article

Criminal Legal Impact: Features, Forms, and Issues of Implementation

EKATERINA N. BARKHATOVA

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia,
ekaterinabarhatova1997@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-0381-5462>

Abstract

Introduction: the article reveals the essence of the criminal legal impact, analyzes its forms, and examines mechanisms for implementing certain forms of the criminal legal impact. Attention is focused on the specifics of regulating the mechanism to implement criminal law measures in the Penal Law Code of the Russian Federation. Problems of scientific and legislative definition of certain forms of the criminal legal impact, as well as criminal liability are touched upon. The author comes to the conclusion about the need to improve the legislative regulation of certain forms of the criminal legal impact and the mechanism for their realization, as well as the necessity to adjust forms of the criminal legal impact. *Purpose:* resolution of certain issues to regulate the mechanism for implementing various forms of the criminal legal impact. *Methods:* the author uses a general scientific dialectical method of cognition to consider the essence of phenomena, an analysis method to identify key problems arising in the legislative regulation of the criminal legal impact, a synthesis method to form the author's position on the identified problems and work out a mechanism for their possible solution. *Results:* modern forms of the criminal legal impact, enshrined in the criminal law, and approaches to understanding the criminal legal impact and its implementation raise questions due to the generally recognized point of view in the science of criminal law regarding the beginning and end of criminal liability and the approach to its understanding. Some forms of the criminal legal influence seem ineffective and require adjustments. The legislative regulation of the mechanism for implementing the criminal legal impact needs to be revised due to the inconsistency of its current state with the requirements for codifying norms of one branch of law. *Conclusions:* it seems necessary to correct forms of criminal legal influence defined in the criminal law, determining what should be attributed to such, guided by the goals and objectives pursued by it. In addition, it is advisable to revise the penal legislation system that does not meet codification requirements and does not fully reflect the specifics of penal law.

Key words: criminal legal impact; criminal liability; penal law; educational impact; judicial fine; punishment; post-penitentiary impact.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Barkhatova E. N. Criminal legal impact: features, forms, issues of implementation. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 3 (59), pp. 254–262. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.003.

Введение

Уголовно-правовое воздействие как категория уголовного права вызывает ряд вопросов, связанных с трактовкой его понятия, обусловленной специфическими целями и относительно определенным содержанием; выявлением целей такого воздействия, различающихся в каждой из его форм; определением форм воздействия и их отнесением к тому или иному институту уголовного права; механизмом реализации различных форм уголовно-правового воздействия; указанием моментов начала и окончания уголовно-правового воздействия. Центральное место при этом занимают проблемы установления в законе видов наказания, его назначения и исполнения.

Методы

Для исследования обозначенных проблемных вопросов использовался общенаучный диалектический метод познания, позволяющий уяснить суть явлений. С помощью метода анализа выявлены основные проблемы законодательного регулирования уголовно-правового воздействия. Метод синтеза позволил сформировать авторскую позицию по поводу выявленных проблем и предложить механизм их возможного решения.

Результаты

Отдельные меры уголовно-правового воздействия на сегодняшний день представляются малоэффективными, а механизм их реализации урегулирован не в полном объеме и демонстрирует организационные несовершенства, в связи с чем требуется пересмотр ряда положений уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

Обсуждение

Уголовно-правовое воздействие на человека призвано обеспечить установленный в обществе порядок. Во избежание последующего нарушения правил, введенных в целях поддержания функционирования государства, выполняющих жизнеобеспечивающую функцию, необходима соответствующая реакция на уже допущенные нарушения порядка. Таким образом, целью уголовно-правового воздействия является предупреждение совершения новых преступлений.

Для уяснения сущности уголовно-правового воздействия уместно его сравнение с уголовной ответственностью. Подходы к пониманию уголовной ответственности достаточно разнообразны. Она воспринимается и как обязанность лица, совершившего преступление, претерпеть определенные негативные последствия, и как морально-нравственное качество законопослушного гражданина соблюдать установленные государством запреты, и как собственно установленная государством санкция за нарушение запрета. Однако, исходя из анализа норм уголовного закона в их взаимосвязи, более верным с нормативной точки зрения представляется определение уголовной ответственности как обязанности преступника ответить за содеянное перед государством и обществом.

Уголовно-правовое воздействие представляет собой инструментальный для реализации уголовной ответственности – те способы, которыми государство сможет отреагировать на нарушение установленного им запрета. Таким образом, уголовная ответственность – обязанность преступника, уголовно-право-

вое воздействие – обязанность государства. Вместе с тем данным юридическим явлениям присуща одна общая, на наш взгляд, характеристика.

В доктрине уголовного права существует подход к классификации уголовной ответственности, позволяющий разделять ее на позитивную и негативную [6, с. 37; 8, с. 266]. Позитивная ответственность предполагает ответственность всех лиц перед государством за соблюдение запретов, установленных уголовным законом. Это, скорее, профилактическая составляющая уголовной ответственности. Негативная же уголовная ответственность наступает по факту нарушения запрета.

Данные положения об уголовной ответственности применимы и к уголовно-правовому воздействию. Так, государство проводит профилактику нарушений путем установления запрета под угрозой уголовно-правового воздействия на человека, а в случае, когда факт нарушения состоялся, осуществляет уголовно-правовое воздействие в доступной форме, предусмотренной законом. Для такого воздействия могут быть использованы различные ресурсы. Наиболее суровой формой уголовно-правового воздействия является наказание. Уголовный кодекс Российской Федерации содержит 13 видов наказания, расположенных в определенной иерархии, введенных с целью обеспечения индивидуального подхода к каждому лицу, совершившему преступление, при условии соблюдения принципов справедливости и равенства всех перед законом. Законодатель очень ответственно подходит к соблюдению принципа справедливости и старается предложить правоприменителю широкий спектр соответствующих возможностей [15; 16; 18, с. 1482; 19, с. 63; 20]. Согласно ч. 2 ст. 43 УК РФ целями наказания выступают восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений. Исходя из той последовательности, в которой указанные цели перечислены в статье, можно предположить, что восстановление социальной справедливости является приоритетом, хотя в обществе и господствует мнение о равнозначности целей наказания. Цели наказания отражают его суть и не совпадают с целями других видов уголовно-правового воздействия. М. В. Бавсун верно отмечает: «Наличие общих целей уголовно-правового противодействия преступности не исключает необходимости формулирования самостоятельных целей для каждой группы средств воздействия, отличающихся присущим только им предполагаемым результатом реализации» [1, с. 14].

Вместе с тем, если сопоставить цели наказания с целями уголовно-правового воздействия, можно прийти к выводу о совпадении одной из них – предупреждение преступлений. Эта цель преследуется и при реализации других форм уголовно-правового воздействия, к которым наряду с наказанием следует отнести условное осуждение, иные меры уголовно-правового характера, помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, освобождение от уголовной ответственности и наказания. Этой позиции придерживается, например, Ю. В. Трунцевский, ука-

зывающий, что целью применения мер уголовно-правового воздействия является противодействие преступности посредством профилактики, борьбы с преступлениями, минимизации и (или) ликвидации последствий их совершения [11, с. 30]. Профилактика преступлений рассматривается в качестве доминирующей цели наказания и в уголовном праве мусульманских государств [14, с. 4]. Вопреки господствующему взгляду на уголовно-правовое воздействие мы придерживаемся точки зрения о необходимости включения освобождения лица от уголовной ответственности и наказания в состав ресурсов такого воздействия. Существует потребность обеспечить надлежащее поведение лица, совершившего преступление, любым законным способом. Принципы дифференциации ответственности и индивидуализации наказания предполагают воздействие на преступника, исходя не только из юридических фактов, но и отталкиваясь от его личности, осознания им противоправности и общественной опасности своих действий, стремления исправиться. В связи с этим уголовно-правовое воздействие должно предусматривать своего рода меры поощрения и взыскания. Освобождение от уголовной ответственности и наказания относится к мерам поощрения. В эту же категорию попадают условное осуждение, принудительные меры воспитательного воздействия и помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, судебный штраф. Считаем необходимым упомянуть эти меры наряду с условным осуждением, поскольку они, хотя и относятся к видам освобождения от уголовной ответственности, но являются еще и иными мерами уголовно-правового характера, то есть имеют двойственную правовую природу. Рассматривать в качестве уголовно-правового поощрения все иные меры уголовно-правового характера мы не можем ввиду включения в данный раздел положений о конфискации имущества (носит характер взыскания) и принудительных мерах медицинского характера (здесь следует выделить еще одну категорию уголовно-правового воздействия – оказание помощи).

Необходимо также пояснить, в связи с чем помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа представляет, на наш взгляд, самостоятельную форму уголовно-правового воздействия. Так, ч. 2 ст. 90 УК РФ в числе принудительных мер воспитательного воздействия не называет помещение в спецучреждение. Таким образом, исходя из буквального толкования уголовного закона, такое помещение не входит в систему рассматриваемых мер. Более того, ч. 4 ст. 90 УК РФ содержит указание на помещение несовершеннолетнего в спецучреждение в случае систематического нарушения им назначенных судом принудительных мер воспитательного воздействия. Часть 2 ст. 92 УК РФ устанавливает, что помещение в спецучреждение применяется как принудительная мера воспитательного воздействия. И снова, исходя из буквального толкования закона, можно сделать вывод, что данная мера применяется как мера воспитательного воздействия, по сути таковой не яв-

ляясь. Поскольку ст. 92 УК РФ посвящена вопросам освобождения несовершеннолетнего от наказания, то следовало бы включить ее в группу видов освобождения от наказания, не выделяя самостоятельно, но буквальное толкование закона и особенности юридической техники не позволяют это сделать. Так, все виды освобождения от наказания и уголовной ответственности, предполагающие какую-либо активную деятельность со стороны освобождаемого или государства, сформулированы с использованием предлога «с»: «с назначением судебного штрафа» (ст. 76² УК РФ), «с деятельным раскаянием» (ст. 75 УК РФ), «с возмещением ущерба» (ст. 76¹ УК РФ), «с применением принудительных мер воспитательного воздействия» (ч. 1 ст. 92 УК РФ).

Возвращаясь к вопросу о целях уголовно-правового воздействия, необходимо обратиться к целям различных его форм, представленным в таблице.

Таблица

*Цели различных форм
уголовно-правового воздействия*

Форма уголовно-правового воздействия	Цели
Наказание	1. Восстановление социальной справедливости. 2. Исправление осужденного. 3. Предупреждение преступлений
Принудительные меры воспитательного воздействия, помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа	1. Восстановление социальной справедливости. 2. Исправление осужденного. 3. Предупреждение преступлений
Принудительные меры медицинского характера	1. Предупреждение преступлений и общественно опасных запрещенных уголовным законом деяний невменяемых лиц. 2. Оказание помощи лицу, страдающему заболеванием
Конфискация имущества	1. Восстановление социальной справедливости. 2. Предупреждение преступлений
Освобождение от уголовной ответственности (включая судебный штраф)	1. Предупреждение преступлений. 2. Исправление
Освобождение от наказания	1. Предупреждение преступлений. 2. Исправление осужденного

Каждая из форм уголовно-правового воздействия преследует наряду с другими цель предупреждения преступлений, в том числе и путем реагирования на

уже совершенные преступления. Уже из этого можно заключить, что предупреждение преступлений является общей целью уголовно-правового воздействия. Это вытекает из сущности последнего. Указанная цель обуславливает ряд задач, которые стоят перед государством в рамках уголовно-правового воздействия. Они сформулированы в ст. 2 УК РФ «Задачи Уголовного кодекса Российской Федерации». Следует отметить, что УК РФ выступает лишь документальным отображением уголовно-правового воздействия. Сам по себе кодекс не может иметь никаких задач. Подобный подход, на наш взгляд, близок к нормативистской теории объекта преступления и гласит, что в качестве последнего выступает норма права. Но, как справедливо отмечают ряд авторов, норма – это только текст на бумаге и факт нарушения установленного в норме запрета на данном тексте не отразится никак, чего нельзя сказать об общественных отношениях, в рамках которых указанный запрет будет нарушен [7, с. 102; 9, с. 94; 10, с. 21].

В связи с изложенным представляется необходимым поставить вопрос об изменении названия ст. 2 УК РФ на «Задачи уголовно-правового воздействия». В случае внесения подобных коррективов в уголовный закон будет соблюдена логика, в соответствии с которой решение всех перечисленных в ст. 2 УК РФ задач должно быть достигнуто в ходе уголовно-правового воздействия, регламентированного уголовным законом.

Развивая данную идею, необходимо закрепить понятие самого уголовно-правового воздействия, а также обозначить его виды. Так, ст. 1 УК РФ могла бы быть дополнена ч. 3, устанавливающей, что предметом регулирования уголовного законодательства выступают общественные отношения, складывающиеся по поводу совершения преступления, а также в рамках уголовно-правового воздействия, представляющего собой применение мер, определенных уголовным законом, к лицу, совершившему преступление, с целью предупреждения нарушения уголовно-правовых запретов и поддержания правопорядка.

Также следует ввести в ст. 1 УК РФ ч. 4, в которой должны быть определены формы уголовно-правового воздействия: наказание, реализуемое с помощью средств исправительного воздействия (режима, труда, обучения, воспитательной работы); условное осуждение с последующим контролем; принудительные меры медицинского характера; конфискация имущества; освобождение от уголовной ответственности, в том числе при условии последующего применения отдельных мер (судебного штрафа); освобождение от наказания с последующим контролем либо применением принудительных мер воспитательного воздействия; судимость.

Представленные в таблице цели различных форм уголовно-правового воздействия могут вызвать вопросы, в связи с чем считаем необходимым прокомментировать отдельные из них.

Как видно, принудительные меры воспитательного воздействия и помещение несовершеннолетнего в спецучреждение преследуют те же цели, что и наказание. Данное положение лишь подчеркивает мне-

ние законодателя о том, что несовершеннолетний, который осознает общественную опасность своего деяния и в поведении которого прослеживается тенденция к исправлению, может быть освобожден от ответственности в связи с применением указанных мер или от наказания в связи с помещением в спецучреждение. Речь идет не о состоявшемся факте исправления, а лишь о тенденции к таковому, поэтому выделение цели исправления в данном случае представляется уместным и необходимым. Восстановление социальной справедливости также следует отнести к целям принудительных мер воспитательного воздействия и помещения в спецучреждение по той причине, что несовершеннолетний все же претерпевает негативные последствия своего противоправного деяния, хотя освобожден от уголовной ответственности, и тем самым восстанавливается баланс общественных отношений.

Принудительные меры медицинского характера наряду с оказанием помощи лицу, страдающему заболеванием, имеют целью предупреждение преступлений. Возможно, в данном случае употребление слова «преступление» не совсем корректно ввиду того, что часть лиц, которые совершают противоправные деяния, находятся в состоянии невменяемости, что исключает признание содеянного ими преступлением. Вместе с тем меры рассматриваемой категории могут быть применены и к лицам, нарушившим закон во вменяемом или ограниченно вменяемом состоянии, поэтому формулировка может быть расширена: «предупреждение преступлений и общественно опасных запрещенных уголовным законом деяний невменяемых лиц».

В разъяснении нуждаются и выделенные нами цели конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера. Полагаем, в данном случае следует отталкиваться от категории конфискуемого имущества. В зависимости от этого будут отсутствовать одна из целей либо будут актуальны обе. Цель восстановления социальной справедливости выражается в возмещении потерпевшему ущерба за счет конфискованного имущества. Цель предупреждения преступлений реализуется через возможность изъятия у преступника орудия преступления или средства его совершения, что в некоторой степени выступает в качестве профилактической меры.

Освобождение от уголовной ответственности как форма уголовно-правового воздействия преследует две цели. Первая – предупреждение преступлений – реализуется через кредит доверия государства лицу, совершившему преступление. Государство, проявляя благосклонность к гражданину, рассчитывает на его законопослушное поведение в дальнейшем. Гражданин, которому было оказано доверие, в будущем не станет совершать преступления, чувствуя свою ответственность перед государством. Относительно исправления следует отметить, что исправление в результате освобождения лица от уголовной ответственности достигается за счет осознания недопустимости совершения преступлений впредь ввиду оказанного ему доверия. В статьях об освобождении от уголовной ответственности отсутствует указание

на утрату лицом общественной опасности в связи с осознанием противоправности своих действий и убежденностью в недопустимости совершения преступлений в будущем. Подобная формулировка присутствует только в ст. 75 УК РФ: «вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным». Это позволяет сделать вывод о том, что возможно освобождение от уголовной ответственности лица, не в полной мере достигшего исправления. Утверждение о том, что человек, возместивший ущерб или примирившийся с потерпевшим через выражение извинения, перестал быть общественно опасным, представляется несостоятельным, поскольку игнорирует субъективную составляющую. Особое беспокойство в этом отношении вызывает освобождение от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа, не предполагающее исправление как таковое, а лишь констатирующее наличие возможности заплатить указанный штраф. Кроме того, факт возможности освобождения от уголовной ответственности неисправившегося лица подтверждается ст. 90 УК РФ о принудительных мерах воспитательного воздействия, рассматриваемых в качестве вида освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних. Применение к освобожденным от ответственности несовершеннолетним подобных мер доказывает неуверенность как законодателя, так и правоприменителя в их исправлении. Избранный нами подход к определению целей освобождения от уголовной ответственности как формы уголовно-правового воздействия может быть подвергнут критике в части утверждения о необходимости исправления освобождаемого лица. Можно возразить, что вопрос об освобождении от уголовной ответственности лиц, которые нуждаются в исправлении, неуместно даже ставить. Вместе с тем вышеизложенные соображения относительно выполнения лицом объективных условий, необходимых для освобождения от ответственности, при отсутствии реального осознания, принятия своей вины и исправления свидетельствуют о рациональности нашей точки зрения.

Исправление осужденного как цель освобождения от наказания находит свое отражение в предоставлении ему возможности сделать соответствующие выводы о своем поведении без применения карательного элемента. Это относится как к лицам, которые не могли быть освобождены от уголовной ответственности по формальным основаниям, так и к лицам, которые изначально нуждались в отбывании реального наказания, но в его процессе продемонстрировали стремление исправиться. Исправление осужденного нельзя назвать целью, присущей всем видам освобождения от наказания. Так, освобождение в связи с болезнью, изменением обстановки, истечением срока давности, отсрочка являются объективно обусловленной необходимостью. Условно-досрочное освобождение и замена неотбытой части наказания более мягким видом носят иной характер, что позволяет рассуждать о цели исправления осужденного.

Предупреждение преступлений в случае освобождения от наказания реализуется в возможности

для осужденного не подвергаться деструктивному влиянию криминальной среды в исправительном учреждении, не испытывать риски десоциализации (если речь идет о лишении свободы), не претерпевать различные ограничения, препятствующие реализации творческого и профессионального потенциала в полном объеме (относительно видов наказания, не связанных с изоляцией осужденного от общества).

Таким образом, перечисленные в таблице цели, на наш взгляд, в полной мере соотносятся с формами уголовно-правового воздействия.

В некоторых случаях интерес вызывает вопрос о моментах начала и окончания уголовно-правового воздействия. Как в данном контексте соотносятся уголовно-правовое воздействие и уголовная ответственность? В этом отношении интересно обсудить такие формы уголовно-правового воздействия, как принудительные меры воспитательного воздействия и освобождение от уголовной ответственности. Точки зрения на момент возникновения уголовной ответственности разнообразны. К примеру, сторонники позитивной уголовной ответственности называют моментом возникновения таковой вступление в силу уголовного закона [3; 6; 8; 13]. Другие авторы придерживаются позиции о возникновении уголовной ответственности в момент совершения преступления, когда у лица появляется обязанность ответить перед государством за содеянное [4; 5]. Доминирующим на сегодняшний день является убеждение, что уголовная ответственность возникает с момента привлечения лица в качестве обвиняемого [9; 19]. Этот подход основан на юридических фактах, необходимости подтверждения основания уголовной ответственности. Исходя из сути уголовной ответственности, можно не согласиться с таким взглядом, поскольку обязанность определенного рода возникла у лица перед государством именно по поводу и в момент совершения преступления, нарушения закона. Однако оправдана необходимость следовать букве закона, который гласит, что лицо, совершившее преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности, а это значит, что в современной теории уголовного права моменты возникновения и окончания уголовной ответственности фактически определяет правоприменитель.

Момент окончания уголовной ответственности также обращает на себя внимание. Уголовная ответственность, согласно закону, не заканчивается при отбытии лицом наказания. Она распространяется дальше – на период наличия у лица судимости. Учитывая, что при соблюдении ряда условий судимость может быть снята досрочно либо лицо, совершившее преступление, может быть в принципе освобождено от уголовной ответственности, следует сделать акцент на полномочиях правоприменителя по установлению момента окончания уголовной ответственности.

Момент возникновения уголовно-правового воздействия относится к более позднему этапу развития уголовно-правовых отношений, нежели момент возникновения уголовной ответственности. Как правило, это вынесение приговора суда о признании лица

виновным и назначении ему наказания, применении принудительных мер медицинского характера или воспитательного воздействия, конфискации имущества, назначении судебного штрафа. Второй вариант начала уголовно-правового воздействия – вынесение следователем, дознавателем или прокурором постановления об освобождении от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным уголовным законом и не требующим судебного решения. Вместе с тем в данном случае фактически уголовно-правовое воздействие начинается ранее – при возмещении ущерба и ином заглаживании вреда. Однако однозначно назвать такие действия лица уголовно-правовым воздействием нельзя, поскольку, как правило, лицо должно осуществить эти действия добровольно, а не по указанию – это послужит признанием им своей вины, подтверждением раскаяния и исправления.

Одной из форм уголовно-правового воздействия следует считать судимость, поэтому окончанием такого воздействия при условии реального отбывания наказания станет момент погашения или снятия судимости.

Отдельного внимания в аспекте обсуждения момента окончания уголовно-правового воздействия заслуживают принудительные меры воспитательного воздействия. Законодателем они позиционируются как освобождение от уголовной ответственности. Вместе с тем, если лицо освобождено от уголовной ответственности, государством фактически признано, что в дальнейшем воздействии такое лицо не нуждается и никакие меры по поводу совершенного им преступления к нему больше не будут применяться. С этой позиции довольно странным выглядит освобождение от ответственности с последующим уголовно-правовым воздействием. То же самое можно сказать о судебном штрафе. В связи с этим представляется неоправданным исключение принудительных мер воспитательного воздействия из числа форм реализации уголовной ответственности. На наш взгляд, подобная мера реагирования государства на преступление, совершенное несовершеннолетним, должна рассматриваться как освобождение от наказания, но не от уголовной ответственности. При этом помещение в спецучреждение вписывается в предложенный нами алгоритм в отличие от собственно принудительных мер воспитательного воздействия. Такой подход можно аргументировать еще и тем, что принудительные меры воспитательного воздействия входят в раздел «Иные меры уголовно-правового характера», уже по названию которого можно заключить, что соответствующие меры являются частью уголовно-правового воздействия.

Судебный штраф предполагает вынесение судебного решения об освобождении от уголовной ответственности с последующей уплатой штрафа, то есть фактически переносит уголовно-правовое воздействие на более позднюю стадию, на которой его уже не должно быть. Более того, предполагается, что в случае неуплаты судебного штрафа решение об освобождении от уголовной ответственности подлежит отмене, а лицо – привлечению к ответственности,

осуждению и наказанию. Учитывая, что изначально освобождение от уголовной ответственности представлялось мерой поощрения, носящей необратимый характер, то нормы о судебном штрафе не соответствуют положениям доктрины уголовного права, а также правилам юридической техники.

Понятие уголовно-правового воздействия с точки зрения буквы уголовного закона шире, чем понятие уголовной ответственности, поскольку может реализовываться за пределами последней. Полагаем, что уголовно-правовое воздействие в виде иных мер уголовно-правового характера должно рассматриваться как мера профилактики, а не ответственности. Профилактика же распространяется на всех граждан, в том числе законопослушных.

Далее обратимся к анализу механизма реализации предусмотренных законом мер уголовно-правового воздействия. Данному вопросу посвящен ряд нормативных правовых актов разного уровня, объединенных в рамках отрасли уголовно-исполнительного права, однако выходящих за пределы Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. Разрозненность положений о механизме реализации отдельных видов уголовно-правового воздействия не всегда положительно отражается на практике применения данных норм, более того, УИК РФ теряет свой смысл как кодекс ввиду того, что регулирует лишь одно направление большой отрасли. Как можно увидеть из анализа УИК РФ, его нормы посвящены только исполнению наказания и применению отдельных мер постпенитенциарного воздействия, которые в систему уголовно-правового воздействия не входят. Не совсем понятен критерий, по которому составлялся кодекс. Выясняя таковой, пойдем от обратного:

1) УИК РФ объединяет нормы об исполнении различных видов наказания. Позиция некорректна ввиду наличия в кодексе положений о постпенитенциарных мерах воздействия;

2) в кодексе нашли отражение нормы, связанные с подведомственностью Федеральной службе исполнения наказаний. Позиция, приближенная к действительности, однако из указанной схемы выпадает наказание в виде штрафа, которое исполняется Федеральной службой судебных приставов;

3) смешанный критерий, совмещающий в себе первый и второй признаки. Наиболее объективный критерий, вместе с тем отчасти опровергающийся тем фактом, что в УИК РФ включены нормы, регламентирующие порядок применения принудительных мер медицинского характера к осужденным. Таким образом, частично УИК РФ посвящен еще и вопросам реализации иных мер уголовно-правового характера.

С позиции кодификации норм конкретной отрасли права такое положение представляется недопустимым. Согласимся с тем, что все нюансы уголовно-правового воздействия не могут быть отражены в кодексе ввиду их многочисленности и отнесенности к ведению различных субъектов правоприменения. Вместе с тем в УИК РФ могли бы получить закрепление обобщенные положения в виде норм бланкетного характера, но касающиеся всех форм уголовно-правового воздействия. К этому обязывает и принятое в

научной сфере отношение к уголовно-исполнительному праву как «живому» уголовному праву.

Особенности применения постпенитенциарных мер воздействия, на наш взгляд, могли бы быть раскрыты в специальных нормативных правовых актах.

Вызывает вопросы разобщенность норм уголовного и уголовно-исполнительного права в части соблюдения иерархии в системе наказания. Так, в УИК РФ эта иерархия не выдерживается (нормы об исполнении наказания в виде обязательных работ предшествуют нормам об исполнении наказания в виде штрафа).

На наш взгляд, при составлении УИК РФ неверно ориентироваться на обязанности конкретного органа или учреждения, необходимо исходить из положений уголовного закона, лишь прописывая процедуру их реализации.

Анализ норм УИК РФ позволяет увидеть, что фактически уголовно-правовое воздействие не ограничивается теми формально определенными действиями, которые регламентированы уголовным законом: оно также представлено воспитательной работой, общественным воздействием, трудом и обучением.

Интересен взгляд на уголовно-правовое воздействие с позиции международного уголовного права, которое, как и национальное, предусматривает наряду с наказанием применение иных мер уголовно-правового воздействия, но не конкретизирует их. Такой подход к регулированию уголовно-правовых отношений вызывает определенные сомнения относительно тех пределов, в которых может действовать международное законодательство. Справедливо утверждение С. А. Корнеева о том, что компетенция международных судебных органов должна ограничиваться признанием лица виновным в совершении преступления против мира и безопасности человечества с последующим назначением уголовного наказания и, возможно, контролем за его исполнением. Определение же видов других мер уголовно-правового воздействия следует признать предметом исключительной компетенции органов национального правосудия в целях недопущения нарушения государственного суверенитета и вмешательства во внутренние дела соответствующей страны [17].

Во внутреннем же законодательстве необходима детальная регламентация форм уголовно-правового воздействия, не позволяющая правоприменителю необоснованно выходить за рамки дозволенного.

Заключение

В уголовном законе требуется определенная систематизация форм уголовно-правового воздействия. Прежде всего, должно быть закреплено, что уголовно-правовое воздействие представляет собой применение мер, определенных уголовным законом, к лицу, совершившему преступление, в целях предупреждения нарушения уголовно-правовых запретов и поддержания правопорядка. Также должны быть приведены формы уголовно-правового воздействия:

1) наказание, реализуемое с помощью средств исправительного воздействия (режима, труда, обучения, воспитательной работы);

2) условное осуждение с последующим контролем;

- 3) принудительные меры медицинского характера;
- 4) конфискация имущества;
- 5) освобождение от уголовной ответственности, в том числе при условии последующего применения отдельных мер (судебного штрафа);
- 6) освобождение от наказания с последующим контролем либо применением принудительных мер воспитательного воздействия;
- 7) судимость.

Следует обратить внимание на отсутствие в предложенном перечне помещения несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение

закрытого типа по причине включения его в состав принудительных мер воспитательного воздействия.

Данные изменения требуют дальнейшей проработки и аргументации, а также предполагают пересмотр других положений Общей части УК РФ.

Проведенное исследование представляет интерес с теоретической и практической точек зрения ввиду предпринятой нами попытки систематизировать разрозненные знания об уголовно-правовом воздействии, приведшей к формированию примерного плана мероприятий по совершенствованию данного направления государственной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бавсун, М. В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Бавсун Максим Викторович. – Омск, 2013. – 40 с.
2. Брайнин, Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве / Я. М. Брайнин. – Москва : Госюриздат, 1963. – 275 с.
3. Волков, Б. С. Детерминистическая природа преступного поведения / Б. С. Волков. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1975. – 110 с.
4. Игнатов, А. Н. Уголовное право. Общая часть : курс лекций. Лекция 4: Уголовная ответственность и состав преступления / А. Н. Игнатов, Т. А. Костарева ; ответственные редакторы А. Н. Игнатов и Ю. А. Красиков. – Москва : Норма : Инфра-М, 1996. – 63 с.
5. Коробов, П. В. Момент возникновения уголовной ответственности / П. В. Коробов // Правоведение. – 2001. – № 2. – С. 147–163.
6. Липинский, Д. А. Концепции позитивной юридической ответственности в отечественной юриспруденции / Д. А. Липинский // Журнал российского права. – 2014. – № 6. – С. 37–51.
7. Пионтковский, А. А. Уголовное право РСФСР. Часть Общая. – Москва : Гос. изд-во, 1925. – 219 с.
8. Попов, К. И. Позитивная уголовная ответственность и правомерное причинение вреда / К. И. Попов // Военное право. – 2018. – № 6. – С. 266–269.
9. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая : лекции. В 2 томах. Том 1 / Н. С. Таганцев. – Москва : Наука, 1994. – 380 с.
10. Тер-Акопов, А. А. Ответственность за нарушение специальных правил поведения / А. А. Тер-Акопов. – Москва : Юрид. лит., 1995. – 176 с.
11. Трунцевский, Ю. В. Меры уголовно-правового воздействия: понятие и виды / Ю. В. Трунцевский // Российская юстиция. – 2015. – № 5. – С. 29–32.
12. Чистяков, А. А. Уголовная ответственность и механизм формирования ее основания : монография / А. А. Чистяков. – Москва : Закон и право : ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 275 с.
13. Южанин, В. Е. О позитивной уголовной ответственности / В. Е. Южанин // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Том 28, № 2. – С. 200–206.
14. Bahnasi, A. F. al-Uqbahfi al-fiqhal-Islami / Ahmad Fathi Bahnasi. – Cairo : Daral-Shuruq, 1983. – 210 с.
15. Dancig-Rosenberg, H. Retributarianism: A New Individualization of Punishment / Hadar Dancig-Rosenberg, Netanel Dagan // Criminal Law and Philosophy. – 2019. – Volume 13. – Pp. 129–147.
16. Feinberg, J. Doing & Deserving: Essays in the Theory of Responsibility / Joel Feinberg. – Princeton : Princeton University Press, 1970. – 299 p.
17. Lapshin, V. F. The use of artificial intelligence in criminal law and criminal procedure systems / V. F. Lapshin, S. A. Korneev, R. V. Kilimbaev // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. – 2020. – Volume 1001. – Article number 012144. – URL: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1757-899X/1001/1/012144> (дата обращения: 08.06.2022).
18. Voronin, V. Justice In Russian Criminal Law / Viacheslav Voronin // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. – 2021. – Volume 108: Man. Society. Communication. – Pp. 1482–1489. – URL: <https://www.europeanproceedings.com/book-series/EpSBS/books/vol108-msc-2020/> (дата обращения: 08.06.2022).
19. Voronin, V. N. Justice of Punishment as Social Compromise / V. N. Voronin // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. – 2020. – Volume 420: XVII International Research-to-Practice Conference dedicated to the memory of M. I. Kovalyov (ICK 2020). – Pp. 62–66. – URL: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/ick-20/125937326> (дата обращения: 08.06.2022).
20. Voronin, V. Role of sociological methodology in determining criteria evaluating justice of punishment in criminal law / Viacheslav Voronin // SHS Web of Conferences. – 2022. – Volume 134: 14th Session of Euro-Asian Law Congress «The value of law» 2021. – Article number 00084. – URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2022/04/shsconf_eac-law2021_00084/shsconf_eac-law2021_00084.html (дата обращения: 08.06.2022).

REFERENCES

1. Bavsun M.V. *Ugolovno-pravovoe vozdeistvie: ideologiya, tseli i sredstva realizatsii: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [The criminal legal impact: ideology, goals and means of implementation: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2013. 40 p.

2. Brainin Ya. M. *Ugolovnaya otvetstvennost' i ee osnovanie v sovetskom ugolovnom prave* [Criminal liability and its foundation in Soviet criminal law]. Moscow: Gosyurizdat, 1963. 275 p.
3. Volkov B.S. *Deterministicheskaya priroda prestupnogo povedeniya* [Deterministic nature of criminal behavior]. Kazan: Izd-vo Kazan.un-ta, 1975. 110 p.
4. Ignatov A.N., Kostareva, T.A. *Ugolovnoe pravo: Obshchaya chast': kurs lektsii. Lektsiya 4: Ugolovnaya otvetstvennost' i sostav prestupleniya* [Criminal law: general part: course of lectures. Lecture 4: Criminal responsibility and the corpus delicti]. Ed. by Ignatov A.N., Krasikov Yu.A. Moscow: Norma, Infra-M, 1996. 63 p.
5. Korobov P.V. The moment of criminal liability. *Pravovedenie=Jurisprudence*, 2001, no. 2, pp. 147–163. (In Russ.).
6. Lipinskii D.A. Concepts of positive legal responsibility in the Russian jurisprudence. *Zhurnal rossiiskogo prava=Journal of Russian Law*, 2014, no. 6, pp. 37–51. (In Russ.).
7. Piontkovskii A.A. *Ugolovnoe pravo RSFSR. Chast' Obshchaya* [Criminal law of the RSFSR. General part]. Moscow: Gos. izdat-vo, 1925. 219 p.
8. Popov K.I. Positive criminal responsibility and lawful harm. *Voennoe parvo=Military Law*, 2018, no. 6, pp. 266–269. (In Russ.).
9. Tagantsev N.S. *Russkoe ugolovnoe parvo. Chast' Obshchaya: lektsii. V 2 tomakh. Tom 1.* [Russian criminal law. General part: lectures. In 2 volumes. Volume 1]. Moscow: Nauka, 1994. 380 p.
10. Ter-Akopov A.A. *Otvettvennost' za narushenie spetsial'nykh pravil povedeniya* [Responsibility for violation of special rules of conduct]. Moscow: Yurid. lit., 1995. 176 p.
11. Truntsevskii Yu.V. Measures of criminal-legal influence: concept and types. *Rossiiskaya yustitsiya=Russian Justice*, 2015, no. 5, pp. 29–32. (In Russ.).
12. Chistyakov A.A. *Ugolovnaya otvetstvennost' i mekhanizm formirovaniya ee osnovaniya: monografiya* [Criminal liability and the mechanism of its foundation formation: monograph]. Moscow: Zakon i pravo, YuNITI-DANA, 2002. 275 p.
13. Yuzhanin V.E. On positive criminal liability. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie=Man: Crime and Punishment*, 2020, vol. 28 (1-4), no. 2, pp. 200–206. (In Russ.). doi: 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.200-206.
14. Bahnasi A.F. *al-Uqubahfial-fiqhal-Islami*. Cairo: Daral-Shuruq, 1983. 210 p.
15. Dancig-Rosenberg H., Dagan N. Retributarianism: a new individualization of punishment. *Criminal Law and Philosophy*, 2019, vol. 13, pp. 129–147.
16. Feinberg J. *Doing & deserving: essays in the theory of responsibility*. Princeton: Princeton University Press, 1970. 299 p.
17. Lapshin V.F., Korneev S.A., Kilimbaev R.V. The use of artificial intelligence in criminal law and criminal procedure systems. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*, 2020, vol. 1001. Available at: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1757-899X/1001/1/012144> (accessed June 8, 2022).
18. Voronin V. Justice in Russian criminal law. In: *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Vol. 108: Man. Society. Communication*. 2021. Pp. 1482–1489. Available at: <https://www.europeanproceedings.com/book-series/EpSBS/books/vol108-msc-2020/> (accessed June 8, 2022).
19. Voronin V.N. Justice of punishment as social compromise. In: *Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Volume 420: 17th International Research-to-Practice Conference dedicated to the memory of M.I. Kovalyov (ICK 2020)*. 2020. Pp. 62–66. Available at: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/ick-20/125937326> (accessed June 8, 2022).
20. Voronin V. Role of sociological methodology in determining criteria evaluating justice of punishment in criminal law. In: *SHS Web of Conferences. Volume 134: 14th Session of Euro-Asian Law Congress "The value of law"*. 2022. Available at: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2022/04/shsconf_eac-law2021_00084/shsconf_eac-law2021_00084.html (accessed June 8, 2022).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА БАРХАТОВА – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России, Иркутск, Россия, ekaterinabarhatova1997@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0381-5462>

EKATERINA N. BARKHATOVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia, ekaterinabarhatova1997@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0381-5462>

Статья поступила 10.06.2022

Научная статья

УДК 343.01

doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.004

Изменение судом категории преступления как средство индивидуализации назначения уголовного наказания

ЭЛИНА АРТУРОВНА БАБАЯНЦМосковский городской суд, Москва, Россия, eli.fart@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5126-2014>

Реферат

Введение: в статье рассматриваются порядок и основания изменения судом категории преступления на менее тяжкую в условиях, когда имеются причины для применения указанного средства индивидуализации наказания. Норма ч. 6 ст. 15 УК РФ нередко подвергается критике и является предметом обсуждения специалистов. *Цель:* на основе анализа научной литературы и судебной практики показать возможности дальнейшего расширения индивидуализации назначения наказания путем применения снижения категории преступления в соответствии с положениями ч. 6 ст. 15 УК РФ. *Методы:* исторический, сравнительно-правовой, статистический, эмпирические методы описания, интерпретации, теоретические методы формальной и диалектической логики, юридико-догматический и метод толкования правовых норм. *Результаты:* анализ показал, что в научной литературе существует мнение об избыточности нормы, регулирующей изменение категории преступления. Тем не менее следует признать ее необходимой, так как суд, руководствуясь ею, имеет возможность принять верное решение в нестандартных ситуациях. Необходимо рассматривать возможность применения исследуемой нормы в случае принятия судами решений по делам об организованных преступных сообществах, так как здесь появляется перспектива добиться индивидуализации наказания для членов сообщества в зависимости от степени их вовлеченности в преступную деятельность и общественной опасности содеянного каждым из них. *Выводы:* для достижения цели индивидуализации наказаний в отечественном уголовном праве следует расширить возможности применения ч. 6 ст. 15 УК РФ, дополнив постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации соответствующим пунктом, предусматривающим использование указанной нормы при рассмотрении дел в особом порядке в связи с заключением с подсудимым досудебного соглашения о сотрудничестве.

К л ю ч е в ы е с л о в а : уголовное законодательство; изменение категории преступления; категории преступлений; индивидуализация назначения наказания; общественная опасность преступления.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Бабаянц Э. А. Изменение судом категории преступления как средство индивидуализации назначения уголовного наказания // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 3 (59). С. 263–273. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.004.

Original article

Changing the Category of Crime by the Court as a Means to Individualize Imposition of Criminal Punishment

ELINA A. BABAYANTS Moscow City Court, Moscow, Russia, eli.fart@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5126-2014>

Abstract

Introduction: the article discusses the procedure and grounds for changing the category of crime by the court to a less serious one in conditions where there are reasons for applying the specified norm to individualize punishment. The norm of Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation is often criticized in literature and is the subject of specialists' discussion. *Purpose:* based on the analysis of scientific literature and judicial practice, to show the possibilities of punishment

individualization by recognizing a crime less grave in accordance with the provisions of Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Methods*: historical, comparative legal, statistical, empirical methods of description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic. The following private scientific methods were used: the legal-dogmatic and the method of interpretation of legal norms. *Results*: the work conducted reveals researchers' opinions about redundancy of the norm regulating the change in the category of crime. Nevertheless, this rule should be recognized as necessary, as it entitles the court to make the right decision in non-standard situations. The rule under study may be used to individualize punishment for members of organized criminal groups, depending on their degree of involvement in criminal activity and the public danger of their actions. *Conclusions*: to promote individualization of punishments in the domestic criminal law, it is necessary to expand the possibilities of applying Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation, having supplemented the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation with an appropriate paragraph providing for the application of this norm when considering cases in a special order in connection with the conclusion of a pre-trial cooperation agreement with the defendant.

Key words: criminal legislation; changing the category of crime; categories of crimes; punishment individualization; public danger of crime.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Babayants E. A. Changing the category of crime by the court as a means to individualize imposition of criminal punishment. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 3 (59), pp. 263–273. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.004.

Эффективность применения норм действующего уголовного закона является необходимым условием защищенности прав и свобод человека, охраняемых законом интересов как личности, так и общества в целом. Современная уголовная политика в качестве основного направления своего развития определила гуманизацию уголовного законодательства, понимаемую как прямое следствие реализации таких важнейших принципов уголовного закона, как законность, справедливость и гуманизм. Именно соблюдение принципа гуманизма в уголовном праве означает постановку в качестве целей уголовного наказания исправления осужденного, восстановления справедливости в общественных отношениях, предотвращения новых правонарушений, но никоим образом не мести или карательного акта. Среди правовых инструментов, служащих гуманизации уголовного закона, можно назвать обратную силу смягчающих наказание норм, амнистию, установление более мягких наказаний при соблюдении указанных в законе условий.

К числу мер, служащих гуманизации уголовного законодательства, относится введенная в 2011 г. ч. 6 ст. 15 УК РФ. Положения данной статьи дают суду право замены в некоторых указанных в законе случаях категории преступления на менее тяжкую.

Предусмотренные ст. 15 УК РФ категории преступлений, предопределяя формально допустимые границы оценки деяний соответствующей группы, в то же время побуждают органы суда к вынесению вариативных уголовно-правовых решений. Наглядным примером в этом смысле стало предоставленное суду право снижать категорию преступления, что значительно влияет на объем уголовной ответственности виновного лица.

Рассматриваемые положения ч. 6 ст. 15 УК РФ предоставляют суду право изменить категорию преступления средней тяжести, тяжкого и особо тяжкого, установив на одну категорию «легче» в том случае,

когда подсудимому назначено наказание не более трех, пяти или семи лет лишения свободы соответственно или более мягкое наказание. Следует отметить, что суды используют данную норму довольно редко – примерно в 0,5 % случаев осуждения за преступления средней, тяжкой или особо тяжкой категорий [9].

Подробно механизмы применения вышеуказанной нормы разъяснены в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.05.2018 № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации», п. 2 которого, в частности, гласит: «Разрешая данный вопрос, суд принимает во внимание способ совершения преступления, степень реализации преступных намерений, роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, вид умысла либо вид неосторожности, мотив, цель совершения деяния, характер и размер наступивших последствий, а также другие фактические обстоятельства преступления, влияющие на степень его общественной опасности. Вывод о наличии оснований для применения положений части 6 статьи 15 УК РФ может быть сделан судом, если фактические обстоятельства совершенного преступления свидетельствуют о меньшей степени его общественной опасности».

Понятие общественной опасности сложно трактовать однозначно. По своей сущности оно предназначается именно для оценки различных правовых ситуаций, которые могут быть нетипичными. Соответственно, их сложно оценить исходя из стандартизированных жестких норм. Ю. Е. Пудовочкин определял общественную опасность следующим образом: «Будучи внутренним свойством деяния, общественная опасность, вместе с тем, является оценочным признаком. Оценка деяния как опасного происходит на двух уровнях: на уровне законодателя при принятии решения о криминализации того или иного деяния и на уровне правоприменителя при решении вопроса о

выборе оптимальной формы реализации ответственности субъекта» [19, с. 155]. Споры о степени общественной опасности тех или иных совершаемых деяний и мере наказания за их совершение не утихают как в нашей стране, так и за рубежом (например, в США активно ведется дискуссия о частоте назначения наказания в виде пожизненного заключения за насильственные преступления). В своей публикации М. Багарич и Д. Свилар обосновывают соразмерность назначения наказания в виде пожизненного лишения свободы за убийство первой степени. В то же время авторы указывают, что за иные преступления, не влекущие столь опасных последствий, такая мера наказания избыточна, и предлагают рассмотреть возможность отмены практики назначения данного вида наказания за менее тяжкие, чем убийство первой степени, преступления [26].

Формально почти в каждом приговоре рассматривается сама возможность применения положений ч. 6 ст. 15 УК РФ. Тем не менее среди массы судебных решений по уголовным делам можно обнаружить лишь единицы, где судом снижена категория преступления в соответствии с указанной статьей [20, с. 66]. По данным выборочных исследований, применение ч. 6 ст. 15 УК РФ встречается всего в 1,7 % приговоров, или в 5 случаях из 300 рассмотренных. Согласно статистике Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2021 г. в приговорах судов общей юрисдикции применение ч. 6 ст. 15 УК РФ встречается всего в 6987 приговорах из 769 948 окончанных дел, то есть в 0,91 % случаев. В 2020 г. эта статья применялась судами еще реже – в 0,59 % случаев [22].

Необходимо отметить, что в системе норм УК РФ положения ч. 6 ст. 15 УК РФ занимают особое место, могут применяться только в исключительных ситуациях, не являются широко употребляемыми [18]. Таким образом, для их применения уголовное дело должно обладать определенными особенностями и обстоятельствами (фактами).

Д. С. Дядькин выделяет следующие основания применения правила ч. 6 ст. 15 УК РФ: «1) исключительные фактические обстоятельства преступления; 2) исключительная степень общественной опасности деяния. Фактические обстоятельства преступления следует понимать шире, нежели только как совокупность фактов, установленных по делу, одновременно свидетельствующих как о самом деянии, так и о его преступности. К ним необходимо относить любые обстоятельства, связанные с определением жизненных фактов, явлений действительности, образующих в данном конкретном случае фактическую основу применения обсуждаемой нормы» [6, с. 23].

Следует заметить, что дискуссия о необходимости дальнейшей индивидуализации назначения наказания ведется не только в российских научных кругах. Западные исследователи также обращают внимание на потребность в дополнительном изучении всех доказательств с целью выявления смягчающих обстоятельств, что позволит более взвешенно подходить как к обвинению, так и к защите подсудимого. С точки

зрения Дж. Б. Мейкснера – младшего, процесс вынесения приговоров в американских судах должен быть реформирован в сторону большей индивидуализации назначения наказания. Автор предлагает достичь этого с помощью более глубокого изучения всех фактов и доказательств, а также смягчающих обстоятельств, чтобы они представляли собой эффективную помощь защитнику в судебном процессе [28]. При этом другими исследователями обращается внимание на тот факт, что введение, к примеру, в США обязательного минимального наказания заставляет судей назначать минимальные тюремные сроки исключительно на основании обвинений, выдвинутых против обвиняемого прокурорами, лишает их возможности проявлять осмотрительность и выносить индивидуальные судебные решения в каждом конкретном случае. С момента введения обязательного минимального наказания было вынесено множество неоправданно суровых приговоров, в том числе по ненасильственным преступлениям, а также в отношении ранее не судимых преступников [29]. Безусловно, такой практики, которая предусматривает одинаковый подход ко всем без учета всех обстоятельств дела, следует избегать в отечественном правосудии.

Принимая во внимание особые обстоятельства ситуации изменения категории, следует рассмотреть вопрос о соотношении ч. 6 ст. 15 УК РФ и ст. 64 УК РФ, в которой непосредственно упоминается наличие в деле «исключительных смягчающих обстоятельств, существенно уменьшающих степень общественной опасности преступления». Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении № 10 от 15.05.2018 указал: «Применение судом статьи 64 УК РФ само по себе не препятствует изменению категории преступления в соответствии с частью 6 статьи 15 УК РФ, указанные нормы применяются самостоятельно, поскольку законом предусмотрены различные для этого основания».

Исходя из складывающейся практики правоприменения, можно отметить, что положения ч. 6 ст. 15 УК РФ уверенно применяются судами, хотя этот процесс не носит массового характера в силу исключительного их свойства. Они полноправно занимают определенное место в системе средств индивидуализации уголовной ответственности подсудимых. Основой рассмотрения проблем практики применения ч. 6 ст. 15 УК РФ является признание того факта, что при всей сложности и дискуссионности действующих норм уголовного закона, касающихся категоризации преступлений, эти предписания как таковые не следует трактовать в качестве нарушающих конституционные права и свободы граждан. Конституционный Суд Российской Федерации несколько раз рассматривал обращения граждан относительно ответственности ст. 15 УК РФ Основному закону. Однако ни в одном из случаев признаки противоречия Конституции Российской Федерации в рассматриваемых уголовных нормах не были найдены. В то же время судом был сформулирован базовый тезис: «В Уголовном кодексе в качестве критерия категоризации преступле-

ний используются вид и размер предусмотренного за них наказания, которые служат внешними формализованными показателями, отражающими характер и степень их общественной опасности» [12]. Неоднократно Конституционным Судом Российской Федерации указывалось на тот факт, что в данном случае имеется в виду размер максимального наказания, установленный в санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ, а не размер наказания, фактически назначенный подсудимому.

Именно поэтому вызывает сомнения неоднократно высказанное в научной литературе мнение о том, что норма ч. 6 ст. 15 УК РФ противоречит принципу законности. Л. О. Кулева разделяет данную точку зрения, мотивируя это тем, что «именно законодатель конструирует санкцию статьи, только он устанавливает содержание той или иной категории, а также уголовно-правовые последствия. В случае изменения категории преступления суд ставит под сомнение санкцию статьи, устанавливая иную категорию» [8, с. 56].

Однако речь здесь все же идет не о рутинном и ежедневном изменении категории преступления, а именно об исключительных случаях, когда использование нормы ч. 6 ст. 15 УК РФ не имеет целью отменить санкцию применяемой статьи Особенной части УК РФ, а только в необходимой степени индивидуализирует наказание для осужденного [6, с. 25; 19, с. 80].

Как указано в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, когда категория преступления будет заменена на менее тяжкую, наступающие для осужденного правовые последствия будут устанавливаться уже с учетом сниженной категории преступления. Эта рекомендация, которая адресована нижестоящим судам, подчеркивает большое значение роли судебных органов в определении общественной опасности содеянного. По мнению А. М. Герасимова, положения ч. 6 ст. 15 УК РФ предоставили суду дополнительные возможности давать уголовным деяниям максимально объективные оценки, минимизирующие вынесение стандартных, клишированных решений [5, с. 56].

Также обращает на себя внимание мнение Л. О. Кулевой о дублировании нормой ч. 6 ст. 15 УК РФ других статей этого же кодекса, в частности ст. 64 УК РФ об обстоятельствах, снижающих степень общественной опасности [8, с. 85]. Однако в соответствии с разъяснениями, данными в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10 от 15.05.2018, для применения этих статей предусматриваются различные основания, следовательно, они могут применяться одновременно.

Если основываться на сравнительном анализе упомянутых норм, можно прийти к выводу, что, хотя основания их применения имеют некоторые общие черты, однако можно выявить следующие различия:

– ст. 64 УК РФ может быть применена к преступлениям небольшой тяжести, тогда как ч. 6 ст. 15 УК РФ – нет;

– ст. 64 УК РФ не может быть применена к отдельным преступлениям, указанным в ч. 3 ст. 64 УК РФ, тогда как ч. 6 ст. 15 УК РФ применима к этим преступлениям;

– ст. 64 УК РФ применяется при наличии отягчающих наказание обстоятельств, тогда как ч. 6 ст. 15 УК РФ – нет;

– ст. 64 УК РФ применяется при таком самостоятельном основании, как активное содействие участника группового преступления раскрытию этого преступления, тогда как положения ч. 6 ст. 15 УК РФ этого не закрепляют;

– ст. 64 УК РФ предполагает смягчение наказания ниже низшего предела санкции, или назначение наказания более мягкого, чем указано в санкции, или неназначение дополнительного наказания, предусмотренного в качестве обязательного, в то время как ч. 6 ст. 15 УК РФ может применяться при назначении наказания в пределах, установленных санкцией применяемой статьи Особенной части УК РФ, с учетом указанного в самой статье максимального размера наказания.

В случае когда обстоятельства дела предполагают наличие оснований для применения той и другой нормы, а также не усматриваются законодательно определенные препятствия для применения ч. 6 ст. 15 УК РФ, следует полагать, что суд имеет право назначить более мягкое наказание, чем установлено за это преступление, и в то же время изменить категорию на менее тяжкую.

Исходя из той предпосылки, что нормы ст. 64 и ч. 6 ст. 15 УК РФ предназначены в уголовном праве для решения разных задач и не конкурируют между собой, для их применения вполне могут учитываться одни и те же факты и обстоятельства уголовного дела.

В целом же следует отметить, что, хотя суды, как правило, не готовы применять ч. 6 ст. 15 УК РФ, в то же время такая возможность многое меняет для подсудимого – от назначения вида исправительной колонии до шанса освободиться досрочно. Следует использовать эту норму хотя бы эпизодически, опираясь не просто на смягчающие обстоятельства дела, а на исключительные, носящие единичный характер. Это позволит приблизиться к решению проблемы индивидуализации назначения уголовного наказания.

В этом смысле интересным будет провести сравнение с уголовным законодательством Республики Казахстан. Оно является ярким примером того, что законодатель пошел другим путем в части индивидуализации назначения наказания. В данном случае акцент делается не на самой категории преступления, то есть не на степени его общественной опасности, а на наличии или отсутствии смягчающих обстоятельств. В ст. 55 Уголовного кодекса Республики Казахстан [24] исчерпывающе и конкретно указано, в каких именно обстоятельствах и в каком размере наказание должно быть снижено. Так, предусмотрено, что наличие смягчающих и отсутствие отягчающих обстоятельств является основанием для снижения наказания за уголовный проступок, преступления не-

большой или средней тяжести как минимум наполовину, за тяжкое преступление – в размере не более $\frac{2}{3}$, а за особо тяжкое деяние – не более $\frac{3}{4}$ от установленной соответствующей статьей Особенной части наказания.

Положения Уголовного кодекса Республики Казахстан дополнены нормативным постановлением Верховного суда Республики Казахстан от 25.06.2015 № 4, которое указывает судам на необходимость учитывать не только установленную в ст. 11 УК РК степень тяжести совершенного преступления, но также всю совокупность сопутствующих его совершению обстоятельств, таких как мотивы, цели, способ совершения, форма вины преступника, стадия преступления, общественная опасность последствий, которые оно повлекло, и т. д. Также рассматриваемое постановление обращает внимание судов на то, что нормы о назначении более мягкого наказания могут применяться только при наличии исключительных смягчающих вину обстоятельств, которые, во-первых, снижают степень общественной опасности преступного деяния, а во-вторых, свидетельствуют о положительных характеристиках подсудимого с социально-нравственной точки зрения. Последнее условие, касающееся морально-нравственного облика преступника, представляет собой существенное отличие от аналогичных российских норм и их толкований, в которых отсутствует отсылка к характеристикам личности преступника как таковым.

Такой подход, безусловно, имеет как положительные, так и отрицательные черты. В частности, в исследованиях казахских правоведов встречается мнение, что данный вопрос отрицательно сказывается на решениях по делам о некоторых преступлениях. Например, складываются ситуации, когда практически одно и то же наказание назначается участникам преступной группы, выполнявшим в ней совершенно различные по значимости и общественной опасности роли (например, организатор и второстепенный соучастник исполнения), или за сбыт наркотических веществ одним преступником в размере одного грамма, а другим – нескольких килограммов [3].

В отличие от Уголовного кодекса Республики Казахстан, в Уголовном кодексе Республики Кыргызстан [23] прямо установлены основные принципы уголовного закона, и в том числе принцип индивидуализации ответственности и наказания. В то же время реформа 2021 г., проведенная в Кыргызстане в отношении уголовного законодательства, по сути удалила многие средства дифференциации и индивидуализации, которые были введены ранее. Так, был отменен Кодекс об уголовных проступках, принятый в 2017 г. Деяния, считавшиеся проступками, были переведены в категорию менее тяжких преступлений. Всего же кыргызским уголовным законом предусмотрены в ст. 19 четыре категории преступлений: небольшой тяжести, менее тяжкие, тяжкие и особо тяжкие. За основу классификации традиционно взяты назначаемые по этим категориям сроки лишения свободы.

Кроме того, в 2021 г. в Кыргызстане был отменен институт соглашения о сотрудничестве, так как,

по мнению законодателя, его наличие приводило к существенному снижению качества следственных действий [1]. Таким образом, представляется, что данные положения уголовного законодательства умаляют значение и роль принципа индивидуализации уголовной ответственности и наказания.

Представляется, что расширение использования ч. 6 ст. 15 УК РФ возможно, в частности, в сфере назначения наказания лицам, принимавшим участие в организованных группах или преступных сообществах. Рассмотрение дел о преступлениях, совершенных группой лиц либо организованной группой, как и преступным сообществом, всегда имеет повышенную сложность. Это связано с дополнительным анализом фактов, относящихся к определению, какая именно форма соучастия имеет место, установлению роли каждого из членов преступной группы в совершении преступлений, формы и степени их вины.

В научной литературе принято говорить об организованных формах преступности как явлениях, имеющих повышенную общественную опасность. По утверждению Д. А. Янковского, это объясняется в основном тем фактом, что в преступных объединениях образуются и действуют намного более устойчивые антиобщественные связи преступного характера между отдельными криминальными элементами и таким способом появляется особый (коллективный) субъект преступной деятельности [25, с. 117].

В п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации уже отражено положение о том, что для применения ч. 6 ст. 15 УК РФ необходимо в числе прочих факторов учитывать роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии. Однако нам видится, что данная формулировка недостаточна для формирования правоприменительной практики в этой области.

Преступные организации и сообщества отличаются тем, что в них, как правило, существует некое распределение ролей и функций между участниками согласно установленной неписаной иерархии и степени (давности) вовлеченности в преступную деятельность. Соответственно, распределение доходов от незаконной деятельности происходит между ними также в соответствии с этой иерархией. В признак «организованность», касающийся как преступного сообщества, так и организованной группы, входят обязательные составляющие: обозначение и определение целей совместной деятельности, детальное взвешивание, обдумывание и планирование преступных действий. Также наблюдается иерархическая структура и ведется распределение ролей среди соучастников преступного сообщества (преступной организации), в системе управления имеется жесткая дисциплина с безоговорочным подчинением низшего высшему, организаторами осуществляется активная деятельность, направленная на создание системы противодействия различным уровням контроля [7, с. 78].

Из описанных признаков логически вытекает, что при ведении дел, касающихся преступлений, совершенных организованными группами преступников, суду приходится рассматривать и устанавливать в

числе прочего положение в иерархии сообщества и степень соучастия каждого из обвиняемых. Это обстоятельство само по себе в достаточной степени усложняет процесс вынесения решения. В ходе предварительного следствия в таких случаях необходимо установить степень вины, фактического участия каждого из обвиняемых по делу в совершении преступления. В то же время нередко складываются ситуации, при которых лицо было вовлечено в преступную деятельность случайно, помимо собственной воли путем угроз, обмана, шантажа, под влиянием заблуждения либо не до конца осознавая последствия своих действий. Соответственно, личная ответственность каждого подсудимого должна быть определена с учетом всех изложенных обстоятельств.

Для противодействия именно групповым формам преступности, в том числе и латентному общественно опасному криминальному явлению, был создан институт досудебного соглашения о сотрудничестве (п. 61 ст. 5 УПК РФ). Его эффективность обусловлена стимулированием положительных посткриминальных поступков обвиняемого, в результате которых для него наступают установленные в соглашении благоприятные уголовно-правовые последствия [2, с. 56]. По эффективности и частоте применения его можно сравнить с институтом признания вины в уголовном праве США [27; 30].

Можно сказать, что применение особого порядка рассмотрения дела при заключении с обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве – это компромиссный способ как рассмотрения судом, так и предварительного расследования уголовного дела. При этом содействие подозреваемого или обвиняемого органам предварительного расследования, как отмечает Б. Т. Безлепкин, должно характеризоваться такими признаками, как активность, заинтересованность и добросовестность. Именно в этом, по справедливому мнению исследователя, заключается законная цель данного соглашения [4, с. 233].

Также полагаем, что основная цель введения института досудебного соглашения о сотрудничестве состояла в необходимости установления механизма эффективной борьбы с организованной преступностью. Предполагалось, что данный механизм послужит цели пресечения незаконной деятельности преступных групп и сообществ, так как их участники зачастую под страхом мести утаивают информацию об организаторах преступной деятельности и соучастниках. Нормы о досудебном соглашении о сотрудничестве дают возможность следственным органам на законных основаниях использовать меры государственной защиты и смягчения наказания в отношении участников организованных преступных групп и преступных сообществ в обмен на предоставление информации о соучастниках, планируемых преступлениях, преступных связях и контактах в группе (сообществе).

По мнению Э. З. Сакаевой и Э. Э. Мусиной, суть досудебного соглашения о сотрудничестве сводится к особому способу расследования и раскрытия

наиболее опасных и тяжких преступлений (заказных убийств, бандитизма, незаконного оборота наркотических средств, оружия, преступлений коррупционного характера и др.) с помощью побуждения обвиняемого к деятельному сотрудничеству со следственными органами [21, с. 87].

В рамках настоящего исследования было рассмотрено порядка 90 приговоров, вынесенных в особом порядке рассмотрения дела с применением гл. 40.1 УПК РФ о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Среди них сравнительно невелика доля приговоров, при вынесении которых суд нашел уместным применить ч. 6 ст. 15 УК РФ и снизить категорию преступления. Основания для применения указанной статьи уголовного закона были предусмотрены в следующих решениях:

– подсудимая признана виновной в совершении преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 5 ст. 290, ч. 1 ст. 291.2 УК РФ. Категория преступления по п. «а» ч. 5 ст. 290 изменена с особо тяжкой на тяжкую, назначено наказание в виде лишения свободы на срок три года с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима с лишением права занимать должности на государственной службе, в органах местного самоуправления с организационно-распорядительными и административно-хозяйственными функциями сроком на четыре года и штрафа в доход государства в размере семидесяти тысяч рублей [14];

– подсудимый признан виновным в даче взятки за оформление документов, подтверждающих ветеринарную безопасность сельскохозяйственных животных, по ч. 5 ст. 291 УК РФ, ему назначено наказание в виде штрафа в размере трех миллионов рублей. Суд на основании ч. 6 ст. 15 УК РФ счел возможным изменить категорию совершенного преступления с особо тяжкого на тяжкое [17];

– подсудимый признан виновным в незаконном лишении свободы, нарушении неприкосновенности жилища, вымогательстве. Суд счел необходимым изменить категорию данного преступления с особо тяжкого на тяжкое на основании ч. 6 ст. 15 УК РФ. Окончательное наказание назначено в виде лишения свободы сроком на четыре года без штрафа и ограничения свободы [16];

– подсудимый был признан виновным в совершении четырех преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 159 УК РФ. Суд, руководствуясь ч. 6 ст. 15 УК РФ, счел возможным изменить категорию совершенных преступлений на менее тяжкую (с тяжкого на категорию средней тяжести). Окончательное наказание подсудимому было назначено по совокупности преступлений путем частичного сложения назначенных наказаний в виде лишения свободы на срок три года. В соответствии со ст. 73 УК РФ назначенное подсудимому наказание в виде лишения свободы постановлено считать условным с установлением осужденному испытательного срока в течение двух лет [15].

Необходимо отметить, что большая часть данных приговоров судов относится к делам о коррупционных и экономических преступлениях, таких как дача

взятки либо посредничество, мошенничество, вымогательство.

Наиболее суровое наказание в виде реального лишения свободы было назначено по результатам рассмотрения уголовного дела по обвинению в ряде эпизодов преступной деятельности, когда подсудимая использовала свое служебное положение, а также по уголовному делу, где присутствовали и другие преступления: незаконное лишение свободы и нарушение неприкосновенности жилища потерпевшего.

При всей многочисленности приговоров по делам, касающимся статей гл. 25 УК РФ, в частности незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, среди них очень редко встречаются ситуации, при которых суд счел необходимым применить положения ч. 6 ст. 15 УК РФ.

Из всего количества рассмотренных в рамках данного исследования судебных решений нашлось одно, в котором судом установлены основания для снижения категории преступления с особо тяжкого на тяжкое. Суд принял во внимание в том числе степень реализации преступных намерений (преступление не было окончено), ненаступление особо тяжких последствий, совершение преступления впервые и молодой возраст подсудимого [14]. В резолютивной части приговора суд постановил признать подсудимого виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «а», «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, назначить ему наказание в виде лишения свободы на срок четыре года в исправительной колонии общего режима, изменив категорию преступления с особо тяжкого на тяжкое. Как видим, здесь изменение категории повлияло на вид исправительного учреждения, в котором осужденный будет отбывать наказание.

Таким образом, можно отметить, что применение ч. 6 ст. 15 УК РФ, скорее, затруднено или представляется невозможным в отношении насильственных преступлений, равно как и преступлений против здоровья населения и общественной нравственности. С учетом повышенной общественной опасности данных преступлений, по нашему мнению, сложно определить, какие исключительные обстоятельства могут побудить суд рассмотреть вопрос об индивидуальных смягчениях при назначении наказания.

В то же время, как упоминалось выше, применение ч. 6 ст. 15 УК РФ в судебной практике встречается очень редко, в то время как статья содержит потенциал для дальнейшего развития гуманизации и индивидуализации назначения уголовного наказания.

Исследуя возможность применения указанной нормы в случаях, когда уголовное дело рассматривается в особом порядке с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве при предъявляемом обвинении в совершении ненасилованных преступлений, хотелось бы обратить внимание на следующие моменты. В п. 7 ст. 317.3 УПК РФ установлено, что в досудебном соглашении о сотрудничестве необходимо указать смягчающие обстоятельства и нормы уголовного законодательства, которые могут быть применены в отношении подозреваемого или обвиняемого при соблюдении последним условий

и выполнении обязательств, указанных в досудебном соглашении о сотрудничестве. Таким образом, в данном случае имеем дело с уголовно-процессуальной проблемой, которая охватывает и уголовно-правовую, то есть включает в себя применение ч. 6 ст. 15 УК РФ при рассмотрении дела в особом порядке.

В п. 5 ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ указывается, что в судебном заседании в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, необходимо исследовать в том числе и обстоятельства, которые характеризуют личность подсудимого, а также обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2012 № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» [10] также упоминается об исследовании обстоятельств, характеризующих личность подсудимого, смягчающих и отягчающих наказание. Указывается, что эти обстоятельства могут устанавливаться в том числе и на основании дополнительно предоставляемых сторонами материалов, а также свидетельских показаний. При этом в положениях закона не называется конкретная цель такого исследования, что позволяет полагать возможным использование результатов рассмотрения судом указанных характеристик и обстоятельств и с целью обоснования смягчения назначаемого наказания. Как раз здесь при наличии достаточных смягчающих обстоятельств и личностных качеств подсудимого у суда появляется основание рассматривать возможность снижения категории тяжести преступления в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ. Данный подход подтверждается примерами из судебной практики, хотя и достаточно редкими, когда при рассмотрении дела в особом порядке суд счел возможным изменить категорию преступления при вынесении обвинительного приговора [13].

Представляется целесообразным рекомендовать судам при рассмотрении в особом порядке уголовных дел при заключении лицом или лицами досудебного соглашения о сотрудничестве в случаях, когда предъявлено обвинение в совершении ненасилованных преступлений в составе преступного сообщества (организованной преступной группы), изменять категорию преступления на менее тяжкую в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ. За счет такого подхода будет достигнута именно цель индивидуализации назначения наказания для второстепенных в иерархии преступного сообщества участников, выполнявших вспомогательные роли, которые в то же время идут на добровольное сотрудничество со следствием в целях пресечения дальнейшей преступной деятельности сообщества, предупреждения совершения им новых преступлений.

В связи с этим следует дополнить постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.05.2018 № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» п. 13 следующего содержания:

«13. При рассмотрении судами дел в порядке главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, например при вменении подсудимому участия в преступном сообществе, судам надлежит индивидуализировать и всесторонне оценить степень участия указанного подсудимого и влияние изложенного на наступление общественно опасных последствий содеянного. В случае выполнения подсудимым всех условий досудебного соглашения о сотрудничестве суд при назначении наказания дополнительно оценивает целесообразность применения ч. 6 ст. 15 УК РФ с учетом данных о личности подсудимого, объема и характера предъявленного обвинения» [11].

Таким образом, норма ч. 6 ст. 15 УК РФ применяется судами лишь в исключительных, единичных случаях, когда наличествуют особые смягчающие вину обстоятельства. Суду в данном случае отводится важная роль – определение степени общественной

опасности содеянного, а также той угрозы обществу, что представляет собой личность подсудимого.

Вклад в развитие теории и прикладной области уголовно-правовой науки состоит том, что выводы и предложения, сформулированные по итогам исследования, направлены на совершенствование уголовного законодательства Российской Федерации и решение существующих в правоприменительной практике проблем. В частности, есть перспективы расширения использования ч. 6 ст. 15 УК РФ при назначении наказания лицам, обвиняемым в совершении преступлений в составе преступных сообществ.

Представляется целесообразным рекомендовать судам при рассмотрении в особом порядке уголовных дел при заключении лицом досудебного соглашения о сотрудничестве в случаях, когда предъявлено обвинение в совершении ненасильственных преступлений, применять норму ч. 6 ст. 15 УК РФ об изменении категории преступления на менее тяжкую.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллаева, А. Новое уголовное законодательство Кыргызстана: откат назад или курс на результативность? / А. Абдуллаева // Central Asian Bureau for Analytical Reporting : сайт. – URL: <https://cabar.asia/ru/novoe-ugolovnoe-zakonodatelstvo-kyrgyzstana-otkat-nazad-ili-kurs-na-rezultativnost> (дата обращения: 05.05.2022).
2. Асадуева, С. А. Значение института досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном судопроизводстве / С. А. Асадуева // Закон и право. – 2021. – № 6. – С. 54–59.
3. Аширбеков, А. По принципу индивидуализации наказания / А. Аширбеков // zakon.kz : сайт. – URL: <https://www.zakon.kz/4911883-po-printsipu-individualizatsii.html> (дата обращения: 05.05.2022).
4. Безлепкин, Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). – 13-е изд., перераб. и доп. / Б. Т. Безлепкин. – Москва : Проспект, 2016. – 576 с. – ISBN 978-5-392-32847-5.
5. Герасимов, А. М. Уголовно-правовая политика по увеличению роли суда в установлении уровня общественной опасности преступления / А. М. Герасимов // Правовая политика и правовая жизнь. – 2022. – № 1. – С. 55–59.
6. Дядькин, Д. С. Уголовно-правовые проблемы применения ч. 6 ст. 15 УК РФ / Д. С. Дядькин // Уголовное право. – 2015. – № 2. – С. 23–28.
7. Коротков, С. А. Преступное сообщество (преступная организация) и ответственность их участников по российскому уголовному праву / С. А. Коротков // Академическая мысль. – 2020. – № 2 (11). – С. 77–84.
8. Кулева, Л. О. Категоризация преступлений как средство дифференциации ответственности в Общей и Особенной частях УК РФ : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Кулева Людмила Олеговна. – Ярославль, 2019. – 244 с.
9. Курс на гуманизацию: Пленум ВС разъяснил, как смягчать наказание через переквалификацию // Право.ru : сайт. – URL: <https://pravo.ru/news/202505/> (дата обращения: 05.05.2022).
10. О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2012 № 16 // Российская газета. – 2012. – № 156.
11. О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.05.2018 № 10 // Российская газета. – 2018. – № 106с.
12. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20.05.2014 № 16-П по делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. А. Филимонова // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 22. – Ст. 2920.
13. Приговор Привокзального районного суда г. Тулы от 21.01.2020 по делу № 1-196/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/IGRb5goMxML1?ysclid=17fxv7mexz786365480> (дата обращения: 05.05.2022).
14. Приговор Свердловского районного суда г. Белгорода от 23.07.2020 по делу № 1-122/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qwbohF8UPc6q?ysclid=17fxwscxejo962493303> (дата обращения: 05.05.2022).
15. Приговор Туапсинского районного суда Краснодарского края от 19.05.2020 по делу № 1-60/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/y1fizbweGmLW?ysclid=17fx5sm8g565692349> (дата обращения: 05.05.2022).

16. Приговор Читинского гарнизонного военного суда (Забайкальский край) от 08.05.2020 по делу № 1-52/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jrr45eQuAndK/?ysclid=17fxxzsg6r962406711> (дата обращения: 05.05.2022).
17. Приговор Яшкульского районного суда Республики Калмыкия от 21.07.2021 по делу № 1-60/2021 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/wVAXCV2XVCoT/?ysclid=17fxypizc7513765155> (дата обращения: 05.05.2022).
18. Пудовочкин, Ю. Е. Изменение категории преступления судом: теоретико-прикладной анализ / Ю. Е. Пудовочкин, Н. В. Генрих // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2019. – № 2 (73). – С. 76–81.
19. Пудовочкин, Ю. Е. Учение о преступлении : избранные лекции / Ю. Е. Пудовочкин. – Москва : Юрлитинформ, 2008. – 224 с. – ISBN 978-5-93295-654-0.
20. Решетник, В. Я. Принятие судами решений об изменении категории преступления на менее тяжкую / В. Я. Решетник // Законность. – 2016. – № 9 (983). – С. 65–76.
21. Сакаева, Э. З. Понятие досудебного соглашения о сотрудничестве / Э. З. Сакаева, Э. Э. Мусина // Интерактивная наука. – 2021. – № 3 (58). – С. 85–89.
22. Судебная статистика Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : официальный сайт. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения: 05.05.2022).
23. Уголовный Кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 127 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.04.2022 г.) // 25-ЮРИСТ : сайт. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065 (дата обращения: 05.05.2022).
24. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.03.2022) // 25-ЮРИСТ : сайт. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 05.05.2022).
25. Янковский, Д. А. Особенности назначения наказания за преступление, совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой и преступным сообществом / Д. А. Янковский // Пробелы в российском законодательстве. – 2015. – № 3. – С. 116–123.
26. Bagaric, M. A (Partial and Principled) Defense of Sentences of Life Imprisonment / M. Bagaric, J. Svilar // Cleveland State Law Review. – 2022. – Volume 70, no. 4. – Pp. 667–708. – URL: <https://engagedscholarship.csuohio.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4182&context=clevstlrev> (дата обращения: 05.05.2022).
27. Johnson, T. Lying at Plea Bargaining / Thea Johnson // Georgia State University Law Review. – 2022. – Volume 38, no. 3. – Pp. 673–733. – URL: <https://readingroom.law.gsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3139&context=gsulr> (дата обращения: 05.05.2022).
28. Meixner, J. B. Jr. Modern Sentencing Mitigation / John B. Meixner Jr. // Northwestern University Law Review. – 2022. – Volume 116, no. 6. – Pp. 1395–1480. – URL: <https://scholarlycommons.law.northwestern.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1490&context=nulr> (дата обращения: 05.05.2022).
29. Ramsey, J. Minimum Sentences, Maximum Suffering: A Proposal to Reform Mandatory Minimum Sentencing / J. Ramsey // Scholars Crossing. The institutional repository of Liberty University : website. – URL: https://digitalcommons.liberty.edu/hsgconference/2022/theory_philosophy/16 (дата обращения: 05.05.2022).
30. Reported Experiences with Plea Bargaining: A Theoretical Analysis of the Legal Standard / Krystia Reed, Alison Franz, Vincent Calderon, Alisha Meschkow, Valerie F. Reyna // West Virginia law review. – 2022. – Volume 124, no. 2. – Pp. 421–447. – URL: <https://researchrepository.wvu.edu/wvrl/vol124/iss2/5/> (дата обращения: 05.05.2022).

REFERENCES

1. Abdullaeva A. New criminal law of Kyrgyzstan: a throwback or efficiency policy? *Central Asian Bureau for Analytical Reporting: sait* [Central Asian Bureau for Analytical Reporting: website]. Available at: <https://cabar.asia/ru/novoe-ugolovnoe-zakonodatelstvo-kyrgyzstana-otkat-nazad-ili-kurs-na-rezultativnost> (In Russ.). (Accessed May 5, 2022).
2. Asadueva S.A. The importance of the institution of a pre-trial agreement on cooperation in criminal proceedings. *Zakon i pravo=Law and Legislation*, 2021, no. 6, pp. 54–59. (In Russ.).
3. Ashirbekov A. According to the principle of individualization of punishment. *zakon.kz: sait* [zakon.kz: website] Available at: <https://www.zakon.kz/4911883-po-printsipu-individualizatsii.html> (In Russ.). (Accessed May 5, 2022).
4. Bezlepkin B.T. *Kommentarii k Ugolovno-protsessual'nomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [Commentary on the Criminal Procedural Code of the Russian Federation (article-by-article)]. Moscow: Prospekt. 2016. 576 p. ISBN 978-5-392-32847-5.
5. Gerasimov A.M. Criminal law policy to increase the role of the court in establishing the level of public danger of crime. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'=Legal Policy and Legal Life*, 2022, no. 1, pp. 55–59. (In Russ.).
6. Dyad'kin D.S. Criminal and legal problems of application of Article 15, Part 6 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Ugolovnoe pravo=Criminal Law*, 2015, no. 2, pp. 23–28. (In Russ.).
7. Korotkov S.A. Criminal community (criminal organization) and responsibility of their participants under Russian criminal law. *Akademicheskaya mysl'=Academic Thought*, 2020, no. 2 (11), pp. 77–84. (In Russ.).
8. Kuleva L.O. *Kategorizatsiya prestuplenii kak sredstvo differentsiatsii otvetstvennosti v Obshchei i Osobennoi chastyakh UK RF: avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk* [Categorization of crimes as a means of differentiating liability

- in the General and Special parts of the Criminal Code of the Russian Federation: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Yaroslavl, 2019. 244 p.
9. In the direction of humanization: the Plenum of the Supreme Court clarified how to mitigate punishment through retraining. *Pravo.ru: sait* [Pravo.ru: website]. Available at: <https://pravo.ru/news/202505/> (In Russ.). (Accessed May 5, 2022).
  10. On the practice of courts' application of a special procedure for court proceedings when concluding a pre-trial cooperation agreement: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 16 of June 28, 2012. *Rossiiskaya gazeta=Russian Newspaper*, 2012, no. 156. (In Russ.).
  11. On the practice of courts' application of the provisions of Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court No. 10 of May 15, 2018. *Rossiiskaya gazeta=Russian Newspaper*, no. 106, 2018. (In Russ.).
  12. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 16-P of May 20, 2014 on the case of checking the constitutionality of Paragraph 1 of Part 3 of Article 31 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen V.A. Filimonov. In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2014. No. 22. Art. 2920. (In Russ.).
  13. Verdict of the Privokzalnii District Court of the city of Tula of January 21, 2020 in the case No. 1-196/2019. *Sudebnye i normativnye akty RF: sait* [Judicial and regulatory acts of the Russian Federation: website]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/IGRb5goMxML1/?ysclid=l7fxv7mexz786365480> (In Russ.). (Accessed May 5, 2022).
  14. Verdict of the Sverdlovsk District Court of the city of Belgorod of July 23, 2020 in the case No. 1-122/2020. *Sudebnye i normativnye akty RF: sait* [Judicial and regulatory acts of the Russian Federation: website]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/qwbohF8UPc6q/?ysclid=l7fxcxejo962493303> (In Russ.). (Accessed May 5, 2022).
  15. Verdict of the Tuapse District Court of Krasnodar Krai of May 19, 2020 in the case No. 1-60/2020. *Sudebnye i normativnye akty RF: sait* [Judicial and regulatory acts of the Russian Federation: website]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/y1fzbweGmLW/?ysclid=l7fx5sm8g565692349> (In Russ.). (Accessed May 5, 2022).
  16. Verdict of the Chita Garrison Military Court (Zabaikalsky Krai) of May 8, 2020 in the case No. 1-52/2020. *Sudebnye i normativnye akty RF: sait* [Judicial and regulatory acts of the Russian Federation: website]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/jrr45eQuAndK/?ysclid=l7fxzsg6r962406711> (In Russ.). (Accessed May 5, 2022).
  17. Verdict of the Yashkul District Court of the Republic of Kalmykia of July 21, 2021 in the case No. 1-60/2021. *Sudebnye i normativnye akty RF: sait* [Judicial and regulatory acts of the Russian Federation: website]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/wVAXCV2XVCoT/?ysclid=l7fxypizc7513765155> (In Russ.). (Accessed May 5, 2022).
  18. Pudovochkin Yu.E., Genrikh N.V. Changes of category of crime by the court: theoretical applied analysis. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii=Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*, 2019, no. 2 (73), pp. 76–81. (In Russ.).
  19. Pudovochkin Yu.E. *Uchenie o prestuplenii: izbrannye lektsii* [Doctrine of crime: selected lectures]. Moscow: YurLitinform. 2008. 224 p. ISBN 978-5-93295-654-0.
  20. Reshetnik V.Ya. Taking decisions by courts on changing a category of crime for a minor crime. *Zakonnost'=Legality*, 2016, no. 9 (983), pp. 65–76. (In Russ.).
  21. Sakaeva E.Z., Musina E.E. Concept of plea agreement. *Interaktivnaya nauka=Interactive Science*, 2021, no. 3 (58), pp. 85–89. (In Russ.).
  22. Judicial statistics of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. *Sudebnyi departament pri Verkhovnom Sude Rossiiskoi Federatsii: ofitsial'nyi sait* [Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation: official website]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (In Russ.). (Accessed May 5, 2022).
  23. Criminal Code of the Kyrgyz Republic No. 127 of October 28, 2021 (with amendments and additions as of April 1, 2022). *25-YuRIST: sait* [25-Law: website]. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065 (In Russ.). (Accessed May 5, 2022).
  24. Criminal Code of the Republic of Kazakhstan No. 226-V of July 3, 2014 (with amendments and additions as of March 2, 2022). *25-YuRIST: sait* [25-Law: website]. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (In Russ.). (Accessed May 5, 2022).
  25. Yankovskii D. A. Features of sentencing for a crime committed by a group of persons, a group of persons by prior agreement, an organized group and a criminal community. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve=Gaps in Russian Legislation*, 2015, no. 3, pp. 116–123. (In Russ.).
  26. Bagaric M., Svilar J. A (partial and principled) defense of sentences of life imprisonment. *Cleveland State Law Review*, 2022, vol. 70, no. 4, pp. 667–708. Available at: <https://engagedscholarship.csuohio.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4182&context=clevstlrev> (accessed May 5, 2022).
  27. Johnson T. Lying at plea bargaining. *Georgia State University Law Review*, 2022, vol. 38, no. 3, pp. 673–733. Available at: <https://readingroom.law.gsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3139&context=gsulr> (accessed May 5, 2022).
  28. Meixner J.B. Jr. Modern sentencing mitigation. *Northwestern University Law Review*, 2022, vol. 116, no 6. pp. 1395–1480. Available at: <https://scholarlycommons.law.northwestern.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1490&context=nulr> (accessed May 5, 2022).
  29. Ramsey J. Minimum sentences, maximum suffering: a proposal to reform mandatory minimum sentencing. *Scholars Crossing. The institutional repository of Liberty University: website*. Available at: https://digitalcommons.liberty.edu/hs-gconference/2022/theory_philosophy/16 (accessed May 5, 2022).

30. Reed K., Franz A., Calderon V., Meschkow A. et al. Reported experiences with plea bargaining: a theoretical analysis of the legal standard. *West Virginia Law Review*, 2022, vol. 124, no 2, pp. 421–447. Available at: <https://researchrepository.wvu.edu/wvlr/vol124/iss2/5/> (accessed May 5, 2022).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЭЛИНА АРТУРОВНА БАБАЯНЦ – помощник заместителя председателя Московского городского суда, Москва, Россия, eli.fart@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5126-2014>

ELINA A. BABAYANTS – Assistant to the Deputy Chairman of the Moscow City Court, Moscow, Russia, eli.fart@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5126-2014>

Статья поступила 24.06.2022

Российское ускоренное дознание: современные метаморфозы процессуальной формы

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ГИРЬКО

Центр исследования проблем безопасности Российской академии наук,
Москва, Россия

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия
syvorina959134@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0344-0573>

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ХАРЧЕНКО

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации,
Москва, Россия, dsb111@yandex.ru

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ДОЛГОПОЛОВ

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина,
Краснодар, Россия, Aadolgopolov1@mail.ru

АЛТЫНБЕК МАНАПБАЕВИЧ КАМБАРОВ

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста Рос-
сии), Москва, Россия, Kambarov75@mail.ru

Реферат

Введение: в последнее время поиск ускоренных и упрощенных форм досудебного производства как в России, так и за рубежом является проявлением тенденции гуманизации уголовного процесса. Однако анализ позиций ученых-процессуалистов в научной литературе, рассмотренный через призму международных стандартов полицейского дознания, не дает окончательного ответа о целесообразности проведения дознания в сокращенной форме. Ставя *цель исследования*, авторы связывают современное состояние эффективности ускоренного дознания с определением способов оптимизации организации расследования преступлений и решением ряда проблем дифференциации процессуальной формы производства дознания. *Методологическую базу* исследования составила следующая совокупность теоретических и эмпирических методов научного познания действительности: теоретические познания основывались на анализе научных источников и размышлении авторов на тему законодательного регулирования ускоренной формы дознания, а эмпиризм выводился из практики применения данной формы. *Обсуждение:* авторами исследования оценена продолжающаяся в отечественной научной литературе дискуссия по проблеме восприятия дознания в ускоренной форме как самостоятельной процессуальной формы, введенной в российский уголовный процесс. Рассмотрено развитие гибридных моделей уголовного правосудия в двух континентальных юрисдикциях (на примере Франции и Италии). В странах англосаксонской правовой системы, таких как США, Великобритания, Австралия, упрощенная процедура, как правило, связана с заключением сделки с правосудием на стадиях и расследования, и судопроизводства. В государствах – участниках СНГ (Казахстан, Беларусь, Молдова) был избран подход к ускоренной форме досудебного производства, позволяющий только сократить его срок. *Вывод:* решение проблемы авторы видят в приведении отечественных практик в соответствие с международными стандартами процедур полицейского дознания. Исследование показало, что, несмотря на дискуссии ученых, модель ускоренного дознания, введенная в УПК РФ, в целом соответствует предъявляемым требованиям, а организационные меры МВД России позволят распространить эту практику. Результаты исследования расширяют знания о закреплённой в УПК РФ унифицированной процедуре и способствуют ее дальнейшему совершенствованию.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное регулирование; сокращенная форма дознания; международные стандарты; полицейское дознание; ускоренное досудебное производство; модель ускоренного дознания; организационные меры МВД России; масштабы применения ускоренного дознания.

12.00.09 – Уголовный процесс.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Гирько С. И., Харченко С. В., Долгополов А. А., Камбаров А. М. Российское ускоренное дознание: современные метаморфозы процессуальной формы // Пени-тенциарная наука. 2022. Т. 16, № 3 (59). С. 274–284. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.005.

Original article

Russian Accelerated Inquiry: Modern Metamorphoses of the Procedural Form

SERGEI I. GIR'KO

Center for Security Research of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia
syvorina959134@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0344-0573>

SERGEI V. KHARCHENKO

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia, dsb111@yandex.ru

ALEKSANDR A. DOLGPOLOV

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia, Aadolgopolov1@mail.ru

ALTYNBEK M. KAMBAROV

All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia, Kambarov75@mail.ru

Abstract

Introduction: recently, the search for accelerated and simplified pre-trial proceedings both in Russia and abroad is a manifestation of the trend to humanize the criminal process. However, the analysis of the stance of procedural law scholars in the scientific literature considered through the prism of international standards of police inquiry does reveal the expediency of conducting an abbreviated inquiry. Defining the *purpose* of the research presented in the article, the authors link the current state of the accelerated inquiry efficiency with the definition of ways to optimize organization of crime investigation and solve a number of problems to differentiate the procedural form of inquiry. The following set of theoretical and empirical methods of scientific cognition of reality comprises the *methodological basis* of the research. Theoretical knowledge is based on the analysis of scientific sources and the authors' reflection on the topic of legislative regulation of an accelerated inquiry; empiricism is derived from the practice of using this form. *Discussion:* the authors of the study evaluate the ongoing discussion in the Russian scientific literature on the problem to consider an accelerated inquiry as an independent procedural form introduced into the Russian criminal process. Development of hybrid models of criminal justice in two continental jurisdictions (on the example of France and Italy) is considered. In the countries of the Anglo-Saxon legal system, such as the USA, Great Britain, Australia, a simplified procedure is usually associated with the conclusion of a plea bargain both at the stage of investigation and legal proceedings. The CIS member states' (Kazakhstan, Belarus, Moldova) approach to accelerated pre-trial proceedings only shortens its term. *Conclusion:* the authors see the solution to the existing problem in bringing domestic practices in line with international standards of police investigation procedures. The study shows that despite discussions of scientists, the accelerated inquiry model introduced in the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, in general, meets the requirements, and organizational measures of the Ministry of Internal Affairs of Russia will allow to spread this practice. The results of the study expand knowledge about the unified procedure enshrined in the Criminal Procedural Code of the Russian Federation and contribute to its further improvement.

Keywords: criminal procedure regulation; abbreviated form of inquiry; international standards; police inquiry; accelerated pre-trial proceedings; accelerated inquiry model; organizational measures of the Ministry of Internal Affairs of Russia; scope of application of accelerated inquiry.

12.00.09 – Criminal procedure.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Gir'ko S. I., Kharchenko S. V., Dolgoplov A. A., Kambarov A. M. Russian accelerated inquiry: modern metamorphoses of the procedural form. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 3 (59), pp. 274–284. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.005.

Введение

Потребность модернизации уголовно-процессуальных процедур как в России, так и на территории других государств вызвана необходимостью учета интернационализации преступности в условиях мировой глобализации и стремительного научно-технического прогресса, приводящего к появлению новых форм общественно опасного поведения. Трансграничный характер преступности усиливается стремительной криминализацией информационно-телекоммуникационной сферы. Ведущими киберугрозами 2021 г. специалисты признали распространение приема бэкдор в цепи поставок, взлом домашних систем для проникновения в офис, атаки на облачные платформы, а также мошенничества с мобильными платежами и QR-кодами [22]. В этих условиях необходимость эффективных международных механизмов и более тесного сотрудничества между государствами не раз отмечалась Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций [24]. В ноябре 2001 г. сорок три государства подписали Конвенцию Совета Европы о киберпреступности, направленную на повышение кибербезопасности посредством развития международного сотрудничества и оптимизации следственных механизмов [16]. Приоритетным направлением в деятельности большинства стран остается тенденция следования процессам либерализации и гуманизации уголовного правосудия. Комитет министров Совета Европы 17 сентября 1987 г. подписал рекомендацию «Об упрощении уголовной юстиции» NR (87)18, в которой указано на ограничение предварительного следствия, причем в некоторых случаях отмечена его необязательность [21]. Однако международные стандарты в сфере уголовного судопроизводства и процессы сближения континентальной и англосаксонской правовых систем затронули преимущественно судебный процесс и в меньшей степени досудебные стадии.

Эти и другие предпосылки подтолкнули российского законодателя к поиску оптимальных форм предварительного расследования. Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ в УПК РФ была введена гл. 32.1 «Дознание в сокращенной форме». Таким образом процессуальная форма производства дознания была дифференцирована, хотя до сих пор ведутся научные дискуссии между сторонниками единой процессуальной формы и приверженцами упрощенного порядка расследования преступлений [6]. Например, сокращению сроков в упрощенной форме дознания мешают дублирование процессуальных действий, отсутствие электронного межведомственного документооборота, сроков судебных экспертиз и ряд других недоработок уголовно-процессуального законодательства.

Учитывая вышеизложенные факты, актуальность проведенного нами исследования определяется:

- продолжающимися процессами либерализации и гуманизации уголовного правосудия;
- поиском путей сближения англосаксонской и континентальной моделей предварительного уголовного производства;
- потребностью дифференциации уголовно-процессуальной формы и поиском эффективных упрощенных и ускоренных процедур предварительного уголовного производства;
- условиями криминализации информационно-телекоммуникационной сферы и соответствующей потребностью в установлении и развитии цифрового взаимодействия правоохранительных структур на внутригосударственном и международном уровнях.

Определяя цель исследования, авторы связывают современное состояние эффективности ускоренного дознания с определением способов оптимизации организации расследования преступлений и решением ряда проблем дифференциации процессуальной формы производства дознания.

Достижению поставленной цели будет способствовать поэтапное решение исследовательских задач: историко-правовой анализ значения и сущности дифференциации процессуальной формы дознания в России и за рубежом; выявление организационных недостатков и проблем практики дознания в сокращенной форме; определение перспектив развития ускоренной формы дознания; анализ информационных технологий поддержки ускоренного дознания.

Обзор литературы

Проведенный анализ научных источников по теме исследования за 2016–2021 гг. позволил выделить три группы, каждая из которых акцентирует внимание на определенных аспектах современного состояния института ускоренного дознания.

Первая группа источников связана с проблемой поиска эффективных форм разрешения уголовно-правового конфликта посредством решения задачи уголовного судопроизводства по обеспечению доступа к правосудию и в целом реализации концепции гуманизации уголовного процесса. Это исследования Т. Ю. Вилковой [2, с. 167–179], В. М. Герасенкова [4, с. 21–25], В. В. Джурю [8, с. 10–21], Ю. А. Ляхова [9, с. 194–197], Д. В. Базаровой [14, с. 34–37], Ш. Ф. Файзиева [19, с. 70–73] и др. Были определены тенденции и векторы применения упрощенной формы досудебных процедур в России и за рубежом. Авторы рассматривают трансформирующее воздействие на развитие национального уголовного судопроизводства процессов глобализации. Конвергенция и приведение норм внутригосударственного права в соответствие с международными стандартами лежит в

плоскости демократизации и гуманизации уголовно-процессуальных процедур. Исследователи приходят к однозначным выводам, что решение проблемы повышения эффективности досудебного производства состоит в избавлении от излишней заформализованности и забюрократизированности. Анализируя основные модели построения досудебного производства в различных странах в зависимости от принадлежности государства к англосаксонской или континентальной правовой системе, Т. Ю. Вилкова констатирует тот факт, что «целью любого упрощенного и ускоренного производства является устранение неоправданных препятствий доступа к правосудию» [2, с. 168]. Вопросы укрепления гарантий открытости и доступности правосудия, а также упрощения процедуры получения информации о движении уголовного дела в современных условиях развития информационного общества исследует В. В. Джуря. Автор приходит к выводу, что «Россия стоит на пути постепенного приведения норм процессуального права в соответствие с международными стандартами» [8, с. 10]. Профессор Ю. А. Ляхов отмечает, что «гуманность является сущностной чертой уголовного процесса и соответственно все преобразования должны осуществляться по пути гуманизации» [9, с. 195]. К подобному мнению пришли и другие исследователи. Например, представитель ташкентской правовой школы Д. В. Базарова отмечает, что «в век информационных технологий эффективность уголовного правосудия зависит от целерантности, предполагающей разрешение уголовных дел в более короткие сроки» [14, с. 34]. Ш. Ф. Файзиев, рассматривая вопросы совершенствования уголовно-процессуальной деятельности органов дознания, делает акцент еще и на таком факторе, как экономия государственного бюджета [19].

Вторую группу научных источников составляют работы российских и зарубежных авторов, по-разному оценивающих проблему перспективности введения целерантных процедур в уголовные судопроизводства государств. К данным вопросам в своих научных исследованиях обращаются А. Р. Белкин [1], В. М. Герасенков [4], С. И. Гирько [6], Н. В. Манилкин, Е. В. Быкадорова, Н. В. Болдырев [10], А. А. Прокопова [11], Б. Коскас-Вильямс, М. Альберштейн [17], С. Эгберт, М. Лис [18, с. 13–17], И. Сорабий, С. Вагхан [22], Э. Яшар [26, с. 255–299]. Так, А. Р. Белкин и ряд других исследователей полагают, что «противоречия правового регулирования регламента сокращенного дознания (гл. 32.1 УПК РФ) не могут быть исправлены только путем внесения изменений. Требуется исключение этой главы из норм УПК РФ как не соответствующей правилам уголовно-процессуального доказывания и назначению уголовного судопроизводства в целом» [1]. Напротив, В. М. Герасенков отмечает, что «излишний формализм досудебных уголовных производств, особенно когда дело касается преступлений небольшой и средней тяжести, мешает ускорению доступа к правосудию и обеспечению принципа разумного срока уголовного судопроизводства» [4, с. 21]. Распространенность в зарубежных странах целерантных уголовных судопроизводств отражается на страни-

цах иностранной научной печати в основном их критикой. Так, оценивая реформу уголовного судопроизводства в Республике Казахстан, А. А. Прокопова отмечает, что «введенные Уголовно-процессуальным кодексом Республики Казахстан новые ускоренные производства (институт ускоренного досудебного расследования; протокольного производства по уголовным проступкам; процессуального соглашения в форме сделки о признании вины и приказного производства) за последние пять лет ожидаемого эффекта не создали» [11, с. 122]. Оценивая ускоренные производства, введенные в 2019 г. в турецкий уголовный процесс, Э. Яшар пишет о том, что «отказавшись от полноценного доказывания, законодатель не усилил процессуальные гарантии прав участников ускоренных производств» [26, с. 255]. Б. Коскас-Вильямс и М. Альберштейн в научном докладе юридического факультета Университета Бар-Илан ставят вопрос о допустимости упрощенного уголовного производства для ограниченного перечня составов преступлений с учетом обязательного наличия фактических предпосылок, определенных в законе [17]. Д. Джонсон, Д. Вановербек обозначают транспарентность расследования преступлений как основную цель реформирования уголовного процесса Японии. Упрощенные процедуры уголовного преследования возможны, если только наказание за преступление, в связи с которым осуществляется уголовное преследование, не превышает штраф в размере одного миллиона иен. В докладе отмечается, что «в отличие от большинства государств общеправовой и континентальной правовых семей уголовное преследование в Японии осуществляют исключительно органы прокуратуры. При этом за ходом расследования прокуратуры наблюдает Комиссия по рассмотрению деятельности прокуратуры, представляющей собой орган гражданского контроля» [20, с. 440].

В третью группу научных источников включены исследования, оценивающие современное состояние дознания в сокращенной форме с криминалистической точки зрения. Это широкий круг как отечественных, так и зарубежных авторов: Ю. П. Гармаев, Е. И. Попова [3], С. И. Гирько [5], А. С. Горбань [7], У. Чен [15, с. 323–407], Ф. Аль-Асаад [13], Л. Субиз [23], А. Вашко [25], Д. Джонсон, Д. Вановербек [20]. Большая часть авторов, занимающихся проблемой реализации упрощенных форм уголовного судопроизводства, отмечают, что указанные процедуры существенно экономят время и ресурсы правоохранительных органов. Ученые Восточно-Сибирского государственного университета Ю. П. Гармаев и Е. И. Попова констатируют тот факт, что качество расследования в упрощенном производстве существенно ниже. Данный факт они связывают с отсутствием разработанного криминалистического инструментария и, соответственно, предлагают «разработать теоретическую концепцию криминалистического обеспечения упрощенных процедур» [3, с. 16]. Представитель кубанской правовой школы А. С. Горбань создает алгоритм производства сокращенного дознания при расследовании краж [7]. Аналогичные исследования были проведены и в других странах. У. Чен, опираясь на последние открытия

юридического сообщества, представил текущие тенденции ускоренных производств в уголовно-процессуальном праве Китая. Особенностью регулирования уголовно-процессуальных отношений в КНР является его партийно-ориентированный характер, однако это не мешает китайскому законодателю следовать современным международным тенденциям. Отсутствие разделения процессуальной формы предварительного расследования обусловлено менее длительными сроками производства по уголовному делу, упрощенной процедурой санкционирования применения мер процессуального принуждения и производства следственных действий [15, с. 323–407]. Профессор Ливерпульского университета Л. Субиз в рецензии на книгу Ж. Ходжсон «Метаморфоза уголовного правосудия – сравнительный отчет» пишет о фундаментальных изменениях в уголовном правосудии Англии и Уэльса. «Например, лицо, совершившее преступление, может быть немедленно доставлено в магистратский суд без досудебной подготовки и письменного обвинительного акта (устная формулировка обвинения). В случае признания обвиняемым своей вины другие доказательства виновности судом не исследуются» [23, с. 815]. А. Вашко изучал криминалистические особенности использования разведывательных данных в сокращенных формах уголовного судопроизводства. Согласно его исследованию «сокращенное расследование в Словакии должно быть окончено в течение двух месяцев с момента вынесения обвинения. При сокращенном расследовании составляется протокол сокращенного производства». Автор приходит к выводу, что «использование разведывательной информации в уголовном судопроизводстве влияет на сокращение сроков и оправдано прецедентной практикой Европейского суда по правам человека» [25, с. 280].

Проводя итоговое различие между тем, что уже сделано, и тем, что необходимо сделать, отметим, с одной стороны, многообразие научных подходов к сокращенным процедурам уголовного судопроизводства, а с другой – необходимость их законодательной доработки до требований международных стандартов. Выявление важных переменных, относящихся к теме исследования, показало, что зачастую авторами используется описательный подход, препятствующий развитию целостного представления о совершенствовании ускоренной процессуальной формы досудебного оформления материалов о преступлениях. Соответственно, становится очевидным, что указанная проблематика, а именно вопросы оптимизации деятельности органов дознания, требует дальнейшей разработки.

Материалы и методы

Методологическую базу проведенного исследования составила следующая совокупность теоретических и эмпирических методов научного познания действительности: теоретические познания основывались на анализе научных источников и размышлении авторов на тему законодательного регулирования ускоренной формы дознания, а эмпиризм выводился из практики ее применения.

Данная статья, опираясь на системный подход, ориентировала исследование на раскрытие целост-

ности происходящих процессов модернизации уголовно-процессуальных процедур в контексте поиска эффективных международных механизмов тесного сотрудничества между государствами. В поле зрения таких ученых, как Ю. А. Ляхов [9], Н. В. Манилкин, Е. В. Быкадорова, Н. В. Болдырев [10] и другие, оказались не только характерные черты международно-го сотрудничества, но и обширная область вариантов оптимизации следственных механизмов.

Используя философский метод материалистической диалектики, исследователи анализировали досудебные ускоренные производства во взаимосвязи с общим порядком уголовного судопроизводства и стоящими перед ним задачами [1–8].

Посредством общенаучных методов познания были получены новые теоретические знания о сущности, содержании и правовой природе ускоренной формы дознания. Так, с помощью метода анализа были выявлены проблемы в правовом регулировании ускоренных досудебных производств. Метод синтеза позволил сформулировать авторские предложения, относящиеся к теоретическим основам различных ускоренных досудебных производств в уголовном процессе.

В исследовании авторы также опирались и на частнонаучные методы познания, такие как сравнительно-правовой, конкретно-социологический и формально-юридический, историко-правовой. Сравнительно-правовой метод позволил сравнить ускоренные досудебные производства России и зарубежных стран по ряду критериев. Конкретно-социологический метод дал возможность изучить уголовные дела, правоприменительную практику и мнение ученых-процессуалистов по вопросам дифференцированных производств. Формально-юридический метод способствовал исследованию норм действующего российского уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих ускоренные производства. Так, исследователи С. И. Гирько [5; 6], А. С. Горбань [7], Н. В. Манилкин, Е. В. Быкадорова, Н. В. Болдырев [10] и другие посредством формально-юридического метода выявили структурные логические элементы, входящие в состав ускоренных досудебных уголовно-процессуальных производств. Были определены проблемы организационного и криминологического характера. На базе указанных элементов разработана классификация ускоренных досудебных производств. Историко-правовой метод исследования повлиял на выводы относительно генезиса ускоренного досудебного производства в рамках отечественного и зарубежного уголовно-процессуального законодательства.

В общем указанные методы исследования были обусловлены спецификой его цели: определить способы оптимизации расследования преступлений в форме ускоренного дознания в контексте современного состояния ускоренных производств в России и за рубежом. Соответственно, для оценки теоретических предложений по оптимизации уголовно-процессуальной формы ускоренного дознания в качестве эмпирических методов исследования были выбраны методы наблюдения, сравнения и описания.

Основным методом выборки уголовных дел стала типическая выборка. Предметом исследования были определены уголовные дела о преступлениях небольшой и средней тяжести, расследование по которым проводилось в форме общего и сокращенного дознания за последние за пять лет (2016–2020 гг.). За указанный период проанализированы данные правовой статистики по вопросам, связанным с расследованием преступлений указанных выше категорий, опубликованные на официальных сайтах Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, МВД России, ФССП России.

Сбор и обработка данных осуществлялись на основе метода статистической группировки эмпирических данных. Сделаны предложения по его использованию при проведении исследований. Авторы с целью достижения точности применения метода статистической группировки определили признак, положенный в основу деления. Предложена классификация: 1) качественный признак – производство ускоренного дознания по конкретной статье Уголовного кодекса Российской Федерации; 2) количественный признак – группировка уголовных дел, по которым с 2016 по 2020 г. подозреваемыми заявлялись ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме.

Результаты и обсуждение

Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ в УПК РФ была включена гл. 32.1 «Дознание в сокращенной форме», которой, по сути, в отечественное судопроизводство было введено ускоренное досудебное оформление материалов о преступлениях, унифицированное по процессуальной форме и значительно оптимизировавшее деятельность органов дознания, прежде всего полиции, по определенной категории уголовных дел. Важно и нам оценить нововведение 2013 г. диалектически, то есть с различных позиций и, что важно, с учетом мнений ученых и практиков.

Мы ознакомились с продолжающейся в отечественной научной литературе дискуссией по проблеме восприятия дознания в ускоренной форме как самостоятельной процессуальной формы, введенной в российский уголовный процесс [1; 5; 6; 7]. Наиболее доступную позицию противников сокращенной формы дознания выразил А. А. Сумин, который считает, что данную унифицированную процессуальную форму вызвал к жизни «необузданный и, главное, не обусловленный потребностями практики реформаторский зуд» [12, с. 6]. Однако это мнение вызывает недоумение, поскольку именно огромное количество несложных и очевидных дел в производстве дознавателей полиции, отвлекающее их от качественного расследования преступлений с более сложной конструкцией состава, требовало от МВД России постоянно инициировать перед законодательными органами России введение в уголовное судопроизводство унифицированной процессуальной формы. В частности, в этом плане следует обратить внимание на требование закона об обязательном ходатайстве подозреваемого о производстве по делу дознания в сокращенной форме. Складывается впечатление, что такое ходатайство получить от виновного достаточно

сложно. Между тем опрос практических дознавателей показал, что они это делают в первоначальном протоколе допроса подозреваемого. Никаких затруднений внешне сложная процедура, регламентированная законом, на практике не вызывает.

Следует отметить, что вскоре после введения в УПК РФ главы о дознании в сокращенной форме высказывались определенные прогнозы, в том числе и скептические, по целому ряду особенностей принятой законодателем процедуры. Проведенные исследования, связанные с международными стандартами ускоренного досудебного производства, показали, что введенная в российский уголовный процесс унифицированная форма досудебного производства во многом им соответствует [5]. Широкая распространенность в зарубежных странах целерантных уголовных судопроизводств позволяет выявить к ним интерес со стороны иностранных авторов. Научный сотрудник лаборатории по разрешению судебных конфликтов юридического факультета Университета Бар-Илан Б. Коскас-Вильямс и профессор юридического факультета Университета Бар-Илан, главный следователь лаборатории судебного разрешения конфликтов М. Альберштейн, изучив развитие гибридных моделей уголовного правосудия в двух континентальных юрисдикциях (на примере Франции и Италии), сделали выводы относительно перспектив развития ускоренного досудебного производства. Франция и Италия демонстрируют разную эффективность уголовного судопроизводства, начиная от элементов состязательности и заканчивая инквизицией. Французская система долго оставалась следственной по своей природе, однако в последнее время стала меняться в сторону исчезнувшего расследования. Итальянская система, с другой стороны, объявила о радикальном преобразовании в состязательную структуру судебного разбирательства, при этом применяя в основном процедуры без судебного разбирательства. Этот сдвиг не привел к исчезновению явления судебного разбирательства [17]. Во Франции данный вид дознания в целом оценивается положительно, поскольку позволяет быстро установить факт преступления, задержать преступника и закрепить доказательства, пока они не исчезли. Чаще всего досудебное производство ограничивается дознанием очевидных преступлений. В Италии практика соглашений о признании вины как сокращенная досудебная процедура была введена УПК еще 1998 г. [5]. В странах англосаксонской правовой системы, таких как США, Великобритания, Австралия, упрощенная процедура, как правило, связана с заключением сделки с правосудием и на стадии расследования, и на стадии судопроизводства [10]. В государствах – участниках СНГ (Казахстан, Беларусь, Молдова) был выбран подход к ускоренной форме досудебного производства, позволяющий только сократить его срок. Так, А. А. Прокопова отмечает, что в Республике Казахстан уголовно-процессуальное законодательство предусматривает четыре самостоятельных ускоренных производства (ускоренное досудебное расследование, протокольная форма досудебного расследования, процессуальное соглашение в форме сделки о признании вины, приказное

производство), идентичных между собой и, более того, ставящих под угрозу уголовно-процессуальные гарантии прав человека [11].

Другая проблема, вызывающая дискуссии в научном сообществе, касается вопроса о проведении дознания в ускоренной форме в отношении конкретного лица при условии признания им своей вины. По мнению А. Р. Белкина, это представляется странным. Высказано также и мнение, что «решение вопроса о возбуждении дознания в ускоренной форме зачастую находится в рамках усмотрения правоприменителя» [1, с. 16]. На наш взгляд, в проведении дознания в ускоренной форме в отношении конкретного лица нет ничего странного. Более того, унифицированная процедура дознания потому и применяется с различными упрощениями и разумными отступлениями от классического, традиционного предварительного следствия, что преступление является очевидным, причастность к нему конкретного лица не вызывает сомнений и обладает достоверностью.

Увязка законодателем вопроса о возможности возбуждения дознания в сокращенной форме с ходатайством подозреваемого нами воспринимается критически. Такое решение, с нашей точки зрения, должно являться исключительно результатом усмотрения дознавателя с учетом всех обстоятельств дела: его очевидности и признания подозреваемым своей вины, характеристики личности виновного. Никакие иные обстоятельства влиять на принятие решения о возбуждении дознания в сокращенной форме не должны.

Между тем нельзя не учитывать и международную практику ускоренных процессуальных производств, процедур полицейского расследования, принятых и эффективно действующих в зарубежных странах. Следует констатировать, что очевидность преступления, признание подозреваемым своей вины и ее достоверность, согласие виновного на досудебное производство в формате ускоренной процедуры являются определяющими при принятии решения об упрощенном судопроизводстве по конкретному факту в странах как континентальной, так и англосаксонской систем права.

В среде ученых-процессуалистов достаточно широко дискутируются проблемы, связанные с доказыванием. Однако напомним, что в данном случае речь идет о преступлении с упрощенной конструкцией состава, при котором чаще всего лицо, его совершившее, задержано на месте преступления или вскоре после его совершения, когда оно очевидно и не представляет значительной общественной опасности. В данном случае все, включая процедуру доказывания, исходит из принципа процессуальной экономии.

С учетом наших рассуждений уместно привести конкретный пример из законодательства, регламентировавшего уголовное судопроизводство в Российской империи. Так, о целях дознания говорится в п. 15 Инstrukция прокурора Московской судебной палаты г. Степанова от 15.10.1909, вступившей в силу с 01.01.1910: «По обязанности обнаруживать преступления чины полиции, получив заявления или сведения о совершении преступления, производят дознание для выяснения, совершено ли преступление,

и если совершено, то какое, когда, кем и при каких обстоятельствах» [5, с. 33]. Вполне лаконично и конкретно.

Пределы доказывания, процесс доказывания как элементы системы работы с доказательствами при производстве дознания в ускоренной форме законодателем также индивидуализированы. С нашей точки зрения, они вполне обеспечивают возможность применения данной процессуальной формы в практике органов дознания. Кроме того, они во многом соответствуют и зарубежной практике полицейского дознания. Однако не все специалисты в области уголовного процесса разделяют изложенный подход к проблеме. В целом ряде случаев высказываются противоречивые и даже взаимоисключающие позиции. Так, например, Ю. В. Францифоров считает «правовую составляющую особенностей доказывания при производстве дознания в сокращенной форме противоречащей основополагающим правилам не только теории доказательств, но и принципам самого уголовного судопроизводства». Ему оппонирует Б. Т. Безлепкин, по мнению которого «различные упрощения, допущенные в работе по доказыванию в ускоренном досудебном производстве, теории доказательств не противоречат» [1, с. 16–25].

Относительно сказанных в различных научных источниках позиций следует заметить, что проблема правовой регламентации, ускоренной и упрощенной, то есть дифференцированной, процессуальной формы и включения ее в УПК РФ возникла на этапе значительного роста преступности в Российской Федерации. Основная нагрузка по расследованию массовых преступлений, в основном не относящихся к категории тяжких и средней тяжести, легла на МВД России. Главная идея унифицированной процессуальной формы – ее ускоренный и упрощенный характер. Кстати, с такими же лекалами к аналогичным формам полицейского дознания подходят в ведущих зарубежных странах.

Оценивая процессуальную форму дознания в сокращенной форме как вполне адекватную общественным отношениям, сложившимся в сфере противодействия массовым преступлениям небольшой и средней тяжести, следует отметить, что, с нашей точки зрения, законодатель не нашел возможности более детально подойти к вопросам регламентации источников доказательств по делам, осуществляемым в форме дознания в ускоренной форме. В частности, по таким делам доказательственная информация поступает из тех же источников, которые используются при производстве предварительного расследования.

Между тем в рамках ускоренного дознания вряд ли оправдано производство следственных действий, особенно таких, как судебные экспертизы, обыски, следственные эксперименты и др. При этом, конечно, законодатель предусмотрел изъятия из процедур процесса доказывания, применяемого при производстве предварительного расследования, а именно непроведение ряда следственных и процессуальных действий, проверки определенных доказательств, что само по себе может восприниматься как самостоятельная для ускоренного дознания система доказывания.

Однако мы ведем речь об иной ситуации, аналогичной международным практикам, когда в рамках дознания в сокращенной форме была бы разработана и нашла отражение в законе своя, уникальная только для этой процессуальной формы система доказывания. В качестве основных источников доказательств здесь можно было бы использовать носители доказательственной информации, содержащиеся, например, в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, возможно, и некоторые иные (но это тема для самостоятельного исследования). Важно, чтобы такие источники доказательств, предмет, пределы и процесс доказывания были уникальны для дознания в сокращенной форме и в своей совокупности воспринимались как система доказывания, имманентная исключительно данной процессуальной форме.

Явилась ли закрепленная в УПК РФ модель дознания в сокращенной форме тем инструментом, который обеспечивает оперативное расследование незначительных преступлений и своевременное привлечение лиц, их совершивших, к уголовной ответственности? Заполнило ли дознание в сокращенной форме правовую нишу унифицированного досудебного производства, которую до 1998 г. занимала протокольная форма досудебной подготовки материалов? Однозначно ответить на этот вопрос нельзя, но следует отметить, что из года в год после введения в УПК РФ гл. 32.1 масштабы расследования дел в форме дознания в сокращенной форме возрастают.

По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2016 г. предварительное расследование проведено по 649 197 преступлениям небольшой тяжести и по 301 001 преступлению средней тяжести, что составляет около 79,8 % от общего количества расследованных преступлений, в 2018 г. – по 603 524 и 270 571 (80,3 %), в 2019 г. – по 587 817 и 252 363 (79,8 %). В. М. Герасенков отмечает, что расследование указанных групп преступлений по одним и тем же процессуальным правилам «не всегда является целесообразным, поскольку в ряде случаев использование всего процессуального ресурса, применение одних и тех же достаточно длительных сроков производства по уголовному делу являются явно излишними» [4, с. 21].

По данным статистики и фактической информации Управления дознания МВД России, в 2016 г. число дел, по которым дознание проводилось в сокращенной форме, составило 90 103 (9 % от количества зарегистрированных преступлений, предварительное следствие по которым необязательно), в 2017 г. – 105 886 (11,1 %), в 2018 г. – 100 805 (12,2 %), в 2019 г. – 82 532 (10 %), в 2020 г. – 65 237 (8,8 %) [7]. При этом качество дознания в сокращенной форме имеет достаточно высокие показатели. Однако не столь решительная практика применения гл. 32.1 УПК РФ в последние годы говорит об имеющихся определенных законодательных недоработках. При этом отметим, что доля ускоренных производств от общего числа уголовных дел, направленных дознавателями полиции в суд, достигла 28 % и только за последний год выросла на 2 %.

Следует подчеркнуть, что если в начальный период введения в УПК РФ новеллы о дознании в со-

кращенной форме правоприменители отмечали отсутствие единой политики поддержки ускоренных производств, то в настоящее время на уровне федеральных структур прокуратуры и органов внутренних дел выработана общая стратегия, направленная на расширение практики ускоренного дознания. Практикуются совместные комплексные выезды представителей МВД России и Генеральной прокуратуры Российской Федерации в территориальные органы, имеющие низкие показатели такой работы. В результате в УМВД России по Пензенской области за 11 месяцев 2020 г. количество дел в ускоренной форме увеличилось в 3,6 раза (с 7,4 до 26,7 %), а за тот же период в МВД России по Республике Марий Эл – в 2,7 раза (с 11,8 до 32,1 %). И тем не менее практику активного применения ускоренных производств устоявшейся назвать нельзя. Так, при среднероссийском показателе в 28 % к примеру, в МВД России по Республике Крым доля производств дознания в сокращенной форме составила 66,3 %, Республике Адыгея – 59,2 %, УМВД России по Тверской области – 57 %, а в УМВД России по Курской области – 8,7 %, УМВД России по Орловской области – 13,8 %.

В результате можно сделать вывод, что правовая регламентация дознания в сокращенной форме в целом адекватна задачам, стоящим перед этим институтом, и отражает международные стандарты таких производств. Правоприменители, основными из которых являются дознаватели органов внутренних дел (полиции), принимают организационные меры для того, чтобы распространить практику дознания в сокращенной форме на всей территории Российской Федерации, одновременно расширив масштабы таких досудебных производств. Однако следует отметить и отсутствие системных и четко сформулированных криминалистических алгоритмов ускоренного досудебного производства, что способствует формализации порядка производства, ориентации на признание вины обвиняемым и отсутствие полноценного судебного разбирательства по делу. Формирование криминалистической концепции, по мнению Ю. П. Гармаева, А. А. Прокопова, Е. И. Поповой, будет способствовать поддержанию баланса между публичными интересами применения упрощенных процедур [3] и в целом обеспечением назначения уголовного судопроизводства.

Выводы

Таким образом, в качестве ответа на заявленный в теме исследования проблемный вопрос о том, что же происходит с унифицированным дознанием и регламентирующей его уголовно-процессуальной формой – эволюция или деградация, заметим, что в сравнении с протокольной формой досудебной подготовки материалов о преступлениях определенной категории процедура дознания в сокращенной форме:

1) стала важным инновационным решением, вошедшим в себя многие критические замечания, прозвучавшие от ученых и практиков;

2) во многом приведена в соответствие с большинством международных стандартов, отечественных практик, лежащих в основе процедур полицейского дознания.

Статистические исследования показали, что закрепленная в УПК РФ унифицированная процедура неидеальна и нуждается в дальнейшей доработке до состояния адекватного тем общественным отношениям и вызовам, которые будут формироваться в России в перспективе.

Историко-правовой анализ дифференциации процессуальной формы дознания в России и за рубежом свидетельствует о том, что многочисленные дискуссии, ведущиеся учеными, не мешают поиску эффективных, упрощенных и ускоренных форм досудебного производства в различных странах. Выявленные организационные недостатки и проблемы практики дознания в сокращенной форме способствуют оптимизации и повышению эффективности модели ускоренного досудебного производства в отечественном уголовном процессе.

Определение перспектив развития ускоренной формы дознания позволило сделать предложения: 1) о важности полноценного судебного рассмотрения как обязательного условия применения ускоренных досудебных производств; 2) формировании на основе ускоренного досудебного расследования и производства с заключенным соглашением одного общего производства с обязательным доказыванием вины вне зависимости от ее признания обвиняемым; 3) от-

казе от мнения потерпевшего как одного из условий применения данной процессуальной формы, а равно и исключении возможности последующего отказа подозреваемого от данной сокращенной процедуры расследования. Анализ возможности по внедрению цифровых информационных технологий поддержки ускоренного дознания позволил подчеркнуть важность цифрового взаимодействия правоохранительных органов и населения. Создание единых и защищенных цифровых ресурсов будет способствовать как реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства, так и минимизации процента возможных ошибок и в целом пресечению криминализации информационно-коммуникационной сферы.

Подобные исследования способствуют развитию междисциплинарной теории компромиссов, а также обогащению уголовно-процессуальной и криминалистической науки и практики. В этой связи представляется актуальной научная разработка таких направлений, как цифровая криминология организации расследования, эффективные формы взаимодействия участников уголовного процесса, криминалистические версии, криминалистическая профилактика, синхронизированных с ускоренной формой дознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белкин, А. Р. Дознание в упрощенной форме: сомнительная схема с усеченным доказыванием / А. Р. Белкин // Уголовное судопроизводство. – 2016. – № 4. – С. 16–25.
2. Вилкова, Т. Ю. Организация досудебного производства по уголовным делам в России и за рубежом как фактор обеспечения доступа к правосудию / Т. Ю. Вилкова // Вестник университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 10. – С. 167–179.
3. Гармаев, Ю. П. Концепция криминалистического обеспечения реализации упрощенных форм уголовного судопроизводства: постановка проблемы / Ю. П. Гармаев, Е. И. Попова // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2021. – № 1. – С. 10–16.
4. Герасенков, В. М. Критерии дифференциации ускоренного досудебного производства как основа формирования его эффективной модели / В. М. Герасенков // Российский следователь. – 2019. – № 6. – С. 21–25.
5. Гирько, С. И. Стандарты ускоренного досудебного производства в полицейской практике за рубежом и возможности их имплементации в Российской Федерации / С. И. Гирько // Colloquium-journal. – 2019. – № 18 (42). – С. 29–40.
6. Гирько, С. И. Ускоренное дознание – куда и почему привела эволюция процессуальной формы / С. И. Гирько // Colloquium-journal. – 2020. – № 5 (57). – С. 133–136.
7. Горбань, А. С. Об использовании криминалистического учения об алгоритмизации при расследовании краж в порядке сокращенного дознания / А. С. Горбань // Общество: политика, экономика, право. – 2018. – № 8 (61). – С. 111–114.
8. Джюра, В. В. Международные стандарты осуществления правосудия в рамках гармонизации отечественного процессуального права / В. В. Джюра // Сибирский юридический вестник. – 2016. – № 1 (60). – С. 10–21.
9. Ляхов, Ю. А. Гуманизация уголовного процесса – генеральная задача российского уголовного судопроизводства / Ю. А. Ляхов // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2021. – № 1 (17). – С. 194–197.
10. Манилкин, Н. В. Английская форма уголовного судопроизводства как одна из основных исторических форм уголовного процесса / Н. В. Манилкин, Е. В. Быкадорова, Н. В. Болдырев // Мир в эпоху глобализации экономики и правовой сферы: роль биотехнологий и цифровых технологий : сборник научных статей по итогам работы круглого стола с международным участием. – Москва : Конверт, 2021. – 184 с. – С. 138–140. – ISBN 978-5-6047622-0-2.
11. Прокопова, А. А. Сравнительный анализ ускоренных досудебных производств в уголовном процессе Республики Казахстан / А. А. Прокопова // Труды Академии управления МВД России. – 2019. – № 3 (51). – С. 122–128.
12. Сумин, А. А. Сокращенное дознание: мертворожденное дитя реформаторов уголовного процесса / А. А. Сумин // Адвокат. – 2013. – № 10. – С. 5–88.
13. Al-Asaad, F. «Except by accident»: the Christchurch investigation / Faisal Al-Asaad // Arena. – 2021. – No. 5. – Pp. 13–17.
14. Bazarova, D. B. Procedural safeguards in investigating and adjudicating criminal cases by summary procedure / D. B. Bazarova // ISJ Theoretical & Applied Science. – 2016. – No. 12 (44). – Pp. 34–37.
15. Chen, W. Reform and Development of Powers and Functions of China's Criminal Proceedings / Weidong Chen. – Singapore : Springer Nature, 2021. – 551 p. – ISBN 9789811584336.
16. Convention on Cybercrime (ETS No.185) // European Parliament : website. – URL: https://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2014_2019/documents/libe/dv/7_conv_budapest_7_conv_budapest_en.pdf (дата обращения: 05.05.2021).

17. Coscas-Williams, B. A Patchwork of Doors: Accelerated Proceedings in Continental Criminal Justice systems / Beatrice Coscas-Williams, Michal Alberstein // *New Criminal Law Review*. – 2019. – Volume 22, issue 4. – Pp. 585–617.
18. Egbert, S. Criminal futures. Predictive Policing and Everyday Police Work / Simon Egbert, Matthias Leese. – London ; New York : Routledge, 2021. – 242 p. – ISBN 978-0-429-32873-2.
19. Fayziev, Sh. F. Saving the State Budget by Improving the Criminal Procedure Activities of Bodies of Inquiry / Fayziev Shokhrud Farmonovich // *Religacion*. – 2019. – Volume 4, no. 5. – Pp. 70–73. – URL: <http://revista.religacion.com/index.php/religacion/article/view/276> (дата обращения: 05.05.2021).
20. Johnson, D. The Limits of Lay Participation Reform in Japanese Criminal / David T. Johnson, Dimitri Vanoverbeke // *Hastings Journal of Crime and Punishment*. – 2019. – Volume 1, no. 3. – Pp. 439–485. – URL: https://repository.uchastings.edu/hastings_journal_crime_punishment/vol1/iss3/8 (дата обращения: 05.05.2021).
21. Recommendation No. R (87) 18 of the committee of ministers to member states concerning the simplification of criminal justice¹ (Adopted by the Committee of Ministers on 17 September 1987 at the 410th meeting of the Ministers' Deputies) // Council of Europe : website. – URL: <http://rm.coe.int/16804e19f8> (дата обращения: 05.05.2021).
22. Sorabji, J. «This Is Not A Rule»: COVID-19 in England & Wales and Criminal Justice Governance via Guidance / J. Sorabji, S. Vaughan // *European Journal of Risk Regulation*. – 2021. – No. 9. – Pp. 143–158.
23. Soubise, L. Book Review: The Metamorphosis of Criminal Justice – A Comparative Account / Laurene Soubise // *Social & Legal Studies*. – 2021. – Volume 30, no. 5. – Pp. 813–818.
24. Tenth UN Congress on the Prevention of Crime and Treatment of Offenders «Crime and Justice: Meeting the Challenges of the Twenty-first Century». Vienna, Austria, 10–17 April 2000 // Организация Объединенных Наций : сайт. – URL: <https://www.unodc.org/congress/en/previous/previous-10.html> (дата обращения: 05.05.2021).
25. Vaško, A. Intelligence information within criminal proceedings / Adrián Vaško // *DUNAI: Law, Economics, and Social Issues Review*. – 2020. – Volume 10, no. 3. – Pp. 267–283.
26. Yaşar, E. Türk ceza muhakemesi hukukunda seri muhakeme usulü = Accelerated Proceedings in Turkish Criminal / Ercan Yaşar // *Adalet Dergisi*. – 2020. – No. 65. – Pp. 255–299. – URL: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/1467957> (дата обращения: 05.05.2021).

REFERENCES

1. Belkin A.R. Inquiry in simplified form: doubtful scheme with truncated evidence. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo=Criminal Judicial Proceeding*, 2016, no. 4, pp. 16–25. (In Russ.).
2. Vilkova T.Yu. Organization of pre-trial proceedings in criminal cases in Russia and abroad as a factor in ensuring access to justice. *Vestnik universiteta im. O.E. Kutafina (MGYuA)=Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2020, no. 10, pp. 167–179. (In Russ.).
3. Garmaev Yu.P., Popova E.I. Differentiated approach of the legislator to defining the subject of proof in criminal cases with respect to minors. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki=News of the Tula State University. Economic and Legal Sciences*, 2021, no. 1, pp. 10–16. (In Russ.).
4. Gerasenkov V.M. Criteria for differentiation of accelerated pre-trial proceedings as a basis for the establishment of its efficient model. *Rossiiskii sledovatel'=Russian Investigator*, 2019, no. 6, pp. 21–25. (In Russ.).
5. Gir'ko S.I. Standards for accelerated pre-trial proceedings in police practice abroad and possibilities of their implementation in the Russian Federation. *Colloquium-Journal*, 2019, no. 18 (42), pp. 29–40. (In Russ.).
6. Gir'ko S.I. Accelerated inquiry – where and why the evolution of the procedural form led. *Colloquium-Journal*, 2020, no. 5 (57), pp. 133–136. (In Russ.).
7. Gorban' A.S. Forensic doctrine of algorithm development applied to theft investigations in the form of abbreviated inquiry. *Obshchestvo: politika, ekonomika, parvo=Society: Politics, Economics, Law*, 2018, no. 8 (61), pp. 111–114. (In Russ.).
8. Dzhura V.V. International standards of implementation of justice in the framework of the harmonization of domestic procedural law. *Sibirskii yuridicheskii vestnik=Siberian Law Bulletin*, 2016, no. 1 (60), pp. 10–21. (In Russ.).
9. Lyakhov Yu.A. The humanization of the criminal process is the general task of the Russian criminal justice. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra=Criminalistics: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2021, no. 1 (17), pp. 194–197. (In Russ.).
10. Manilkin N.V., Bykadorova E.V., Boldyrev N.V. Angliiskaya forma ugolovnogo sudoproizvodstva, kak odna iz osnovnykh istoricheskikh form ugolovnogo protsesssa. In: *Mir v epokhu globalizatsii ekonomiki i pravovoi sfery: rol' biotekhnologii i tsifrovyykh tekhnologii sbornik nauchnykh stateipo itogam raboty kruglogo stola s mezhdunarodnym uchastiem* [World in the era of globalization of the economy and the legal sphere: the role of biotechnologies and digital technologies: collection of scientific articles on the results of the round table with international participation]. Moscow: Konvert, 2021. 184 p. Pp. 138–140. (In Russ.).
11. Prokopova A.A. Comparative analysis of accelerated pre-trial proceedings in the criminal process of the Republic of Kazakhstan. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii=Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2019, no. 3 (51), pp. 122–128. (In Russ.).
12. Sumin A.A. Abbreviated inquiry: a stillborn child of the criminal process reformers. *Advokat=Advocate*, 2013, no. 10, pp. 5–88. (In Russ.).
13. Al-Asaad F. “Except by accident”: the Christchurch investigation. *Arena*, 2021, no. 5, pp. 13–17.
14. Bazarova D.B. Procedural safeguards in investigating and adjudicating criminal cases by summary procedure. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 2016, no. 12 (44), pp. 34–37.
15. Chen W. *Reform and development of powers and functions of china's criminal proceedings*. Singapore: Springer Nature, 2021. 551 p. ISBN 9789811584336.
16. Convention on Cybercrime (ETS No.185). *European Parliament: website*. Available at: https://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2014_2019/documents/libe/dv/7_conv_budapest_/7_conv_budapest_en.pdf (accessed May 5, 2021).

17. Coscas-Williams B., Alberstein M. A patchwork of doors: accelerated proceedings in continental criminal justice systems. *New Criminal Law Review*, 2019, vol. 22, no. 4, pp. 585–617.
18. Egbert S., Leese M. *Criminal futures. Predictive policing and everyday police work*. London; New York: Routledge, 2021. 242 p. ISBN 978-0-429-32873-2.
19. Fayziev Sh. F. Saving the state budget by improving the criminal procedure activities of bodies of inquiry. *Religacion*, 2019, vol. 4, no. 5, pp. 70–73. Available at: <http://revista.religacion.com/index.php/religacion/article/view/276> (accessed May 5, 2021).
20. Johnson D., Vanoverbeke D. The limits of lay participation reform in Japanese criminal. *Hastings Journal Crime Punishment*, 2020, vol. 1, no. 3, pp. 439–485. Available at: https://repository.uchastings.edu/hastings_journal_crime_punishment/vol1/iss3/8 (accessed May 5, 2021).
21. Recommendation No. R (87) 18 of the Committee of Ministers to member states concerning the simplification of criminal justice¹ (Adopted by the Committee of Ministers on 17 September 1987 at the 410th meeting of the Ministers' Deputies). *Council of Europe: website*. Available at: <http://rm.coe.int/16804e19f8> (accessed May 5, 2021).
22. Sorabji J., Vaughan S. "This Is Not A Rule": COVID-19 in England & Wales and criminal justice governance via guidance. *European Journal of Risk Regulation*, 2021, no. 9, pp. 143–158.
23. Soubise L. Book review: the metamorphosis of criminal justice – a comparative account. *Social & Legal Studies*, 2021, vol. 30, no. 5, pp. 813–818.
24. Tenth UN Congress on the Prevention of Crime and Treatment of Offenders "Crime and Justice: Meeting the Challenges of the Twenty-first Century". Vienna, Austria 10–17 April 2000. The United Nations: website. Available at: <https://www.unodc.org/congress/en/previous/previous-10.html> (accessed May 5, 2021).
25. Vaško A. Intelligence information within criminal proceedings. *DUNAL: Law, Economics, and Social Issues Review*. 2020, vol. 10, no. 3, pp. 267–283.
26. Yaşar E. Accelerated proceedings in Turkish Criminal. *Adalet Dergisi*, 2020, no. 65, pp. 255–299. Available at: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/1467957> (accessed May 5, 2021).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ГИРЬКО – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, директор Центра исследования проблем безопасности Российской академии наук, Москва, Россия, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, svorina959134@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0344-0573>

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ХАРЧЕНКО – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, Москва, Россия, dsb111@yandex.ru

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ДОЛГОПОЛОВ – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административного и финансового права Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина, Краснодар, Россия, Aadolgopolov1@mail.ru

АЛТЫНБЕК МАНАПБАЕВИЧ КАМБАРОВ – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Москва, Россия, Kambarov75@mail.ru

SERGEI I. GIR'KO – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Director of the Center for Security Research of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, svori-na959134@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0344-0573>

SERGEI V. KHARCHENKO – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Criminology of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia, dsb111@yandex.ru

ALEKSANDR A. DOLGOPOLOV – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Administrative and Financial Law of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia, Aadol-gopolov1@mail.ru

ALTYNBEK M. KAMBAROV – Candidate of Sciences (Law), associate professor at the Department of Administrative and Financial Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia, Kambarov75@mail.ru

Статья поступила 27.06.2022

Научная статья

УДК 343.8

doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.006

Организационно-правовые аспекты обеспечения сотрудничества учреждений уголовно-исполнительной системы с религиозными организациями

НАДЕЖДА ВЯЧЕСЛАВОВНА КУЗНЕЦОВАВологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, nadezda17041976@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2638-4351>**ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА МАКАРОВА**Управление Федеральной службы исполнения наказаний по Вологодской области, Вологда, Россия, Solnopekova_tv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1951-4461>

Реферат

Введение: статья посвящена анализу отечественных нормативно-правовых актов, регулирующих взаимодействие уголовно-исполнительной системы с религиозными организациями в части реализации права на свободу совести и вероисповедания и организации духовно-нравственного воспитания осужденных и лиц, находящихся под стражей. Конституционное право на свободу совести и свободу вероисповедания гарантируется всем и должно обеспечиваться также в случае осуждения человека или заключения его под стражу. На сегодняшний день создана нормативно-правовая база, направленная на реализацию данного права. Реформирование уголовно-исполнительной системы России в определенной степени нацелено на укрепление и расширение сотрудничества с религиозными организациями, что потребовало корректировки существующей системы нормативно-правовых актов. *Цель:* охарактеризовать систему действующих отечественных нормативно-правовых актов, регламентирующих и охраняющих данную сферу, выявить недостатки правового регулирования, осложняющие полноценное сотрудничество ФСИН России с религиозными объединениями, предложить пути решения проблем. *Методы:* диалектический метод научного познания, методы логического анализа и синтеза, сравнительно-правовой, системно-структурный, статистический, формально-юридический методы. *Результаты:* обоснована необходимость использования потенциала религиозных организаций различных конфессий в воспитательной работе с лицами, находящимися в условиях изоляции, как части процесса исправления. Выявлены проблемы правового регулирования рассматриваемых общественных отношений. *Выводы:* для обеспечения полноценного сотрудничества системы исполнения наказаний с религиозными организациями в части реализации права на свободу совести и вероисповедания требуется совершенствование нормативно-правовой базы с учетом религиозных канон и специфики деятельности учреждений пенитенциарной системы.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; исправительное учреждение; религиозная организация; сотрудничество; осужденные; лица, содержащиеся под стражей; правовое регулирование; наказание; исправление; духовно-нравственное воспитание.

12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Кузнецова Н. В., Макарова Т. В. Организационно-правовые аспекты обеспечения сотрудничества учреждений уголовно-исполнительной системы с религиозными организациями // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 3 (59). С. 285–292. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.006.

Organizational and Legal Aspects of Ensuring Cooperation between Penal Institutions and Religious Organizations

NADEZHDA V. KUZNETSOVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, nadezda17041976@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2638-4351>

TAT'YANA V. MAKAROVA

Territorial Body of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Vologda Oblast, Vologda, Russia, Solnopekova_tvm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1951-4461>

Abstract

Introduction: the article analyzes domestic normative legal acts regulating interaction between the penal system and religious organizations in terms of realizing the right to freedom of conscience and religion and organizing spiritual and moral education of convicts and persons in custody. The constitutional right to freedom of conscience and freedom of religion is guaranteed to everyone and should also be ensured in the event of a person's conviction or detention. To date, there is a certain regulatory framework. The reform of the Russian penal system is to a certain extent aimed at strengthening and expanding cooperation with religious organizations, requiring adjustment of the existing system of normative legal acts. *Purpose:* to characterize the system of existing domestic regulatory legal acts regulating and protecting this area, identify the shortcomings of legal regulation hindering full-fledged cooperation of the Federal Penitentiary Service of Russia with religious associations, and suggest ways to solve problematic issues. *Methods:* dialectical method of scientific cognition, methods of logical analysis and synthesis, comparative-legal, system-structural, statistical, formal-legal. *Results:* the authors have substantiated the necessity to use capacities of religious organizations belonging to various faiths when implementing educational work with persons in isolation as part of the correction process. The problems of legal regulation of the considered public relations are revealed. *Conclusions:* in order to ensure full cooperation between the penitentiary system and religious organizations in terms of realizing the right to freedom of conscience and religion, it is necessary to improve the regulatory framework, taking into account religious canons and the specifics of activities of penitentiary institutions.

Key words: penal system; correctional institution; religious organization; cooperation; convicts; persons in custody; legal regulation; punishment; correction; spiritual and moral education.

12.00.11 – Judicial activities, prosecutor's activities, human rights and law enforcement activities.

5.1.2. Public legal (state legal) sciences.

For citation: Kuznetsova N. V., Makarova T. V. Organizational and legal aspects of ensuring cooperation between penal institutions and religious organizations. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 3 (59), pp. 285–292. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.006.

Одним из направлений реформирования уголовно-исполнительной системы является гуманизация уголовной политики, которая выражается в приоритетном назначении уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Реализация данного подхода, с одной стороны, привела к сокращению численности осужденных к лишению свободы, а с другой – обусловила ухудшение качественных характеристик личности преступников, поскольку в учреждении пенитенциарной системы стали попадать самые запущенные в моральном плане лица. К сожалению, большая часть из них неоднократно привлекалась к уголовной ответственности и имеет несколько судимостей. Статистические данные ФСИН России

за 2021 г. отражают количественные показатели наполняемости учреждений. В исправительных колониях для взрослых лиц отбывали наказание в этот период 423 822 осужденных, из них 228 015 чел. имели более двух судимостей [3]. Наличие повторности преступной деятельности свидетельствует о стойкой криминальной направленности личности и стремлении вести противоправный образ жизни.

В то же время базовыми идеями современной пенитенциарной доктрины являются исправление осужденных и профилактика рецидива преступлений [12]. Исправление, по мнению законодателя, должно достигаться путем формирования уважительного отношения к человеку, обществу, труду, принятым нор-

мам и правилам общежития, стимулирования законопослушного образа жизни.

В контексте средств исправления осужденных, помимо режимных требований, следует вести речь о том, что широко используется общественно полезный труд, проводится воспитательная работа, созданы возможности для получения образования и профессии, осуществляется общественное воздействие. Критерием оценки достижения заявленной цели, как правило, служит наличие у бывшего осужденного сформированных взглядов, основанных на отрицании антиобщественного образа жизни и противоправного поведения. Особое место в формировании ценностных ориентаций лиц, преступивших закон, занимает духовно-нравственное воспитание, реализуемое в том числе и через религиозное воздействие.

Религия как определенная система взглядов выступает типом социально-исторического мировоззрения, формой духовной культуры человечества, которая включает свод моральных норм и правил жизнедеятельности, объединяющих огромное количество людей. На сегодняшний день религия проникла практически во все сферы жизни и оказывает влияние на большой круг общественных отношений [14]. Система исполнения наказаний не является исключением. Ее развитие на современном этапе невозможно без эффективного взаимодействия с институтами гражданского общества, поэтому в качестве важнейшего направления реформирования пенитенциарной системы рассматривается укрепление сотрудничества с традиционными религиозными организациями, расширение их участия в духовно-нравственном просвещении и воспитании осужденных, лиц, находящихся под стражей, сотрудников и членов их семей.

В настоящее время в пенитенциарной системе активно функционирует институт тюремного духовенства. Представители различных религиозных конфессий проводят воспитательно-профилактическую работу в местах лишения свободы, тем самым участвуя в исправлении и ресоциализации осужденных. Так, на сегодняшний день в 935 учреждениях уголовно-исполнительной системы имеется 1477 зданий, сооружений и помещений, используемых для религиозных обрядов. Большая часть из них (1025) используется лицами, исповедующими православие. Учтены также интересы осужденных – приверженцев ислама (389), иудаизма (14), буддизма (27), а также иных религиозных течений (22) [3].

Необходимость религиозного воспитания признается на законодательном уровне. Так, Конституция Российской Федерации содержит гарантии свободы совести и вероисповедания для каждого человека (ст. 28), а также провозглашает право исповедовать любую религию либо вообще отказаться от религиозной принадлежности. Важно, что выбор человека не ограничивается правовыми рамками, что дает возможность взаимодействовать с религиозными организациями в различных сферах, в том числе пенитенциарной. Сегодня церковь является востребованным инструментом воздействия на осужденных,

что обусловило необходимость не только создания, но и реформирования соответствующих правовых основ.

Как известно, любая правовая система будет эффективна только при наличии сбалансированного законодательства, выполняющего как регулятивную, так и охранительную функции. В этой связи нормативно-правовая база взаимодействия пенитенциарной системы с религиозными организациями будет рассмотрена в обоих аспектах.

Конституционные положения о свободе совести и вероисповедания нашли отражение в федеральном законодательстве. Так, в сентябре 1997 г. был принят Федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях», который стал регулятором отношений в области реализации прав человека и гражданина на свободу совести и вероисповедания, определил правовое положение религиозных объединений. В контексте рассматриваемой темы следует отметить, что данный закон разрешил проведение религиозных обрядов в пенитенциарных учреждениях и закрепил гарантию соблюдения тайны исповеди. Принятие документа и внесение в него в 2021 г. изменений не только способствовало упорядочению деятельности религиозных организаций, но и послужило барьером, препятствующим проникновению в места лишения свободы деструктивных сект, псевдорелигиозных организаций, иностранных миссионеров [11].

Важно, что для обеспечения неукоснительного соблюдения религиозными организациями действующего законодательства и недопущения совершения ими противоправных действий органы юстиции, прокуратура, иные уполномоченные органы в пределах своей компетенции осуществляют контроль за их деятельностью.

Помимо осужденных право на свободу вероисповедания имеют лица, находящиеся под стражей. Их интересы защищены Федеральным законом от 15.07.1995 № 103 «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», где прямо закреплен запрет дискриминации по религиозному признаку и гарантирована возможность осуществления религиозных церемоний.

Нормативными документами Русской православной церкви, обосновывающими необходимость взаимодействия с лицами, преступившими закон, являются Основы социальной концепции Русской православной церкви от 13.08.2000, а также Миссия тюремного служения Русской православной церкви и пенитенциарные учреждения от 12.03.2013 [9]. В этих текстах прямо указывается на важность пастырской и миссионерской работы в местах заключения.

Значимым административным договором является соглашение между Министерством юстиции Российской Федерации и Русской православной церковью [2], в котором заявлено о необходимости коммуникации сотрудников уголовно-исполнительной системы с представителями Русской православной церкви в области духовного окормления и религиозно-нравственного воспитания осужденных. Стороны обязываются оказывать всемерную поддержку друг другу. Речь идет о создании в исправительных уч-

реждениях благоприятных условий для посещения представителями церкви верующих, совершения треб и богослужений, осуществления религиозного образования и воспитания, содействию в возведении храмов, часовен, молельных комнат и обеспечении их предметами культа и специальной литературой. Представляется, что подписание данного документа оправдано, поскольку направлено на обеспечение продуктивного религиозного служения в учреждениях системы исполнения наказаний. В 2017 г. соглашение о сотрудничестве было заключено непосредственно с Федеральной службой исполнения наказаний.

Аналогичные документы подписаны в 2010 г. с Советом муфтиев России, Федерацией еврейских общин России, Буддийской традиционной Сангхи России [8]. В этом же году была принята программа сотрудничества ФСИН России и Российского Союза Евангельских христиан-баптистов (РС ЕХБ).

Конкретизация условий посещения отдельных пенитенциарных учреждений и определение специфики осуществления в них религиозной деятельности происходят в соглашениях о взаимодействии между территориальными органами ФСИН России и зарегистрированными в установленном порядке религиозными организациями [5]. В них раскрываются ключевые вопросы, касающиеся перечня выделенных в пенитенциарных учреждениях зданий и сооружений, которые планируется использовать для отправления религиозных обрядов крещения, покаяния, помазания, исповеди, причастия, соборования, распространения религиозной литературы, согласовывается время проведения церемоний, отражаются персональные данные священнослужителей, которые будут осуществлять деятельность на территории конкретного исправительного учреждения, перечень предметов, используемых при проведении религиозных обрядов, обсуждается список соответствующей литературы. Взаимодействие осуществляется на безвозмездной основе для обеспечения права на свободу совести и вероисповедания осужденных и лиц, находящихся под стражей. Подобные соглашения заключены во всех территориальных органах ФСИН России.

Например, еще в 2018 г. представителями Вологодской епархии Русской православной церкви и территориального органа ФСИН России был подписан документ, направленный на обеспечение свободы совести и свободы вероисповедания осужденных, находящихся в изоляции от общества [10]. Достижение заявленной цели реализуется через участие священников в педагогическом воздействии, духовно-нравственном воспитании и образовании, восстановлении социально полезных связей, подготовке к освобождению и последующей ресоциализации.

Существенным моментом в организации эффективного взаимодействия уголовно-исполнительной системы и религиозных организаций является возрождение практики постоянного сотрудничества представителей духовенства с помощниками начальников по организации работы с верующими в территориальных органах ФСИН России [4]. К сожалению, несмотря на проделанную работу, на сегодняшний

день отсутствует единый нормативный акт, который бы регламентировал юридический статус таких помощников и отдельные направления их деятельности.

Положения, корреспондирующие основному закону страны в части прав лиц, находящихся в условиях изоляции, на свободу совести и вероисповедания, содержатся в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации.

Внесенные в 2015 г. в ст. 14 УИК РФ изменения, безусловно, способствуют реализации указанного конституционного права, поскольку осужденные получили возможность беспрепятственно совершать религиозные обряды, слушать проповеди. Верующим осужденным, отбывающим наказание в условиях изоляции, без количественных ограничений разрешены личные встречи со священнослужителями вне пределов слышимости для третьих лиц. Они имеют возможность пользоваться предметами культа и доступ к религиозной литературе. В этих целях администрация исправительных учреждений выделяет специальные помещения. При этом отмечается, что право на свободу совести и вероисповедания является добровольным. Удовлетворение религиозных потребностей не должно нарушать внутренний распорядок учреждений и ущемлять права других лиц.

Вместе с тем следует отметить, что эффективность воздействия религии на осужденных, степень ее проникновения в места лишения свободы зависят от государственной власти [12]. При гарантированности государством свободы совести и вероисповедания осужденных также имеются определенные запреты и ограничения, связанные с видом учреждения, условиями отбывания наказания и режимом содержания. Так, приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 04.07.2022 № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» регламентированы отдельные условия реализации осужденными предоставленных прав. Краткий анализ данных правил позволяет сделать вывод о наличии механизма реализации прав осужденных на свободу совести и вероисповедания, учитывающего специфику мест лишения свободы. Во-первых, условия проведения религиозных обрядов, осуществления духовно-нравственного воздействия определяются в соглашениях о взаимодействии с территориальными органами ФСИН России. Во-вторых, на территорию пенитенциарного учреждения допускаются священники, принадлежащие только к зарегистрированным в Российской Федерации религиозным объединениям. В-третьих, религиозные обряды совершаются только в местах, определяемых администрацией учреждения: в зависимости от его расположения и условий отбывания наказания в нем это могут быть жилые помещения, запираемые помещения, камеры или соответствующие здания, сооружения на территории. В-четвертых, при проведении церковных обрядов запрещено использовать колюще-режущие предметы религиозного культа, в

том числе изготовленные из драгоценных металлов и имеющие культурную или историческую ценность. В-пятых, личные встречи со священником не могут длиться более двух часов и проводятся в присутствии сотрудника администрации. В случае необходимости при наличии письменного согласия священника может быть проведена личная встреча (наедине) вне пределов слышимости для третьих лиц, но с использованием видеонаблюдения. В-шестых, на территории места лишения свободы запрещено хранение определенных веществ, например предназначенных для совершения причастия. Их использование возможно только в момент проведения богослужения.

В то же время следует учитывать, что религиозное воздействие на осужденных отличается от иных направлений воспитательной работы, реализуется с учетом индивидуальных потребностей личности. Для того чтобы данная деятельность была максимально упорядочена и эффективна, в правилах содержатся не только запреты. Осужденные, желая получить духовную помощь, могут подать письменную просьбу об этом. Им разрешено пользоваться находящейся в учреждении религиозной литературой и иметь предметы религиозного назначения для нательного или карманного ношения. Осужденным, страдающим тяжелыми заболеваниями, также по их просьбе предоставляется возможность совершить необходимые религиозные обряды с приглашением представителей церкви. В преддверии церковных праздников священнослужители с разрешения администрации колонии могут передавать осужденным готовые к употреблению продукты питания (куличи, крашенные вареные яйца, сухие кондитерские изделия), изготовленные на территории исправительного учреждения.

Государство признает право каждого человека исповедовать какую-либо религию или быть атеистом, а также поступать в соответствии со своими убеждениями. Охрана религиозных отношений в системе исполнения наказаний также осуществляется посредством применения отдельных положений Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации и Уголовного кодекса Российской Федерации. Так, за воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповедания лицами, находящимися в условиях изоляции, предусмотрена административная ответственность в соответствии со ст. 5.26 КоАП РФ [1]. Данная деятельность влечет наложение штрафа в размере от 50 до 100 тыс. руб. в отношении физических лиц. В случае совершения правонарушения юридическим лицом размер штрафа увеличивается до 1 млн руб. Наказуемыми являются публичное осквернение религиозной литературы, предметов религиозного почитания, знаков или эмблем мировоззренческой символики и атрибутики, а также их порча или уничтожение.

Как административный проступок квалифицируется осуществление религиозной деятельности организацией без указания своего официального полного наименования. Наказуемыми являются выпуск и распространение в рамках миссионерской деятельности литературы и иных материалов религиозного содержания без маркировки или с неполной либо

заведомо ложной маркировкой. Это влечет наложение административного штрафа с применением конфискации указанных предметов. К ответственности в виде штрафа и административному выдворению привлекаются религиозные организации, иностранные граждане и лица без гражданства, занимающиеся миссионерской деятельностью с нарушением законодательства Российской Федерации о свободе совести, вероисповедания и о религиозных объединениях.

За совершение публичных действий, выражающих явное неуважение к обществу и оскорбляющих религиозные чувства верующих, предусмотрена уголовная ответственность (ст. 148 УК РФ). Меры уголовно-правового воздействия дифференцируются в зависимости от места совершения указанных действий (например, место совершения религиозного обряда или церемонии). Деяния, связанные с воспрепятствованием религиозной деятельности, совершенные с использованием служебного положения или применением насилия, отнесены законодателем к особо квалифицированным, за совершение которых предусмотрено наказание в виде лишения свободы.

Отдельные нормы уголовного закона устанавливают ответственность за совершение убийства по мотивам религиозной ненависти или вражды (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ), умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью по тем же мотивам (п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ, п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ), дискриминацию человека из-за его отношения к религии (ст. 138 УК РФ), возбуждение ненависти или вражды, унижение достоинства человека или группы лиц из-за религиозных убеждений (ст. 282 УК РФ) и др.

Действующее законодательство не лишено недостатков, которые на практике вызывают споры и могут повлечь нарушение права на свободу совести и вероисповедания лиц, находящихся под стражей, а также в местах лишения свободы. Так, например, в преамбуле закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» подчеркивается значение непосредственно православной религии и ее особая роль в развитии духовного и культурного наследия России. Отдельно отмечается, что в стране уважаются и другие религии: ислам, буддизм, иудаизм, а также те, которые являются неотъемлемой частью исторического наследия нашей страны. Указание на привилегированное положение одних религий по отношению к другим, исторически нетрадиционным для России, может стать предпосылкой к дискриминации осужденных, относящих себя к не распространенным в стране конфессиям.

Священнослужители активно участвуют в процессе воспитания, оказывают положительное влияние на осужденных, что не только отражается на оперативной обстановке в учреждении, морально-психологическом климате, но и помогает достижению заявленных целей уголовного наказания – исправлению осужденных и предупреждению совершения ими новых преступлений. Свяжано это с тем, что духовное лицо не действует от имени государства, имеет нейтральный статус. Доброжелательная манера общения с окружающими может изменить отношение

преступника к совершенному деянию, стать мощным стимулом к покаянию и побудить к отказу от насилия и других видов противоправной деятельности. По мнению некоторых исследователей, появление священника в местах лишения свободы вызывает у осужденных позитивные чувства [13].

Уголовно-исполнительное законодательство содержит перечень форм и методов воспитательной работы как средства исправления. К ним относятся нравственное, физическое, трудовое, правовое и иное воздействие. По своей сути религиозное воздействие на осужденных отличается от других направлений воспитания. Оно имеет специфические формы, методы и в основном связано с отправлением религиозных обрядов, чтением религиозной литературы, молитвами, проповедями и т. д. В связи с этим представляется неправильным отсутствие в ч. 2 ст. 9 УИК РФ указания на религиозное воздействие как основное средство исправления.

Деятельность религиозных организаций в пенитенциарных учреждениях, по мнению исследователей, имеет свои особенности, которые нужно учитывать. К ним относятся условия изоляции, специфический объект воздействия, правовые рамки [7]. Особую роль играют правила внутреннего распорядка, которые, как представляется, не должны нарушаться при отправлении религиозных обрядов. К сожалению, на сегодняшний день отсутствует нормативный акт, который бы максимально конкретизировал процесс проведения соответствующих церемоний с участием лиц, содержащихся в исправительных и иных учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Так, действующее законодательство не содержит прямого запрета на осуществление определенной религиозной деятельности в условиях изоляции, из чего следует, что по просьбе осужденных может быть проведен любой обряд. В то же время, если это не соответствует режимным требованиям, появляется основание для нарушения права на свободу вероисповедания и свободу слова. Например, при совершении священнослужителем иудейско-исламского обряда обрезания (аналог крещения в православии) используются режущие предметы, а их пронос на территорию колонии запрещен правилами внутреннего распорядка. При проведении некоторых литургий, церковных таинств причащения, соборования больных и венчания используется красное церковное

вино, которое отнесено к запрещенным на территории колонии предметам. Также правилами внутреннего распорядка не разрешено использование молитвенных ковриков (намазлыков), поскольку они не являются предметами религиозного культа нательного или карманного ношения. Для мусульманских верующих остро стоит проблема изучения Корана на арабском языке. Действующими нормами питания не предусмотрено приготовление отдельных блюд, употребления которых требует та или иная религия [6]. Отсюда возникают трудности с соблюдением поста, приготовлением халяльной пищи и др. Все это может привести к тому, что соблюдение церковных обычаев станет невозможным, а поэтому осужденные и лица, находящиеся под стражей, не смогут реализовать свое право на свободу совести и вероисповедания.

Еще одним насущным вопросом, требующим решения, является реализация режимных мероприятий, таких как досмотры священников, предметов духовного назначения, исследование помещений для обрядов на предмет нахождения запрещенных предметов, в том числе с использованием служебных собак. Согласно церковным канонам собака считается животным «нечистым» (88 канон Шестого Вселенского собора (VII)), ее нахождение в помещении, где идет богослужение, является серьезным нарушением. Осуществление режимных мероприятий может оскорбить религиозные чувства верующих и создать ситуацию осквернения религиозных святынь, в результате чего сложно будет рассчитывать на покаяние и исправление осужденного.

Таким образом, сотрудничество уголовно-исполнительной системы с представителями различных религиозных конфессий способствует исправлению осужденных и их последующей ресоциализации. В то же время обеспечение права на свободу совести и вероисповедания имеет ряд законодательных ограничений, обусловленных спецификой функционирования пенитенциарных учреждений. Отсутствие нормативных документов, регламентирующих деятельность представителей религиозных организаций в пенитенциарном учреждении, снижает эффективность взаимодействия. Решением проблемы видится создание единого нормативного акта, положения которого были бы обязательны как для сотрудников мест лишения свободы, так и для священнослужителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воробьев, С. М. Конституционно-правовые основы деятельности религиозных организаций в уголовно-исполнительной системе России / С. М. Воробьев // Уголовно-исполнительное право. – 2016. – № 1 (23). – С. 32–35.
2. Коробова, Е. Г. Соглашения о сотрудничестве государственных органов исполнительной власти и русской православной церкви как вид административных договоров / Е. Г. Коробова // Регион: системы, экономика, управление. – 2018. – № 4 (43). – С. 213–218.
3. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Федеральная служба исполнения наказаний : официальный сайт. – URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20harka%20UIS/> (дата обращения: 30.06.2022).
4. Маркелова, О. Н. Особенности назначения на должность помощника начальника территориального органа Федеральной службы исполнения наказаний по организации работы с верующими / О. Н. Маркелова // Уголовно-исполнительное право. – 2016. – № 1 (23). – С. 61–64.

5. Мачкасов, А. И. Взаимодействие территориальных органов ФСИН России с религиозными организациями: опыт, проблемы, перспективы / А. И. Мачкасов, А. В. Паршков // *Международный пенитенциарный журнал*. – 2015. – № 2. – С. 39–42.
6. Мельникова, Н. А. О некоторых аспектах правового регулирования деятельности религиозных организаций в местах лишения свободы / Н. А. Мельникова, Д. О. Матвеев // *Уголовно-исполнительное право*. – 2014. – № 1 (17). – С. 20–23.
7. Мишустин, С. П. Особенности работы священнослужителя с осужденными, находящимися в местах лишения свободы / С. П. Мишустин // *Вестник Самарского юридического института*. – 2014. – № 1 (12). – С. 38–42.
8. Морозов, А. С. Правовое регулирование религиозных отношений в пенитенциарной сфере / А. С. Морозов // *Вестник Самарского юридического института*. – 2015. – № 3 (17). – С. 63–68.
9. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Русская Православная Церковь : официальный сайт Московского патриархата. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата: обращения 30.06.2022).
10. Полищук, Н. И. Административно-правовые основы деятельности Русской православной церкви в пенитенциарных учреждениях России / Н. И. Полищук // *Человек: преступление и наказание*. – 2013. – № 3. – С. 125–130.
11. Трофимова, Н. Н. Исторический опыт взаимодействия уголовно-исполнительной системы России с православной церковью и другими религиозными объединениями в сфере работы с осужденными / Н. Н. Трофимова // *Ведомости уголовно-исполнительной системы*. – 2019. – № 3 (202). – С. 48–55.
12. УФСИН России по Вологодской области заключило соглашение о взаимодействии с Вологодской Епархией Русской Православной Церкви // Федеральная служба исполнения наказаний : официальный сайт. – URL: https://fsin.gov.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=416618 (дата обращения: 30.06.2022).
13. Фомин, В. В. Религия и ее влияние на осужденных к лишению свободы / В. В. Фомин // *Прикладная юридическая психология*. – 2019. – № 2 (47). – С. 101–107. – doi: 10.33463/2072-8336.2019.2(47).101-107.
14. Шайдулина, Н. Д. Особенности реализации свободы вероисповедания в местах лишения свободы / Н. Д. Шайдулина, М. А. Симонова // *Молодой ученый*. – 2017. – № 3 (137). – С. 471–473.

REFERENCES

1. Vorob'ev S.M. The constitutional-legal bases of activity of religious organizations in the Russian penal system. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo=Penal Law*, 2016, no. 1 (23), pp. 32–35. (In Russ.).
2. Korobova E.G. Agreement on cooperation of state executive bodies and the Russian orthodox church as a form of administrative contracts. *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie=Region: Systems, Economics, Management*, 2018, no. 4(43), pp. 213–218. (In Russ.).
3. Brief description of the penal system of the Russian Federation. *Federal'naya sluzhba ispolneniya nakazanii: ofitsial'nyi sait* [Statistical data of the Federal Penitentiary Service of Russia: official website]. Available at: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (In Russ.). (Accessed June 30, 2022).
4. Markelova O.N. Peculiarities of appointment of an assistant chief of a territorial body of the FPS of Russia on work with the faithful. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo=Penal Law*, 2016, no. 1 (23), pp. 61–64. (In Russ.).
5. Machkasov A.I., Parshkov A.V. The interaction between territorial bodies of FPS of Russia and religious organizations: experience, problems, perspectives. *Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi zhurnal=International Penitentiary Journal*, 2015, no. 2, pp. 39–42. (In Russ.).
6. Mel'nikova N.A., Matveev D.O. Some aspects of the legal regulation of religious organizations and their activity in prisons. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo=Penal Law*, 2014, no. 1 (17), pp. 20–23. (In Russ.).
7. Mishustin S.P. Features of the work of clerics with the inmates of confinement. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta=Bulletin of the Samara Law Institute*, 2014, no. 1 (12), pp. 38–42. (In Russ.).
8. Morozov A.S. Legal regulation of the religious relations in the penitentiary sphere. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta=Bulletin of the Samara Law Institute*, 2015, no. 3 (17), pp. 63–68. (In Russ.).
9. Fundamentals of social concept of the Russian Orthodox church. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov': ofitsial'nyi sait Moskovskogo patriarkhata* [Russian Orthodox Church: website of the Moscow Patriarchate]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (In Russ.). (Accessed June 30, 2022).
10. Polishchuk N.I. Administrative-legal principles of activity of the Russian Orthodox Church in penitentiary institutions of Russia. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie=Man: Crime and Punishment*, 2013, no. 3, pp. 125–130. (In Russ.).
11. Trofimova N.N. Historical experience of interaction of penal correction system of Russia with the Orthodox Church and other religious associations in the sphere of work with convicts. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy=Vedomosti of the Penitentiary System*, 2019, no. 3 (202), pp. 48–55. (In Russ.).
12. The Territorial Body of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Vologda Oblast has concluded an agreement on cooperation with the Vologda Diocese of the Russian Orthodox Church. *Federal'naya sluzhba ispolneniya nakazanii: ofitsial'nyi sait* [Statistical data of the Federal Penitentiary Service of Russia: official website]. Available at: https://fsin.gov.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=416618 (In Russ.). (Accessed June 30, 2022).
13. Fomin V.V. Religion and its influence on persons sentenced to deprivation of liberty. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya=Applied Legal Psychology*, 2019, no. 2 (47), pp. 101–107. (In Russ.). doi: 10.33463/2072-8336.2019.2(47).101-107.
14. Shaidulina N.D., Simonova M.A. Features of the realization of freedom of religion in places of deprivation of liberty. *Molodoi uchenyi=Young Scientist*, 2017, no 3 (137), pp. 471–473. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

НАДЕЖДА ВЯЧЕСЛАВОВНА КУЗНЕЦОВА – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, nadezda17041976@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2638-4351>

ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА МАКАРОВА – начальник отдела воспитательной и социальной работы с личным составом Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Вологодской области, Вологда, Россия, Solnopekova_tvm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1951-4461>

NADEZHDA V. KUZNETSOVA – Candidate of Sciences (Law), Senior Lecturer at the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, nadezda17041976@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2638-4351>

TAT'YANA V. MAKAROVA – Head of the Department of Educational and Social Work with the Staff of the Territorial Body of the Federal Penitentiary Service in the Vologda Oblast, Vologda, Russia, Solnopekova_tvm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1951-4461>

Статья поступила 04.07.2022

Научная статья

УДК 343.13

doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.007

К вопросу о понятии оперативного поиска в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы

ИГОРЬ АНАТОЛЬЕВИЧ ИВАНЬКОВ

Кировский институт повышения квалификации работников ФСИН России, Киров, Россия, iwanckow2011@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6414-0702>

Реферат

Введение: статья посвящена анализу дефиниции оперативного поиска как организационно-тактической формы оперативно-розыскной деятельности при обеспечении поддержания правопорядка в исправительных учреждениях. *Цель:* на основе анализа научных источников выработать определение оперативного поиска для обеспечения правопорядка оперативными подразделениями уголовно-исполнительной системы при исполнении наказания в виде лишения свободы. *Методы:* сравнительно-правовой, эмпирические методы описания и интерпретации, теоретические методы формальной и диалектической логики. *Результаты:* анализ источников по рассматриваемому вопросу позволил сформулировать определение оперативного поиска применительно к деятельности оперативных подразделений исправительных учреждений по поддержанию правопорядка при исполнении наказания в виде лишения свободы. *Выводы:* высказаны суждения относительно особенностей оперативного поиска при исполнении наказания в виде лишения свободы, направленные на повышение эффективности понимания данной тактической формы оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: Федеральная служба исполнения наказаний; оперативные подразделения; оперативно-розыскная деятельность.

12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Иваньков И. А. К вопросу о понятии оперативного поиска в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 3 (59). С. 293–301. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.007.

Original article

On the Concept of Prompt Investigation in Institutions Executing Custodial Sentences

IGOR' A. IVAN'KOV

Kirov Institute for Advanced Studies of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, Kirov, Russia, iwanckow2011@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6414-0702>

Abstract

Introduction: the article is devoted to the analysis of scientific sources on the definition of prompt investigation as an organizational and tactical form of law enforcement intelligence operations to ensure maintenance of law and order in correctional institutions. *Purpose:* based on the analysis of literary sources, to develop a definition of prompt investigation for operational units of the penal system to ensure law and order when executing a sentence of imprisonment. *Methods:* comparative legal, empirical methods of description and interpretation, theoretical methods of formal and dialectical logic. *Results:* the analysis of literary sources on the issue under consideration made it possible to formulate

the definition of prompt investigation in relation to activities of operational units of correctional institutions to maintain law and order in the execution of custodial sentences. *Conclusions*: the author made proposals on prompt investigation features when executing a sentence in the form of imprisonment, aimed at improving effectiveness of understanding this tactical form of prompt investigation activity.

Key words: Federal Penitentiary Service; operational units; law enforcement intelligence-gathering activities.

12.00.12 – Criminalistics; forensic examination activities; law enforcement intelligence-gathering activities.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Ivan'kov I. A. On the concept of prompt investigation in institutions executing custodial sentences. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 3 (59), pp. 293–301. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.007.

В результате государственной политики, расширяющей возможности применения альтернативных уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества (ограничение свободы, принудительные работы), численность лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, продолжает последовательно снижаться.

Так, в исправительных колониях по состоянию на 1 января 2021 г. содержалось 354,1 тыс. чел., что на 369,8 тыс. меньше, чем на 1 января 2010 г. (723,9 тыс. чел.) [12].

В то же время, несмотря на снижение количества лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, проявляется тенденция увеличения численности правонарушений, совершаемых в исправительных учреждениях. Например, рост зарегистрированных преступлений по ст. 321 «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества» с 2010 по 2018 г. составил 24 %.

Дальнейшее совершенствование деятельности учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, возможно лишь при условии укрепления правопорядка при отбывании и исполнении наказания.

Обратимся к анализу правопорядка при исполнении наказания в виде лишения свободы и его элементов. Правопорядок в исправительном учреждении следует рассматривать как урегулированные нормами права правила поведения участников общественных отношений по поводу исполнения и отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы.

Сущностными элементами правопорядка в исправительном учреждении являются:

1. Право и законность как его нормативно-юридическая основа.

2. Участники (субъекты) правовых отношений – администрация исправительного учреждения, осужденные, иные лица (судьи, прокуроры, родственники осужденных и т. д.), наделенные субъективными правами и обязанностями.

3. Правомерное поведение субъектов в пределах правовых отношений, которое составляет содержание правопорядка.

В различных литературных источниках под термином «законность» понимается ряд категорий: принцип права, метод деятельности государственных

органов и их должностных лиц, система правовых норм, регулирующих общественные отношения [25, с. 454–475; 26; 27].

По нашему мнению, достаточно точное определение законности дает Н. В. Витрук: «Законность с функциональной точки зрения может быть охарактеризована как принцип построения и функционирования демократического правового государства, как определяемое им требование к деятельности всех властных структур, органов, организаций, учреждений, общественных объединений, их должностных лиц; как метод (средство) осуществления власти; как состояние (режим) общественной и государственной жизни» [6, с. 350–351].

При практическом проведении требований закона в жизнь законность выступает в качестве метода руководства и управления деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания, должностных лиц. Законность – это особое свойство, качественное содержание данной деятельности.

Как метод деятельности законность означает, что должностные лица учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, должны неукоснительно соблюдать законы и иные нормативные правовые акты. Реализация законности как метода деятельности должностных лиц учреждений и органов, исполняющих наказание, в процессе исполнения наказания предусматривает установление такого порядка законности, при котором в отношениях между субъектами уголовно-исполнительных правоотношений действуют нормы закона, а не произвол и субъективное усмотрение.

Как система правовых норм законность при исполнении и отбывании наказания в виде лишения свободы выступает с точки зрения надлежащего и эффективного применения всеми участниками уголовно-исполнительного процесса предписаний, закрепленных в нормативных источниках различной юридической силы. Нормы уголовно-исполнительного права применяются для того, чтобы регулировать общественные отношения, возникающие в процессе и по поводу исполнения, а также отбывания наказания, реализации мер исправительного воздействия на осужденных. В силу этого нормами права урегулировано нужное государству и обществу исполнение наказания, обеспечивающее исправительное, вос-

питательное влияние на осужденных, их ресоциализацию; определяется социальная ценность уголовно-исполнительного права, его норм.

Право выступает в качестве регулятора общественных отношений через систему установок должного поведения участников этих отношений. При этом для поддержания правопорядка система формально определенных норм является основной категорией, характеризующей состояние и динамику правопорядка при исполнении и отбывании наказания. Именно при нарушении нормы права возникает правонарушение и, соответственно, нарушение правопорядка. Всякое нарушение установленного порядка отбывания наказания есть одновременно и нарушение законности. Правопорядок в уголовно-исполнительной системе – это реализованная в уголовно-исполнительных правоотношениях законность. Иными словами, правопорядок достигается не иначе как через обеспечение законности.

Следующим элементом поддержания правопорядка выступают участники (субъекты) правовых отношений.

В теории права под участниками (субъектами) правовых отношений понимаются физические и юридические лица, которые на основании юридических норм могут иметь субъективные права и юридические обязанности [25–27].

Мы считаем, что при поддержании правопорядка в исправительных учреждениях возникают и развиваются не только уголовно-исполнительные, но и организационно-управленческие, административно-правовые, гражданско-правовые и уголовно-правовые правоотношения. С нашей точки зрения, при поддержании правопорядка в исправительном учреждении все перечисленные группы правоотношений могут возникнуть в силу возможной подготовки и совершения правонарушений и необходимости их предотвращения, пресечения и (или) раскрытия. Поэтому, исходя из предмета нашего исследования, мы придерживаемся точки зрения, что субъектами правоотношений по поддержанию правопорядка в учреждениях, исполняющих наказания, являются как осужденные и администрация данных учреждений, так и иные физические и юридические лица, которые выступают в общественные отношения с администрацией и осужденными.

Принимая во внимание, что уголовно-исполнительное законодательство олицетворяет собой идеальную модель правопорядка при исполнении уголовных наказаний в виде лишения свободы и имеет цели исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами (ч. 1 ст. 1 УИК РФ), можно с уверенностью констатировать, что обеспечение правопорядка в исправительном учреждении заключается в следующем:

1) предупреждении совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Эффективное решение данной задачи тесно связано с недопущением в исправительном учреждении правонарушений. Правовой порядок очень часто увязывается с конкретным уровнем преступности в исправительном учреждении, а его состояние определяется

динамикой, структурой и характером совершаемых в учреждении преступлений и иных противоправных деяний. Так, В. М. Артемов указывает, что с этой точки зрения правопорядок, с одной стороны, оказывается как бы результатом действий тех, кто нарушает, а с другой – находится в прямой зависимости от уровня профессионализма работников правоохранительных органов [1, с. 81]. Другими словами, правопорядок в исправительном учреждении зависит прежде всего от степени, в которой администрация данного учреждения обладает возможностями по предупреждению правонарушений и преступлений;

2) исправлении осужденных. Одним из основных средств, формирующих у осужденных уважительное отношение к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирующих их правопослушное поведение в исправительном учреждении, является режим (ч. 2 ст. 9 УИК РФ), поэтому очевидно, что только посредством надлежащего обеспечения режимных требований удастся поддерживать правопорядок;

3) предупреждении преступлений и правонарушений со стороны персонала исправительных учреждений. Деятельность персонала исправительного учреждения по порядку исполнения наказания регламентируется различными нормативными актами. Права и обязанности сотрудников вытекают из целей и задач уголовно-исполнительного законодательства (ст. 1, 3 УИК РФ) и содержания прав и обязанностей осужденных (гл. 2 УИК РФ). В ст. 13 Федерального закона «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» на учреждения, исполняющие наказания (а значит, на их персонал), возлагается ряд обязанностей. Ненадлежащее исполнение сотрудниками исправительного учреждения функциональных обязанностей в различных сферах влияет на состояние правопорядка в учреждении (например, ненадлежащее исполнение своих функциональных обязанностей по надзору за осужденными, находящимися в помещениях отрядов, сотрудниками дежурной смены в ночное время, несвоевременное или неполное реагирование на нарушения распорядка дня учреждения со стороны осужденных и т. д.).

Третьим основным элементом правопорядка в исправительном учреждении выступает правомерное поведение субъектов в пределах правовых отношений, которое составляет содержание правопорядка.

Анализ научных источников показывает, что в теории права под правомерным поведением понимается социально полезное осознанное поведение субъектов правоотношений, соответствующее правовым предписаниям [14, с. 421–423]. При этом под субъектами правомерного поведения понимаются не только физические, но и юридические лица.

Применительно к предмету нашего исследования правомерным поведением различных субъектов правоотношений, возникающих при поддержании правопорядка в исправительном учреждении, выступают различные осознанные действия должностных лиц и граждан по поводу исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы, соответствующие правовым предписаниям.

Другими словами, обеспечение исполнения наказания – это процесс воздействия на личность осужденного, который в итоге должен сформировать у него правопослушное поведение.

Реализация мер воздействия на личность осужденного во время исполнения уголовного наказания представляет собой регулируемый нормами права процесс. Разумеется, что этот процесс должен протекать в определенном порядке и последовательности, а также следовать единым целям и задачам.

Именно исполнение установленного уголовно-исполнительным законодательством порядка исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы всеми субъектами правоотношений и является сущностью поддержания правопорядка при исполнении наказания.

Для эффективной деятельности оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы по оперативно-розыскному обеспечению борьбы с правонарушениями в исправительных учреждениях важное значение имеет выявление первичных, ранее неизвестных сведений о лицах, замышляющих, подготавливающих, совершающих или совершивших правонарушения, а также о фактах, происходящих на территории исправительных учреждений и территориях, прилегающих к ним, и влияющих на состояние правопорядка при исполнении и отбывании наказания в виде лишения свободы.

В оперативно-розыскной науке общепризнано, что выявление лиц и фактов, представляющих оперативный интерес, лежит в основе оперативно-розыскной деятельности и служит необходимым условием не только раскрытия преступлений, но и их предупреждения [23, с. 51]. Действительно, своевременное выявление ранее неизвестных лиц, представляющих оперативный интерес, фактов их противоправного поведения выступает первым этапом процесса борьбы с правонарушениями [10, с. 3; 20, с. 58].

Мы поддерживаем точку зрения, что выявление лиц и фактов, представляющих оперативный интерес, представляет собой необходимое условие борьбы с преступлениями.

Наша позиция по вопросу о правонарушениях обусловлена спецификой деятельности оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы России. Она проявляется в следующем. Деятельность оперативных подразделений исправительных учреждений по применению оперативно-розыскных сил, средств и методов для борьбы с правонарушениями в рассматриваемых учреждениях регулируется не только оперативно-розыскным, но и уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации.

Как известно, специальными законами в сфере правового регулирования оперативно-розыскной деятельности при исполнении наказания в виде лишения свободы выступают:

– Закон Российской Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»;

– Федеральный закон Российской Федерации от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»;

– Федеральный закон Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ «Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации».

Ранее нами неоднократно рассматривались вопросы правового регулирования оперативно-розыскной деятельности в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы [9, с. 115–134]. В соответствии с п. 1, 2 ст. 13 Федерального закона «Об учреждениях и органах, исполняющих наказание в виде лишения свободы» данные учреждения обязаны обеспечивать исполнение уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации и создавать условия для обеспечения правопорядка и законности, безопасности осужденных, а также персонала, должностных лиц и граждан, находящихся на их территориях. В ст. 14 закреплены права учреждений на осуществление контроля за соблюдением режимных требований на объектах учреждений, исполняющих наказания, и территориях, прилегающих к ним, а также оперативно-розыскной деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации. Задачи оперативно-розыскной деятельности учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, законодательно закреплены в ст. 84 УИК РФ.

Одной из задач оперативно-розыскной деятельности в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, является выявление, предупреждение и раскрытие готовящихся и совершаемых в исправительных учреждениях нарушений установленного порядка отбывания наказания.

Решение этой задачи существенно влияет на процесс исполнения наказания в виде лишения свободы. Это утверждение можно аргументировать результатами анализа статистических данных о деятельности ФСИН России. Например, в исправительных учреждениях в 2020 г. изъято более 499 тыс. руб., из них при доставке – более 462 тыс. руб.; алкогольных напитков промышленного производства – более 1450 л, из них при доставке – более 1390 л; алкогольных напитков кустарного производства – более 25 590 л; средств связи – более 56 300 ед., из них при доставке – более 25 800 ед. [18].

Поэтому, с нашей точки зрения, говорить о предупреждении и раскрытии правонарушений при исполнении наказания в виде лишения свободы средствами оперативно-розыскной деятельности правомерно.

В теории оперативно-розыскной деятельности поиск первичной информации рассматривается как самостоятельная организационно-тактическая форма, которой свойственны многие черты, дающие представление о ее содержании. Главным отличием этой формы является то, что в процессе ее применения осуществляется поиск именно первичной информации, и все другие организационно-тактические формы основываются на ее результатах [2, с. 56].

Первичная информация – значит ранее неизвестная, и ее получение снижает некую неопределенность в знании о ком-то либо о чем-то. Именно такая точка зрения на понятие «информация» наиболее распространена [3; 5; 11; 13; 16; 28]. Так, по мнению Ю. С. Блинова, «данные сведения не снижают не-

определенность и не оказывают воздействия на поведение субъекта. Они остаются данными до тех пор, пока не появится в них необходимость, пока не обратятся к ним в связи с осуществлением тех или иных действий или в связи с обязанностью принять некоторое решение. Иными словами, снять возникшую неопределенность. Следовательно, информация всегда первична» [3, с. 209].

По своему содержанию первичная информация различна. Вместе с тем общим для нее является то, что она содержит ранее неизвестные оперативным подразделениям данные о лицах, склонных к совершению преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания, фактах или событиях, имеющих значение для борьбы с правонарушениями.

Первичная информация, полученная в ходе оперативно-розыскных мероприятий, является одним из основных средств познания разнообразных процессов (явлений), связанных с противоправной деятельностью лиц, склонных к совершению преступлений и нарушений порядка и условий исполнения и отбывания наказания. Речь идет о наличии в этой информации объективных признаков противоправной связи лица, предмета, факта или иного обстоятельства с конкретным правонарушением или преступностью в целом как социальным явлением.

На современном этапе развития теории оперативно-розыскной деятельности существуют различные подходы к определению оперативного поиска. С. Е. Матвеевым проанализировано более десяти дефиниций оперативного поиска и выявления лиц и фактов, представляющих оперативный интерес [15, с. 188–191]. Не вдаваясь в их детальный анализ, подчеркнем, что отсутствие четкого понимания процесса осуществления поисковых мероприятий наряду с теоретическими проблемами вызывает путаницу в подходах к их планированию и осуществлению.

Прежде всего, обратим внимание, что многие авторы, исследуя сущность оперативного поиска, подразделяют получаемую информацию на первичную и вторичную [21]. Е. Н. Яковец приходит к выводу, что данные для любого субъекта, в том числе и оперативного работника, могут стать информацией лишь тогда, когда он может их правильно систематизировать, оценить и обнаружить в них новые знания [29, с. 74].

Таким образом, разделяя вышеуказанную точку зрения, можно рассуждать о первичности и вторичности, скорее, данных, а не информации.

Последнее, бесспорно, является аргументом в пользу определения рассматриваемой нами организационно-тактической формы обеспечения борьбы с правонарушениями при исполнении наказания в виде лишения свободы как выявления первичных оперативно-розыскных данных.

В то же время указанное определение является, на наш взгляд, усеченным по отношению к такому, как «выявление лиц и фактов, представляющих оперативный интерес», так как последнее подразумевает не только процесс оперативного поиска и получения первичных данных, но и определенные действия по их проверке.

Исходя из этой дефиниции, оперативное подразделение в результате комплекса оперативно-розыск-

ных мероприятий, осуществляемых в рамках данной формы, должно получить именно новую информацию, представляющую оперативный интерес.

При этом можно возразить, что в процессе выявления данных и последующей их проверки возможно получение и информации о лицах и фактах, не представляющих оперативного интереса. Определенная логика в данном замечании есть.

С нашей точки зрения, если рассматривать конструкцию определения с позиции, что словосочетание «представляющих оперативный интерес» указывает на требование к конечной цели оперативного поиска, то это не исключает действия, которые в ходе данного процесса будут отсеивать ненужную с точки зрения оперативных соображений информацию.

Таким образом, формулировка «...информации по выявлению лиц и фактов, представляющих оперативный интерес» представляется нам более логичной.

Как мы уже отмечали, различные авторы дают разные определения оперативного поиска.

Так, А. С. Вандышев под оперативным поиском понимает систему оперативно-розыскных мероприятий, осуществляемых субъектами оперативно-розыскной деятельности в целях обнаружения лиц, предметов и явлений, представляющих оперативный интерес [4, с. 11]. Однако при таком подходе вне определения остаются предварительный анализ обстановки, проверка полученной информации, а также принятие решения по ее использованию для борьбы с правонарушениями.

А. Ю. Шумилов под оперативным поиском понимает оперативно-розыскную деятельность по обнаружению латентных преступлений и лиц, их совершивших, а также первоначально неизвестных причин и условий для совершения преступлений [17, с. 199].

В данном определении речь идет об уже совершенных преступлениях, оставшихся латентными, и о лицах, их совершивших, а также о первоначально неизвестных причинах и условиях для их совершения, но, как и в представленной выше дефиниции, автором не учитываются анализ обстановки, принимаемые решения, а также лица, которые подготавливают и совершают правонарушения. Соответственно, и принять меры по предупреждению или пресечению противоправной деятельности данных лиц не представляется возможным.

В связи с этим более правильна, на наш взгляд, позиция отдельных авторов, которые, рассматривая процесс выявления лиц и фактов, представляющих оперативный интерес, отмечают, что он осуществляется поэтапно в следующем порядке:

- оперативный поиск и получение первичных данных;
- их проверка;
- принятие решения [7, с. 4; 24, с. 5].

Однако и здесь отсутствует предварительный анализ оперативной обстановки на объектах поиска.

Достижение положительных результатов зависит от каждого из перечисленных этапов, но ведущее место среди них по объему выполняемой работы занимает оперативный поиск, направленный на получение первичных данных.

Поиск осуществляется путем проведения оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», личного сыска должностными лицами оперативных подразделений исправительных учреждений (либо другими должностными лицами и специалистами), а также гражданами, привлекаемыми к поиску на гласной и негласной основе. При этом могут использоваться информационные системы, видео- и аудиозапись, кино- и фотосъемка, другие технические и иные средства.

Все это свидетельствует о том, что содержание деятельности по выявлению лиц и фактов, представляющих оперативный интерес, имеет комплексный характер.

В то же время необходимо отметить, что проведение оперативно-розыскных мероприятий, направленных на получение первичных данных, с точки зрения действующего оперативно-розыскного законодательства вызывает сомнения.

При этом если рассматривать правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, то перед оперативными подразделениями данных учреждений законодательно поставлена задача выявления готовящихся и совершаемых в исправительных учреждениях преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания. Но каким образом она может быть решена?

Как известно, оперативно-розыскная деятельность осуществляется путем проведения оперативно-розыскных мероприятий (ч. 1 ст. 1 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»). В ст. 7 данного закона указаны основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление готовящихся, совершаемых и совершенных противоправных деяний.

В соответствии с п. 2.1 ст. 7 основанием для проведения оперативно-розыскных мероприятий являются ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, определенные сведения (если нет достаточных данных для возбуждения уголовного дела). То есть оперативно-розыскные мероприятия могут проводиться только после получения первичных данных.

Конечно, никто не отрицает возможности получения первичных данных из заявлений граждан, сообщений должностных лиц и т. д. независимо от предпринятых мер по их обнаружению. В то же время получение первичной информации о латентных преступлениях, замыслах лиц, подготавливающих преступления или нарушения установленного порядка отбывания и исполнения наказания, процессах, скрытно протекающих в среде осужденных, весьма проблематично. Данная информация выявляется путем проведения мероприятий разведывательно-поискового характера, основная цель которых как раз и состоит в обнаружении первичных данных о таких деяниях и лицах, причастных к их совершению. И если в ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» основания проведения такого рода мероприятий не указаны, тогда возникает вопрос о законности их реализации.

Также рассматриваемая норма закона допускает проведение оперативно-розыскных мероприятий при получении сведений о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших. Однако, с точки зрения законодателя, проводить оперативно-розыскные мероприятия на стадии замысла совершения противоправного деяния оснований нет. Но это противоречит нормам законодательства (ч. 1 ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и ч. 1 ст. 84 УИК РФ) в части предупреждения правонарушений.

На наш взгляд, возникает необходимость уточнения оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий, закрепленных в ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

Ранее различными учеными рассматривались вопросы оперативного поиска в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы. Так, Е. Н. Билоус отмечает, что поиск первичной информации в исправительном учреждении представляет собой комплекс мероприятий, направленных на обнаружение, получение, проверку и накопление сведений, содержащих новые (ранее неизвестные оперативным аппаратам) специальные знания, имеющие значение для борьбы с преступностью и другими правонарушениями в исправительных учреждениях [2, с. 57].

Однако считаем, что в данном определении отсутствует один из важных признаков – принятие решений, ведь обнаружив, получив, проверив, накопив содержащие новые (ранее неизвестные оперативным подразделениям) специальные знания, имеющие значение для борьбы с преступностью и другими правонарушениями в исправительных учреждениях, необходимо принять эффективное решение. Иначе вся проведенная работа будет напрасной.

В. И. Потапов применительно к деятельности данных учреждений под выявлением лиц и фактов, представляющих оперативный интерес, понимает процесс осуществления комплекса оперативно-розыскных, режимных, воспитательных и иных мероприятий, направленных на получение первичных данных, интересующих администрацию исправительного учреждения, исходя из ее компетенции, их проверку и принятие решения для предотвращения, раскрытия преступлений, обнаружения злостных нарушителей режима отбывания наказания, розыска бежавших осужденных [19, с. 123–132].

А. В. Сенатов, анализируя представленное определение, отмечает, что автором не учтена одна из задач оперативно-розыскной деятельности – предупреждение преступлений [22, с. 102].

С нашей точки зрения, термины «предотвращение» и «предупреждение» по существу обозначают одно и то же явление, поэтому в этом вопросе мы скорее солидарны с позицией В. И. Потапова.

Однако если говорить о комплексе мероприятий, проводимых оперативными подразделениями уголовно-исполнительной системы с целью получения информации, представляющей оперативный интерес, поддержания правопорядка в исправительных

учреждениях, то представленное определение нуждается в корректировке.

Во-первых, при проведении оперативного поиска в исправительных учреждениях сотрудниками оперативных подразделений действительно осуществляется комплекс мероприятий оперативно-розыскного, режимного и воспитательного характера. Это определяется тем фактом, что сотрудники оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы участвуют в проведении режимных и воспитательных мероприятий в отношении осужденных как представители администрации данных учреждений. Вместе с тем они также участвуют и в проведении воспитательных мероприятий в отношении сотрудников и работников других частей, отделов и служб учреждений. И при проведении указанного комплекса мероприятий они получают первичные данные о лицах и фактах, представляющих интерес в плане решения стоящих перед оперативными подразделениями задач. Но в рамках определения оперативно-тактической формы оперативно-розыскной деятельности говорить о комплексе мероприятий различного характера, направленных на получение первичных данных, интересующих администрацию исправительного учреждения, хотя и с целью поддержания правопорядка, не совсем корректно.

Во-вторых, в представленном определении отсутствует анализ оперативной обстановки в исправительном учреждении как основа деятельности оперативного подразделения, а также не указаны субъекты оперативного поиска. Поэтому считаем,

что процесс оперативного поиска должен начинаться с анализа оперативной обстановки объектов, на которых предполагается (планируется) проведение оперативно-розыскных мероприятий, направленных на получение первичных сведений о лицах и фактах, представляющих оперативный интерес. Применительно к теме нашего исследования анализироваться должна оперативная обстановка в исправительном учреждении.

При этом мы солидарны с А. Н. Журавлевым, который, исследуя понятие «оперативная обстановка», приходит к выводу, что оперативная обстановка в исправительных учреждениях представляет собой совокупность внутренних и внешних условий (факторов), в которых осуществляется их деятельность, имеющих качественные и количественные показатели, влияющие на криминогенную ситуацию в них, организацию и осуществление исполнения наказания в виде лишения свободы [8, с. 34].

Таким образом, под оперативным поиском в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, следует понимать основанный на анализе оперативной обстановки процесс осуществления комплекса оперативно-розыскных мероприятий, проводимых оперативными подразделениями исправительных учреждений, направленных на получение первичной информации, представляющей интерес для борьбы с правонарушениями, ее проверку и принятие решения для дальнейшего использования при выполнении задач, стоящих перед указанными подразделениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артамонов, В. М. Правопорядок в современном российском обществе: концептуальные обоснования и инновации / В. М. Артамонов. – Москва : Академия управления МВД России, 1998. – 143 с.
2. Билоус, Е. Н. Организация и тактика борьбы с противоправной деятельностью лидеров криминальной среды в исправительных учреждениях : учебное пособие / Е. Н. Билоус; под редакцией профессора В. М. Атажитова. – Москва : Академия МВД России, 1998. – 168 с.
3. Блинов, Ю. С. Теоретические основы оперативно-розыскного производства по делам оперативного учета : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Блинов Юрий Сергеевич. – Москва, 2003. – 313 с.
4. Вандышев, А. С. Организация и тактика оперативного поиска / А. С. Вандышев. – Москва : Академия управления МВД СССР, 1984. – 89 с.
5. Винер, Н. Кибернетика / Н. Винер. – Москва : Сов. радио, 1968. – 286 с.
6. Витрук, Н. В. Законность: понятие, защита и обеспечение / Н. В. Витрук // Общая теория права : курс лекций / под общей редакцией профессора В. К. Бабаева. – Нижний Новгород : НВШ МВД РФ, 1993. – 544 с.
7. Жилин, О. А. Формы оперативно-розыскной деятельности : лекция / О. А. Жилин. – Уфа : Уфимская высшая школа МВД СССР, 1990. – 45 с.
8. Журавлев, А. Н. Оценка оперативной обстановки в исправительном учреждении: организационные и правовые основы : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Журавлев Александр Николаевич. – Рязань, 2009. – 269 с.
9. Иванов, И. А. Оперативно-розыскное обеспечение поддержания правопорядка в учреждениях, исполняющих наказания в виде лишения свободы (теоретические и правовые аспекты) : монография / И. А. Иванов. – Киров : Кировский ИПКР ФСИН России, 2018. – 112 с.
10. Климов, И. А. Организация и тактика оперативного поиска : лекция / И. А. Климов, А. С. Вандышев, С. А. Дьячковский. – Москва : Юрид. ин-т МВД России, 1998. – 32 с.
11. Колмогоров, А. В. Три подхода к понятию «количество информации» / А. В. Колмогоров // Проблемы передачи информации. – 1965. – Том 1, № 1. – С. 3–11.
12. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/603496992> (дата обращения: 04.02.2022).
13. Кувалдин, В. Н. Информационный фонд службы БХСС, его организация и использование / В. Н. Кувалдин, Б. И. Терентьев. – Горький : ВШ МВД СССР, 1976. – 245 с.
14. Марченко, М. Н. Теория государства и права : учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2011. – 636 с. – ISBN 978-539-20185-50.

15. Матвеев, С. Е. Оперативный поиск в криминальной среде : учебное пособие / С. Е. Матвеев ; под редакцией Ю. Ф. Кваши. – Москва : МИ МВД России, УВД Новгородской области, 1998. – 103 с.
16. Овчинский, С. С. Оперативно-розыскная информация. Проблемы теории и практики / С. С. Овчинский. – Москва : ВНИИ МВД СССР, 1976. – 108 с.
17. Оперативно-розыскная энциклопедия / составитель А. Ю. Шумилов. – Москва : Шумилова И. И., 2004. – 363 с. – ISBN 5-89784-080-6.
18. Отчет о результатах оперативно-служебной деятельности отделов безопасности (режима и надзора) исправительных колоний, лечебных исправительных учреждений, лечебно-профилактических учреждений, воспитательных колоний, тюрем, следственных изоляторов, отделов (отделений, групп) режима и надзора территориальных органов ФСИН России за четвертый квартал 2020 года // Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы, январь–декабрь 2020 г. : информационно-аналитический сборник. – Тверь : НИИИТ ФСИН России. – 386 с.
19. Потапов, В. И. Некоторые вопросы тактики выявления оперативными аппаратами ИТУ лиц и фактов, представляющих оперативный интерес / В. И. Потапов // Труды Академии управления МВД СССР. – Москва : Академия управления МВД СССР, 1988. – 87 с.
20. Рабунский, В. Е. К вопросу о системе информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел / В. Е. Рабунский, Г. А. Мацаков // Теоретические и практические проблемы оперативно-розыскной деятельности. – Калининград : Калининградский юридический институт МВД России, 1999. – 205 с.
21. Рева, А. М. К вопросу о сущности собирания информации, имеющей значение для предупреждения и раскрытия преступлений (оперативный поиск) / А. М. Рева // Актуальные вопросы совершенствования правового и организационно-тактического обеспечения деятельности оперативных аппаратов органов внутренних дел : межвузовский сборник научных трудов. – Москва, 2000. – С. 202–206.
22. Сенатов, А. В. Правовые и организационно-тактические основы предупреждения преступлений оперативными аппаратами тюрем : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Сенатов Александр Викторович. – Владимир, 2011. – 186 с.
23. Синилов, Г. К. Правовые и тактические основы оперативно-розыскной деятельности советской милиции : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Синилов Григорий Карпович. – Москва, 1983. – 98 с.
24. Смирнов, С. А. Организационно-тактические формы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : фондовая лекция / С. А. Смирнов, Э. И. Бордиловский. – Москва : Академия МВД СССР, 1986. – 30 с.
25. Теория государства и права : учебник для вузов / ответственный редактор В. Д. Перевалов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма, 2004. – 496 с. – ISBN 5-89123-785-7.
26. Теория государства и права : учебник / под редакцией В. К. Бабаева. – Москва : Юристъ, 2003. – 592 с. – ISBN 5-7975-0239-9.
27. Теория государства и права : учебник для вузов / под редакцией В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. – 2-е изд., изм. и доп. – Москва : НОРМА-ИНФРА-М, 2000. – 616 с. – ISBN 5-89123-388-6.
28. Шенон, К. Э. Работы по теории информации и кибернетике : сборник статей / К. Э. Шенон ; с предисловием А. Н. Колмогорова ; под редакцией Р. Л. Добрушина и О. Б. Лупанова. – Москва : Изд-во иностр. лит., 1963. – 829 с.
29. Яковец, Е. Н. Оперативно-розыскная идентификация / Е. Н. Яковец ; под редакцией В. М. Аتماжитова и Б. Я. Нагиленко. – Москва : Академия управления МВД России, 2003. – 101 с.

REFERENCES

1. Artamonov V.M. *Pravoporyadok v sovremennom rossiiskom obshchestve: kontseptual'nye obosnovaniya i innovatsii* [Law and order in modern Russian society: conceptual foundations and innovations]. Moscow: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 1998. 143 p.
2. Bilous E.N. *Organizatsiya i taktika bor'by s protivopravnoi deyatel'nost'yu liderov kriminal'noi sredy v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh: uchebnoe posobie* [Organization and tactics of combating illegal activities of leaders of the criminal environment in correctional institutions: teaching guide]. Edited by V.M. Atmazhitov. Moscow: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 1998. 168 p.
3. Blinov Yu.S. *Teoreticheskie osnovy operativno-rozysknogo proizvodstva po delam operativnogo ucheta: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Theoretical foundations of operational investigative proceedings in cases of operational accounting: Doctor of (Sciences) Law dissertation]. Moscow, 2003. 313 p.
4. Vandyshev A.S. *Organizatsiya i taktika operativnogo poiska* [Organization and tactics of prompt investigation]. Moscow: Akademiya upravleniya MVD SSSR, 1984. 89 p.
5. Wiener N. *Kibernetika* [Cybernetics]. Moscow: Sov.radio, 1968. 286 p.
6. Vitruk N.V. *Zakonnost': ponyatie, zashchita i obespechenie. Obshchaya teoriya prava: kurs lektsii* [Legality: concept, protection and provision. General theory of law: course of lectures]. Ed. by B.K. Babaev. Nizhny Novgorod: NVSh MVD RF, 1993. 544 p.
7. Zhilin O.A. *Formy operativno-rozysknoi deyatel'nosti: lektsiya* [Forms of law enforcement intelligence operations: lecture]. Ufa: Ufimskaya vysshaya shkola MVD SSSR, 1990. 45 p.
8. Zhuravlev A.N. *Otsenka operativnoi obstanovki v ispravitel'nom uchrezhdenii: organizatsionnye i pravovye osnovy: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Assessment of the operational situation in a correctional institution: organizational and legal bases: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Ryazan, 2009. 269 p.
9. Ivan'kov I.A. *Operativno-rozysknoe obespechenie podderzhaniya pravoporyadka v uchrezhdeniyakh, ispolnyayushchikh nakazaniya v vide lisheniya svobody (teoreticheskie i pravovye aspekty): monografiya* [Operational and investigative support of maintaining law and order in institutions executing sentences in the form of imprisonment (theoretical and legal aspects): monograph]. Kirov: Kirovskii IPKR FSIN Rossii, 2018. 112 p.
10. Klimov I.A., Vandyshev A.S., D'yachkovskii S.A. *Organizatsiya i taktika operativnogo poiska: lektsiya* [Organization and tactics of prompt investigation : lecture]. Moscow: Yurid. in-t MVD Rossii, 1998. 32 p.

11. Kolmogorov A.V. Three approaches to the concept of "quantity of information". *Problemy peredachi informatsii=Problems of Information Transmission*, 1965, vol. 1, no. 1, pp. 3–11. (In Russ.).
12. Concept for the development of the penal system of the Russian Federation for the period up to 2030. *Elektronnyi fond pravovykh i normativno-tekhnicheskikh dokumentov: sait* [Electronic Fund of Legal and regulatory and Technical documents: website]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/603496992> (In Russ.). (Accessed February 4, 2022).
13. Kuvaldin V.N., Terent'ev B.I. *Informatsionnyi fond sluzhby BKhSS, ego organizatsiya i ispol'zovanie* [Information Fund of the Combating the Theft of Socialist Property and Speculation, its organization and use]. Gorkii: Vsh MVD SSSR, 1975. 245 p.
14. Marchenko M.N. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik* [Theory of state and law: textbook]. Moscow: Prospekt, 2011. 636 p. ISBN 978-539-20185-50.
15. Matveev S.E. *Operativnyi poisk v kriminal'noi srede: uchebnoe posobie* [Prompt investigation in the criminal environment: teaching aid]. Ed. by Yu.F. Kvashi. Moscow: MI MVD Rossii, UVD Novgorodskoi oblasti, 1998. 103 p.
16. Ovchinskii S.S. *Operativno-rozysknaya informatsiya. Problemy teorii i praktiki* [Operational and investigative information. Problems of theory and practice]. Moscow, 1976. 108 p.
17. *Operativno-rozysknaya entsiklopediya* [Operational-search encyclopedia]. Comp. by Shumilov A.Yu. Moscow: Shumilova I.I., 2004. 363 p. ISBN 5-89784-080-6.
18. Report on the results of operational and service activities of the security departments (regime and supervision) of correctional facilities, medical correctional institutions, medical and preventive institutions, juvenile educational facilities, prisons, pre-trial detention centers, departments (departments, groups) of the regime and supervision of territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia for the fourth quarter of 2020. In: *Osnovnye pokazateli deyatelnosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy yanvar' – dekabr' 2020 goda: informatsionno-analiticheskii sbornik* [Main indicators of criminal activity-executive system January – December 2020: information and analytical collection]. Tver: NIIT FSIN Rossii. 386 p. (In Russ.).
19. Potapov V.I. Some questions of tactics of identification of persons and facts of operational interest by ITU operational apparatuses. In: *Trudy Akademii upravleniya MVD SSSR* [Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the USSR]. Moscow: Akademiya upravleniya MVD SSSR, 1988. 87 p. (In Russ.).
20. Rabunskii V.E., Matsakov G.A. On the issue of the information support system for operational investigative activities of internal affairs bodies. In: *Teoreticheskie i prakticheskie problemy operativno-rozysknoi deyatelnosti* [Theoretical and practical problems of operational investigative activity]. Kaliningrad: Kaliningradskii yuridicheskii institut MVD Rossii, 1999. 205 p. (In Russ.).
21. Reva A.M. On the issue of the essence of collecting information relevant for preventing and solving crimes (prompt investigation). In: *Aktual'nye voprosy sovershenstvovaniya pravovogo i organizatsionno-takticheskogo obespecheniya deyatelnosti operativnykh apparatov organov vnutrennikh del: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Topical issues of improving legal and organizational and tactical support for the activities of operational apparatuses of internal affairs bodies: intercollegiate collection of scientific papers]. Moscow, 2000. Pp. 202–206. (In Russ.).
22. Senatov A.V. *Pravovye i organizatsionno-takticheskie osnovy preduprezhdeniya prestuplenii operativnymi apparatami tyurem: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Legal and organizational and tactical bases of crime prevention by operational prison apparatuses: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Vladimir, 2011, 186 p.
23. Sinilov G.K. *Pravovye i takticheskie osnovy operativno-rozysknoi deyatelnosti sovetskoi militsii: avtoreferat dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Legal and tactical bases of operational-search activity of the Soviet militia: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 1983. 98 p.
24. Smirnov S.A., Bordilovskii E.I. *Organizatsionno-takticheskie formy operativno-rozysknoi deyatelnosti organov vnutrennikh del: fondovaya lektsiya* [Organizational and tactical forms of operational-search activity of internal affairs bodies: lecture]. Moscow, 1986. 30 p.
25. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya vuzov* [Theory of state and law: textbook for universities]. Ed. by V.D. Perevalov. Moscow: Norma, 2004. 496 p. ISBN 5-89123-785-7.
26. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik* [Theory of state and law: textbook]. Ed. by V.K. Babaev. Moscow: Yurist", 2003. 592 p. ISBN 5-7975-0239-9.
27. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya vuzov* [Theory of state and law: textbook for universities]. Ed. by V.M. Korel'skii, V.D. Perevalov. Moscow: NORMA-INFRA-M, 2000. 616 p. ISBN 5-89123-388-6.
28. Shannon C.E. *Raboty po teorii informatsii i kibernetike: sbornik statei* [Works on information theory and cybernetics: collection of articles]. Ed. by Dobrushin R. L., Lupanova O.B. Moscow: Izd-vo inostrannoi literatury, 1963. 829 p.
29. Yakovets E.N. *Operativno-rozysknaya identifikatsiya* [Prompt investigation identification]. Ed. by V.M. Atmazhitov, B.Ya. Nagilenko. Moscow: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2003. 101 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ИГОРЬ АНАТОЛЬЕВИЧ ИВАНЬКОВ – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Кировского института повышения квалификации работников ФСИН России по учебной и научной работе, Киров, Россия, iwanckow2011@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6414-0702>

IGOR' A. IVAN'KOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Deputy Head for Academic and Scientific Work of the Kirov Institute for Advanced Studies of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, Kirov, Russia, iwanckow2011@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6414-0702>

Статья поступила 28.02.2022

Документы планирования развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в период 2010–2030 гг.: наименование, вид и порядок введения в юридическую силу

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ ДЯДЬКИН

Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых,
Владимир, Россия, krimvggu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1887-2977>

АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ КАЛЯШИН

Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации, Влади-
мир, Россия, cav71@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9699-020X>

Реферат

Введение: в новейшее время процесс развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации базируется на концептуальных положениях, закрепленных в юридических документах, являющихся результатом стратегического планирования. Эти положения разрабатываются в целях достижения желаемого состояния уголовно-исполнительной системы в будущем и представляют собой систему взглядов, направленных на совершенствование деятельности учреждений и органов. В документах планирования определяются конечный результат, а также приоритетные направления развития, как правило, на десятилетний период согласно национальному законодательству и в контексте международных норм и стандартов. *Цель:* провести сравнительный анализ отдельных концептуальных положений в завершившем свое действие и вновь принятом документе планирования, ориентированном на совершенствование уголовно-исполнительной системы; отталкиваясь от результатов исследования и принимая во внимание нерешенные вопросы, выявленные в ходе реализации концептуальных положений, позиции ученых и практиков, сформулировать рекомендации для разработчиков нового юридического документа, направленного на развитие всей пенитенциарной системы. *Методы:* методологическую основу исследования составили общенаучные методы, такие как обобщение, анализ, синтез, дедукция и индукция, системно-структурный способ сравнения, а также частнонаучные средства анализа нормативных документов. *Выводы:* результаты исследования позволили выдвинуть логическое суждение о том, что введенные в действие в последние десятилетия концептуальные документы по оптимизации деятельности уголовно-исполнительной системы предопределили вектор ее развития, оказали положительное влияние на функционирование учреждений и органов, исполняющих наказания, а также правоприменительную практику в данной сфере. *Результаты:* выявлены проблемно-дискуссионные аспекты концептуальных документов, связанные с реализацией положений ведомственного характера, формой, способами и субъектами, вводящими в действие изучаемые юридические акты. Исходя из результатов анализа, сделано теоретическое умозаключение и предложены доктринально-практические рекомендации, которые могут лечь в основу разработки нового, занимающего более высокое положение в иерархии правовых актов концептуального документа, направленного на развитие всей системы учреждений и органов, исполняющих наказания.

Ключевые слова: документ; планирование; форма; способ; концепция; система.

12.00.14 – Административное право; административный процесс.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Дядькин О. Н., Каляшин А. В. Документы планирования развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в период 2010–2030 гг.: наименование, вид и порядок введения в юридическую силу // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 3 (59). С. 302–309. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.008.

Original article

Planning Documents to Develop the Russian Penal System in the Period of 2010–2030: Name, Type and Procedure for Entry into Legal Force

OLEG N. DYAD'KIN Vladimir State University Named After Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia, e-mail: krimvggu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1887-2977>**ANDREI V. KALYASHIN**Vladimir Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russia, e-mail: cav71@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9699-020X>

Abstract

Introduction: recently, development of the Russian penal system is based on the conceptual provisions enshrined in legal documents that are the result of strategic planning. The conceptual provisions are being developed in order to achieve the desired state of the penal system in the future and represent a system of views aimed at improving activities of its institutions and bodies. Planning documents set up the final result, as well as priority development directions, as a rule, for a ten-year period according to the national legislation with regard to international norms and standards. *Purpose:* to conduct a comparative analysis of individual conceptual provisions in the terminated and newly adopted planning document aimed at improving the management system; taking into account results of the study, unresolved issues identified during implementation of the conceptual provisions, and positions of scientists and practitioners, to formulate theoretical and practical recommendations for the developers of a new legal document focused on developing the entire system of penal institutions and bodies. *Methods:* the methodological basis of the study is made up of general scientific methods, such as generalization, analysis, synthesis, deduction and induction, a system-structural method of comparison, as well as private scientific means of analyzing normative documents. *Conclusions:* the conceptual documents introduced in recent decades reflecting the leading ideas to optimize activities of the penal system and the chosen direction to execute criminal penalties predetermined the vector of its development. Moreover, the considered system of views has had a significant positive impact on the functioning of the institutions and bodies executing criminal punishment, as well as law enforcement practice. *Results:* the authors have identified unresolved problematic and debatable aspects of conceptual documents related to the implementation of departmental provisions, the form, methods and subjects that put into effect the legal acts under study. Based on the results of the analysis, the researchers made a theoretical conclusion and proposed doctrinal and practical recommendations that can form the basis for working out a new conceptual document occupying a higher position in the hierarchy of legal acts aimed at developing the entire system of institutions and bodies executing punishments.

Keywords: document; planning; form; method; concept; system.

12.00.14 – Administrative law; administrative process.

5.1.2. Public legal (state legal) sciences.

For citation: Dyad'kin O. N., Kalyashin A. V. Planning documents to develop the Russian penal system in the period of 2010–2030: name, type and procedure for entry into legal force. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 3 (59), pp. 302–309. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.008.

Введение

Сегодня не вызывает сомнений необходимость научного, основанного на официальных юридических документах моделирования содержания и этапов развития системы исполняющих уголовные наказания учреждений и органов, в том числе прогнозирования ожидаемых результатов, которые должны проявиться в новом ее качественном состоянии. Придерживаясь позиции положительного отношения к реформированию уголовно-исполнительной си-

стемы как процессу совершенствования ее деятельности, мы считаем необходимым получение нового суждения, касающегося его целей и результатов.

В современных условиях большинство развитых стран, включая Россию, осуществляют поиск оптимальных направлений развития деятельности учреждений, исполняющих уголовные наказания, в том числе в виде лишения свободы. Совершенствование деятельности среди прочих факторов напрямую влияет и на криминализацию личности осужденного, что

подтверждается зарубежными исследователями, например Ф. Мирикчем, который подробно изучил причины криминогенного влияния пенитенциарных учреждений в Республике Сербии. Специалист пришел к умозаключению о наличии стресса у всех осужденных, которые направляются отбывать наказание в виде лишения свободы в пенитенциарное учреждение. Как отмечается, они должны положить конец своему прежнему образу жизни, проживать в пенитенциарном учреждении закрытого типа совместно с очень разнообразным контингентом заключенных. Из-за утраты свободы часть осужденных лишены привилегий, которые они имели за пределами тюрьмы. В ответ на эти ограничения они совершают новые преступления и отбывают новые наказания. По этой причине время, проведенное в тюрьме, с нашей точки зрения, может быть важным криминогенным фактором [15, с. 37].

В рассматриваемом контексте отметим наблюдающуюся последние два десятилетия устойчивую тенденцию введения в действие официальных юридических документов так называемой нетипичной правовой природы. Важными компонентами придания им легитимности являются форма, способ и субъекты, вводящие их в действие, которые должны отвечать современным реалиям.

Документы нетипичной правовой природы в целях совершенствования уголовно-исполнительной системы издаются в таких формах, как концепция [14] и программа.

При анализе введенных концептуальных документов важно обозначить определенную их узковедомственную направленность. Ограничение рассматриваемых документов ведомственными рамками связано с тем, что инициатива по их подготовке исходила от органа, ведающего исполнением уголовных наказаний, а разработчиками выступили находящиеся в его ведении научно-исследовательские и образовательные учреждения. Соответственно, действие положений этих документов по развитию ориентировано не на всю совокупность исполняющих наказания учреждений и органов, а только лишь на организации уголовно-исполнительной системы. К примеру, за пределами регулирования документа осталось совершенствование исполнения судебными приставами-исполнителями наказания в виде штрафа.

В 90-х гг. XX столетия документам в виде концепции юридическая сила придавалась через одобрение главой государства. В настоящее время программа утверждается постановлением высшего исполнительного коллегиального органа государственной власти, а концепция – его распоряжением, что в свою очередь обуславливает дискуссионность вопроса о субъекте придания им юридической силы.

Для более объективной характеристики рассматриваемого вопроса важно обозначить позицию ряда специалистов в области права, считающих, что в настоящее время уровень утверждения концептуального документа значительно понижен. Так, с точки зрения профессора В. И. Селиверстова, сегодня является разумным придание юридической силы

новому концептуальному документу развития уголовно-исполнительной системы именно Президентом Российской Федерации. Ученый, являющийся авторитетным экспертом в уголовно-исполнительном праве, обосновал это двумя обстоятельствами. Прежде всего, глава государства в силу Основного закона определяет базовые направления внутренней и внешней политики страны, во-вторых, осуществляет общее руководство силовым блоком ведомств, в состав которого в том числе входит ФСИН России [9].

Проведем сравнительный анализ утвержденных за последние два десятилетия документов изучаемой формы, направленных на развитие уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

В конце 2020 г. завершился период действия утвержденной подзаконным актом управления Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. (далее – Концепция 2010 г.), которая предусматривала три этапа реализации: 2010–2012 гг., 2013–2016 гг. и 2016–2020 гг.

Обозначим положительные и отрицательные стороны данной концепции. Не требует доказательства факт содержания в концептуальном документе оригинальных замыслов и идей, не применявшихся ранее мер государственного воздействия на лиц, совершивших преступления и признанных виновными. Вместе с тем, несмотря на сложность реализации задуманного в российских условиях, часть положений нашли свое отражение в практической деятельности уголовно-исполнительной системы. В качестве примера приведем факт нормативного закрепления и реализации в некоторых исправительных учреждениях раздельного содержания лиц, осужденных к лишению свободы впервые и отбывавших наказание данного вида ранее. Это позволило разместить в регионе проживания большее число осужденных, снизить затраты на принудительную транспортировку специального контингента в другие субъекты России.

Следует отметить в концепции и наличие целей, не соответствующих реальной действительности. Хотя очевидно, что отчетливо поставленные и соответствующие действительности цели делают реалистичным сам документ планирования [4]. Одно из недостижимых устремлений предполагало повышение действенности работы исполняющих наказания учреждений и органов до европейских стандартов обращения с осужденными. Другое важное направление реформирования было связано с совершенствованием организационной структуры уголовно-исполнительной системы. Как положительный момент выделим создание в исправительных учреждениях изолированных участков, которые функционируют в режиме тюрьмы.

Анализ реализации Концепции 2010 г. показывает, что не все включенные в нее положения были детально проработаны и отвечали действительности, о чем свидетельствует двукратное (в 2012 и 2015 гг.) внесение в документ планирования дополнений и изменений. В частности, Правительство Российской Феде-

рации своим распоряжением от 23.09.2015 № 1877-Р внесло поправки, связанные с переоборудованием исправительных колоний в тюрьмы [2]. Другое отступление от намеченной цели затронуло совершенствование деятельности исполняющих наказания учреждений и органов в контексте соблюдения международных стандартов. Документ был дополнен существенными положениями в части защиты законных интересов и прав специального контингента, включая их трудовые права, которые в своей совокупности придали Концепции 2010 г. большую действенность. При этом документ утратил инновационность, перейдя в категорию важных, но частных усовершенствований. Так, П. В. Тепляшин утверждает, что отказ от стержневой цели – широкой «тюрьмизации» уголовно-исполнительной системы – повлек за собой потерю идеи, содержащей созидательный смысл [11].

Вместе с тем нерешение вопроса репрофилирования учреждений не исключает актуальности вопроса, связанного с рекомендуемым международными стандартами обращения с осужденными размещением их по отдельности друг от друга в рассчитанных на одного камерах или комнатах [10].

Перевод на тюремную систему требует значительных финансовых затрат, поэтому в переходный период необходимо развивать учреждения нового типа, которые должны объединить в себе несколько видов режима и видов учреждений, что в свою очередь необходимо закрепить в концептуальном документе [3]. Данный аспект затронут в ряде российских и зарубежных исследований.

Р. З. Усеев рассмотрел вопросы, связанные с развитием российских учреждений объединенного типа с точки зрения правоприменительной практики [12].

Отметим опыт создания учреждений подобного рода в Азербайджанской Республике. Так, Н. С. Салаев отмечает, что Государственная программа развития азербайджанской юстиции на 2009–2013 гг. предусматривала строительство нового типа учреждений, а именно пенитенциарных комплексов, включающих в себя помимо прочего и тюремную модель исполнения лишения свободы. С точки зрения ученого, такие комплексы, которые совмещают в себе несколько видов режима и типов пенитенциарных учреждений, позволят создать условия для индивидуализации исполнения наказания. Они будут функционировать в переходный этап в покаянном режиме расположения осужденных [16].

Вопросы, связанные с концептуальным развитием уголовно-исполнительной системы, в последние годы находятся в центре внимания профессионального сообщества.

Ученые, правоприменители, правозащитники и бывшие сотрудники уголовно-исполнительной системы в целом положительно относятся к преобразованию пенитенциарной системы как процессу совершенствования направлений ее деятельности, сопровождаемому изменением свойств совокупности исполняющих наказания учреждений и органов.

Ю. А. Реент, подробно анализируя реализацию положений Концепции 2010 г., выявил ряд положитель-

ных и дискуссионных моментов, обозначил нерешенные вопросы [7].

В. Б. Малинин подверг основные положения концепции конструктивной критике, а также сделал вывод о наличии в ней недоработок и невыполнимых предложений [6].

Министр юстиции России К. А. Чуйченко отмечал, что далеко не все положения Концепции 2010 г. удалось реализовать. По его мнению, документ в значительной степени был направлен на устранение давних серьезных проблем в уголовно-исполнительной системе, инфраструктура которой служит многие столетия, а изношенность основных фондов составляет более 70 % [8]. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г. (далее – Концепция 2021 г.) сохраняет преемственность с утратившей силу Концепцией 2010 г. и представляет собой стратегический план на будущее десятилетие. В числе важных направлений совершенствования деятельности уголовно-исполнительной системы можно выделить укрепление материальной и технической базы, улучшение условий труда и содержания специального контингента. В документе значительное внимание уделено нерешенному вопросу внедрения административных механизмов probation [5]. На первоначальном этапе важнейшей задачей представляется закрепление позитивных результатов, которые достигнуты в последние годы, связанных с либерализацией уголовной политики, а также взаимодействие ФСИН России с ведомствами, осуществляющими правоохранительные функции, и иными органами публичной власти.

Сравним отдельные положения старой и новой концепции развития уголовно-исполнительной системы. Отметим, что обсуждаемый с 2018 г. текст новой концепции отличался от ее окончательной версии. С позиции внутреннего построения изменения были минимальны. Обе концепции включали в себя шесть разделов, которые состояли из 13 подразделов в Концепции 2010 г. и из 15 в проекте нового документа (в процессе обсуждения и принятия). В финальном варианте Концепция 2021 г. содержит уже 23 раздела.

Утвержденная Концепция 2021 г. закрепила только два хронологических периода исполнения. Первый этап охватывает отрезок времени с 2021 по 2024 г. и предполагает подготовку нормативных правовых актов, которые направлены на исполнение целей и задач, а также корректировку связанных с этим целевых программ федерального уровня. В числе новаций следует назвать деятельность, связанную с совершенствованием электронного взаимодействия с государственными органами, и образование службы probation.

Второй этап (2025–2030 гг.) предполагает развитие администрирования уголовно-исполнительной системы. Отдельное внимание уделено своевременному подведению промежуточных итогов и подготовке очередного проекта документа, который определит стержневые направления дальнейшего

совершенствования отечественной системы исполнения наказаний [1].

Среди спорных моментов можно указать на применение в названии обоих рассматриваемых концептуальных документов, как и многих подобного рода актов, промежутка времени «до 20... года». По сути, предлог «до» предметно не закрепляет, проходит ли метка отсчета времени по началу календарного года или по его концу. Слово не устанавливает границ временного периода года, в силу чего точно определить временной промежуток действия концепций не представляется возможным. Необходимо в названии документа закрепить интервал посредством формулировки «на период 2021–2030 гг.».

Формы изучаемых документов одинаковы (концепция), кроме этого в их названиях использован термин «развитие», который равным образом присутствует и в наименовании концепции федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025 годы)».

В итоге принято несколько документов в одинаковой форме, с идентичными названиями, различить которые возможно исключительно по виду, периодам действия и другим словам.

Выход из сложившейся ситуации был предложен Р. З. Усеевым, который рекомендовал принимать в будущем подобные документы с использованием иных терминов и фиксируемых временных промежутков. По его мнению, действующая концепция относится к доктринальным правовым актам и должна именоваться «Концепция модернизации уголовно-исполнительной системы (2021–2030 гг.)» [13].

Концепция 2021 г. по виду является документом планирования. В то же время действующая сегодня система законодательных актов не оперирует данным понятием, а использует сочетание «документ стратегического планирования», что свидетельствует о неопределенности правовой природы концепции как вида документа.

Таким образом, Концепцию 2021 г. нельзя отнести к документам стратегического планирования. Следовательно, и она, и утратившая силу Концепция 2010 г. не являются по форме документами стратегического планирования на основании того, что не отвечают всем требованиям Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», который к отраслевым документам стратегического планирования относит другие документы стратегического планирования, которые соответствуют предъявляемым к ним требованиям (ст. 20) и решение о подготовке которых принято главой государства либо правительством.

Исходя из сказанного, применительно к уголовно-исполнительной системе документом стратегического планирования является федеральная целевая программа «Развитие уголовно-исполнительной

системы (2018–2026 годы)». Концепцию же 2021 г., в отличие от федеральной целевой программы, можно считать документом отраслевой политики.

Заключение

Все вышесказанное позволяет сделать частное умозаключение о том, что введенные в действие в последние десятилетия документы планирования, отражающие ведущие идеи развития уголовно-исполнительной системы и избранное направление исполнения уголовных наказаний, предопределили вектор совершенствования соответствующей деятельности, а также правоприменительной практики в сфере исполнения уголовных наказаний.

Детально проанализировав результаты исследования, проблемы, выявленные в ходе реализации концептуальных положений, учитывая позиции ученых и практиков, считаем возможным рекомендовать разработчикам нового юридического документа, направленного на развитие всей системы исполняющих наказания учреждений и органов, исходить из следующего (доктринально-практические предложения):

1. Новый концептуальный документ не должен сводиться исключительно к развитию уголовно-исполнительной системы, а обязан быть направлен на регламентацию преобразований во всей совокупности исполняющих уголовные наказания учреждений и органов. Он может носить рабочее название «Концептуальные основы развития учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания в Российской Федерации, на период 2031–2040 годов».

2. Действенным способом введения будущего документа планирования видится утверждение его Президентом Российской Федерации. Это придаст ему более высокое положение в иерархии правовых актов, обеспечит необходимый уровень качества закрепления содержания его положений, а также реализации их в практической деятельности.

3. Определенные в документе планирования конечные результаты и поставленные для их достижения задачи должны отвечать действительности, быть обеспечены достаточным количеством денежных средств, материально-технических ресурсов, а также мероприятиями организационно-штатного характера.

4. Вновь вводимый документ планирования должен быть связан с деятельностью по исполнению уголовных наказаний публичных органов власти и носить межведомственный характер, в связи с чем к подготовке текста важно привлечь представителей различных уровней государственной власти, включая ведомства, реализующие правоохранительные функции, сотрудников образовательных и научно-исследовательских учреждений, а также практических работников стран постсоветского пространства, обладающих опытом создания учреждений объединенного типа и внедрения службы пробации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антипов, А. Н. Концепция развития УИС РФ на период до 2030 года – методология подготовки проекта / Антипов Алексей Николаевич // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2020. – № 2. – С. 15–17.
2. Еркина, Т. Н. Концепция развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 года: цель, основные направления развития, современное состояние / Т. Н. Еркина // Современное общество и власть. – 2016. – № 4 (10). – С. 132–135.
3. Закаржевский, Н. Н. Концепция развития УИС на период до 2030 года: о некоторых вопросах содержания осужденных к лишению свободы / Н. Н. Закаржевский // Научное наследие иркутских ученых уголовно-правовой науки : материалы национальной научно-исследовательской конференции, посвященной 90-летию со дня рождения заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Г. С. Гаверова и доктора юридических наук, профессора В. Я. Рыбальской. – Иркутск : Байкальский государственный университет, 2021. – С. 29–31.
4. Иванова, М. Н. Проблема отбора целевых показателей при формировании ожидаемых результатов концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года / М. Н. Иванова // Преступление, наказание, исправление : сборник тезисов выступлений и докладов участников IV Международного пенитенциарного форума (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России) : в 10 томах. Том 2. – Рязань : Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. – С. 84–87.
5. Квашис, В. Е. О новой концепции развития уголовно-исполнительной системы / В. Е. Квашис // Общество и право. – 2021. – № 2 (76). – С. 8–12.
6. Малинин, В. Б. Критические замечания по реализации концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ / В. Б. Малинин // Лучшая научно-исследовательская работа 2017 : сборник статей победителей VI Международного научно-практического конкурса. – Пенза : Наука и Просвещение, 2017. – С. 115–119.
7. Реент, Ю. А. Характер преобразований отечественной пенитенциарной системы с 2010 по 2020 год и тенденции ее развития на последующее десятилетие / Ю. А. Реент // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Том 29, № 3. – С. 314–326.
8. Репин, А. «Год будет непростой»: глава Минюста Константин Чуйченко – о работе ведомства на международной арене и внутри страны / Алексей Репин // RT на русском : сайт. – URL: <https://russian.rt.com/russia/article/815459-minyust-chuichenko-intervyu> (дата обращения: 20.05.2022).
9. Селиверстов, В. И. О будущей концепции развития уголовно-исполнительной политики Российской Федерации в свете воззрения профессора А. И. Зубкова / В. И. Селиверстов // Организационно-правовое обеспечение деятельности учреждений и органов ФСИН России: проблемы и перспективы развития : материалы межвузовской научной практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора А. И. Зубкова, Дню российской науки, 140-летию УИС и 85-летию Академии ФСИН России. – Рязань : Академия ФСИН России, 2019. – С. 259–266.
10. Селиверстов, В. И. О направлениях изменения концептуальных положений уголовно-исполнительной политики Российской Федерации / В. И. Селиверстов // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт : материалы всероссийской научно-практической конференции. В 2 частях. Часть 1. – Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2019. – С. 200–203.
11. Тепляшин, П. В. Концепция развития уголовно-исполнительной системы России в свете интерпретированных принципов европейской пенитенциарной практики / П. В. Тепляшин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2020. – Том 11, выпуск 1. – С. 129–139.
12. Усеев, Р. З. Основы концепции учреждения уголовно-исполнительной системы объединенного типа (гипотеза): пространственное развитие, законодательство, правоприменение / Р. З. Усеев // Вестник Самарского юридического института. – 2021. – № 4 (45). – С. 71–78.
13. Усеев, Р. З. Проект концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года: вопросы формы, содержания и сравнения с концепцией развития уголовно-исполнительной системы до 2020 года / Р. З. Усеев // Вестник Самарского юридического института. – 2020. – № 2 (38). – С. 77–86.
14. Уткин, В. А. Концепция модернизации уголовно-исполнительной системы как доктринальный политико-правовой акт // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 431. – С. 210–214. – doi: 10.17223/15617793/431/29.
15. Mirić, F. Criminogenic influence of penitentiary institutions / F. Mirić // Facta universitatis. Series: Law and Politics. – 2017. – Volume 15, no. 1. – Pp. 37–44. – doi: 10.22190/FULP1701037M. – URL: https://www.academia.edu/37489417/CRIMINOGENIC_INFLUENCE_OF_PENITENTIARY_INSTITUTIONS (дата обращения: 20.05.2022).
16. Salaev, N. S. Paradigm of forming a liberal penitentiary system – origins, trends and prospects / Nodirbek Saparbaevich Salaev // Review of law sciences. – 2020. – № 1. – С. 151–162. – doi: 10.34920/rls.1.2020.151-162. – URL: https://www.researchgate.net/publication/347913810_PARADIGM_OF_FORMING_A_LIBERAL_PENITENTIARY_SYSTEM_-ORIGINS_TRENDS_AND_PROSPECTS (дата обращения: 20.05.2022).

REFERENCES

1. Antipov A.N. The Concept of the development of the penal system of the Russian Federation till 2030: the project drafting methodology. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie=Criminal-Executory System: Law, Economy, Management*, 2020, no. 2, pp. 15–17. (In Russ.).

2. Erkina T.N. Concept of the development of the penal system of the Russian Federation up to 2020: goal, main development directions, current state. *Sovremennoe obshchestvo i vlast'*=*Modern Society and Government*, 2016, no. 4 (10), pp. 132–135. (In Russ.).
3. Zakarzhievskii N.N. Concept of the development of the penal system for the period up to 2030: on some issues of detention of persons sentenced to imprisonment. In: *Nauchnoe nasledie irkutskikh uchenykh ugolovno-pravovoi nauki: materialy natsional'noi nauchno-issledovatel'skoi konferentsii, posvyashchennoi 90-letiyu so dnya rozhdeniya zaslužennogo yurista Rossiiskoi Federatsii, doktora yuridicheskikh nauk, professora G.S. Gaverova i doktora yuridicheskikh nauk, professora V.Ya. Rybal'skoi* [Scientific heritage of Irkutsk scientists of criminal law science: materials of the national research conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of the Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Law), Professor G.S. Gaverov and Doctor of Sciences Law, Professor V.Ya. Rybalskaya]. Irkutsk: Baikalskii gosudarstvennyi universitet, 2021. Pp. 29–31. (In Russ.).
4. Ivanova M.N. The problem of selecting target indicators when forming expected results of the Concept of development of the penal system of the Russian Federation up to 2030. In: *Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie: sbornik tezisev vystuplenii i dokladov uchastnikov 4 mezhdunarodnogo penitentsiarnogo foruma: (k 140-letiyu ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossii i 85-letiyu Akademii FSIN Rossii): v 10 tomakh. Tom 2* [Crime, punishment, correction: collection of abstracts of speeches and reports of participants of the 4th International penitentiary forum: (to the 140th anniversary of the penal system of Russia and the 85th anniversary of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia): in 10 volumes. Tom 2]. Ryazan: Akademiya prava i upravleniya Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii, 2019. Pp. 84–87. (In Russ.).
5. Kvashis V.E. About a new concept for the development of the penal system. *Obshchestvo i pravo*=*Society and Law*, 2021, no. 2 (76), pp. 8–12. (In Russ.).
6. Malinin V.B. Critical remarks on the implementation of the concept of the development of the penal system of the Russian Federation. In: *Luchshaya nauchno-issledovatel'skaya rabota 2017: sbornik statei pobeditelei 6 mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo konkursa* [The best research work of 2017: collection of articles by the winners of the 6th International scientific and practical contest]. Penza: Nauka i Prosveshchenie, 2017. Pp. 115–119. (In Russ.).
7. Reent Yu.A. The nature of the domestic penitentiary system transformations from 2010 to 2020 and the trends of its development for the next decade. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*=*Man: Crime and Punishment*, 2021, vol. 29, no. 3, pp. 314–326. (In Russ.).
8. Repin A. “The year will be difficult”: the head of the Ministry of Justice Konstantin Chuichenko – about the work of the department in the international arena and within the country. *RT na russkom: sait* [RT in Russian: website]. Available at: <https://russian.rt.com/russia/article/815459-minyust-chuichenko-intervyu> (In Russ.). (Accessed May 20, 2022).
9. Seliverstov V.I. On the future concept of the development of the penal policy of the Russian Federation in the light of the views of Professor A. I. Zubkov. In: *Organizatsionno-pravovoe obespechenie deyatel'nosti uchrezhdenii i organov FSIN Rossii: problemy i perspektivy razvitiya: materialy mezhvuzovskoi nauchnoi prakticheskoi konferentsii posvyashchennoi pamyati zaslužennogo deyatelya nauki RSFSR, doktora yuridicheskikh nauk, professora A. I. Zubkova, Dnyu rossiiskoi nauki, 140-letiyu UIS i 85-letiyu Akademii FSIN Rossii* [Organizational and legal support of the activities of institutions and bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia: problems and prospects of development: proceedings of the interuniversity scientific practical conference dedicated to the memory of the Honored Scientist of the RSFSR, Doctor of Sciences (Law), Professor A.I. Zubkov, the Day of Russian Science, the 140th anniversary of the UIS and the 85th anniversary of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia]. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii, 2019. Pp. 259–266. (In Russ.).
10. Seliverstov V.I. On the directions of changing conceptual provisions of the penal policy of the Russian Federation. In: *Penitentsiarnaya bezopasnost': natsional'nye traditsii i zarubezhnyi opyt: materialy vserossiiskoi nauchnoi prakticheskoi konferentsii. V 2 chastyakh. Chast' 1* [Penitentiary security: national traditions and foreign experience: materials of the All-Russian scientific practical conference. In 2 parts. Part 1]. In: Samara: Samarskii yuridicheskii institut FSIN Rossii, 2019. Pp. 200–203. (In Russ.).
11. Teplyashin P.V. Concept of the development of the Russian penitentiary system in light of interpreted principles of European penitentiary practice. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*=*Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2020, vol. 11, no. 1, pp. 129–139. (In Russ.).
12. Useev R.Z. Fundamentals of the concept of the establishment of a unified penal system (hypothesis): spatial development, legislation, enforcement. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*=*Bulletin of the Samara Law Institute*, 2021, no. 4 (45), pp. 71–78. (In Russ.).
13. Useev R.Z. Draft concept for the development of the penal system until 2030: issues of form, content and comparison with the concept for the development of the penal system until 2020. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*=*Bulletin of the Samara Law Institute*, 2020, no. 2 (38), pp. 77–86. (In Russ.).
14. Utkin V.A. The penitentiary system modernization concept as a doctrinal political and legal act. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*=*Tomsk State University Journal*, 2018, no. 431, pp. 210–214. (In Russ.). doi: 10.17223/15617793/431/29.
15. Mirić F. Criminogenic influence of penitentiary institutions. *Facta universitatis. Series: Law and Politics*, 2017, vol. 15, no. 1, pp. 37–44. Available at: https://www.academia.edu/37489417/CRIMINOGENIC_INFLUENCE_OF_PENITENTIARY_INSTITUTIONS (accessed May 20, 2022). doi: 10.22190/FULP1701037M
16. Salaev N.S. Paradigm of forming a liberal penitentiary system – origins, trends and prospects. *Review of Law Sciences*, 2020, no. 1, pp. 151–162. Available at: https://www.researchgate.net/publication/347913810_PARADIGM_OF_FORMING_A_LIBERAL_PENITENTIARY_SYSTEM_-ORIGINS_TRENDS_AND_PROSPECTS (accessed May 20, 2022). doi: 10.34920/rls.1.2020.151-162.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ ДЯДЬКИН – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия, krimvggu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1887-2977>

АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ КАЛЯШИН – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Россия, cav71@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9699-020X>

OLEG N. DYAD'KIN – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the Vladimir State University Named After Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia, krimvggu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1887-2977>

ANDREI V. KALYASHIN – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Constitutional and Municipal Law of the Vladimir Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russia, cav71@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9699-020X>

Статья поступила 25.05.2022

Научная статья

УДК 159.9.07

doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.009

Эмоциональные состояния осужденных: модель программы психологической коррекции

НИГАР НАЗИМОВНА АЛИГАЕВА

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, Калуга,
Россия

Исправительная колония № 2 УФСИН России по Рязанской области, Рязань,
Россия

nigar-0520@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1239-1892>

Реферат

Введение: в статье представлены результаты апробации программы психологической коррекции эмоциональных состояний осужденных, направленной на постепенную проработку состояний, возникающих на всех отрезках жизненного пути. В программе, которая длилась пять месяцев, приняли участие 167 чел., отбывающих наказание в виде лишения свободы в подведомственных организациях и учреждениях УФСИН России по Рязанской области. *Методы:* на разных этапах реализации программы использовались следующие методики: шкалы позитивного аффекта и негативного аффекта (адаптация Е. Н. Осина), шкала ситуативной тревожности Спилбурга – Ханина, шкала дифференциальных эмоций К. Изарда, опросник потребности в общении и потребности в достижении Ю. М. Орлова, тест фрустрационных реакций С. Розенцвейга, опросник временной перспективы Ф. Зимбардо. *Результаты:* в результате программы снизились показатели ситуативной тревожности по сравнению с первичными результатами, эмоциональные состояния недостижения цели особых изменений не претерпели, однако повысились показатели экстрапунитивной направленности и эгозащитного типа реакций, повысилась потребность в общении, индекс позитивных эмоций, снизились показатели индексов негативных и тревожно-депрессивных эмоций, что свидетельствует об эффективности реализуемых мероприятий. *Выводы:* проведение занятий в контексте временных отрезков позволило всецело рассмотреть состояния осужденных, затрагивая их прошлый опыт и будущие планы и оказывая влияние на их актуальное состояние, что способствовало оптимизации эмоционального фона и снижению проявлений деструктивного поведения в процессе отбытия наказания.

Ключевые слова: эмоциональные состояния; эмоции; психологическая коррекция; места лишения свободы; осужденные; восприятие психологического времени; временные отрезки.

5.3.9 – Юридическая психология и психология безопасности.

Для цитирования: Алигаева Н. Н. Эмоциональные состояния осужденных: модель программы психологической коррекции // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 3 (59). С. 310–319. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.009.

Original article

Emotional States of Convicts: a Model of a Psychological Correction Program

NIGAR N. ALIGAEVA

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski, Kaluga, Russia
Correctional Facility No. 2 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the
Ryazan Oblast, Ryazan, Russia
nigar-0520@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1239-1892>

Abstract

Introduction: the article presents results of testing the program for psychological correction of convicts' emotional states, aimed at gradual elaboration of conditions arising at all stages of the life path. The 5-month program involved 167 people serving sentences of imprisonment in subordinate organizations and institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Ryazan Oblast. *Methods:* at different stages of the program implementation, the following methods were used: scales of positive affect and negative affect (as adapted by E.N. Osin), Spielberger-Hanin anxiety test, K. Izard's differential emotions scale, Y.M. Orlov's questionnaire of the need for communication and the need for achievement, Rosenzweig frustration test, and Zimbardo time perspective inventory. *Results:* as a result of the program, the indicators of situational anxiety decreased compared to the primary results, the emotional states of failure to achieve the goal did not undergo any special changes, however, the indicators of extra-punitive and ego-defense responses went up, the need for communication and the positive emotions index increased, the indices of negative and anxious and depressive emotions declined, which indicates success of the measures implemented. *Conclusions:* conducting classes with convicts in the context of time periods allowed us to fully consider conditions of convicts, affecting their past experience and future plans and influencing their current state, which contributed to optimizing the emotional state and reducing manifestations of destructive behavior during the process of serving a sentence.

Key words: emotional states; emotions; psychological correction; places of imprisonment; convicts; perception of psychological time; time intervals.

5.3.9. Legal psychology and security psychology.

For citation: Aligaeva N. N. Emotional states of convicts: a model of a psychological correction program. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 3 (59), pp. 310–319. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.009.

Введение

Эмоциональные состояния играют значимую роль в жизни человека, отбывающего наказание в местах лишения свободы. Согласно определению А. А. Редана эмоциональные состояния – это «относительно устойчивые переживания человеком своего отношения к окружающей действительности и к самому себе в определенный момент времени, относительно типичные для данного человека» [14]. Являясь индикаторами имеющихся проблем, они позволяют регулировать поведение осужденных.

Представления человека о себе и своем жизненном пути опираются на его прошлый опыт, позволяющий самостоятельно создавать повествование о значимых событиях, закрепленных эмоциональными состояниями [8]. М. Беккер с коллегами считают, что восприятие «повествования» жизни и его ассоциативных связей с прошлым позволяет предсказывать степень, в которой человек может чувствовать самодостаточность и способен ставить четкие цели и планировать будущее [18]. Автобиографические воспоминания о жизни также сохраняют заместительные воспоминания о событиях, произошедших с другими людьми, но воспринимаемых как ценная часть собственной истории, оказывают влияние на формирование эмоционального опыта [24].

В научных источниках встречаются различные термины, обозначающие «восприятие времени»: временная трансспектива (В. И. Ковалев), временная ориентация (Ф. Зимбардо), субъективная картина жизненного пути (Б. Г. Ананьев, А. А. Кроник, Е. И. Головаха), временной кругозор (П. Фресс) и др. В исследовании нами используется понятие «психологическое время», отражающее систему временных отношений человека между событиями, происходящими в его жизни, в сочетании с понятием «временная перспектива», обозначающим совокупность представлений человека о прошлом, настоящем и будущем. Данные термины являются синонимами и показывают значимость событий в определении представлений о психологическом прошлом, настоящем и будущем.

Современные исследователи считают, что представления человека о прошлом являются результатом субъективной эмоциональной и когнитивной обработки. В частности, была выявлена связь «между стратегиями регуляции эмоций “руминация” и “катастрофизация” и негативными представлениями о прошлом» [13]. На характер актуализации событий способно оказывать воздействие доминирующее в настоящий момент эмоциональное состояние [16]. В теориях когнитивной оценки процессы оценивания

рассматриваются как первичные, каузальные факторы, оказывающие воздействие на эмоциональные состояния. В данном процессе значимую роль играют прошлый опыт и представления человека о будущем.

Проблема взаимодействия эмоциональных и когнитивных процессов, влияющая на переживание времени рассматривается в нескольких научных трудах [19; 20; 22]. В недавних исследованиях выявлены значимые корреляции между показателями временной перспективы и регуляции эмоций [21].

В настоящее время психокоррекционные программы, используемые в отношении осужденных, опираются в основном на положения когнитивно-поведенческого подхода и воздействуют на различные сферы (когнитивная, ценностно-смысловая, эмоциональная), а также используют различные методики и техники (арт-терапевтические, техники позитивного мышления, когнитивной психотерапии). Однако большинство исследователей отмечают, что формирование целостного восприятия жизненного пути у лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, способствует подготовке к успешной адаптации к жизни после освобождения из исправительных учреждений (Н. А. Коновалова [7], О. Б. Шредер [17], А. Б. Абибулаева, Л. В. Мардахаев, А. К. Куатов [1]), поэтому была предпринята попытка разработать программу коррекции эмоциональных состояний с учетом особенностей восприятия психологического времени. Для реализации данной задачи применялись интегративный подход (субъектный подход к групповой работе И. В. Вачкова и С. Д. Дерябо), основные положения транзактного анализа Э. Берна (структурный анализ личности, анализ транзакций), экспериментально-феноменологический подход гештальт-терапии Ф. Перлза, положения поведенческой игровой психотерапии, основанной на теориях Б. Ф. Скиннера (теории социального научения) и А. Бандуры (теории социально-когнитивного научения), положения Б. Ф. Скиннера о личности человека как сумме паттернов поведения (каждая индивидуальная реакция основана на предыдущем опыте и генетических особенностях), акмеологический вариант терапии творческим самовыражением М. Е. Бурно. При работе с каждым временным отрезком в зависимости от целей занятия использовался определенный подход, позволяющий максимально раскрыть имеющиеся проблемы и обеспечить полноценное функционирование личности.

Ю. Ю. Неяскина указывает, что под воздействием сложных жизненных ситуаций, в частности при отбытии наказания в местах лишения свободы, происходят изменения в восприятии временных отрезков жизни, в том числе наблюдается дефицитарность смысловой наполненности каждого из них. Автор считает, что направленность лиц на определенный этап жизни (фиксация на моментах прошлого, гедонистическое отношение к событиям настоящего, нереалистичность представлений о будущем) можно рассматривать как копинг-стратегию для совладания с трудными жизненными обстоятельствами, однако часто она приводит к сложностям в дальнейшей адаптации, не позволяет предпринимать активные (и адекватные) способы разрешения жизненных проблем [11].

С. В. Бабури и Э. В. Зауторова провели анкетирование среди осужденных исправительных учреждений УФСИН России по Вологодской области, посредством которого выявили, что для осужденных характерны негативные представления о себе, своей жизни в настоящем этапе, трудности в планировании будущего [4].

М. Г. Флаэрти отмечает, что, отбывая наказание в исправительном учреждении, осужденные подчиняются строгому временному режиму, что приводит к игнорированию отдаленного будущего и восприятию времени «как мучительной ноши». Стратегией сопротивления данному явлению является темпоральное сжатие – восприятие того, что время (то есть их срок отбывания) пройдет быстро [23]. Изменения восприятия психологического времени под воздействием пространственных характеристик также фиксировала Е. В. Некрасова, отмечая, что возможны как «скоростные» изменения субъективного восприятия, так и «качественные» изменения, характеризующиеся потерей чувства реальности [10].

При исследовании особенностей восприятия психологического времени осужденными, имеющими большие сроки отбывания наказания или отбывающими пожизненное лишение свободы, были выявлены позитивные установки в отношении прошлого, его положительное реконструирование, низкий уровень фаталистичности настоящего, направленность на будущее, его планирование, идеализация и детализация. Данные особенности восприятия временной перспективы исследователи объясняют стремлением осужденных обеспечить опору для совладания с «неподвижностью» времени, скудностью происходящих событий, желанием условно-досрочного освобождения для реализации задуманных планов (Ю. Ю. Неяскина [11], Ю. В. Славинская, Б. Г. Бовина [15]).

А. А. Мартынова установила, что профиль временной перспективы у осужденных не зависит от срока наказания, при этом отмечается тенденция к преобладанию ориентации на будущее, что позволяет ставить цели, придающие смысл настоящему и поддерживающие связь с реальным миром [9]. Позитивное восприятие прошлого и будущего, ориентация на фаталистическое настоящее определяют несбалансированный профиль, связанный с невозможностью что-либо изменить в актуальном периоде своей жизни, несмотря на прошлое и будущее, являющиеся ресурсными. Однако Е. А. Ипполитова отмечает, что в период адаптации к местам лишения свободы для осужденных свойственен выраженный пессимизм к прошлому, настоящему и частично будущему, в середине срока исполнения наказания появляются ностальгия по прошлому и относительное принятие настоящего, перед освобождением прошлое и настоящее в значительной степени отвергаются, возникает тревога в отношении будущего [6]. Данные различия в полученных результатах свидетельствуют о том, что при анализе особенностей восприятия психологического времени необходимо также учитывать дополнительные факторы, которые способны оказывать значимое воздействие на исследуемые показатели. Например, Э. Пиотров, Р. Кадзиковска-Вжосек выявили, что низкие баллы по шкале «самоконтроль»

среди осужденных приводят к доминированию ориентации «фаталистическое настоящее», что, в свою очередь, негативно влияет на самоопределение [25].

Польскими исследователями разработана методика «Prison Time», направленная на изучение перцептивно-формальных измерений времени (темп, динамика, изменчивость) и эмоционально-валентных измерений (эмоциональное отношение к переживанию времени на момент отбытия наказания) [26]. В исследовании было выявлено, что осужденные мужчины по-разному воспринимают отношения между периодами, принимают иную временную ориентацию, отличную от той, которая наблюдается в общей популяции, однако частота раздумий о конкретных категориях времени у них схожая [27].

Сложные жизненные обстоятельства приводят к переосмыслению временных отрезков прошлого, настоящего и будущего, выделяют в них значимые моменты, изменяют отношение к ним и затрагивают ценностную сферу человека [2]. Отбытие наказания в местах лишения свободы, являясь достаточно трудной ситуацией, способствует разделению жизни на этапы до совершения преступления и после освобождения. Период нахождения в исправительном учреждении является предпосылкой к данному переосмыслению. Именно поэтому модель разработанной психокоррекционной программы предполагает работу с эмоциональными состояниями в контексте понятия временной перспективы, последовательно рассматривает прошлый опыт человека, планы на будущее и актуальное в настоящее время состояние, что позволит осужденному адаптироваться к периоду отбывания наказания.

Методы

Разработанная психокоррекционная программа апробировалась на 167 осужденных мужского пола, отбывающих наказание в виде лишения свободы в подведомственных организациях и учреждениях УФСИН России по Рязанской области. В экспериментальную группу были включены 62 осужденных, в контрольную – 105.

Выборки в основном обладают следующими параметрами: средний уровень образования, не состоящие в браке, совершившие особо тяжкое преступление, открыто сотрудничающие с администрацией исправительного учреждения.

Психокоррекционная программа реализовывалась на протяжении пяти месяцев. Раз в две недели с участниками проводилась экспресс-диагностика с использованием Шкалы позитивного и негативного аффектов (адаптация Е. Н. Осина [12]) для выявления динамики изменений.

Временные отрезки прошлого, настоящего и будущего соотносились с выделенными Е. П. Ильиным эмоциональными состояниями:

1. «Прошлое» – эмоциональные состояния прогноза/ожидания.

2. «Будущее» – эмоциональные состояния, связанные с недостижением цели.

3. «Настоящее» – коммуникативные эмоциональные состояния [5].

Первый месяц, основной целью которого была проработка ожиданий и прогнозов человека отно-

сительно будущих событий и действий на основе собственного прошлого опыта, назван блоком «Прошлое» (табл. 1).

Таблица 1
Основные мероприятия блока «Прошлое»

№ п/п	План мероприятий	Домашние задания
1	Знакомство. Метод регрессии. Упражнения «Наши ожидания», «Карусель общения», «Путешествие в прошлое»	Ответить на вопросы
2	Просмотр фильма «День сурка», обсуждение значимых моментов	Составить список своих страхов, опасений и переживаний, опираясь на прошлый опыт
3	Метод обмена опытом. Упражнения «Автопортрет», «Кинопроба», притча	Прием «Вечерний пересмотр событий»
4	Метод имитации. Притча. Медитация «Мудрец из храма»	Техника «Отрезать, отбросить»

Второй месяц работы был посвящен выявлению жизненных целей осужденного, обучению целеполаганию (табл. 2).

Таблица 2
Основные мероприятия блока «Будущее»

№ п/п	План мероприятий	Домашние задания
1	Метод символического самовыражения. Упражнения «Мобилизующее дыхание», «Концентрация на счете», «Групповой рассказ», медитация-визуализация «Горная вершина»	Составить список своих жизненных целей и желаний
2	Метод группового решения проблем. Упражнение «Катастрофа в пустыне»	Выполнение теста ценностных ориентаций М. Рокича
3	Метод группового решения проблем. Упражнения «Качества», «Комиссионный магазин», «Чемодан», техника постановки целей SMART	Написать 10–15 жизненных целей, используя технику SMART
4	Метод операционализации. Лекция «Техники постановки целей». Разбор конкретных целей осужденных с учетом возможных фрустрационных ситуаций	Отправить письмо себе в будущее

Последующие три месяца включали работу с тремя векторами направления общения: «осужденный – осужденный», «осужденный – сотрудник», «осужденный – родственник, знакомый», так как настоящее осужденных заключается в коммуникации с другими людьми в процессе бытового взаимодействия в исправительном учреждении (табл. 3).

План мероприятий блока «Настоящее»

№ п/п	Осужденный – осужденный	Осужденный – сотрудник	Осужденный – родственник, близкий
1	«Три имени», «Подчеркивание общности», «Подчеркивание значимости»	«Вербальные и невербальные проявления», упражнение «Я – взрослый», мини-лекция «Типичные схемы взаимодействия», «Маяк»	«Конфликт», техника «Изменить то, что не нравится» (Т. Крупская) с использованием метафорических ассоциативных карт «Диксит»
2	«Я так боюсь, а многие этого не боятся», «Я не боюсь, а многие боятся», «Как же ты научился этого не бояться?»	«Без маски», «Критика», мини-лекция «Модель конструктивной критики», «Конструктивная критика»	«Выплескивание агрессивности», «Техники слушания»
3	«Чувство», «Техника вежливого отказа»	Групповая дискуссия «Можно ли жить без установленных правил?», упражнения «Неуверенные, уверенные и агрессивные ответы», ролевая игра	«Прошлое, настоящее и будущее», «Карусель»
4	«Сыщики», рисунок на тему «Диалог»	«Концентрация на нейтральном предмете», «Сосредоточение на эмоциях и настроении», ролевая игра	Рисунок в круге «Маңдалы», упражнение «Пожелание по кругу»

По окончании эксперимента проводилась углубленная диагностика с использованием методик: шкала ситуативной тревожности Спилбурга – Ханина, шкала дифференциальных эмоций К. Изарда, опросник потребности в общении и потребности в достижении Ю. М. Орлова, тест фрустрационных реакций С. Розенцвейга, опросник временной перспективы Ф. Зимбардо.

Количественная обработка психодиагностических данных осуществлялась в программе Psychometric Expert 9.1.0. Качественная обработка представлена анализом и описанием полученных результатов.

Статистическая обработка производилась в программе IBM SPSS Statistics 22 в несколько этапов. Для оценки различий в уровне выраженности признаков, измеренных до и после проведения психокоррекционной программы, использовался Т-критерий Вилкоксона. Для оценки различий по уровню выраженности изучаемых признаков в экспериментальной и контрольной группах применялся U-критерий Манна – Уитни. Для выявления динамики изменений в экспериментальной группе в течение проведения программы использовался критерий Фридмана.

Результаты

В ранних наших исследованиях были отражены результаты апробации психокоррекционной программы на выборке осужденных-инвалидов, отбывающих наказание в ИК-2 УФСИН России по Рязанской области (мужская исправительная колония строгого режима). Мероприятия программы, проводимые в групповом формате с осужденными-инвалидами, показали свою эффективность, однако динамика изменений у каждого была индивидуальна [3].

Рассмотрим результаты апробации психокоррекционной программы на выборке осужденных, не имеющих инвалидности. Анализ методик, проведенных в конце эксперимента, свидетельствует о снижении показателей ситуативной тревожности, индекса негативных и тревожно-депрессивных эмоций, а также повышении показателей степени социальной

адаптивности (GCR) и индекса позитивных эмоций (рис. 1). Статистически значимых различий достигли показатели шкал «Потребность в общении» ($T = 28.38$, $p < 0,01$) и «Индекс негативных эмоций» ($T = 25.63$, $p < 0,01$), а также экстрапунитивная ($T = 18.41$, $p < 0,01$) и интрапунитивная ($T = 24.53$, $p < 0,01$) направленности реакций и эгозащитный ($T = 20.13$, $p < 0,01$) и необходимо-упорствующий ($T = 24.44$, $p < 0,01$) типы реакций.

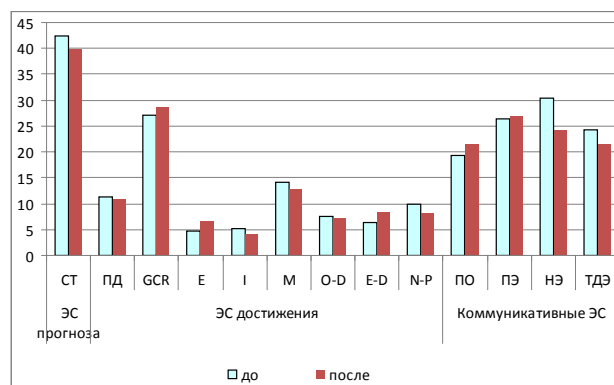

Рис. 1. Сравнение средних показателей эмоциональных состояний до и после психокоррекционной программы

Примечание. ЭС – эмоциональные состояния; СТ – ситуативная тревожность; ПД – потребность в достижении; GCR – степень социальной адаптивности, E – экстрапунитивная направленность реакций, I – интрапунитивная направленность реакций, M – импульсивная направленность реакций, O-D – препятственно-доминантный тип реакции, E-D – эгозащитный тип реакции, N-P – необходимо-упорствующий тип реакции; ПО – потребность в общении; ПЭ – индекс позитивных эмоций, ИНЭ – индекс негативных эмоций, ТДЭ – тревожно-депрессивные эмоции.

Ситуативная тревожность осужденных в основном была связана с прогнозированием своего будущего после освобождения из мест лишения свободы. У большинства имелся негативный опыт трудоустройства, семейной жизни, выстраивания отношений с другими людьми, что затрудняло процесс ресоциа-

лизации и способствовало повторному нарушению правопорядка. Данный опыт способствовал негативному прогнозу возможных событий, что являлось одной из причин подавленного состояния. В первый месяц программы психологические мероприятия были направлены на изучение событий прошлого и возможных способов разрешения схожих проблем при их возникновении в будущем. Осужденные обратили внимание, что их жизненные истории и трудности не являются уникальными: другие лица, принимавшие участие в программе, также имели подобные проблемы. Возможность поделиться своей историей создавала благоприятную атмосферу в группе, что способствовало снижению тревожности и повышению степени социальной адаптивности.

По результатам проведенной психокоррекционной программы повысились показатели потребности в общении, однако целенаправленная работа в этом направлении организована не была. Основным форматом проведения психологических мероприятий являлись групповые занятия, что позволяло осужденным обсуждать значимые для них вопросы совместно. Активная дискуссия и групповое выполнение заданий выявляли общие темы для разговоров, которые могли продолжаться в повседневной жизни в исправительном учреждении. Интерес к групповой деятельности способствовал повышению индекса позитивных эмоций и снижению индексов негативных и тревожно-депрессивных эмоций.

Анализ позволил выявить статистически значимые различия только по показателям шкал препятственно-доминантного «O-D» ($U = 2658.0, p < 0,05$) и эгозащитного «E-D» ($U = 2640.5, p < 0,05$) типов реакций.

Сравнение средних показателей позволило выявить повышение показателей по шкалам «Индекс позитивных эмоций» и «Степень социальной адаптивности» (рис. 2) в экспериментальной группе осужденных.

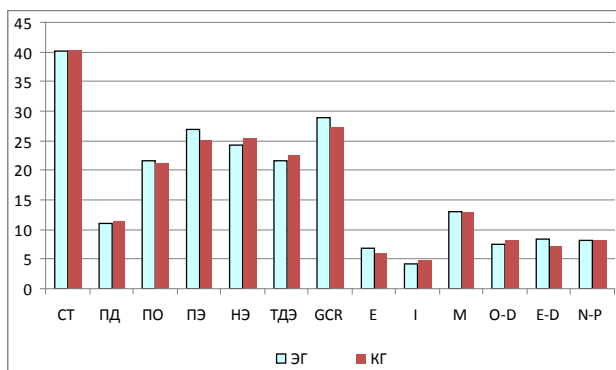

Рис. 2. Сравнение средних показателей эмоциональных состояний в экспериментальной (ЭГ) и контрольной (КГ) группах

Примечание. СТ – ситуативная тревожность; ПД – потребность в достижении; ПО – потребность в общении; ИПЭ – индекс позитивных эмоций, ИНЭ – индекс негативных эмоций, ТДЭ – тревожно-депрессивные эмоции; GCR – степень социальной адаптивности, E – экстрапунитивная направленность реакций, I – интрапунитивная направленность реакций, M – импунитивная направленность реакций, O-D – препятственно-доминантный тип реакции, E-D – эгозащитный тип реакции, N-P – необходимо-упорствующий тип реакции.

При исследовании динамики состояния осужденных были выявлены закономерности на высоком уровне статистической значимости между показателями позитивного ($\chi^2 = 461.1, p < 0,001$) и негативного аффектов ($\chi^2 = 90.1, p < 0,001$).

На рис. 3 показана динамика позитивного и негативного аффектов на основе измерений, которые проводились раз в две недели. К 3–5 замерам можно наблюдать резкий скачок негативного аффекта, который мы связываем с переходом к блоку «Будущее», являющемуся для осужденных одним из самых трудных и неопределенных. Большинство отбывающих наказание в местах лишения свободы являются рецидивистами и после освобождения испытывают трудности в адаптации к жизни за пределами исправительного учреждения, что приводит к повторному совершению правонарушения. Трудности в планировании будущего связаны с нереалистичностью видимых перспектив, их несоответствием имеющимся адекватным возможностям человека.

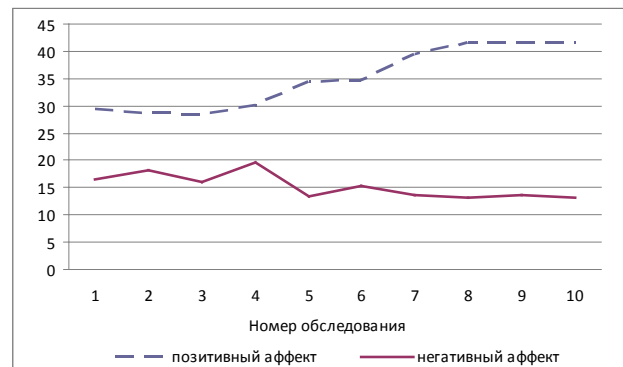

Рис. 3. Динамика позитивного и негативного аффектов

Кластерный анализ позволил разделить экспериментальную группу на два кластера, отличающихся динамикой эмоционального состояния на протяжении всего периода проведения программы: в первый кластер вошли 46 чел., во второй – 16 (рис. 4). Можно отметить, что для участников второго кластера характерны плавные изменения позитивного аффекта. У осужденных первого кластера наблюдается резкий скачок на 5-м замере, связанный с переходом к блоку «Настоящее», который направлен на работу с актуальными состояниями в период отбывания наказания в местах лишения свободы.

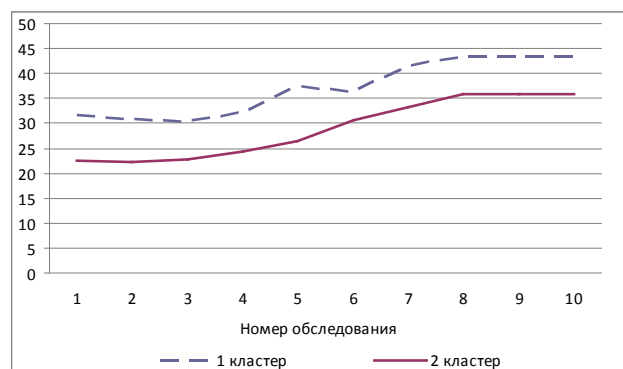

Рис. 4. Динамика позитивного аффекта в 1 и 2 кластерах

Во втором кластере наблюдаются постепенное снижение негативного аффекта к середине программы и скачки на 7-м и 9-м замерах, которые связаны с проведением занятий в направлении коммуникации осужденных с сотрудниками и родственниками (рис. 5).

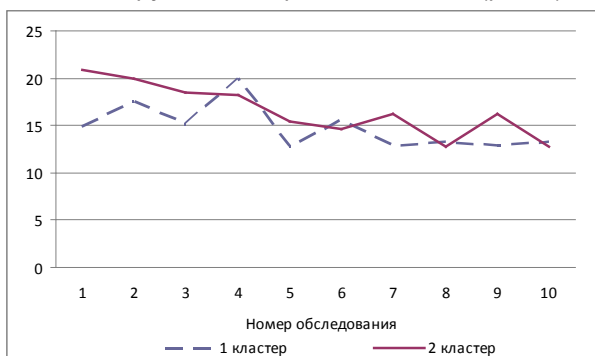

Рис. 5. Динамика негативного аффекта в 1 и 2 кластерах

В первом кластере скачки отражают конец блоков «Прошлое» и «Будущее». Осужденные отмечали, что одного месяца для проработки прошлого опыта и будущих планов для них недостаточно и завершение одного этапа приводило к сожалению. Блок «Настоящее» не так сильно затрагивал их эмоциональные состояния, поскольку в актуальном периоде их жизнь не была насыщена определенными событиями, только взаимодействие и коммуникация на уровне «осужденный – осужденный» вызывали яркие дискуссии, потому что именно данный вектор отношений был полон различными конфликтными ситуациями, требующими обсуждения.

В результате проведенной психокоррекционной программы изменились отношение осужденных к собственным целям и планам на будущее, а также восприятие событий настоящего периода, возникло желание достичь удовлетворительных отношений с другими людьми для поддержания оптимального эмоционального состояния в период отбывания наказания в исправительном учреждении. Статистически значимых различий достигли показатели шкал «Позитивное прошлое» ($T = 26.0, p < 0,001$), «Гедонистическое настоящее» ($T = 10.5, p < 0,001$), «Фаталистическое настоящее» ($T = 30.18, p < 0,001$), «Будущее» ($T = 13.5, p < 0,001$) (рис. 6).

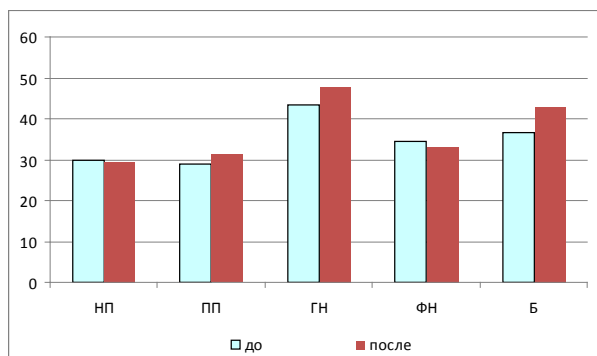

Рис. 6. Сравнение средних показателей по опроснику временной перспективы

Примечание. НП – негативное прошлое, ПП – позитивное прошлое, ГН – гедонистическое настоящее, ФН – фаталистическое настоящее, Б – будущее

Обсуждение

В условиях ограничения свободы («пространственные ограничения») изменяется восприятие времени, что также может приводить к определенным изменениям в состоянии осужденных. Психокоррекционная программа, направленная на работу с эмоциональными состояниями на каждом временном этапе, позволяет осужденным воспринимать жизнь не как отрезки «до» и «после» отбытия наказания, а как единое целое, как цикл взаимосвязанных событий. Оптимизация эмоционального состояния согласно восприятию прошлого, настоящего и будущего приводит к благоприятному прогнозу процесса адаптации к сложным жизненным обстоятельствам.

Степень связи между категориями времени демонстрирует, насколько предыдущий опыт отражается на настоящем времени, а оно, в свою очередь, влияет на будущее. Полученные данные свидетельствуют о фиксации осужденных на временном отрезке прошлого, которая выражается в определенных эмоциональных состояниях, оказывающих воздействие на субъективное восприятие остальных временных отрезков. Целенаправленная работа с каждым жизненным этапом позволяет снизить проявление негативных и тревожно-депрессивных эмоций.

Однако одним из значимых факторов, требующих исследования при оценке эмоциональных состояний осужденных, является социально-психологическая обстановка (СПО), так как осужденные пребывают в закрытом пространстве весь основной период отбытия наказания и подвержены заражению общим настроением окружающих.

В выборку были включены 2092 осужденных, что составляет 72,3 % от общего числа лиц, отбывающих наказание в подведомственных организациях и учреждениях УФСИН России по Рязанской области. Диапазон – от 21 года до 75 лет с разным семейным положением и образовательным уровнем (табл. 4).

Таблица 4
Социально-психологическая обстановка в текущем периоде

Показатели		2-й квартал 2021 г.
1		2
Блок 1. Условия отбывания наказания	ср. зн.	78 %
	интерпретация	удовл.
Блок 2. Оперативная обстановка в исправительном учреждении	ср. зн.	72 %
	интерпретация	удовл.
Блок 3. Взаимоотношения в системе «сотрудник – осужденный»	ср. зн.	74 %
	интерпретация	удовл.
Блок 4. Взаимоотношения в системе «осужденный – осужденный»	ср. зн.	67 %
	интерпретация	нест.
Блок 5. Состояние осужденных	ср. зн.	78 %
	интерпретация	удовл.
Блок 6. Система установок и мотивации осужденных	ср. зн.	79 %
	интерпретация	удовл.

	1	2
Оценка СПО	количество неудовлетворительных оценок по блокам	0
	количество нестабильных оценок по блокам	1
	количество удовлетворительных оценок по блокам	5

Изучение социально-психологической обстановки в учреждениях позволило выявить изменения общего фона настроения осужденных, связанного с эпидемиологической обстановкой и сменой руководства. В определенной степени это оказало влияние на показатели осужденных контрольной группы. Однако, несмотря на сложившиеся обстоятельства, показатели осужденных, принимавших участие в программе, являются достаточно позитивными.

Выводы

Психокоррекционная программа, основанная на сопоставлении эмоциональных состояний с понятием

«временная перспектива», показала свою эффективность на выборке осужденных: снизились показатели ситуативной тревожности по сравнению с первичными результатами, эмоциональные состояния достижения (недостижения) цели особых изменений не претерпели, однако повысились показатели экстрапунитивной направленности и эгозащитного типа реакций, потребность в общении, индекс позитивных эмоций, при этом снизились показатели индексов негативных и тревожно-депрессивных эмоций.

Для развития данного научного направления возможны расширение разработанной модели исследования с рассмотрением большего числа компонентов в структуре эмоциональных состояний, адаптация занятий программы для проведения тренингов в индивидуальной форме в рамках реализации психологических мероприятий согласно индивидуальной программе психологического сопровождения осужденных, состоящих на различных видах профилактического учета, а также мероприятий с освобождающимися осужденными в Школе подготовки к освобождению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абибулаева, А. Б. Временная перспектива как фактор ресоциализации осужденных / А. Б. Абибулаева, Л. В. Мардахаев, А. К. Куатов // ЦИТИСЭ. – 2019. – № 3 (20). – С. 22–23.
- Акименко, А. К. Представления о прошлом, настоящем и будущем в системе социально-психологической адаптации личности / А. К. Акименко // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акрмеология образования. Психология развития. – 2014. – Том 3, № 2. – С. 131–142.
- Алигаева, Н. Н. Опыт реализации программы психологической коррекции эмоциональных состояний осужденных-инвалидов / Н. Н. Алигаева // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2021. – Том 27, № 3. – С. 224–233.
- Бабурин, С. В. Работа пенитенциарного педагога-психолога с негативными эмоциональными состояниями осужденных в местах лишения свободы / С. В. Бабурин, Э. В. Заурова // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2016. – № 4 (67). – С. 76–78.
- Ильин, Е. П. Психофизиология состояний человека / Е. П. Ильин. – Санкт-Петербург : Питер, 2005. – 412 с. – ISBN 5-469-00446-5.
- Ипполитова, Е. А. Особенности временной перспективы осужденных на разных этапах отбывания наказания / Е. А. Ипполитова // Вестник психологии и педагогики Алтайского государственного университета. – 2016. – № 4. – С. 88–97.
- Коновалова, Н. А. Деятельность специалиста по социальной работе по упорядочению временной перспективы / Н. А. Коновалова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – № 11-1 (65). – С. 48–53.
- Макушина, О. П. Восприятие прошлого, настоящего и будущего студентами с разным психологическим возрастом / О. П. Макушина // Вестник ВГУ. Серия: Проблемы высшего образования. – 2019. – № 3. – С. 46–50.
- Мартынова, А. А. Временная перспектива осужденных по корыстным преступлениям в первоначальный период отбывания наказания / А. А. Мартынова // Ученые записки СПбГМУ им. И. П. Павлова. – 2014. – № 4. – С. 54–58.
- Некрасова, Е. В. Пространственно-временная организация жизненного мира человека : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук / Некрасова Евгения Владимировна. – Барнаул, 2005. – 47 с.
- Неяскина, Ю. Ю. Временная перспектива осужденных к лишению свободы / Ю. Ю. Неяскина // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности : сборник научных статей X Международной научно-практической конференции. – Ульяновск : Зебра, 2021. – С. 143–154. – ISBN 978-5-6045893-4-2.
- Осин, Е. Н. Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики Panas / Е. Н. Осин // Психология. Журнал ВШЭ. – 2012. – Том 9, № 4. – С. 91–110.
- Падун, М. А. Опосредующая роль регуляции эмоций и временной перспективы во взаимосвязи между темпераментальными чертами и эмоциональными состояниями / М. А. Падун, М. А. Гагарина, А. Н. Зелянина // Экспериментальная психология. – 2020. – Том 13, № 4. – С. 36–51.
- Психология человека от рождения до смерти / под общей редакцией А. А. Реана. – Санкт-Петербург : ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2002. – 656 с. – ISBN 5-93878-029-2.
- Славинская, Ю. В. Временная перспектива отбывающих пожизненное лишение свободы / Ю. В. Славинская, Б. Г. Бовин // Прикладная юридическая психология. – 2011. – № 4. – С. 41–54.
- Спиваковская, А. С. Актуальное эмоциональное состояние и переживание времени: бейотерапевтический подход / А. С. Спиваковская, А. С. Четкина // Психологические и психоаналитические исследования : ежегодник 2018–2019 / ответственные редакторы А. А. Демидов, Л. И. Сурат. – Москва : Моск. ин-т психоанализа, 2020. – С. 116–129. – ISBN 978-5-89353-615-7.

17. Шредер, О. Б. Формирование временной перспективы у осужденных как ресурсный потенциал личности в процессе ресоциализации / О. Б. Шредер // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт : материалы Всероссийской научно-практической конференции (30–31 мая 2019 г.) : в 2 частях. – Самара : Самар. юрид. ин-т ФСИН России, 2019. – С. 271–274. – ISBN 978-5-91612-251-0.
18. Being oneself through time: bases of self-continuity across 55 cultures / M. Becker, V. Vignoles, E. Owe and others // *Self and Identity*. – 2018. – Volume 17, no. 3. – Pp. 276–293.
19. Droit-Volet, S. Time perception, emotions and mood disorders / S. Droit-Volet // *Journal of Physiology*. – 2013. – Volume 107, no. 4. – Pp. 255–264.
20. Droit-Volet, S. How emotions color our time perception / Sylvie Droit-Volet, Warren H. Meck // *Trends in Cognitive Sciences*. – 2007. – Volume 11, issue 12. – Pp. 504–513.
21. Klimanova, S. Time perspective orientation and emotion regulation / S. Klimanova, A. Trusova, A. Gvozdetksii, A. Berезина // 5th International Conference on Time Perspective : book of abstracts. – Vilnius : Vilnius University, 2021. – P. 100. – URL: <https://www.journals.vu.lt/proceedings/article/view/24357/23607> (дата обращения: 25.02.2022).
22. Lui, M. A. Emotion effects on timing: attention versus pacemaker accounts / M. A. Lui, T. B. Penney, A. Schirmer // *PLoS One*. – 2011. – Volume 6, no. 7. – Pp. 21–29.
23. Flaherty, M. G. Time in prison as contested terrain: temporal regime versus temporal resistance / M. G. Flaherty // 5th International Conference on Time Perspective : book of abstracts. – Vilnius : Vilnius University, 2021. – P. 15. – URL: <https://www.journals.vu.lt/proceedings/article/view/24357/23607> (дата обращения: 25.02.2022).
24. Gofman, A. Vicarious memories in the personal past predict empathy, but differently in the Chinese and Russian Samples / A. Gofman // 5th International Conference on Time Perspective : book of abstracts. – Vilnius : Vilnius University, 2021. – Pp. 27–28. – URL: <https://www.journals.vu.lt/proceedings/article/view/24357/23607> (дата обращения: 25.02.2022).
25. Piotrow, E. Self-determination among inmates serving prison sentences in selected systems: the role of temporal orientation and self-control skills / E. Piotrow, R. Kadzikowska-Wrzosek // *Resocjalizacja Polska (Polish Journal of Social Rehabilitation)*. – 2021. – No. 21 – Pp. 317–331.
26. Prison time experience – a semantic differential study / K. Tucholska, M. Wysocka-Pleczyk, B. Gulla, P. Piotrowski, S. F. M. Sekulak, K. Głomb // 5th International Conference on Time Perspective : book of abstracts. – Vilnius : Vilnius University, 2021. – P. 74. – URL: <https://www.journals.vu.lt/proceedings/article/view/24357/23607> (дата обращения: 25.02.2022).
27. Spatial metaphors of inmates' time experience / K. Tucholska, M. Wysocka-Pleczyk, B. Gulla, P. Piotrowski, S. F. M. Sekulak, K. Głomb, S. Florek // 5th International Conference on Time Perspective : book of abstracts. – Vilnius : Vilnius University, 2021. – P. 75. – URL: <https://www.journals.vu.lt/proceedings/article/view/24357/23607> (дата обращения: 25.02.2022).

REFERENCES

1. Abibulaeva A.B., Mardakhaev L.V., Kuvatov A.K. Temporal perspective as a factor for the resocialization of condemned. *TsITISE=CITISE*, 2019, no. 3 (20), pp. 22–23. (In Russ.).
2. Akimenko A.K. Visions of the past, present and future in the system of socio-psychological personal adaptation. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya=Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2014, vol. 3, no. 2, pp. 131–142. (In Russ.).
3. Aligaeva N.N. Experience in the implementation of the programme of psychological correction of emotional states of disabled convicts. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika=Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2021, vol. 27, no. 3, pp. 224–233. (In Russ.).
4. Baburin S.V., Zautorova E.V. Penitentiary pedagogue-psychologist's work aimed at negative emotional state of convicts in prisons. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh=Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2016, no. 4 (67), pp. 76–78. (In Russ.).
5. Il'in E.P. *Psikhofiziologiya sostoyanii cheloveka* [Psychophysiology of human states]. Saint Petersburg: Piter, 2005. 412 p. ISBN 5-469-00446-5.
6. Ippolitova E. A. Features of temporary prospect of convicts at different stages of serving sentence. *Vestnik psikhologii i pedagogiki Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta= Bulletin of Psychology and Pedagogy of Altai State University*, 2016, no. 4, pp. 88–97. (In Russ.).
7. Konovalova N.A. Activity of a specialist in social work aimed at managing the time perspective of convicted. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal=International Research Journal*, 2017, no. 11-1 (65), pp. 48–53. (In Russ.).
8. Makushina O.P. The perception of past, present and future students with different psychological age. *Vestnik VGU. Seriya: Problemy vysshego obrazovaniya=Proceedings of Voronezh State University. Series: Problems of Higher Education*, 2019, no. 3, pp. 46–50. (In Russ.).
9. Martynova A.A. Time perspective of the convicts of acquisitive crime in the initial period of serving the sentence. *Uchenye zapiski SPbGMU im. I.P. Pavlova=The Scientific Notes of the Pavlov University*, 2014, no. 4, pp. 54–58. (In Russ.).
10. Nekrasova E.V. *Prostranstvenno-vremennaya organizatsiya zhiznennogo mira cheloveka: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora psikhologicheskikh nauk* [Spatial and temporal organization of the human life world: Doctor of Sciences (Psychology) dissertation abstract]. Barnaul, 2005. 47 p.
11. Neyaskina Yu.Yu. Time perspective of convicted persons. In: *Lichnost' v ekstremal'nykh usloviyakh i krizisnykh situatsiyakh zhiznedeyatel'nosti: sbornik nauchnykh statei 10 Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Personality in extreme conditions and crisis situations of life: collection of scientific articles of the 10th international scientific and practical conference]. Ulyanovsk: Zebra, 2021. Pp. 143–154. (In Russ.).
12. Osin E.N. Measuring positive and negative affect: development of a russian-language analogue of Panas. *Psikhologiya. Zhurnal VShE=Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2012, vol. 9, no. 4, pp. 91–110. (In Russ.).

13. Padun M.A., Gagarina M.A., Zelyanina A.N. Mediated role of emotion regulation and time perspective in relationship between temperamental traits and emotional states. *Экспериментальная психология=Experimental Psychology*, 2020, vol. 13, no. 4, pp. 36–51. (In Russ.).
14. *Psikhologiya cheloveka ot rozhdeniya do smerti* [Human psychology from birth to death]. Ed. by Rean A.A. Saint Petersburg: PRAIM-EVROZNAK, 2002. 656 p. ISBN 5-93878-029-2.
15. Slavinskaya Yu.V., Bovin B.G. Temporary perspective of those serving life imprisonment. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya=Applied Legal Psychology*, 2011, no. 4, pp. 41–54. (In Russ.).
16. Spivakovskaya A.S., Chetkina A.S. Actual emotional state and experience of time: a beatotherapeutic approach. In: Demidov A.A., Surat L.I. (Eds.). *Psikhologicheskie i psikhoanaliticheskie issledovaniya: ezhegodnik 2018–2019* [Psychological and psychoanalytic research: yearbook 2018–2019]. Moscow: Mosk. in-t psikhoanaliza, 2020. Pp. 116–129. (In Russ.).
17. Shreder O.B. Formation of the time perspective of convicts as a resource potential of the individual in the process of re-socialization. In: *Penitentsiarnaya bezopasnost': natsional'nye traditsii i zarubezhnyi opyt: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (30–31 maya 2019g.): v 2 ch.* [Penitentiary security: national traditions and foreign experience: materials of the All-Russian scientific and practical conference (May 30–31, 2019): in 2 parts]. Samara: Samarskii yuridicheskii institut FSIN Rossii, 2019. Pp. 271–274. (In Russ.).
18. Becker M., Vignoles V., Owe E., et al. Being oneself through time: bases of self-continuity across 55 cultures. *Self and Identity*, 2018, vol. 17, no. 3, pp. 276–293.
19. Droit-Volet S. Time perception, emotions and mood disorders. *Journal of Physiology*, 2013, vol. 30, no. 107 (4), pp. 255–264.
20. Droit-Volet S., Meck W.H. How emotions color our time perception. *Trends in Cognitive Sciences*, 2007, vol. 11, pp. 504–513.
21. Klimanova S., Trusova A., Gvozdetskii A., Berezina A. Time perspective orientation and emotion regulation. In: *5th International Conference on Time Perspective: book of abstracts*. Vilnius: Vilnius University, 2021. P. 100. Available at: <https://www.journals.vu.lt/proceedings/article/view/24357/23607> (accessed February 25, 2022).
22. Lui M.A., Penney T.B., Schirmer A. Emotion effects on timing: attention versus pacemaker accounts. *PLoS One*, 2011, vol. 20, no. 6 (7), pp. 21–29.
23. Flaherty M.G. Time in prison as contested terrain: temporal regime versus temporal resistance. *5th International Conference on Time Perspective: book of abstracts*. Vilnius: Vilnius University, 2021. P. 15. Available at: <https://www.journals.vu.lt/proceedings/article/view/24357/23607> (accessed February 25, 2022).
24. Gofman A. Vicarious memories in the personal past predict empathy, but differently in the Chinese and Russian Samples. In: *5th International Conference on Time Perspective: book of abstracts*. Vilnius: Vilnius University, 2021. Pp. 27–28. Available at: <https://www.journals.vu.lt/proceedings/article/view/24357/23607> (accessed February 25, 2022).
25. Piotrow E., Kadzikowska-Wrzosek R. Self-determination among inmates serving prison sentences in selected systems: the role of temporal orientation and self-control skills. *Resocjalizacja Polska (Polish Journal of Social Rehabilitation)*, 2021, no. 21, pp. 317–331.
26. Tucholska K., Wysocka-Pleczyk M., Gulla B., Piotrowski P., et al. Prison time experience – a semantic differential study. In: *5th International Conference on Time Perspective: book of abstracts*. Vilnius: Vilnius University, 2021. P. 75. Available at: <https://www.journals.vu.lt/proceedings/article/view/24357/23607> (accessed February 25, 2022).
27. Tucholska K., Wysocka-Pleczyk M., Gulla B., Piotrowski P., et al. Spatial metaphors of inmates' time experience. In: *5th International Conference on Time Perspective: book of abstracts*. Vilnius: Vilnius University, 2021. P. 75. Available at: <https://www.journals.vu.lt/proceedings/article/view/24357/23607> (accessed February 25, 2022).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НИГАР НАЗИМОВНА АЛИГАЕВА – аспирант Института психологии Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского, Калуга, Россия, психолог психологической лаборатории исправительной колонии № 2 УФСИН России по Рязанской области, Рязань, Россия, nigar-0520@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1239-1892>.

NIGAR N. ALIGAEVA – Postgraduate student of the Institute of Psychology of the Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski, Kaluga, Russia; psychologist of the Psychological Laboratory at the Correctional Facility No. 2 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Ryazan Oblast, Ryazan, Russia, nigar-0520@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1239-1892>.

Статья поступила 28.02.2022

Особенности осмысленности жизни у осужденных с длительными сроками отбывания наказания

ЭЛЬВИРА ВИКТОРОВНА ЗАУТОРОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия

elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

НИКОЛАЙ ГУРГЕНОВИЧ СОБОЛЕВ

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия,

sobolev-nikolay@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6101-7437>

Реферат

Введение: статья посвящена изучению осмысленности жизни у осужденных, которые отбывают длительные сроки наказания в местах лишения свободы. Отношение к жизни следует рассматривать в качестве универсального субъектного образования, которое обеспечивает самоорганизацию человеческой активности в процессе жизнедеятельности. *Цель:* определить особенности осмысленности жизни у осужденных с длительными сроками наказания, дать рекомендации по коррекционно-воспитательной работе с данной категорией лиц. *Методы:* теоретический анализ литературы; методы синтеза и обобщения; тест смысложизненных ориентаций (методика СЖО) Д. А. Леонтьева. *Результаты:* осужденные, находящиеся в социальной изоляции более десяти лет, демонстрируют низкий интерес к жизни, ее меньшую эмоциональную насыщенность, недостаточность жизненных целей, отсутствие временной перспективы (целей на будущее). Жизнь ими воспринимается недостаточно интересной, не наполненной смыслом. Прожитый отрезок не в полной мере осмыслен испытуемыми, отмечаются недостаточность самореализации, ощущение неуправляемости жизни. Выявленные особенности необходимо принимать во внимание при организации коррекционно-воспитательной работы с осужденными к длительным срокам лишения свободы. *Выводы:* при определении направления коррекционно-воспитательной работы с осужденными данной категории важно учитывать особенности их отношения к жизни, ориентировать их на исправление, осознание вины, сосредоточение на духовных и нравственных проблемах, предупреждать агрессию с их стороны.

Ключевые слова: места лишения свободы; исправительный процесс; осужденные; длительные сроки отбывания наказания; осмысленность жизни; коррекционно-воспитательная работа.

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности.

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Зауторова Э. В., Соболев Н. Г. Особенности осмысленности жизни у осужденных с длительными сроками отбывания наказания // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 3 (59). С. 320–326. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.010.

Original article

Features of Meaningfulness of Life of Convicts Serving Long-Term Sentences

EL'VIRA V. ZAUTOVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia
elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

NIKOLAI G. SOBOLEV

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia,
sobolev-nikolay@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6101-7437>

Abstract

Introduction: the article describes features of meaningfulness of life of convicts serving long-term sentences in places of deprivation of liberty. An attitude to life should be considered as a universal subjective formation that ensures self-organization of human activity in the process of their life. *Purpose:* to determine features of meaningfulness of life of convicts serving long-term sentences, give recommendations on correctional and educational work with this category of offenders. *Methods:* theoretical analysis of literature; methods of synthesis and generalization; life orientations test by D.A. Leont'ev. *Results:* convicts who have been in social isolation for more than 10 years demonstrate a lower interest in life and less emotional intensity and lack life aspirations and goals; the time perspective is not indicated. They perceive life as uninteresting and insufficiently filled with meaning. At the same time, the time passed is not fully comprehended, they cannot realize themselves, they are dissatisfied with their life and do not feel that they can manage it. The revealed features of meaningfulness of life of convicts serving long-term sentences supplement characteristics of persons in this category and this should be taken into account when organizing correctional and educational work with them in places of deprivation of liberty. *Conclusions:* when determining the direction of correctional and educational work with convicts of this category, it is important to take into account the specifics of their attitude to life and direct them to correction, preventing aggression in their behavior. At the same time, it is important for convicts to realize their guilt, focus on their own spiritual and moral problems, and develop a desire to compensate for the harm they have caused. To do this, it is necessary to establish cooperation with convicts based on the in-depth study of life, personality and needs.

Keywords: places of deprivation of liberty; correctional process; convicts; long-term sentences; sense of purpose; correctional and educational work.

5.3.9. Legal psychology and security psychology.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

Citation: Zautorova E. V., Sobolev N. G. Features Of Meaningfulness Of Life Of Convicts Serving Long-Term Sentences. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 3 (59), pp. 320–326. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.010.

Введение

Концепция развития уголовно-исполнительной системы до 2030 г. имеет целью дальнейшее совершенствование коррекционно-воспитательной работы с осужденными с учетом их индивидуальных особенностей и видов исправительных учреждений. Актуализируется необходимость поиска эффективных средств, форм и методов коррекционного и воспитательного воздействия, новых подходов к использованию уже имеющегося потенциала, возможностей и сил с привлечением различных служб (педагогической, психологической, медицинской, социальной и др.) исправительного учреждения.

По состоянию на 1 декабря 2021 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 469 283 чел., в том числе в 647 исправительных колониях отбывало наказание 357 649 чел., в шести исправительных колониях для осужденных к пожизненному лишению свободы и лиц, которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы, находилось 1947 чел., в восьми тюрьмах – 1345 чел. [8]. Особого внимания требуют лица, осужденные к лишению свободы на длительный срок, отбывающие наказание в исправительных учреждениях строгого и особого режимов за совершение тяжких и особо тяжких преступлений. Обращает на себя вни-

мание все более частое применение преступниками агрессии, насилия в крайне опасной для жизни и здоровья граждан форме, усиление жестокости в преступных действиях осужденных [12].

Длительное нахождение в условиях социальной изоляции способно привести к нарушению социально полезных связей, навыков и т. д., что в дальнейшем может затруднять процесс ресоциализации осужденного. Перед сотрудниками исправительного учреждения стоят важные задачи по обеспечению исправления осужденных с целью возвращения их в общество после освобождения, а также по предотвращению деструктивных форм поведения в период отбывания наказания.

Отношение к жизни у осужденных может выступать своего рода индикатором осмысленности прожитого периода и стремления улучшить качество жизни через принятие себя и ответственности за происходящие изменения. Различные взгляды на жизнь и ее ценности определяют закономерности поведения осужденных в исправительном учреждении, степень готовности к освобождению.

Изучению ценностных ориентаций личности посвящены труды С. А. Абдулгалимовой, И. С. Артюховой, М. И. Бобневой, А. Г. Здравомыслова, И. С. Ильиной, И. С. Кона, А. В. Мудрика и других ис-

следователей. Вместе с тем практически не анализировалась система смысложизненных ориентаций и представлений о жизни с позиции содержания бытийных представлений лиц, лишенных свободы. Отношение к жизни влияет на поведение человека во всех сферах его активности, выражается в принятии (непринятии) жизни, ответственности за себя и свою жизнь, стремлении (отсутствии стремления) к личностному росту и определяется ценностным миром индивида [1]. При этом рассматриваемая субъективная категория объединяет отношение к настоящему, прошлому, будущему, формируется под влиянием восприятия смерти, включает смысл жизни в качестве обязательного компонента [4].

Вопрос отношения к жизни в психологии рассматривался многоаспектно. Так, в зарубежной психологии А. Адлер обратил внимание на взаимосвязь поведения с жизненным смыслом человека, направленностью жизни, представив достаточно развернутое понимание поведенческих смыслов жизни, которые он соотносил с жизненным стилем, жизненным планом [3]. К. Г. Юнг рассматривал направленность человеческой личности на поиск жизненного смысла как отдельную задачу. Он выдвинул гипотезу, что человек вообще стоит перед задачей обнаружения смысла и благодаря этому может жить, так как смысл жизни имеет взаимосвязь с наличием у него духовных и культурных целей, стремление к достижению которых выводит человека за пределы обыденности. Нахождение жизненного смысла у К. Г. Юнга является специфической потребностью и задачей, а источниками (формами) смысла жизни служат архетипы и символы [15].

По мнению В. Франкла, смысл жизни является стремлением к обретению универсальных ценностей, а его поиск заложен в человеке в виде тенденции. Переживание смысла жизни представляет собой высшую ценность отношения, и важной проблемой здесь является вопрос ответственности индивида за собственную жизнь [14].

Стремление к сохранению жизни является врожденным, человек витально ориентирован и жизнь выбирает в силу факта своего существования в противоположность смерти, придерживаясь той или иной жизненной концепции. Вследствие этой позиции жизнь предстает как высший ценностный статус. Определяя человеческую природу в качестве совокупности пяти базовых потребностей (в жизни, социальной защищенности, общности или принадлежности, уважении и самоуважении, самореализации), А. Маслоу отмечает, что исходной является потребность в жизни [10].

В отечественной психологической науке поиск смысла жизни рассматривался в рамках деятельностного подхода. С. Л. Рубинштейн выделяет два основных способа существования человека и его отношения к жизни. Первый способ представлен определенным отношением к отдельным явлениям, но не к жизни в целом, второй – рефлексией, философским осмыслением жизни. Смысловой анализ поведения человека трактуется как путь его духовной жизни, отношение ко всему, что окружает личность. Формирование общего и обобщенного отношения к жизни

находит свое отражение в прошлых, настоящих и будущих событиях. Такое отношение дает возможность поиска смысла жизни [13].

По мнению К. А. Абульхановой-Славской, большое значение в понимании отношения к жизни имеет выстраиваемая индивидом единая линия, суть которой состоит в том, что вся жизненная динамика перестает представлять собой случайным образом чередующиеся события, а зависит от активности индивида, его способности придавать событиям жизни заданное направление [2]. В. Н. Мясищев указывал на значимость проблемы отношения личности к жизнедеятельности, рассматривая отношения индивида как важнейшую категорию, связанную с развитием и формированием личности. Отношение к жизнедеятельности является сложным структурным образованием, которое содержит в себе отношение к самому себе, деятельности и другим людям [11]. По В. А. Зобкову, отношение человека к своей жизни и самому себе способствует появлению и развитию смыслодержательных характеристик [7].

Таким образом, отношение к жизни следует рассматривать в качестве универсального субъектного образования, которое обеспечивает самоорганизацию человеческой активности в процессе жизнедеятельности.

Описание исследования

С целью изучения особенностей отношения к жизни у осужденных с разными сроками лишения свободы нами было проведено эмпирическое исследование, которое проходило в несколько этапов. На первом этапе изучались личные дела осужденных с целью отбора испытуемых и создания экспериментальной (ЭГ) и контрольной (КГ) групп. Целью второго этапа было определение особенностей осмысленности жизни у осужденных, отбывающих длительные сроки наказания (ЭГ – 30 мужчин в возрасте от 34 до 50 лет, находящихся в условиях социальной изоляции свыше десяти лет). На третьем этапе сравнивались результаты исследования группы осужденных, отбывающих длительные сроки наказания, и группы осужденных, отбывающих недлительные сроки наказания (КГ – 30 мужчин в возрасте от 34 до 50 лет, находящихся в условиях социальной изоляции до пяти лет), по итогам формулировались рекомендации. Была построена гипотеза: длительный срок отбывания наказания приводит к значительным личностным изменениям отрицательного плана, в связи с чем отношение к жизни у осужденных к длительным срокам отбывания наказания характеризуется менее выраженным ее принятием и более выраженным отторжением, чем у осужденных к недлительным срокам отбывания наказания.

Эмпирическое исследование проводилось на базе ИК № 17 УФСИН России по Вологодской области (ноябрь–декабрь 2021 г.). Данное учреждение является колонией строго режима, где отбывают наказание осужденные мужского пола (лимит наполнения – 1565 чел. [8]).

Тест смысложизненных ориентаций (методика СЖО) Д. А. Леонтьева использовался для определения смысложизненных ориентаций испытуемого. Он позволяет оценить источник смысла жизни, который

может быть найден человеком либо в будущем (цели), либо в настоящем (процесс), либо в прошлом (результат), либо во всех трех составляющих жизни. Данная методика представляет собой адаптированную версию теста «Цель в жизни» (Purpose-in-Life Test, PIL) Дж. Крамбо и Л. Махолика [9].

Тест содержит общий показатель осмысленности жизни, пять субшкал, указывающих на три конкретных смысловых ориентации (цели в жизни, насыщенность жизни и удовлетворенность самореализацией), а также два аспекта локуса контроля (локус контроля – Я и локус контроля – Жизнь). На основе факторного анализа адаптированной Д. А. Леонтьевым методики отечественными исследователями (Д. А. Леонтьев, М. О. Калашников, О. Э. Калашникова) был создан тест СЖО, который включает 20 пар противоположных утверждений, отражающих представление о факторах осмысленности жизни личности.

Анализ данных, полученных с помощью теста смысловых ориентаций (методика СЖО) Д. А. Леонтьева, показал следующие результаты.

В группе осужденных, находящихся в условиях социальной изоляции свыше десяти лет (ЭГ), преобладает низкий уровень осмысленности жизни по шкалам: цели в жизни, процесс, локус контроля – Жизнь; средний уровень осмысленности жизни превалирует по шкалам: локус контроля – Я, общий показатель осмысленности жизни (ОЖ). В группе осужденных к лишению свободы на неопределенные сроки (КГ) преобладают средний уровень осмысленности жизни по шкалам: результат, локус контроля – Жизнь, а также низкий уровень по шкалам: цели в жизни, процесс, локус контроля – Я, показатель осмысленности жизни (ОЖ).

Показатели осмысленности жизни у осужденных в экспериментальной (1 группа) и контрольной (2 группа) группах представлены на рисунке.

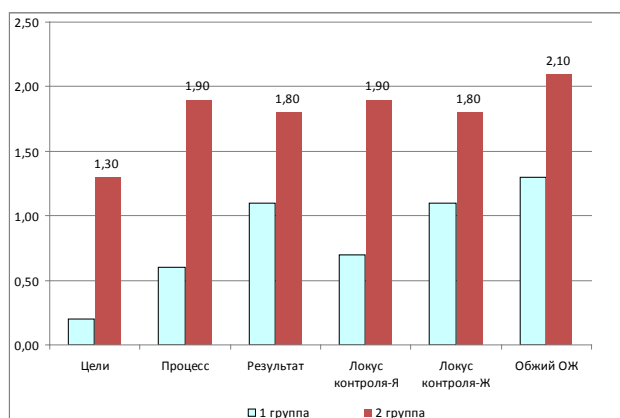

Рис. Сравнительные показатели осмысленности жизни у осужденных в экспериментальной (1 группа) и контрольной (2 группа) группах

У осужденных к длительным срокам лишения свободы (ЭГ) в местах лишения свободы показатели общего уровня осмысленности жизни (1,3), ее цели (0,2), самого жизненного процесса (0,6) и его результативности (1,1), а также локуса контроля – Я (0,7), локуса контроля – Жизнь (1,1) ниже, чем у осужденных контрольной группы.

Осужденные в экспериментальной группе демонстрируют более низкий интерес к жизни, ее меньшую эмоциональную насыщенность, недостаточность жизненных целей, отсутствие цели будущего, временной перспективы. Жизнь ими воспринимается недостаточно интересной, не наполненной смыслом. При этом пройденный отрезок жизни испытуемыми не в полной мере осмыслен, отмечается недостаточность самореализации, отсутствие ощущения управляемости жизни.

У осужденных контрольной группы выше показатели общего уровня осмысленности жизни (2,1), ее цели (1,3), самого жизненного процесса (1,9) и его результативности (1,8), а также локуса контроля – Я (1,9), локуса контроля – Жизнь (1,8). У осужденных в этой группе отмечаются интерес к жизни, определенная ее эмоциональная насыщенность, наличие некоторых жизненных целей, целей будущего и анализа прожитого, временных границ, ощущение способности управлять собственной жизнью.

Результаты

Таким образом, подтвердилась гипотеза о том, что отношение к жизни у осужденных к длительным срокам отбывания наказания характеризуется менее выраженным ее принятием и более выраженным отторжением, чем у осужденных с недлительными сроками отбывания наказания. В связи с этим пенитенциарным психологам и начальникам отрядов необходимо организовать специальную работу по коррекции поведения осужденных, особенно тех, кто отбывает лишение свободы длительное время. Это будет способствовать более гармоничным отношениям в коллективе осужденных, снижению стресса и уровня конфликтности и в конечном итоге исправлению личности правонарушителя.

Вместе с тем практика показывает, что уже имеется определенный опыт работы с данной категорией осужденных: проводятся индивидуальные беседы, поддерживаются социальные связи, используется положительное воздействие осужденных друг на друга, привлекаются родственники, общественность, представители религиозных конфессий и др. [16]. С целью оптимизации социально-психологической обстановки в отряде осужденных с длительными сроками отбывания наказания необходимо организовать работу по коррекции личности осужденных, принять меры по изменению их отношения к жизни [19, с. 48–54]. Важно при этом разработать меры по предупреждению и урегулированию деструктивных тенденций, проводить работу по коррекции взаимоотношений в группах осужденных.

В задачи сотрудников воспитательного отдела исправительного учреждения должны входить оказание своевременной социально-психологической поддержки лицу, оказавшемуся в сложной жизненной ситуации, создание условий для реализации полезной инициативы, развития личностного потенциала, психологической компетентности и навыков адаптивного поведения при рациональной занятости свободного времени. Важно содействовать оптимизации самооценки, стабилизации эмоционального и психосоциального состояния воспитуемых, снижению конфликтности, отчужденности и преодолению барьеров

в общении путем проведения групповых и индивидуальных психопрофилактических и психокоррекционных мероприятий [5]. Формирование у осужденных модели здорового образа жизни, социально полезной инициативы, трудовых навыков, законопослушного поведения будет способствовать более успешной социальной реабилитации и адаптации после освобождения из мест изоляции от общества.

При этом важным направлением работы являются осуществление социальной поддержки осужденных к длительным срокам отбывания наказания [6], а также организация на постоянной основе мониторинга, направленного на выявление барьеров, препятствующих нормальной жизнедеятельности лиц данной категории.

Заключение

В исследовании были проанализированы характеристики осмысленности жизни у осужденных, отбывающих длительные сроки лишения свободы. Субъективная категория «отношение к жизни» включает отношение человека к прошлому, настоящему и будущему, является обязательным компонентом смысла жизни. Переживание смысла жизни представляет собой высшую ценность, выступает индикатором ответственности индивида за свою жизнь [18].

Были определены следующие особенности осмысленности жизни у лиц, находящихся в условиях социальной изоляции свыше десяти лет: низкий интерес к жизни, ее слабая эмоциональная насыщенность, недостаточность жизненных целей, отсутствие цели на будущее, временной перспективы, отчуждение от жизни, происходящих событий, от-

страненность в общении с администрацией исправительного учреждения и другими осужденными. Отсутствие перспектив, связанных с освобождением, камерное содержание, различные ограничения, которые направлены на регламентацию порядка отбывания наказания, исключают возможность строить свои отношения в обществе на принципах сотрудничества, являются причиной такого отношения к жизни [20]. У анализируемой группы осужденных нередко отсутствуют желание и внутренняя готовность к социальной реабилитации. Подобное мышление и неспособность к социализации могут стать основными факторами, определяющими социальную опасность лиц, преступивших закон.

Коррекционно-педагогическая работа и основная направленность мероприятий по организации работы с лицами, лишенными свободы на длительный срок, должны ориентировать их на изменение личности, предупреждение и предотвращение насилия и агрессии в отношении представителей администрации исправительной колонии, других осужденных и самих себя, осознание вины и покаяние на этой основе, сосредоточение на духовных и нравственных проблемах, стремление компенсировать вред, нанесенный преступлением [17].

Проведенное исследование будет способствовать разработке общих рекомендаций по психокоррекции отношения к жизни у осужденных и формированию их нравственных ценностных ориентаций в качестве профилактических мер по борьбе с суицидом в условиях исправительного учреждения и воспитанию готовности к социальной реабилитации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулгалимова, С. А. Понятие смысла жизни и смысложизненных парадигм / С. А. Абдулгалимова // Вестник Социально-педагогического института. – 2011. – № 2. – С. 83–92.
2. Абульханова-Славская, К. А. Психология и сознание личности (проблемы методологии, теории и исследования реальной личности) : избранные психологические труды / К. А. Абульханова-Славская. – Москва : Московский психолого-социальный институт ; Воронеж : МОДЭК, 1999. – 224 с. – ISBN 5-89502-067-4.
3. Адлер, А. Индивидуальная психология / А. Адлер. – Санкт-Петербург : Питер, 2017. – 165 с. – ISBN 978-5-88230-458-3.
4. Ильина, И. С. Специфика понятий отношения к жизни и смерти, к здоровью и болезни в исследованиях лиц, имевших опыт суицидальных попыток / И. С. Ильина // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. – 2011. – № 1. – С. 339–343.
5. Заурова, Э. В. Особенности агрессивного поведения осужденных, отбывающих наказание в исправительной колонии строгого режима : монография / Э. В. Заурова. – Москва : НИИ ФСИН России, 2020. – 120 с. – ISBN 978-5-6042382-3-3.
6. Заурова, Э. В. Профилактика противоправного поведения осужденных в местах лишения свободы / Э. В. Заурова, Ф. И. Кевля // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2021. – № 2 (92). – С. 188–194.
7. Зобков, В. А. Отношение человека к жизнедеятельности / В. А. Зобков // Экономика образования. – 2015. – № 2. – С. 91–94.
8. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы // Федеральная служба исполнения наказаний : официальный сайт. – URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 03.02.2022).
9. Леонтьев, Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (методика СЖО) / Д. А. Леонтьев // Психология счастливой жизни : сайт психологической помощи. – URL: <https://psycabi.net/testy/256-test-smyslozhiznennye-orientatsii-metodika-szho-d-a-leontev> (дата обращения: 03.02.2021).
10. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – Санкт-Петербург : Питер, 2011. – 351 с. – ISBN 978-5-459-00494-7.
11. Мясищев, В. Н. Психология отношений / В. Н. Мясищев. – Москва : МПСИ, 2011. – 398 с. – ISBN 978-5-89502-790-5.
12. Недялкова, Й. М. Индивидуальные особенности личности осужденного (результаты психологического исследования) / Й. М. Недялкова // Пенитенциарная наука. – 2021. – № 2 (54). – С. 321–327.
13. Рубинштейн, С. Л. Бытие и сознание / С. Л. Рубинштейн. – Санкт-Петербург : Питер, 2017. – 287 с. – ISBN 978-5-496-02943-8.
14. Франкл, В. Человек в поисках смысла : [сборник] / В. Франкл ; общая редакция Л. Я. Гозмана, Д. А. Леонтьева. – Москва : Прогресс, 1990. – 366 с. – ISBN 5-01-001606-0.

15. Юнг, К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное / К. Г. Юнг. – Москва : АСТ, 2019. – 224 с. – ISBN 978-5-17-117179-7.
16. Buss, A. H. Physical aggression in relation to different frustrations / A. H. Buss // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. – 1963. – Volume 67. – Pp. 1–7.
17. Kohlberg, L. *Essays on Moral Development. Volume two: The Psychology of Moral Development* / Lawrence Kohlberg. – San-Francisco : Harper & Row, 1984. – 580 p.
18. Moscovici, S. The phenomenon of social representations / Serge Moscovici // *Social representations* / R. Fair and S. Moscovici (Eds.). – Cambridge : Cambridge University Press, 1984. – Pp. 3–69.
19. Rath, T. *Wellbeing: The Five Essential Elements* / Tom Rath, Jim Harter. – New York : Gallup Press, 2010. – 229 p.
20. Zaleski, Z. Importance of and optimism-pessimism in predicting solution to world problems: an intercultural study / Z. Zaleski, Z. Chlewinski, W. Lens // *Psychology of future orientation* / Z. Zaleski (ed.). – Lublin : Towarzystwo Naukowe KUL, 1994. – Pp. 207–228.

REFERENCES

1. Abdulgalimova S.A. The concept of the meaning of life and the meaning of life paradigms. *Vestnik Sotsial'no-pedagogicheskogo instituta=Bulletin of the Socio-Pedagogical Institute*, 2011, no. 2, pp. 83–92. (In Russ.).
2. Abul'khanova-Slavskaya K.A. *Psikhologiya i soznanie lichnosti (Problemy metodologii, teorii i issledovaniya real'noi lichnosti): izbrannye psikhologicheskie trudy* [Psychology and consciousness of personality (Problems of methodology, theory and research of real personality): selected psychological works]. Moscow: Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut. Voronezh: MODEK, 1999. 224 p. ISBN 5-89502-067-4.
3. Adler A. *Individual'naya psikhologiya* [Individual psychology]. Saint Petersburg: Piter, 2017. 165 p. ISBN 978-5-88230-458-3.
4. Il'ina I.S. Specificity of the concepts of attitude to life and death, to health and illness in studies of persons who had experience of suicidal attempts. *Lichnost' v ekstremal'nykh usloviyakh i krizisnykh situatsiyakh zhiznedeyatel'nosti=Personality in Extreme Conditions and Crisis Situations of Life*, 2011, no. 1, pp. 339–343. (In Russ.).
5. Zatorova E. V. *Osobennosti agressivnogo povedeniya osuzhdennykh, otbyvayushchikh nakazanie v ispravitel'noi kolonii strogo rezhima: monografiya* [Features of aggressive behavior of convicts serving sentences in the correctional facility of strict regime: monograph]. Moscow: NII FSIN Rossii, 2020. 120 p. ISBN 978-5-6042382-3-3.
6. Zatorova E.V., Kevlya F.I. Prevention of illegal behavior of convicts in places of deprivation of liberty. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii=Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 2 (92), pp. 188–194. (In Russ.).
7. Zobkov V.A. Personality's attitude to the life activity. *Ekonomika obrazovaniya=Economics of Education*, 2015, no. 2, pp. 91–94. (In Russ.).
8. Brief description of the penal system. *Federal'naya sluzhba ispolneniya nakazanii: ofitsial'nyi sait* [Federal Penitentiary Service of the Russian Federation: official website]. Available at: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (In Russ.). (Accessed February 3, 2022).
9. Leont'ev D.A. Test of life-meaning orientations (the LMO method). *Psikhologiya schastivoi zhizni: sait psikhologicheskoi pomoshchi* [Psychology of a happy life: psychological help website]. Available at: <https://psycabi.net/testy/256-test-smyslozhiznennye-orientatsii-metodika-szho-d-a-leontev> (In Russ.). (Accessed February 3, 2022).
10. Maslow A. *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and personality]. Saint Petersburg: Piter, 2011. 351 p. ISBN 978-5-459-00494-7.
11. Myasishchev V.N. *Psikhologiya otnoshenii* [Psychology of relations]. Moscow: MPSI, 2011. 398 p. ISBN 978-5-89502-790-5.
12. Nedlyakova I.M. Individual features of the convict's personality (results of a psychological research). *Penitentsiarnaya nauka=Penitentiary Science*, 2021, no. 2 (54), pp. 321–327. (In Russ.).
13. Rubinshtein S.L. *Bytie i soznanie* [Being and consciousness]. Saint Petersburg: Piter, 2017. 287 p. ISBN 978-5-496-02943-8.
14. Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla: sbornik* [Man in search of meaning: collection]. Ed. by L.Ya. Gozman, D.A. Leont'ev. Moscow: Progress, 1990. 366 p. ISBN 5-01-001606-0.
15. Yung C.G. *Arkhetipy i kollektivnoe bessoznatel'noe* [Archetypes and the Collective Unconscious]. Moscow: AST, 2019. 224 p. ISBN 978-5-17-117179-7.
16. Buss A.H. Physical aggression in relation to different frustrations. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1963, vol. 67, pp. 1–7. (In Russ.).
17. Kohlberg L. *Essays on moral development. Volume 2: the psychology of moral development*. San-Francisco: Harper & Row, 1984. 580 p.
18. Moscovici S. The phenomenon of social representations. In: Fair R., Moscovici S. (Eds.). *Social representations*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. Pp. 3–69.
19. Rath T., Harter J. *Wellbeing: the five essential elements*. New York: Gallup Press, 2010. 229 p.
20. Zaleski Z., Chlewinski Z., Lens W. Importance of and optimism-pessimism in predicting solution to world problems: an intercultural study. In: Zaleski Z. (Ed.). *Psychology of Future Orientation*. Lublin: Towarzystwo Naukowe KUL, 1994. Pp. 207–228.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЭЛЬВИРА ВИКТОРОВНА ЗАУТОВА – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, профессор кафедры юридической психологии и

EL'VIRA V. ZAUTOVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Corresponding Member of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, professor at the Department for Legal Psychology and Pedagogy of

педагогике психологического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

НИКОЛАЙ ГУРГЕНОВИЧ СОБОЛЕВ – кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, sobolev-nikolay@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6101-7437>

the Psychology Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, Leading Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

NIKOLAI G. SOBOLEV – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, Senior Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, sobolev-nikolay@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6101-7437>

Статья поступила 27.04.2022

Научная статья

УДК 37.01

doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.011

Основные формы научного пенитенциарно-педагогического знания

ОКСАНА БРОНИСЛАВОВНА ПАНОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, xenia-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6096-2581>

Реферат

Введение: статья посвящена обоснованию целесообразности формализации научного пенитенциарно-педагогического знания с учетом накопленной в данной сфере информации и задач пенитенциарной педагогики; представлению научного взгляда на систематизацию основных форм пенитенциарно-педагогического знания и рассмотрению их базовых параметров. *Цель:* представить и охарактеризовать современное пенитенциарно-педагогическое знание как формализованную структуру, базирующуюся на определенных стандартных подходах, которые призваны обеспечивать ясность и единообразие восприятия ключевых аспектов пенитенциарно-педагогической действительности в научном сообществе, среде практических работников и общественных деятелей. *Методы:* сравнительно-исторический анализ, монографический метод, структурный анализ, логическое обобщение и др. *Результаты:* в ходе теоретического анализа литературы, отражающей основные достижения пенитенциарной педагогики и устоявшиеся подходы к структурированию научной информации, были представлены основные формы научного пенитенциарно-педагогического знания в контексте современных тенденций развития уголовно-исполнительной системы. В качестве основных форм рассмотрены педагогические термины, закономерности, принципы, условия, модели, концепции и теории. Характеристики данных форм включают базовые признаки, пенитенциарную специфику, критерии действенности и перспективы дальнейшего развития. Названные формы подкрепляются примерами, которые позволяют конкретизировать каждую из них. Определены перспективы исследования проблемы формализации пенитенциарно-педагогического знания.

Ключевые слова: научное пенитенциарно-педагогическое знание; педагогические термины; закономерности; принципы; условия; модели; концепции; теории.

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Панова О. Б. Основные формы научного пенитенциарно-педагогического знания // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 3 (59). С. 327–342. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.011.

Original article

Key Forms of Scientific Penitentiary and Pedagogical Knowledge

OKSANA B. PANOVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, xenia-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6096-2581>

Abstract

Introduction: the article is devoted to substantiating the expediency of formalizing scientific penitentiary and pedagogical knowledge, taking into account the information accumulated in this field and penitentiary pedagogy tasks; presenting a scientific view on the systematization of key forms of penitentiary and pedagogical knowledge and considering their basic parameters. *Purpose:* to present and characterize modern penitentiary and pedagogical knowledge as a formalized structure based on certain standard approaches that are designed to provide clarity and uniformity in the perception of key aspects of penitentiary-pedagogical reality in the scientific community, among practitioners and public figures. *Methods:* comparative historical analysis, monographic, structural analysis, logical generalization, etc. *Results:* during theoretical analysis of the literature reflecting priority achievements of penitentiary pedagogy and the established approaches to structuring scientific information, key forms of scientific penitentiary and pedagogical knowledge in the aspect of modern trends in the development of the penal system were presented and characterized. Pedagogical terms, patterns, principles, conditions, models, concepts and theories were considered as the main forms. Characteristics of these forms included basic features, penitentiary specifics, criteria of effectiveness and prospects for further development. These forms were supported by examples that made it possible to concretize each of them. The prospects to further elaborate the problem of formalization of penitentiary and pedagogical knowledge are determined.

Key words: scientific penitentiary and pedagogical knowledge; pedagogical terms; patterns; principles; conditions; models; concepts; theories.

13.00.01 – General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Panova O. V. Key forms of scientific penitentiary and pedagogical knowledge. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 3 (59), pp. 327–342. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.011.

Введение

Педагогизация исправительного процесса в пенитенциарных учреждениях выступает тенденцией, которая зафиксирована в содержании цели исполнения уголовного наказания и отражена в концептуальных документах, характеризующих современный этап развития уголовно-исполнительной политики в Российской Федерации. Вкладывая в определение цели (исправление осужденных) такие составляющие, как «формирование уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития» (ст. 9 УИК РФ), законодатель тем самым подчеркивает особую роль педагогической составляющей в ее реализации, поскольку уважение в отношении какого-либо объекта связано, в первую очередь, с проявлением морального долга и нравственных качеств, развитие которых наиболее успешно достигается средствами воспитания.

В становление пенитенциарной педагогики внесли существенный вклад многие выдающиеся отечественные ученые, среди которых М. Н. Гернет, связавший социальные причины преступности с недостатками воспитания и образования [11, с. 44.], Н. Ф. Лучинский, разработавший первую в истории России концепцию подготовки отечественного пенитенциарного персонала с акцентом на формировании педагогических знаний у тюремных чиновников [26, с. 28–31], С. В. Познышев и И. Я. Фойницкий, включившие в содержание ранее существовавшей отрасли юриспруденции – тюрьмоведения – разделы, посвященные характеристике тюремного воспитания, образования и просвещения арестантов [34, с. 157–182; 44, с. 373–387], А. С. Макаренко, обогативший педагогическую науку учением о воспитании в коллективе [27, с. 80–90], В. Н. Сорока-Росинский, обосновавший особую роль творческой активности и самостоятельности в перевоспитании несовершеннолетних правонарушителей [40, с. 164–229], и др.

Педагогическое наследие отечественных ученых получило подтверждение и творческое развитие в трудах таких выдающихся исследователей, как И. П. Башкатов, А. В. Буданов, В. Ф. Ключин, В. М. Литвишков, М. П. Стурова, Н. А. Тюгаева и др. Созданный ими информационный массив аккумулирует в себе контент педагогического знания, зафиксированного при изучении наиболее значимых фрагментов пенитенциарной реальности. Следует отметить, что до сих пор не ставилась специальная задача, связанная с созданием целостной картины знаниевого ряда в пенитенциарной педагогике как перечня основных форм знаний, накопленных в результате научно-исследовательской и практической деятельности. Между тем такие формы составляют фундамент специфического языка пенитенциарно-педагогической науки, с помощью которого обеспечиваются системное усвоение научной информации, ее ясная трактовка и действенное использование. Актуальность выделения и аналитического описания основных форм научного знания связана с необходимостью предупреждения определенной упрощенности в объяснении сущности и особенностей педагогических процессов и явлений в уголовно-исполнительной среде. Это объясняется потребностью в оперировании определенными стандартами и эталонами, призванными обеспечить взаимопонимание между членами пенитенциарно-педагогического сообщества – как учеными, так и практиками.

Цель исследования

Целевая установка настоящей статьи состоит в том, чтобы представить и охарактеризовать современное пенитенциарно-педагогическое знание как определенную формализованную структуру. Структурирование основных форм существующего пенитенциарно-педагогического знания важно при определении направлений и путей продуктивного развития пенитенциарной науки и практики. Значи-

мость возрастает в связи с необходимостью следования междисциплинарному подходу, ориентирующему на действенную оперативную интеграцию пенитенциарной педагогики с другими отраслями науки, обеспечение понимания ключевых аспектов пенитенциарно-педагогической действительности в научном сообществе, среде практических работников и общественных деятелей.

Методы

Для достижения сформулированной цели в ходе исследования применялся ряд теоретических методов, среди которых метод сравнительно-исторического анализа (обращение к нему дало возможность сопоставить научную трактовку и толкование основных пенитенциарно-педагогических терминов на разных временных отрезках развития пенитенциарной педагогики), монографический метод (с его помощью в качестве отдельных объектов изучения и анализа описаны целостные относительно самостоятельные педагогические категории, явления и процессы), метод структурного анализа (позволил представить отношения и взаимосвязи между исследуемыми единицами научного знания в иерархическом порядке), метод логического обобщения (способствовал рассмотрению общих признаков объектов с их переносом на частные характеристики, а также исследованию частных свойств объектов с их экстраполированием на общие параметры), метод обобщения (позволил подвести определенные итоги исследования) и др.

Анализ и обсуждение результатов

Пенитенциарно-педагогическое знание выступает одной из форм фиксации результатов познавательной активности ученых и практиков в сфере специально организованной и реализуемой педагогическими средствами деятельности, направленной на исправление преступников, осужденных к различным видам уголовных наказаний. К разряду педагогических средств относятся такие, которые применяются в ходе решения образовательных задач и, соответственно, связаны с обучением и воспитанием. Пенитенциарно-педагогическое знание будет рассматриваться как научное при условии его соответствия определенным требованиям: оно должно отвечать признакам объективности, определенности, доказанности, методологичности, системности и полезности в аспекте изменения ситуации к лучшему [23, с. 3]. Научное пенитенциарно-педагогическое знание может отражать как всеобщие образовательные процессы и явления, присущие всем исправительным учреждениям, так и единичные педагогически значимые ситуации и события, носящие исключительный характер и имеющие значение для определенного заведения. Сложность и нелинейность исправительного процесса обуславливает потребность в широком разнообразии форм выражения научного пенитенциарно-педагогического знания.

Разделяя взгляды Н. Г. Серикова, включившего в число основных форм научно-педагогического знания педагогические термины, закономерности, принципы, условия, модели, концепции и теории [38],

считаем возможным представить аналогичную формализацию пенитенциарно-педагогического знания. Охарактеризуем каждую из перечисленных форм.

Слово «термин» имеет латинское происхождение и первоначально использовалось в значениях «граница», «предел» и т. п. [42, с. 636]. В современном употреблении рассматривается как совокупность наиболее общих и существенных признаков класса предметов и явлений, которые признаны в науке на определенной ступени ее развития. Научные термины характеризуются отсутствием синонимов, однозначностью толкования, соответствием однотипным терминам в смежных знаниевых сферах [25]. В качестве термина может использоваться любое слово, если оно употребляется «в особой функции, функции наименования специального понятия, названия специального предмета или явления» [19, с. 307]. Любой термин имеет две стороны – структурно-языковую и семантическую, детерминированную эволюцией, становлением и формированием системы понятий той или иной науки [9, с. 7].

Пенитенциарно-педагогические термины должны соотноситься с общепедагогической терминологией, но при этом обладать специализированностью значения, опосредованной пенитенциарной реальностью. В терминологическом аппарате пенитенциарной педагогики, как и любой отрасли науки, есть базовые термины, которые в силу своей априорности выделяются особым образом и называются научными категориями. Поскольку пенитенциарная педагогика является одной из отраслей педагогики, то к числу ее основных категорий относятся те, которые составляют категориальный аппарат общей педагогики, а именно образование, воспитание, воспитательная работа, обучение; социализация, личность, общество, культура; педагогический процесс, педагогическая система, цели, содержание, методы, средства, формы (образования); обучающийся, воспитанник, педагог, воспитатель; развитие, формирование, становление (личности); взаимодействие, общение (педагогическое), отношения, деятельность и др. Категориальный аппарат педагогики представляет первооснову для пенитенциарной педагогики и передает ее характерные черты.

Терминологический аппарат пенитенциарной педагогики включает понятия «исправление», «перевоспитание», «ресоциализация», «воспитательная система исправительного учреждения», «воспитательная работа с осужденными», «исправительный процесс», «средства исправления», «критерии исправления» и др., оперирование которыми позволяет описывать специфические педагогические способы исправления осужденных. Рассмотрим более подробно термины, которым, по нашему мнению, отводится ведущая роль в пенитенциарно-педагогическом вокабуляре.

Терминологический конструкт «исправление осужденных» вошел в научный аппарат пенитенциарной педагогики в 1997 г. в связи с принятием Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. В ст. 1 УИК РФ исправление осужденных закреплено в качестве цели уголовно-исполнитель-

ного законодательства Российской Федерации, а в ст. 9 зафиксировано его содержание: исправление осужденных заключается в формировании уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулировании правопослушного поведения. С педагогической точки зрения исправление рассматривается как цель, процесс и результат. Педагогический аспект исправления осужденного состоит в восприятии его в качестве объекта педагогических влияний, результатом которых должны стать система уважительного отношения к социуму и правопослушание. Представим педагогический анализ составляющих рассматриваемого феномена.

Стремясь к педагогическому обеспечению процесса формирования у осужденного системы социальных отношений, основанных на уважении, сотрудникам исправительного учреждения следует принимать во внимание сущность понятия «уважение», с тем чтобы руководствоваться четкими ориентирами в достижении заданной цели. Слово «уважать» имеет одинаковый корень со словом «важный». Если говорить, например, об уважении к человеку, то следует учитывать, что оно представлено двумя основными типами: уважение как признание прав человека и его внутренней ценности и уважение как оценка заслуг и достижений человека. В первом случае уважение граничит с заботой (так, из уважения не принято вмешиваться в личную жизнь других людей, не следует беспокоить отдыхающего человека независимо от его статуса и т. п.), во втором – предполагается признание значимости человека за его усердие в достижении определенной цели (в частности, уважение человека за профессионализм, что означает придание важности его знанию и качеству работы) [3, с. 190]. Соответственно, ожидаемым результатом исправления осужденного должно стать признание им личностной значимости как любого отдельного человека, так и общества в целом, а также разнообразных социальных норм и труда. Иными словами, сформировать уважительное отношение – значит решить экзистенциальную по сути задачу, связанную с приданием объектам уважения личностного смысла по типу «значение-для-меня».

Проанализируем с педагогической точки зрения сущность терминологического конструкта «стимулирование правопослушания». Семантика слова «послушание» включает такие компоненты, как повиновение и покорность, что позволяет в качестве базового показателя поведенческого симптомокомплекса рассматривать ненарушение правовых норм преимущественно в обстоятельствах, опосредованных угрозой последующего наказания. При этом следует иметь в виду, что в условиях, когда появляется возможность избежать кары, индивид может воспринимать противоправное поведение как приемлемое. Источником любого послушания выступает прагматизм, обуславливающий выбор, который происходит, как правило, из ситуативной выгоды. Энергетической подпиткой правопослушания будет служить система стимулов, адекватных прагматическим рас-

четам конкретного осужденного, а в роли механизма воздействия будет выступать социальное научение, обеспечивающее формирование способности представлять влияние внешних стимулов на свое поведение в виде определенной модели. Благодаря социальному научению даже в тех случаях, когда за нарушением норм права осужденный сам не становится объектом наказания или поощрения, следя за соответствующей ответной реакцией окружающих, он осознает необходимость соответствия предъявляемым требованиям или имитации правопослушания. Таким образом, сотрудник исправительного учреждения, ориентированный на стимулирование правопослушания осужденных, должен относиться к данной задаче как к процессу, повторяющимся циклами которого выступают стимул, реакция и подкрепление. Без опоры на них достижение правопослушания становится крайне затруднительным [29, с. 115–116].

Исправление осужденных рассматривается не только как цель исполнения уголовного наказания, но и как процесс, состояние и результат. Исправительный процесс предполагает поэтапную последовательность в реализации цели, состоящей в усвоении социальных норм и ценностей. При этом имеет место опосредованное влияние внешних и внутренних условий на разрешение противоречий между недостаточным социальным опытом осужденных и возникающими в новых обстоятельствах требованиями неукоснительного следования социальным нормам. Исправление как состояние отражает фрагмент сознательного отказа осужденного от антиобщественных, в том числе криминальных, представлений, постижение значения правопослушной жизни, переход от ситуативного и бессознательного следования социальным нормам к осмысленному правовому поведению. Результатом исправления должна стать сформированная система социально одобряемого отношения осужденного к окружающей действительности.

В границах педагогических возможностей исправление осужденных обеспечивается средствами перевоспитания, реализуемого в аспекте ресоциализации в условиях воспитательной системы исправительного учреждения.

В случае с осужденными воспитание приобретает специфику, обусловившую включение в словарный аппарат пенитенциарной педагогики специального термина «перевоспитание». Среди ученых-пенитенциаристов, впервые назвавших тюремное воспитание приоритетным средством исправления, следует назвать С. В. Познышева и И. Я. Фойницкого, которые охарактеризовали перевоспитание как духовное влияние на арестантов, направленное на развитие у них «желания стать на путь честной жизни» [44, с. 400], а также на зарождение чувств, противодействующих стремлению к преступлению [34, с. 158]. Решение этих задач они связывали с преодолением у арестантов эгоизма, уныния и безысходности; формированием самоуважения и самостоятельности в той мере, чтобы «судьба каждого была насколько возможно в

его собственных руках» [43, с. 400–402]; появлением чувства благодарности за доброе отношение со стороны окружающих и удовлетворения от спокойной жизни [34, с. 158]. Развивая идеи своих предшественников, А. С. Макаренко также делал акцент на формировании «реальных качеств людей, которые выйдут из наших педагогических рук» [27, с. 62].

В соответствии с данными научными суждениями сущность перевоспитания заключается в целенаправленном специально организованном педагогическом взаимодействии между сотрудниками исправительных учреждений и осужденными по поводу вытеснения у последних отрицательных личностных качеств, сформировавшихся под воздействием неблагоприятных факторов и выступающих предпосылками противоправного поведения, и формирования позитивных личностных свойств, несовместимых с преступным образом жизни. Под личностными качествами (свойствами) понимается комплекс особенностей индивида, природа которых имеет наследственный или приобретенный (социально обусловленный) характер. Качества личности образуют целостную характеристику ее своеобразия, устойчивую типологическую характеристику личности [4, с. 52]. Личностные качества человека в течение жизненного пути могут преобразовываться и изменяться. Личностные качества как совокупность атрибутов человека оказывают влияние на его социальный статус, поведенческие установки и направленность поступков, благополучие, репутацию, предрасположенность к конкретной деятельности. Примерами позитивных личностных качеств являются самостоятельность (склонность к инициированию, разработке и реализации собственных планов, способность к собственным, независимым суждениям), доброта (проявление деятельного участия к человеку, оказавшемуся в сложной жизненной ситуации, направленность на оказание помощи нуждающимся людям без претензий на ответную благодарность), трудолюбие (позитивное отношение к трудовой деятельности, склонность к усердной работе, получение удовлетворения от процесса и результатов трудовой деятельности), правдивость (склонность человека к высказываниям, соответствующим реальным фактам и явлениям, его мыслям и убеждениям), целеустремленность (склонность человека к достижению поставленной цели, готовность к преодолению obstacles, препятствующих ее реализации), ответственность (осознанное отношение человека к своим поступкам и склонность видеть причины происходящего с ним в себе самом), дисциплинированность (добровольное осознанное соблюдение норм морали и установленного порядка), правопослушание (беспрекословное подчинение правовым нормам) и др.

Мы разделяем ту точку зрения, что криминогенные качества личности проявляются в определенных склонностях, различаемых по степени личностной приемлемости уголовно наказуемого способа поведения и ее обусловленности ценностно-смысловой и эмоциональной зрелостью индивида (А. Н. Пастуше-

ня) [31, с. 11–12]; индивиды, выступающие носителями тех или иных отрицательных склонностей, имеют потенциальную ориентированность на совершение преступлений, умышленных или по неосторожности, определенного вида (Ю. М. Антонян) [2, с. 13–26]. Соответственно, на фоне приемлемости преступного поведения наличие ряда отдельных личностных качеств или их совокупности может указывать на потенциальную готовность лица к совершению тех или иных преступлений. Например, к совершению преступлений против собственности могут быть склонны люди, которым присущи такие качества, как лень, праздность (предпочтение независимого, доставляющего удовольствие времяпрепровождения, исключая трудную деятельность), жадность (чрезмерное стремление человека присвоить себе как можно больше различных благ, как материальных, так и духовных), зависть (негативное отношение к людям, обладающим какими-либо благами или возможностями, которых лишен завидующий человек вопреки своему желанию). Очевидно и то, что к совершению преступлений против жизни и здоровья человека в большей степени предрасположен индивид с такими свойствами, как агрессивность (предпочтительность применения насильственных средств для достижения своих целей), жестокость (подверженность проявлению грубого обращения с другими людьми, а также животными, которое может сопровождаться причинением им боли и душевных страданий), человеконенавистничество (неприятель или ненависть к другим людям, выражение презрения к социальным нормам и традициям) и др.

В исправительных учреждениях перевоспитание имеет определенное функциональное предназначение, состоящее в побуждении осужденных к преодолению собственных отрицательных личностных проявлений и развитию социально одобряемых качеств и способностей; ориентировании осужденных на устранение несоответствий в системе ценностей, отражающих их отношение к себе, окружающим людям, социальным нормам и др.; оказании помощи в преодолении осужденными внешних и внутренних факторов личностной деформации. Реализуя перечисленные функции, перевоспитание выступает в качестве значимого компонента ресоциализации осужденных.

Повышенный интерес к проблеме ресоциализации осужденных со стороны российских ученых и общественных деятелей наблюдается в начале XXI в., когда реформирование уголовно-исполнительной системы приобрело ярко выраженную гуманистическую направленность. Появляются серьезные научные труды, в которых раскрывается междисциплинарный характер рассматриваемого явления, объясняющий логичность и оправданность разных подходов к трактовке термина «ресоциализация».

Анализ диссертационных исследований, посвященных проблеме ресоциализации осужденных, позволяет констатировать, что при определенных различиях в толковании данного понятия имеется общий признак, указывающий на возобновленность или

повторность процесса социализации [29, с. 68]. В формулировке целей ресоциализации многих исследователей объединяет нацеленность на социальную регулятивность, «достижение законопослушности, призванной обеспечить соблюдение личностью правовых норм» (А. В. Пищелко) [32, с. 276]; принятие осужденным «минимальных и достаточных» ценностей и норм социума (А. В. Чернышева) [47, с. 27], «приобретение социальных ценностей, норм, знаний, опыта, способностей, а также создание условий, необходимых и достаточных для формирования у несовершеннолетнего поведенческих моделей, включающих основные элементы институциональных требований и предписаний (М. Н. Садовникова) [37, с. 11], «достижение социальной ответственности за свое поведение и жизнь в обществе, не нарушая законов» (Н. В. Андреев) [1, с. 7].

Педагогический аспект ресоциализации заключается в коррекции социализированности человека, его социальных установок и убеждений, сформированных в результате неадекватного восприятия им социальных отношений [36, с. 21]. Если в ходе социализации приоритетное значение имеет развитие личности, то при ресоциализации – коррекция деформированного мировосприятия индивида, которая содействует развитию индивида и в то же время благоприятствует его интеграции в общество в качестве полноправного члена.

Коррекция (от лат. *correctio* – исправление) как педагогический термин применяется в отношении людей, имеющих нарушения физического развития и/или социального поведения [33, с. 13]. Что касается лиц, осужденных за совершение преступлений, то педагогическая коррекция подходит для разных видов отклонений, не столько имеющих патологическую природу, сколько сформировавшихся в ходе влияния неблагоприятной социальной среды. К таким отклонениям могут быть отнесены определенные недостатки характера, обусловленные деформированностью мировоззрения и неразвитостью эмоционально-волевой сферы.

Деформированность мировоззрения проявляется в определенных, ярко выраженных дефектах. К их числу относятся социальное невежество, безразличие, инфантилизм, нигилизм, цинизм и др. Социальное невежество проявляется в неинформированности, непонимании социальных отношений и процессов, отсутствии четко выраженной общественной позиции. Социальное безразличие это созерцательность и пассивность в ситуациях, требующих выражения личностного отношения к происходящим событиям и явлениям в обществе. Характеризуется приверженностью фаталистическому клише «если суждено – сбудется», недоверием к возможностям и способностям человека изменить неблагоприятные обстоятельства жизни. Среди способов достижения целей носители данного дефекта отдают предпочтение везению. Социальный инфантилизм проявляется в разрыве между биологическим и социокультурным развитием, при котором осужденный, с одной стороны, претендует на обладание теми или иными пра-

вами и свободами, присущими совершеннолетнему индивиду, а с другой – отказывается признавать необходимость соответствия статусу взрослого человека в вопросах выполнения установленных обязанностей.

Социальный нигилизм выражается в отрицании социальных норм в целом, что включает пренебрежительное отношение к ценностям, традиционным идеалам, общественному устройству, социальным институтам и т. п.

Социальному цинизму присущи демонстративность в выражении пренебрежительного отношения к общепринятым нормам морали и права, ориентированность на установку «любые средства хороши», не исключаящую нарушение норм уголовного права.

Неразвитость эмоционально-волевой сферы проявляется, в первую очередь, в эмоциональной напряженности, включающей совокупность переживаний, которые снижают эмоциональный фон и мотивационную сферу человека. Это состояние нередко сопровождается ощущением беспомощности и собственной ненужности человека в определенных жизненных обстоятельствах, может приводить к агрессивности и мизантропии [46].

В педагогической практике преодоление перечисленных дефектов связывают с педагогической коррекцией, сущность которой составляет вытеснение определенных личностных дефектов при одновременном развитии у осужденного личностных свойств, способствующих повышению его самооценки. В качестве основного общепедагогического способа выступает создание коррекционно-развивающей среды, где осужденный сможет самореализоваться, а в качестве результата коррекции – «выравнивание» осужденных как личностей. Воспитуемые под воздействием педагогической коррекции могут «выравниваться», то есть стать такими же, как обычные – несудимые, правопослушные – люди [18, с. 203].

Коррекционно-развивающая среда включает перечень элементов, которые определяют деятельность сотрудников-воспитателей и осужденных, направленную на вытеснение личностных дефектов. Коррекционно-развивающая среда – это комплексный, системный, вариативный, пластически меняющийся механизм непрерывной педагогической помощи человеку с отклонениями в развитии на пути становления его социальной компетентности в специальных занятиях, конструктивном общении, формировании мобильности и общественной активности. Основу такой среды в исправительном учреждении образуют базовые исправительные программы и взаимодействие с внешними социальными институтами.

К специфическим признакам коррекционно-развивающей среды относятся: активизация стремления осужденных к выравниванию с окружающими правопослушными людьми; вытеснение из сферы значимостей осужденных криминальных идеалов и ценностей; пробуждение эмоциональных переживаний по поводу общечеловеческих явлений и фактов; подготовка осужденных к преодолению психологиче-

ских барьеров, препятствующих продуктивному существованию в социальном пространстве.

Успешность решения педагогических задач ресоциализации осужденных во многом определяется функционированием воспитательной системы. Впервые введя в научный оборот пенитенциарной педагогики данный терминологический конструкт, М. П. Стурова определила воспитательную систему исправительного учреждения как «прямые и опосредованные воспитательные отношения и связи элементов, ее составляющих и образующих целостность, включающую как духовную, так и предметно-практическую деятельность воспитуемых и воспитателей, призванные обеспечить позитивное изменение осужденных» [41, с. 10].

Развивая мысль М. П. Стуровой о структуре воспитательной системы исправительного учреждения, С. А. Ветошкин включил в данное понятие следующие компоненты: целевой, обозначающий цель, на которую направлен весь педагогический процесс; содержательный, отражающий разнообразие применяемых педагогических средств, принципов и методов; деятельностный, обеспечивающий взаимодействие воспитателей и воспитуемых, организацию и формы этого взаимодействия, а также принципы управления воспитательным процессом; результативный, позволяющий оценить эффективность действующей системы. Ученый отмечает, что перечисленные компоненты позволяют лишь в общих чертах, создать алгоритм практической деятельности по исправлению осужденных; проблема заключается в «конкретизации данных компонентов, наполнении их содержанием, позволяющим организовать эффективную систему исправления» [5]. Поскольку пенитенциарная воспитательная система функционирует в специфических условиях, состоящих в закрытости исправительного учреждения, жесткой нормативной регламентированности воспитательной работы, высокой концентрации лиц, имеющих разнообразные ярко выраженные отклонения, то она существенно отличается от остальных воспитательных систем. Главное отличие воспитательной системы исправительного учреждения, на наш взгляд, лежит в плоскости обозначения вектора ее развития, которое должно быть ориентировано на создание коррекционно-развивающей среды.

Между ключевыми терминами пенитенциарной педагогики существует тесная взаимосвязь. Она заключается в том, что в содержательном наполнении термина «исправление» детализируется цель исполнения уголовного наказания и конкретизируются основные направления перевоспитания осужденных как важного фактора их ресоциализации. В свою очередь, результативность ресоциализации осужденных во многом определяется вектором развития воспитательной системы исправительного учреждения.

Значимой формой пенитенциарно-педагогического знания являются закономерности, позволяющие понять природу педагогической действительности, найти подлинные основания педагогической деятельности, обнаружить в ней устойчивые связи.

Связи, зафиксированные в закономерностях, всегда имеют причинно-следственный характер. Так, например, связи между применяемыми в исправительном процессе педагогическими методами и получаемыми результатами, степенью сложности предъявляемых педагогических требований и качеством их усвоения осужденными, системой педагогических средств и затратами времени и усилий сотрудников-воспитателей на достижение определенных результатов и т. п. В пенитенциарной педагогике закономерности преимущественно констатируют связи между специально созданными или уже существующими обстоятельствами и достигнутыми результатами исправления осужденного. Значение закономерностей заключается в том, что они определяют ориентиры, позволяющие обеспечивать результативность исправительного процесса в соответствии с определенными устоями.

Безусловным требованием к ученому-исследователю, выявляющему ту или иную закономерность, является наличие достаточного уровня подготовленности к тому, чтобы повседневную реальность концептуализировать в определенных связях. Презентация новой закономерности основывается на результатах научно-исследовательской работы, которые должны быть одобрены и приняты педагогическим сообществом. Это положение относится и к закономерностям пенитенциарной педагогики, подлежащим не только выявлению и описанию, но и теоретическому обоснованию и подтверждению с использованием эмпирических методов. К базовым критериям, выступающим мерилем действительности закономерности, относятся ее воспроизводимость в однотипных ситуациях, то есть проявление в педагогической деятельности любого сотрудника исправительного учреждения; обязательность; независимость от индивидуальных способностей и особенностей участников исправительного процесса (за исключением случаев, когда определенные способности и особенности включены в описываемую закономерность в качестве специального объекта).

Достаточным для представления закономерности в пенитенциарной педагогике считается описательный формат, предусматривающий вербальное изложение информации о неслучайных зависимостях между явлениями или процессами. Жесткое математическое подтверждение применительно к закономерностям данной отрасли науки не носит императивного характера ввиду сложности и многогранности феноменов пенитенциарно-педагогической действительности, существенно сужающих возможности количественного подтверждения. В этой связи актуально обращение к суждению В. В. Краевского, отмечающего, что применение количественных методов в педагогике «ограничено спецификой гуманитарной сферы научного познания, делающей во многих случаях недостижимой полную количественную определенность получаемых результатов» [22, с. 244]. Развивая данное положение, В. В. Краевский обращает особое внимание на применение качественного подхода, при котором подтверждение за-

кономерности производится путем обобщения идей из собранных эмпирических данных, а организация данных при этом направлена на получение целостной картины [22, с. 245]. Он подчеркивает необходимость достижения баланса между математическим и качественным подходом в доказывании закономерностей.

Исправительный процесс в пенитенциарных учреждениях соотносится, в первую очередь, с общепедагогическими закономерностями. Многократно обосновывая и отстаивая эту точку зрения, А. С. Макаренко отмечал, что «воспитание должно направляться одной системой законов» независимо от того, в отношении «хороших» людей или правонарушителей оно осуществляется [27, с. 12]. В то же время закономерности, отражающие наиболее устойчивые тенденции воспитания как общественного явления, преломляются через призму особенностей педагогического процесса в условиях исправительных учреждений и приобретают специфическое содержание, определяемое конкретными задачами исследования. Поэтому для пенитенциарной педагогики важны как общепедагогические закономерности, так и закономерности, относящиеся к ее собственной сфере.

В пенитенциарной педагогике рядом авторов представлены формулировки тех или иных закономерностей, констатирующих условия и обстоятельства стабильной успешности исправительного процесса. Следуя требованию строгой научности, предъявляемому к закономерности, для примера рассмотрим группу закономерностей, реалистичность которых теоретически доказана и подтверждена с помощью количественных и качественных методов в диссертационном исследовании доктора педагогических наук С. А. Ветошкина. В частности, он выявил и научно обосновал следующие закономерности: 1) закономерность, утверждающую зависимость успешности исправления осужденных от педагогических факторов: уровня педагогической подготовленности сотрудников пенитенциарного учреждения, наличия материальной базы, призванной обеспечивать воспитательный процесс (кружков по интересам, клубов и др.); 2) закономерность, отражающую обусловленность эффективности исправительного процесса степенью реализации закрытости пенитенциарного учреждения (закрытость исправительной колонии связывается С. А. Ветошкиным с предупреждением проникновения в нее алкогольных напитков, наркотиков, запрещенных предметов, предотвращением распространения негативной информации, возникновения конфликтогенных ситуаций и т. п.); 3) закономерность, фиксирующую зависимость результатов воспитательной работы с осужденными от возможностей и желаний сотрудников исправительной колонии организовать эффективную педагогическую деятельность. Если такая деятельность не организуется, то происходит обратный процесс: осужденные негативно влияют на сотрудников, навязывая свои правила поведения, жаргонные слова и привычки [6]. В данной статье мы оставляем открытым перечень закономерностей, значимых для пени-

тенциарной педагогики, ограничившись для примера одной из тех, что имеет четкое научное обоснование.

Закономерности протекания исправительного процесса создают определенную систему связей, практическая реализация которых должна способствовать его успешности. Это в свою очередь позволяет определить основные и специфические принципы, значимые для решения теоретических и практических задач пенитенциарной педагогики. Принципы призваны лаконично выражать основные концептуальные идеи, на базе которых разворачивается общение всех субъектов педагогического взаимодействия, функционирует комплекс его составляющих: формы, содержание, методы и приемы. Исправительный процесс требует, прежде всего, реализации общепедагогических принципов, признанных сегодня в педагогическом сообществе: целесообразности и целенаправленности, единства сознания и поведения, сочетания педагогического руководства с инициативой и самостоятельностью воспитуемых, педагогического оптимизма, дифференциации и интеграции, комплексности, преемственности, культуросообразности, сочетания требовательности с гуманным отношением к осужденным, опоры на их положительные качества, учета возрастных и индивидуальных особенностей осужденного и др.

Наряду с вышеперечисленными общими педагогическими принципами исправительный процесс, имея свои особенности, нуждается в реализации принципов специальных. К определению принципов в пенитенциарной педагогике также существуют разные подходы, среди которых особое значение имеют те, чьи авторы достигли реальных результатов в исправлении правонарушителей. Прежде всего здесь речь должна идти о А. С. Макаренко. Внимательное прочтение и анализ его статьи «Методика организации воспитательного процесса» позволяет считать, что предложенная педагогическая система базируется на следующих взаимосвязанных принципах: включение воспитуемых в трудовую деятельность, вид и содержание которой определяется их таким собственным выбором, чтобы «каждый мог найти дело по душе»; организация реального самоуправления; обеспечение взаимной ответственности; обеспечение дисциплины и «правильного» режима; организация педагогического центра, при функционировании которого «педагогический руководитель всегда должен находиться в общении, не ожидая специальных заседаний и собраний» и без «специальной субординации»; побуждение коллектива к внимательному отношению к вновь прибывшим воспитанникам, порядок приема которых «должен быть продуман и подготовлен руководством, педагогическим коллективом и советом командиров во всех мелочах и до конца»; организация культурной работы, основанной на функционировании кружков и клубных организаций, посещаемых добровольно с правом выхода «в любое время» и др. [27, с. 267–329].

С. А. Ветошкин основными принципами педагогической организации исправительного процесса в современных пенитенциарных учреждениях на-

зывает: функционирование единого коллектива (сотрудников и осужденных); адекватное реагирование администрации исправительного учреждения на действия осужденных; расширенное стимулирование поведения осужденных [5]. В современных научных исследованиях получили обоснование специальные принципы, касающиеся отдельных аспектов воспитательной работы с осужденными, в том числе нравственного воспитания, ресоциализации и др. Например, в исследовании Л. В. Ковтуненко впервые получили обоснование такие принципы ресоциализации несовершеннолетних осужденных в педагогической среде, как принцип вариативности (создание вариативных зон педагогической среды, вариации в выборе форм, способов, средств для удовлетворения потребностей и интересов осужденных) и принцип со-развития педагогической среды и несовершеннолетнего осужденного (взаимосвязь, взаимозависимость развития несовершеннолетних осужденных и педагогической среды) [20, с. 10]. К исходным позициям правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных отнесены такие принципы, как актуализация раскаяния осужденных, формирование антикриминальной устойчивости, обогащение субъектного правового опыта, конструктивное реагирование на достижения правовой ресоциализации, стимулирование саморазвития, социальная адекватность, диалоговое взаимодействие [29, с. 188]. Э. В. Заурова обосновала принципы нравственно-эстетического воспитания осужденных, отнеся к ним лично значимую доминанту, доступность восприятия произведений искусства, активизацию сопереживания в процессе приобщения к искусству, актуализацию ситуации на основе художественного материала, эстетизацию среды учреждения через включение осужденных в художественно-творческую деятельность и рефлексивность [15, с. 17].

Вариативность подходов к утверждению определенных групп принципов объясняется многоаспектностью задач, решаемых в сфере пенитенциарной педагогики. Разнообразие исследовательских направлений обуславливает предложение новых принципов, с помощью которых пенитенциарная педагогика предстает в качестве не только исследовательской области знания, но и сферы, преобразующей исправительную действительность, обозначающей направление пенитенциарно-педагогической деятельности, предписывающей определенные ориентиры, с которыми сотрудникам исправительных учреждений следует соотносить организацию процесса перевоспитания осужденных, поиск путей его оптимизации. Следует иметь в виду, что как принцип может быть принято лишь такое требование, которое базируется на подтвержденной закономерности и не зависит от ситуативных обстоятельств, в то время как закономерность утверждается в ходе исследования пенитенциарно-педагогической действительности, а принципы, являясь регулятивными предписаниями, предлагаются как производные от определенной закономерности, то есть выступают императивом, адекватным той или иной закономерности. Дей-

ственность принципа во многом определяется его соотносительностью с позитивным педагогическим опытом – как прошлым, так и настоящим, ориентированностью на существующие на определенном историческом этапе тенденции уголовно-исполнительной политики и общее состояние пенитенциарной реальности.

Для конкретизации способов решения задач перевоспитания осужденных и детализации педагогических действий, сопутствующих исправительному процессу, применяется такая форма знания, как педагогическое условие. Педагогические условия – это внешние обстоятельства, факторы, оказывающие существенное влияние на протекание педагогического процесса, в той или иной мере сознательно сконструированные педагогом, предполагающие, но не гарантирующие определенный результат процесса [4, с. 112]. В пенитенциарной педагогике утвердились следующие группы педагогических условий: организационно-педагогические, основной функцией которых является управление процессуальным аспектом педагогической системы; психолого-педагогические, направленные на организацию таких мер педагогического взаимодействия, которые оказывают влияние на личностный аспект педагогической системы; социально-педагогические, интегрирующие социальные (бытовой, трудовой, досуговой, валеологический, постпенитенциарный) и педагогические (правовой, образовательно-воспитательный, общественный) факторы успешности воспитательной работы [6, с. 7].

Анализ текстов более пятидесяти докторских и кандидатских диссертаций, посвященных проблемам пенитенциарной педагогики, позволяет констатировать, что в большинстве из них в той или иной мере зафиксированы педагогические условия как значимые обстоятельства при решении поставленных задач. Ряд авторов, в том числе С. А. Ветошкин [6], И. Д. Жарков [13], С. Ю. Жидко [14], С. И. Злобин [16], Л. В. Ковтуненко [21], М. Н. Панченко [30], посвятили свои диссертации непосредственному выделению и обоснованию определенных педагогических условий на фоне внешних факторов, существенно влияющих на процесс становления того или иного исследуемого феномена.

К значимым формам пенитенциарно-педагогического знания мы относим педагогические модели, представляющие собой «искусственно созданные объекты в виде схем, физических конструкций, знаковых форм или формул, которые, будучи подобными исследуемому объекту или явлению, отображают и воспроизводят в более простом виде структуру, свойства, взаимосвязи между элементами этого объекта» [12, с. 22]. Обращение к методу моделирования позволяет с помощью логических конструкций в обобщенном виде создать и воспроизвести модель, то есть аналог, отражающий структуру, свойства, взаимосвязи и отношения между элементами исследуемого явления (В. В. Краевский, В. М. Монахов и др.). Педагогическое моделирование придает исследуемому объекту полноту и репрезентативность.

Оно обладает возможностью выработать целостное представление о содержании и конечных результатах того или иного педагогического процесса. В. С. Ильин и В. М. Монахов называют основные требования к модели: она должна отображать целостность процесса или явления, давать описание условий и средств его протекания, строиться структурно [17, с. 13–14; 28, с. 75–89]. Педагогические модели наделяются, в первую очередь, информативными функциями, а именно иллюстративной, трансляционной, объяснительной, прогностической [12, с. 446–447].

А. Н. Дахин предлагает свою классификацию моделей, относя к их основным видам: прогностическую, предназначенную для оптимального распределения ресурсов и конкретизации целей; концептуальную, базирующуюся на информационной базе и программе действий; инструментальную, выполняющую роль инструмента исполнения и обучения педагогов оперированию педагогическими средствами; мониторинговую, востребованную при обеспечении обратной связи и создании способов корректировки вероятностных отклонений от ожидаемых результатов; рефлексивную, направленную на выработку оперативных педагогических действий в неблагоприятных ситуациях [12, с. 12–15].

В пенитенциарной педагогике моделированию в последнее время уделяется особое внимание, что объясняется повышением теоретического и практического уровня развития пенитенциарной науки в целом. Теоретический аспект связан с идеализацией, с помощью которой осуществляется четкое обозначение компонентов моделируемых объектов, а практический – с экспериментальной проверкой логических умозаключений.

Пенитенциарная педагогика, являясь средством педагогической рефлексии в отношении исправительного процесса, в первую очередь, развивается в соответствии с общественными запросами на прикладные исследования, ориентированные на решение конкретных задач. В качестве одного из примеров педагогической модели может быть рассмотрена модель воспитательного центра, созданная в русле реформирования уголовно-исполнительной системы. Она включает целевой, методологический и содержательный компоненты, которые в своей совокупности призваны обеспечить непрерывность и преемственность социальной, психологической и воспитательной работы с несовершеннолетними с момента заключения их под стражу и до момента освобождения, создать целостную эффективную систему подготовки осужденных к освобождению и др. [35, с. 29].

Изучение докторских диссертаций, отразивших развитие пенитенциарной педагогики на современном этапе, позволяет констатировать, что практически в каждой из них представлены модели исследуемых педагогических процессов и явлений. Такие модели не только описывают пенитенциарно-педагогическую действительность, но и выделяют существенные компоненты, этапы и взаимосвязи между ними. Примерами педагогических моделей являют-

ся прогностическая социально-педагогическая модель модернизации исправительного учреждения (Н. С. Фомин, 2005 г.) [45], модель гуманизации образовательного процесса в пенитенциарных учреждениях (А. Г. Сломчинский, 2009 г.) [39], модель проектирования обучения в вузе в условиях исправительного учреждения (Н. Ю. Волова, 2011 г.) [10], концептуально-методологическая модель педагогической гендерной системы формирования духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных (А. В. Вилкова, 2016 г.) [7] и др.

К основным формам пенитенциарно-педагогического знания мы относим педагогические концепции, представляющие собой сложные, целенаправленные, динамические системы фундаментальных знаний о педагогических феноменах, полно и всесторонне раскрывающих их сущность и содержание. К числу основополагающих концепций, определивших приоритетные направления тематики исследований в области пенитенциарной педагогики на разных этапах ее развития, необходимо отнести Концепцию воспитательной работы с осужденными в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы (2000 г.), Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. (2010 г.), Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г. (2021 г.) и др.

Можно констатировать, что в современных докторских диссертациях пенитенциарной направленности представлены педагогические концепции, включающие идеи исследования в виде определенной теоретической конструкции с присущей четко выраженной направленностью и логической структурой. Целый ряд диссертационных исследований в своих названиях содержат слово «концепция» и предлагают комплекс научных знаний об изучаемом объекте, оформленных специальным образом. Примерами пенитенциарно-педагогических концепций могут выступать концепция формирования духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных женского пола (А. В. Вилкова) [7], концепция социального сопровождения осужденных в исправительном учреждении (В. В. Виноградов) [8], концепция ресоциализации несовершеннолетних осужденных в педагогической среде воспитательной колонии (Л. В. Ковтуненко) [20] и др.

Ведущая роль в иерархической структуре пенитенциарно-педагогического знания принадлежит теориям, которые содержат комплекс доказанных положений и раскрывают сущность и взаимосвязи различных педагогических свойств, процессов и явлений. В большинстве случаев презентации предлагаемых педагогических теорий сопровождаются рассмотрением специального комплекса взаимосвязанных терминов, закономерностей, принципов и моделей, позволяющих доподлинно, целостно, глубоко и непротиворечиво объяснить значимые фрагменты педагогической реальности. Именно эти фрагменты являются предметами тех или иных теорий. Перечисленные элементы составляют минимальный набор

компонентов, обязательный для любой педагогической теории. Вариативная часть теории может включать педагогические условия, методики, технологии и другие средства, призванные совершенствовать педагогическую действительность, более продуктивно решать возникающие задачи.

На первый взгляд, между концепцией и теорией есть много общего: обе формы в содержательном плане должны быть согласованы с логикой развития педагогической науки в целом и изучаемого направления в частности, содержать признак научной новизны, быть пригодными для эффективного использования в массовой практике [48, с. 4]. Вместе с тем теория и концепция – это разные формы научного знания. Ключевое различие состоит в том, что на основе одной теории может быть построено множество концепций, каждая из которых будет призвана конкретизировать определенную сторону теории.

Разработка теории не должна становиться самоцелью; любая теория может считаться действенной, если она «нужна практике и практикой же обусловлена»; «педагогическая теория – это теория педагогической практики» [22, с. 91]. Появление новой теории определяется определенными факторами, к числу которых В. В. Краевский относит изменение тенденций развития общества и смену идеологических ориентиров; разрыв между целями и реальными результатами педагогического процесса; логику развития существующей педагогической теории [22, с. 91–92]. Соответственно, применительно к уголовно-исполнительной системе можно утверждать, что появившаяся в 1990-х гг. тенденция отхода от жестких авторитарных схем перевоспитания осужденных определила общественный запрос на обращение в пенитенциарной педагогике к теориям, в рамках которых рассмотрение и конструирование значимых явлений исправительного процесса должно осуществляться в русле гуманистических идей. В числе наиболее востребованных современных теорий, высокая частота обращений к которым зафиксирована в пенитенциарно-педагогических научных исследованиях, следует назвать теории личностно-ориентированного образования культурологического типа Е. В. Бондаревской, воспитательных систем Л. И. Новиковой, культурно-исторической педагогики Е. А. Ямбурга, образовательного триумфа Б. С. Гершунского, системно-синергетическую теорию Н. М. Таланчука и др.

Анализ содержания монографий и докторских диссертаций, посвященных пенитенциарно-педагогической проблематике, позволяет констатировать, что современные ученые вносят значительный вклад в обогащение существующих педагогических теорий пенитенциарным контекстом. Так, М. П. Стурова активно развивала теорию воспитательных систем

Л. И. Новиковой [41]; В. М. Литвишков обогатил теорию создания детского коллектива А. С. Макаренко с учетом специфики современных исправительных учреждений [24]; Н. С. Фомин дополнил теорию педагогической поддержки О. С. Газмана [45] и др.

Заключение

В статье приведен перечень основных форм научного пенитенциарно-педагогического знания, включающий педагогические термины, закономерности, принципы, условия, модели, концепции и теории. Научные формы пенитенциарно-педагогического знания используются, прежде всего, в профессиональной среде ученых и сотрудников исправительных учреждений. Они являются результатом становления пенитенциарной педагогики в качестве самостоятельной отрасли науки со своим строго обозначенным предметом, выработанной методологией и общепринятым терминологическим аппаратом. Научные формы пенитенциарно-педагогического знания предстают в виде определенной структуры, созданной в результате деятельности нескольких поколений ученых-пенитенциаристов, сформировавших научные традиции и школы. Предложенная структура основных форм пенитенциарно-педагогического знания базируется на анализе и обобщении данных, содержащихся в источниках методологического характера, а рассмотренные формы дают возможность обобщить существующие сведения о пенитенциарно-педагогической действительности.

Представленный список форм не является исчерпывающим, носит условный характер и может быть дополнен. За пределами данного исследования оставлены формы, которые традиционно не рассматриваются в качестве основных. К их числу могут быть отнесены значимые события, субъективные авторские суждения, выводы, комментарии и др. Называя и описывая представляемые формы, мы ориентировались на устоявшиеся методологические подходы к их отбору, учитывали объективно существующие взаимосвязи между ними.

Расширение границ, а также углубление и изменение смыслов пенитенциарно-педагогического знания может происходить в результате проведения новых научных исследований, организации полемики, дискуссий и т. п. В качестве универсального показателя истинности пенитенциарно-педагогического знания независимо от представляющей его формы выступает одобрение и принятие заключенной в данном знании информации отраслевым научным сообществом. Рассмотренные в статье аспекты позволили выявить новое проблемное поле исследования, что ориентирует на его продолжение в разрезе описания, обоснования и структурного представления не только основных, но и второстепенных форм пенитенциарно-педагогического знания, а также более системного и подробного описания видового ряда каждой из них.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев, Н. А. Ресоциализация осужденных в пенитенциарных учреждениях ФРГ / Н. А. Андреев, В. М. Морозов, О. Г. Ковалев. – Москва : Права человека, 2001. – 182 с. – ISBN 5-7712-0191-X.

2. Антонян, Ю. М. Некоторые отличительные психологические черты личности преступника / Ю. М. Антонян, В. П. Голубев, Ю. Н. Кудряков, В. Г. Бовин // Личность преступника и предупреждение преступлений : сборник научных трудов. – Москва : ВНИИ МВД СССР, 1987. – С. 13–26.
3. Ахундова, Ш. Д. Уважение, его основа и типы / Ш. Д. Ахундова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2013. – № 1 (129). – С. 188–192.
4. Борытко, Н. М. В пространстве воспитательной деятельности / Н. М. Борытко. – Волгоград : Перемена, 2001. – 180 с. – ISBN 5-88234-481-6.
5. Ветошкин, С. А. Пенитенциарная педагогика как наука и область практической деятельности : диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Ветошкин Сергей Александрович. – Москва, 2002. – 327 с.
6. Ветошкин, С. А. Социально-педагогические условия воспитательной работы в исправительной колонии : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Ветошкин Сергей Александрович. – Екатеринбург, 1997. – 18 с.
7. Вилкова, А. В. Гендерная концепция и методология формирования духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных женского пола : диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Вилкова Алевтина Владимировна. – Новгород, 2016. – 427 с.
8. Виноградов, В. В. Педагогическая концепция социального сопровождения осужденных в исправительном учреждении : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Виноградов Виктор Викторович. – Москва, 2011. – 50 с.
9. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – 3-е изд., испр. – Москва : Высшая школа, 1986. – 639 с.
10. Волова, Н. Ю. Проектирование и реализация высшего образования в исправительных учреждениях на основе информационно-коммуникационных технологий : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Волова Наталья Юрьевна. – Самара, 2011. – 45 с.
11. Гернет, М. Н. Общественные причины преступности: социалистическое направление в науке уголовного права / М. Гернет. – Москва : Изд. С. Скимунта, 1906. – 344 с.
12. Дахин, А. Н. Педагогическое моделирование: сущность, эффективность и неопределенность / А. Н. Дахин // Идеи и идеалы. – 2010. – Том 2, № 1. – С. 22–26.
13. Жарков, И. Д. Педагогические условия деятельности специалистов по социальной работе в пенитенциарных учреждениях : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Жарков Иван Данилович. – Оренбург, 1999. – 132 с.
14. Жидко, С. Ю. Организационно-педагогические условия дистанционного профессионального обучения в исправительно-трудовом учреждении : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Жидко Сергей Юрьевич. – Нижний Новгород, 2004. – 20 с.
15. Зауторова, Э. В. Нравственно-эстетическое воспитание осужденных : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Зауторова Эльвира Викторовна. – Москва, 2011. – 47 с.
16. Злобин, С. И. Организационно-педагогические основы комплексной оценки и аттестования кадров уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции России: на опыте работы Белгородского УИН МЮ РФ : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Злобин Сергей Иванович. – Москва, 2001. – 238 с.
17. Ильин, В. С. Формирование личности школьника (целостный процесс) / В. С. Ильин. – Москва : Педагогика, 1984. – 144 с.
18. Кашенко, В. П. Педагогическая коррекция: исправление недостатков характера у детей и подростков / В. П. Кашенко. – Москва : Академия, 2000. – 304 с. – ISBN 5-7695-2391-3.
19. Киселева, Н. И. Основные подходы к рассмотрению научного понятия и характеристике термина / Н. И. Киселева // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2014. – № 2 (58). – С. 306–311.
20. Ковтуненко, Л. В. Концепция ресоциализации несовершеннолетних осужденных в педагогической среде воспитательной колонии : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Ковтуненко Любовь Васильевна. – Воронеж, 2018. – 48 с.
21. Ковтуненко, Л. В. Педагогические условия профессионально-педагогического становления сотрудников службы исполнения наказаний в ведомственном образовательном учреждении : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Ковтуненко Любовь Васильевна. – Воронеж, 2006. – 235 с.
22. Краевский, В. В. Общие основы педагогики / В. В. Краевский. – Москва : Академия, 2005. – 254 с. – ISBN 5-7695-2341-7.
23. Лебедев, С. А. Методология научного познания / С. А. Лебедев. – Москва : Проспект, 2015. – 257 с. – ISBN 978-5-392-19243-4.
24. Литвишков, В. М. Теория и методика процесса формирования воспитывающего коллектива несовершеннолетних осужденных : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Литвишков Владимир Михайлович. – Рязань, 1995. – 43 с.
25. Лотте, Д. С. Очередные задачи технической терминологии / Д. С. Лотте // Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук. Серия VII. – 1931. – № 4. – С. 883–591.
26. Лучинский, Н. Ф. Основы тюремного дела / Н. Ф. Лучинский. – Санкт-Петербург : Журнал «Тюремный вестник», 1904. – 180 с.
27. Макаренко, А. С. Педагогические сочинения. В 8 томах. Том 1 / А. С. Макаренко. – Москва : Педагогика, 1983. – 368 с.

28. Монахов, В. М. Педагогическое проектирование – современный инструментарий дидактических исследований / В. М. Монахов // Школьные технологии. – 2001. – № 5. – С. 75–89.
29. Панова О. Б. Педагогическое обеспечение правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных в воспитательной колонии : диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Панова Оксана Брониславовна. – Ярославль, 2013. – 489 с.
30. Панченко, М. Н. Педагогические условия повышения эффективности образовательного процесса в местах лишения свободы для несовершеннолетних осужденных : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Панченко Марина Николаевна. – Новокузнецк, 2004. – 19 с.
31. Пастушеня, А. Н. Криминогенная сущность личности преступника: психологический аспект : диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук / Пастушеня Александр Николаевич. – Москва, 2000. – 551 с.
32. Пищелко, А. В. Ресоциализация осужденных: психологический аспект / А. В. Пищелко // Преступление и наказание от «А» до «Я» (словарь по пенитенциарной психологии). – Москва : МПСИ, 2009. – С. 276–277. – ISBN 978-5-9770-0516-6.
33. Подласый, И. П. Курс лекций по коррекционной педагогике : учебное пособие / И. П. Подласый. – Москва : Владос, 2003. – 349 с. – ISBN 5-691-00933-8.
34. Познышев, С. В. Очерки тюрьмоведения / С. В. Познышев. – Москва : Тип. Г. А. Лемана и Б. Д. Плетнева, 1915. – 296 с.
35. Попов, В. В. Воспитательный центр как новый вид исправительного учреждения для несовершеннолетних / В. В. Попов // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2010. – № 10. – С. 27–35.
36. Рожков, М. И. Воспитание свободного человека. Педагогическое кредо / М. И. Рожков. – Ярославль : Ярославская региональная типография, 2006. – 30 с.
37. Садовникова, М. Н. Ресоциализация несовершеннолетних осужденных (по материалам Восточной Сибири) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Садовникова Марианна Николаевна. – Иркутск, 2011. – 21 с.
38. Сериков, Г. Н. О систематизации понятий педагогики / Г. Н. Сериков // Образование и наука. – 2013. – № 4. – С. 19–31.
39. Сломчинский, А. Г. Гуманизация образовательного процесса в пенитенциарной системе : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Сломчинский Анатолий Геннадьевич. – Екатеринбург, 2009. – 42 с.
40. Сорока-Росинский, В. Н. Педагогические сочинения / В. Н. Сорока-Росинский. – Москва : Педагогика, 1991. – 239 с. – ISBN 5-7155-0316-7.
41. Стурова, М. П. Воспитательная система исправительно-трудовых учреждений (теоретико-методологический и организационный аспекты) : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Стурова Маргарита Павловна. – Москва, 1991. – 42 с.
42. Философский энциклопедический словарь / Л. Ф. Ильичев и др. – Москва : Сов. энциклопедия, 1983. – 839 с.
43. Фойницкий, И. Я. Уголовное право. Учение о наказании / И. Я. Фойницкий. – Санкт-Петербург : Типолит. Х. Ш. Гельперн, 1886. – 450 с.
44. Фойницкий, И. Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением / И. Я. Фойницкий. – Санкт-Петербург : Тип. Министерства путей сообщения, 1898. – 517 с.
45. Фомин, Н. С. Теория и методика социально-педагогической поддержки осужденных в процессе их ресоциализации : диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Фомин Николай Степанович. – Москва, 2005. – 355 с.
46. Цыганков, Б. Д. Психиатрия : руководство для врачей / Б. Д. Цыганков, С. А. Овсянников. – Москва : ГЭОТАР-Медиа, 2011. – 495 с. – ISBN 978-5-9704-1905-2.
47. Чернышева, А. В. Ресоциализация осужденных женщин, отбывающих наказание в исправительно-трудовых колониях: правовые и организационные вопросы : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Чернышева Алла Валентиновна. – Москва, 1990. – 220 с.
48. Яковлев, Е. В. Педагогическая концепция: методологические аспекты построения / Е. В. Яковлев, Н. О. Яковлева. – Москва : ВЛАДОС, 2006. – 239 с. – ISBN 5-691-01523-0.

REFERENCES

1. Andreev N.A., Morozov V.M., Kovalev O.G. *Resotsializatsiya osuzhdennykh v penitentsiarnykh uchrezhdeniyakh FRG* [Resocialization of convicts in penitentiary institutions of Germany]. Moscow: Prava cheloveka, 2001. 182 p. ISBN 5-7712-0191-X.
2. Antonyan Yu.M., Golubev V.P., Kudryakov Yu.N., Bovin V.G. Some distinctive psychological traits of a criminal's personality. In: *Lichnost' prestupnika i preduprezhdenie prestuplenii: sbornik nauchnykh trudov* [Criminal personality and crime prevention: collection of scientific papers]. Moscow: VNII MVD SSSR, 1987. Pp. 13–26. (In Russ.).
3. Akhundova Sh. D. Respect, its basis and types. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta=Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2013, no. 1 (129), pp. 188–192. (In Russ.).
4. Borytko N.M. *V prostranstve vospitatel'noi deyatel'nosti* [In the space of educational activity]. Volgograd: Peremena, 2001. 180 p. ISBN 5-88234-481-6.
5. Vetoshkin S.A. *Penitentsiarnaya pedagogika kak nauka i oblast' prakticheskoi deyatel'nosti: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora pedagogicheskikh nauk* [Penitentiary pedagogy as a science and a field of practical activity: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Moscow, 2002. 327 p.

6. Vetoshkin S.A. *Sotsial'no-pedagogicheskie usloviya vospitatel'noi raboty v ispravitel'noi kolonii: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Socio-pedagogical conditions of educational work in a correctional facility: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Ekaterinburg, 1997. 18 p.
7. Vilkova A.V. *Gendernaya kontsepsiya i metodologiya formirovaniya dukhovno-nravstvennykh tsennostei nesovershennoletnikh osuzhdennykh zhenskogo pola: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora pedagogicheskikh nauk* [Gender concept and methodology of the formation of spiritual and moral values of female juvenile convicts: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Novgorod, 2016. 427 p.
8. Vinogradov V.V. *Pedagogicheskaya kontsepsiya sotsial'nogo soprovozhdeniya osuzhdennykh v ispravitel'nom uchrezhdenii: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora pedagogicheskikh nauk* [Pedagogical concept of social support of convicts in a correctional institution: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Moscow, 2011. 50 p.
9. Vinogradov V.V. *Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian language. Grammatical teaching about the word]. Moscow: Vysshaya shkola, 1986. 639 p.
10. Volova N.Yu. *Proektirovanie i realizatsiya vysshego obrazovaniya v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh na osnove informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologii: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora pedagogicheskikh nauk* [Design and implementation of higher education in correctional institutions based on information and communication technologies: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Samara, 2011. 45 p.
11. Gernet M.N. *Obshchestvennye prichiny prestupnosti: sotsialisticheskoe napravlenie v nauke ugolovnogo prava* [Social causes of crime: the socialist trend in the science of criminal law]. Moscow: Izdatel'stvo. S. Skirmunta, 1906. 344 p.
12. Dakhin A.N. Pedagogical modeling: essence, effectiveness and uncertainty. *Idei i idealy=Ideas and Ideals*, 2010, vol. 2, no. 1, pp. 22–26. (In Russ.).
13. Zharkov I.D. *Pedagogicheskie usloviya deyatel'nosti spetsialistov po sotsial'noi rabote v penitentsiarnykh uchrezhdeniyakh: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Pedagogical conditions of activity of specialists in social work in penitentiary institutions: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Orenburg, 1999. 132 p.
14. Zhidko S.Yu. *Organizatsionno-pedagogicheskie usloviya distantsionnogo professional'nogo obucheniya v ispravitel'no-trudovom uchrezhdenii: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Organizational and pedagogical conditions of distance vocational training in a correctional labor institution: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Nizhny Novgorod, 2004. 20 p.
15. Zautorova E.V. *Nravstvenno-esteticheskoe vospitanie osuzhdennykh: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora pedagogicheskikh nauk* [Moral and aesthetic education of convicts: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Moscow, 2011. 47 p.
16. Zlobin S.I. *Organizatsionno-pedagogicheskie osnovy kompleksnoi otsenki i attestovaniya kadrov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Ministerstva yustitsii Rossii: na opyte raboty Belgorodskogo UIN MYu RF: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Organizational and pedagogical bases of comprehensive assessment and certification of personnel of the penitentiary system of the Ministry of Justice of Russia: based on the experience of the Belgorod UIN of the Ministry of Justice of the Russian Federation: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Moscow, 2001. 238 p.
17. Il'in V.S. *Formirovanie lichnosti shkol'nika (tselostnyi protsess)* [Formation of a student's personality (an integral process)]. Moscow: Pedagogika, 1984. 144 p.
18. Kashchenko V.P. *Pedagogicheskaya korrektsiya: ispravlenie nedostatkov kharaktera u detei i podrostkov* [Pedagogical correction: correction of character defects in children and adolescents]. Moscow: Akademiya, 2000. 304 p. ISBN 5-7695-2391-3.
19. Kiseleva N.I. Basic approaches to review scientific concepts and features term. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta=Scientific Notes of the Orel State University*, 2014, no. 2 (58), pp. 306–311. (In Russ.).
20. Kovtunen L.V. *Kontsepsiya resotsializatsii nesovershennoletnikh osuzhdennykh v pedagogicheskoi srede vospitatel'noi kolonii: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora pedagogicheskikh nauk* [Concept of resocialization of juvenile convicts in the pedagogical environment of a juvenile correctional facility: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Voronezh, 2018. 48 p.
21. Kovtunen L.V. *Pedagogicheskie usloviya professional'no-pedagogicheskogo stanovleniya sotrudnikov sluzhby ispolneniya nakazanii v vedomstvennom obrazovatel'nom uchrezhdenii: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Pedagogical conditions of professional and pedagogical formation of employees of the penitentiary service in a departmental educational institution: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Voronezh, 2006. 235 p.
22. Kraevskii V.V. *Obshchie osnovy pedagogiki* [General fundamentals of pedagogy]. Moscow: Akademiya, 2005. 254 p. ISBN 5-7695-2341-7.
23. Lebedev S.A. *Metodologiya nauchnogo poznaniya* [Methodology of scientific cognition]. Moscow: Prospekt, 2015. 257 p. ISBN 978-5-392-19243-4.
24. Litvishkov V.M. *Teoriya i metodika protsessa formirovaniya vospityvayushchego kollektiva nesovershennoletnikh osuzhdennykh: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora pedagogicheskikh nauk* [Theory and methodology of the process of formation of the educating collective of juvenile convicts: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Ryazan, 1995. 43 p.
25. Lotte D.S. Ocherednye zadachi tekhnicheskoi terminologii [Next tasks of technical terminology]. *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie obshchestvennykh nauk. Seriya 7=Izvestia of the USSR Academy of Sciences. Department of Social Sciences. Series 7*, 1931, no. 4, pp. 883–591. (In Russ.).

26. Luchinskii N.F. *Osnovy tyuremnogo dela* [Fundamentals of prison business]. Saint Petersburg: Tyuremnyi vestnik, 1904. 180 p.
27. Makarenko A.S. *Pedagogicheskie sochineniya: v 8 t. T. 1.* [Pedagogical essays: in 8 volumes. Volume 1]. Moscow: Pedagogika, 1983. 368 p.
28. Monakhov V.M. Pedagogical design – a modern instrument of didactic research. *Shkol'nye tekhnologii=School Technologies*, 2001, no. 5, pp.75–89. (In Russ.).
29. Panova O.B. *Pedagogicheskoe obespechenie pravovoi resotsializatsii nesovershennoletnikh osuzhdennykh v vospitatel'noi kolonii: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora pedagogicheskikh nauk* [Pedagogical support of legal resocialization of juvenile convicts in a juvenile correctional facility: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Yaroslavl, 2013. 489 p.
30. Panchenko M.N. *Pedagogicheskie usloviya povysheniya effektivnosti obrazovatel'nogo protsessa v mestakh lisheniya svobody dlya nesovershennoletnikh osuzhdennykh: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Pedagogical conditions for improving the effectiveness of the educational process in places of deprivation of liberty for juvenile convicts: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Novokuznetsk, 2004. 19 p.
31. Pastushenya A.N. *Kriminogennaya sushchnost' lichnosti prestupnika: Psikhologicheskii aspekt: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora psikhologicheskikh nauk* [Criminogenic essence of the criminal's personality: psychological aspect: Doctor of Sciences (Psychology) dissertation]. Moscow, 2000. 551 p.
32. Pishchelko A.V. Resocialization of convicts: psychological aspect. In: *Prestuplenie i nakazanie ot "A" do "Ya" (slovar' po penitentsiarnoi psikhologii)* [Crime and punishment from "A" to "Z" (Dictionary of penitentiary psychology)]. Moscow: MPSI, 2009. Pp. 276–277. (In Russ.). ISBN 978-5-9770-0516-6.
33. Podlasyi I.P. *Kurs lektsii po korrektsionnoi pedagogike: uchebnoe posobie* [Course of lectures on correctional pedagogy: textbook]. Moscow: Vlados, 2003. 349 p. ISBN 5-691-00933-8.
34. Poznyshv S.V. *Ocherki tyur'movedeniya* [Essays on prison studies]. Moscow: tipogr. G.A. Lemana i B.D. Pletneva, 1915. 296 p.
35. Popov V.V. Educational center as a new type of correctional institution for minors. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie=Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*, 2010, no. 10, pp. 27–35. (In Russ.).
36. Rozhkov M.I. *Vospitanie svobodnogo cheloveka. Pedagogicheskoe kredo* [Psychiatry: guide for doctors]. Yaroslavl: Yaroslavskaya regional'naya tipografiya, 2006. 30 p.
37. Sadovnikova M.N. *Resotsializatsiya nesovershennoletnikh osuzhdennykh (po materialam Vostochnoi Sibiri): avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Resocialization of juvenile convicts (based on materials from Eastern Siberia): Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Irkutsk, 2011. 21 p.
38. Serikov G.N. On systematization of the concepts of pedagogy. *Obrazovanie i nauka=Education and Science*, 2013, no. 4, pp. 19–31. (In Russ.).
39. Slomchinskii A.G. *Gumanizatsiya obrazovatel'nogo protsessa v penitentsiarnoi sisteme: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora pedagogicheskikh nauk* [Humanization of the educational process in the penitentiary system: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Ekaterinburg, 2009. 42 p.
40. Soroka-Rosinskii V.N. *Pedagogicheskie sochineniya* [Pedagogical works]. Moscow: Pedagogika, 1991. 239 p. ISBN 5-7155-0316-7.
41. Sturova M.P. *Vospitatel'naya sistema ispravitel'no-trudovykh uchrezhdenii (teoretiko-metodologicheskii i organizatsionnyi aspekty): avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora pedagogicheskikh nauk* [Educational system of correctional labor institutions (theoretical, methodological and organizational aspects): Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Moskva, 1991. 42 p.
42. Il'ichev L.F. et al. *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sov. entsiklopediya, 1983. 839 p.
43. Foinitskii I.Ya. *Ugolovnoe pravo. Uchenie o nakazanii: lektsii chitanye v 1-i polovine 1886 goda* [Criminal law. Doctrine of Punishment: lectures delivered in the 1st half of 1886]. Saint Petersburg: Tipolitografiya Kh. Sh. Gel'pern, 1886. 450 p.
44. Foinitskii I.Ya. *Uchenie o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniem* [The doctrine of punishment in connection with prison studies]. Saint Petersburg: Tipografiya Ministerstva putei soobshcheniya, 1898. 517 p.
45. Fomin N.S. *Teoriya i metodika sotsial'no-pedagogicheskoi podderzhki osuzhdennykh v protsesse ikh resotsializatsii: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora pedagogicheskikh nauk* [Theory and methodology of socio-pedagogical support of convicts in the process of their resocialization: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Moscow, 2005. 355 p.
46. Tsygankov B.D., Ovsyannikov S.A. *Psikhiatriya: Rukovodstvo dlya vrachei* [Psychiatry: guide for doctors]. Moscow: GEOTAR-Media, 2011. 495 p. –ISBN 978-5-9704-1905-2.
47. Chernysheva A.V. *Resotsializatsiya osuzhdennykh zhenshchin, otbyvayushchikh nakazanie v ispravitel'no-trudovykh koloniyakh: pravovye i organizatsionnye voprosy: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Resocialization of convicted women serving sentences in correctional labor colonies: legal and organizational issues: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 1990. 220 p.
48. Yakovlev E.V., Yakovleva N.O. *Pedagogicheskaya kontseptsiya: metodologicheskie aspekty postroeniya* [Pedagogical concept: methodological aspects of construction]. Moscow: VLADOS, 2006. 239 p. ISBN 5-691-01523-0.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ОКСАНА БРОНИСЛАВОВНА ПАНОВА – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, henia-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6096-2581>

OKSANA B. PANOVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Psychology Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, henia-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6096-2581>

Статья поступила 08.08.2022

ПАМЯТИ Д. В. СОЧИВКО

Жизненный путь и деятельность пенитенциарного психолога доктора психологических наук, профессора полковника внутренней службы Дмитрия Владиславовича Сочивко*

ОЛЬГА ИВАНОВНА СОЧИВКО

кандидат психологических наук, преподаватель кафедры пенитенциарной психологии и пенитенциарной педагогики Кузбасского института ФСИН России, Новокузнецк, Россия, sochivko_o@mail.ru

ДМИТРИЙ МАТВЕЕВИЧ ПЛОТКИН

кандидат юридических наук, почетный работник прокуратуры Российской Федерации, следователь по особо важным делам в отставке, член Союза писателей России, Рязань, Россия, plotkindm@yandex.ru

Человек остается жить в сердцах своих близких, учеников, в написанных книгах и совершенных поступках... Память о научных открытиях, исследованиях и научных трудах Дмитрия Владиславовича Сочивко, профессора кафедры общей психологии Академии ФСИН России, доктора психологических наук, профессора, будет жить, пока жива наука психология. Роль этого ученого и его научный вклад поистине безмерны, его интеллектуальные и личностные качества памятливы всем, кто с ним общался.

Д. В. Сочивко родился 15 августа 1959 г. в г. Ленинграде. Окончил психологический факультет Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова. В 1984 г. он под руководством В. А. Якунина защитил в этом же университете диссертацию на соискание ученой степени кандидата психологических наук по теме «Исследование индивидуальных стилей познавательной деятельности» (по специальности 19.00.07 – Педагогическая, возрастная и детская психология). Это стало первым шагом в его деятельности как преподавателя. Родному университету он отдал 14 лет своей научной жизни.

В 2003 г. в Академии управления МВД России Дмитрий Владиславович защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора психологических наук по теме «Психодинамика личности в экстремальных условиях жизнедеятельности» (по специальности 19.00.06 – Юридическая психология). Основой диссертации стал обобщенный опыт, полученный в годы, когда он служил в уголовно-исполнительной системе, замещая должность старшего психолога в колонии строгого режима в Псковской области.

Дмитрий Владиславович Сочивко проявил талант ученого-практика, исследовавшего научные темы не в кабинетных условиях, а в самых что ни на есть жизненных, проверяя свои теории на практике. Итогом его насыщенной научной деятельности стали многочисленные монографии, учебные пособия, статьи, а также большое количество учеников, под

---

* Д. В. Сочивко являлся членом редколлегии журнала «Пенитенциарная наука» (до августа 2019 года – «Вестник института: преступление, наказание, исправление») с января 2018 года по октябрь 2021 года.

его руководством написавших и успешно защитивших 11 кандидатских и докторских диссертаций.

Имя Д. В. Сочивко известно всем, кто когда-либо проявлял интерес к психологической науке. Его теории и разработки находят широкое применение в новых исследованиях. На его авторитет ссылаются ученые и практики. Он общался и творчески взаимодействовал с самыми известными в области психологии и педагогики учеными, среди которых были Л. М. Веккер, В. А. Ганзен, М. Г. Дебольский, В. Н. Лоскутов, А. В. Пищелко, Г. В. Суходольский, В. А. Якунин и др.

Дмитрию Владиславовичу принадлежит честь создания нового направления в психологической науке и основания научной психологической школы теории современной психодинамики личности. Его интересы простирались на такие научные направления, как социальная, юридическая, пенитенциарная и клиническая психология, православная психотерапия и др.

В Академии ФСИН России Д. В. Сочивко работал более 20 лет. За свою научную и преподавательскую деятельность был награжден медалями ФСИН России «За отличие в службе» 1, 2, 3 степеней.

Благодаря инициативе Дмитрия Владиславовича в Академии ФСИН России была создана общественная научно-исследовательская лаборатория «Криминальная деструктивность личности» и открыт научный журнал «Прикладная юридическая психология», который входит в перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки России, организована работа ежегодного методологического семинара «Актуальные проблемы современной пенитенциарной и юридической психологии» на базе Института психологии Российской академии наук.

Дмитрий Владиславович Сочивко был организатором научно-практического семинара в Институте психологии Российской академии наук «Куда уходит детство: проблемы суицидального поведения в молодежной среде», на котором выступал с докладом кандидат юридических наук Дмитрий Матвеевич Плоткин по актуальной в последние годы теме, касающейся самоубийств детей под воздействием Интернета. Эта проблема не осталась без внимания руководства страны – Президент Российской Федерации В. В. Путин поручил правительству заняться ее решением.

В 2021 г. Д. В. Сочивко стал лауреатом Всероссийского конкурса на лучшую научную книгу с монографией «Экзистенциальная психодинамика».

Стоит отметить отношение Дмитрия Владиславовича к религии – глубокая вера сопровождала его всегда и бережно сохранялась им на любом этапе жизни, независимо от внешних обстоятельств.

Дмитрий Владиславович Сочивко оставил светлую память о себе. Его творческая жизнь, посвященная высоким идеалам науки, служение общественным интересам с полной самоотдачей, внимание и эмпатия к людям – такой жизненный путь достоин уважения. Начатое Д. В. Сочивко дело живет в деятельности его учеников и последователей. Продолжается развитие теории современной психодинамики личности – его главного научного открытия, в котором воплотились его обширные знания, творческая энергия и духовная мощь.

РАЗМЕЩЕНИЕ И ИНДЕКСИРОВАНИЕ В БАЗАХ ДАННЫХ

eLIBRARY.RU: да (договор 407-10/2019)

Префикс doi: да (10.46741/2686-9764)

РИНЦ: да

Ядро РИНЦ: нет

Перечень ВАК: да

CrossRef: да

East View Information Services: да

Система ГАРАНТ: да

RSCI: нет

Web of Science: нет

Scopus: нет

EBSCO: да

WorldCat: да

CyberLeninka: да

DOAJ: да

<https://jurnauka-vipe.ru>

PENITENTIARY SCIENCE

ISSN (print) 2686-9764

ISSN (online) 2782-1986

2022, volume 16, no. 3 (59)

science and practice journal

of Vologda Institute of Law and Economics

of the Federal Penitentiary Service of Russia

The science and practice journal *Penitentiary Science* was founded in 2007.

Prior to August 2019 the journal was published under the title *Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*

Founder: VIPE FSIN Russia

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.

Certificate of registration No. FS77-76598 dated August 15, 2019

The journal is indexed in the following abstract and full-text databases: DOAJ, EBSCOhost, WorldCat, East View Information Services, Russian Science Citation Index (RSCI), scientific electronic library "CyberLeninka"

All rights reserved. Journal materials can be reprinted only with the permission of the publisher.

Manuscripts are reviewed and not returned to the authors. The editor reserves the right to abridge and edit the manuscripts submitted

EDITOR-IN-CHIEF:

Evgenii L. Khar'kovskii – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of VIPE FSIN Russia.

EXECUTIVE SECRETARY:

Julia I. Karavaeva – Candidate of Sciences (Sociology), Academic Secretary of the Academic Council of VIPE FSIN Russia.

EDITORIAL BOARD:

Yurii M. Antonyan – Professor at the Department of Criminal Law and Procedure at the Russian State University for the Humanities, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Larisa I. Belyaeva – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, professor of the Department of Criminal Policy at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Elvira V. Zautorova – Doctor of Sciences (Pedagogics), Professor, professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy at VIPE FSIN Russia;

Lev L. Kruglikov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Full Member of the International Higher Education Academy of Sciences (IHEAS) and the Russian Academy of Natural Sciences, professor of the Department of Criminal Law and Criminology at Demidov Yaroslavl State University;

Igor' M. Matskevich – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, head of the Department of Criminology and Penal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL);

Gorazd Meško – Doctor, Professor of Criminology, professor of the Department of Criminal Justice and Security at the University of Maribor (Slovenia);

Vladislav Yu. Panchenko – Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the Institute of International Law and Economics named after A.S. Griboedov;

Vyacheslav M. Pozdnyakov – Doctor of Sciences (Psychology), Professor, professor of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology at Moscow State Psychological and Pedagogical University;

Vyacheslav I. Seliverstov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor of the Department of Criminal Law and Criminology at Lomonosov Moscow State University;

Valeri Stoyanov – Doctor of Psychology, Professor, deputy rector for Academic Affairs of Varna Free University "Chernorizets Hrabar" (Bulgaria);

Dulat S. Chukmaitov – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor of the Department of Criminal Law Disciplines at Zhetysu State University after Ilyas Zhansugurov (Republic of Kazakhstan);

Vyacheslav B. Shabanov – Doctor of Sciences (Law), Professor, head of the Department of Criminology at the Belarusian State University.

EDITORIAL COUNCIL:

Lyudmila A. Bukalerova – Doctor of Sciences (Law), Professor, head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology at the Peoples' Friendship University of Russia, professor of the Department of Criminal Law and Criminology at VIPE FSIN Russia;

Boris Ya. Gavrillov – Doctor of Sciences (Law), Honored Lawyer of the Russian Federation, Full Member of the Peter Academy of Sciences and Arts, head of the Department of Control of Crime Investigation Agencies at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Investigation at VIPE FSIN Russia;

The opinions and judgments expressed in the articles may differ from those of the editor. Responsibility for the selection and presentation of materials rests with the authors

Address of the editorial office: 2, Shchetinin street, Vologda, 160002, Russian Federation
Address of the publisher: 2, Shchetinin street, Vologda, 160002, Russian Federation

Address of the printing office: 39, Dzerzhinskaya street, p. 8, Leninskoye, 153025, Russian Federation

Phones:
(8172) 51-82-50, 51-46-12
51-98-70

E-mail:
vestnik-vipefsin@mail.ru

Website:
<https://jurnauka-vipe.ru/?Lang=en>

Subscription index is 41253 in the United Catalog "Press of Russia"

The price is open
© VIPE FSIN Russia

Date of publication:
September 30, 2022

Circulation: 1000 copies

Pavel V. Golodov – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines at VIPE FSIN Russia;
Ivan V. Dvoryanskov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher at the Research Institute of FSIN Russia, professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts at Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia;
Valentina I. Zubkova – Professor at the Department of Criminal Law and Criminology at Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honorary Professor of Lomonosov Moscow State University;
Evgenii P. Ishchenko – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, head of the Department of Criminology at Kutafin Moscow State Law University (Moscow State Academy of Law);
Lyubov' V. Kovtunenkov – Professor of the Department of Pedagogy and Pedagogical Psychology of the Faculty of Philosophy and Psychology of Voronezh State University, Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor;
Nodar Sh. Kozhev – Deputy Head of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Stavropol Branch), Doctor of Sciences (Law), Associate Professor;
Ivan Ya. Kozachenko – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, head of the Department of Criminal Law at the Ural State Law University;
Aleksandr L. Kuzminykh – Doctor of Sciences (History), Associate Professor, professor of the Department of Philosophy and History at VIPE FSIN Russia;
Konstantin B. Malyshev – Doctor of Sciences (Psychology), professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy at VIPE FSIN Russia;
Roman V. Nagornykh – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor of the Department of Administrative Law at VIPE FSIN Russia;
Oksana B. Panova – Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy at VIPE FSIN Russia;
Natal'ya V. Panteleeva – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, head of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure at Kuleshov Mogilev State University (Republic of Belarus);
Vladimir A. Ponikarov – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor of the Department of Administrative and Financial Law at the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia;
Roman A. Romashov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor of the Department of State and Legal Disciplines at VIPE FSIN Russia;
Dmitrii V. Sochivko – Doctor of Sciences (Psychology), Professor, professor of the Department of General Psychology at the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia;
Sergei A. Starostin – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor of the Department of Administrative Law and Procedure at Kutafin Moscow State Law University (Moscow State Academy of Law), professor of the Department of Administrative Law at VIPE FSIN Russia;
Victoria V. Hatuaeva – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, head of the Department of Criminal Procedure of the Central Branch of the Russian State University of Justice;
Vyacheslav L. Tsvetkov – Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Head of the Department of Legal Psychology, Educational and Scientific Complex of the Psychology of Official Activity, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
Aleksandr S. Shatalov – Professor at the Department of Criminal Process at Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Law), Professor;
Andrei V. Shmonin – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Northwestern Institute (Branch) of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

The journal is on the list of peer-reviewed academic editions that are authorized to publish principal research findings of doctor of sciences and candidate of sciences dissertations in the following specialties: 12.00.01; 12.00.08; 12.00.09; 12.00.11; 12.00.12; 12.00.14; 5.3.9; 5.8.1

CONTENT

JURISPRUDENCE	234
ROMASHOV R. A. Penitentiary Law: Phenomenology and Consistency	234
GOLUBTSOVA A. I. Factors Affecting Safe Conditions for Serving Sentences in Economic Maintenance Units of Pre-Trial Detention Facilities	245
BARKHATOVA E. N. Criminal Legal Impact: Features, Forms, and Issues of Implementation	254
BABAYANTS E. A. Changing the Category of Crime by the Court as a Means to Individualize Imposition of Criminal Punishment	263
GIR'KO S. I., KHARCHENKO S. V., DOLGOPOLOV A. A., KAMBAROV A. M. Russian Accelerated Inquiry: Modern Metamorphoses of the Procedural Form	274
KUZNETSOVA N. V., MAKAROVA T. V. Organizational and Legal Aspects of Ensuring Cooperation between Penal Institutions and Religious Organizations	285
IVAN'KOV I. A. On the Concept of Prompt Investigation in Institutions Executing Custodial Sentences	293
DYAD'KIN O. N., KALYASHIN A. V. Planning Documents to Develop the Russian Penal System in the Period of 2010–2030: Name, Type and Procedure for Entry into Legal Force	302
PSYCHOLOGY	310
ALIGAEVA N. N. Emotional States of Convicts: a Model of a Psychological Correction Program	310
ZAUTOROVA E. V., SOBOLEV N. G. Features of Meaningfulness of Life of Convicts Serving Long-Term Sentences	320
PEDAGOGY	327
PANOVA O. B. Key Forms of Scientific Penitentiary and Pedagogical Knowledge	327
IN MEMORY OF D. V. SOCHIVKO	343
SOCHIVKO O. I., PLOTKIN D. M. Life Path and Activity of a Penitentiary Psychologist, Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Colonel of the Internal Service Dmitrii V. Sochivko	343

Original article

UDC 343

doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.001

Penitentiary Law: Phenomenology and Consistency

ROMAN A. ROMASHOV

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, romashov_tgp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9777-8625>

Abstract

Introduction: law as a systemic phenomenon is represented by 2 theoretical models: a dynamic process and a static construction. Law in dynamics is inter-related stages that together make up the phenomenon of legal life. A constructive (legal and technical) approach to understanding law presupposes its perception as a set of interrelated and interacting means created and used to streamline and protect public relations that have developed at a certain historical stage in a separate socio-cultural environment. Interchangeability of the words “law” and “legislative act” in the Russian legal language causes confusion of the concepts “system of law” and “legislative system”, which results in terminological identification of the categories “branch of law” and “branch of legislation”. The problem of understanding penitentiary law and determining its place in the legal system and the legislative system should be solved taking into account the cyclical nature of Russian political and legal genesis. In modern Russia, introduction of the word “penitentiary” into terminology is connected, on the one hand, with the desire to Europeanize traditional legal institutions by simply renaming them (penal law – penitentiary law). On the other hand, the use of the term “penitentiary” in relation to the system of execution of criminal penalties, as well as to the totality of legal acts regulating public relations in this area, is intended to show transformation of punishment from the institution of state repression into a means of correction and prevention. *Purpose:* to carry out a systematic analysis of law as a dynamic process and a formalized structure, with an emphasis on understanding penitentiary law and determining its place in legal and legislative systems. The *methodological basis* is formed by general scientific (systemic, structural, functional), private (comparative legal analysis, intersectoral synthesis, legal systematics) and special (theoretical and legal modeling, cyclic political and legal genesis) legal reality cognition methods. *Conclusions:* consideration of penitentiary law should be carried out in the context of correlation of the categories: system of law, legal system,

system of legislation. Taking the method of cyclic political and legal genesis as a basis, it is proposed to consider penitentiary law with regard to the specifics of organization and functioning of the penal systems of the Russian Empire, Soviet Russia (RSFSR/USSR) and the Russian Federation. In modern Russia, penitentiary law is an intersectoral normative community that unites legal acts regulating public relations in the field of penitentiary life. It makes no sense to talk about penitentiary law as a newly formed branch of the system of law, due to the perception of the latter as an objective category (logical speculative construction). At the same time, penitentiary law, penitentiary system, penitentiary science are well-established terminological constructions filled with various semantic connotations both in scientific research and legal acts.

Key words: system of law; legal system; legislative system; penitentiary; penitentiary law; penitentiary science; penal system.

12.00.01 – Theory and history of the law and state; history of the law and state studies.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Romashov R.A. Penitentiary law: phenomenology and consistency. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 3 (59), pp. 234–244. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.001

Introduction

Problems of understanding and system analysis of law are among the eternal ones and attract attention of legal scholars working both in the field of the general theory of law and branch and applied jurisprudence. At the same time, often, “branch specialists” and “applied scientists”, considering theoretical issues, neglect the general theory, using their own visions as basic foundations to build further reasoning, including critical ones.

Identification of new branches in law, including of *intersectoral* (emphasis added) character, represents a technical and legal innovation of post-Soviet law, with its permanent changeability, characteristic of both the current sectoral legislation and the theory of the system of law. Therefore, some authors’ proposal to identify penitentiary law as a branch of the modern Russian law do not contain a fundamental novelty and do not qualitatively differ from similar aspirations to substantiate the independent sectoral status of mining, medical, educational, or railway law.

Without trying to challenge the points of view expressed, considering them permissible, due to the subjective nature of the pro-

cess of scientific cognition itself, the author within the framework of the proposed article will try to show features of considering penitentiary law in the context of the general theory of systemic understanding of law and compare categories, such as a system of law, a legal system, and a system of legislation.

Reasoning will be based on the method of cyclical political and legal genesis, in accordance with which penitentiary law, in terms of general theory, is an objectified category that arises simultaneously with the organizational and functional design of a specialized state system to execute criminal penalties and changes with it.

Consistency as a universal feature of law

Law as a socio-cultural phenomenon is at the same time a dynamic process (law-making and law-realization) and a construction (a set of structural and functional elements).

Consistency of law as a process represents an alternation of legal life stages. Any legal form once arises, acquires and loses its legal force, has an ambiguous regulatory and protective effect on public relations.

The constructive (legal and technical) approach to understanding law presupposes its perception as a set of interrelated and inter-

acting means created and used to streamline and protect public relations that have developed at a certain historical stage in a separate socio-cultural environment.

The system characteristic of law dynamics assumes two main approaches: linear (traditional) and cyclic (discrete).

Linearity means that law preserves legal force in terms of values, principles, technologies of law-making and law-realization activity, which are fixed by the legal tradition. At the same time, it is possible to talk about a legal tradition that has taken place only when the above-mentioned values, principles and technologies remain relatively unchanged in three or more successive human generations, whose representatives act as subjects of law-making and law-realization relations.

Cyclicity (discreteness) of law means that individual stages of legal life are essentially different lives, each of which is associated with a qualitatively different paradigm of legal understanding from the previous one, and its (law) structural and content characteristics. At the same time, just as in human life, where the generation of fathers can leave a generation of children both positive (real estate items, financial assets, good name, etc.) and negative (debts, memory of crimes and betrayals committed by their ancestors, etc.) legacy, or nothing in principle, provided that the same generation of children (descendants) either did not appear at all, or refused in its dynamics from the experience accumulated by the fathers. Phases (stages) of conditional birth, growing-up, adulthood, aging, and death are necessarily represented in each completed cycle of legal life, as well as in any other life form. In cyclic (discrete) law, each subsequent legal cycle is based on the denial of historical experience of the previous one. Regardless of whether such denial is recognized at the state level or, on the contrary, the state in the person of its founding fathers proclaims the eternity of its own foundations, drawing a historical line from the modern state into the mists of time of a single and, very importantly, inseparable state history, each subsequent legal cycle acts as a gravedigger of the preceding one and puts its birth in direct dependence on the completion of an earlier stage of development, similar to

biological death. With regard to the systemic dynamics of Russian law, the above means that the fact of the emergence of the Soviet socialist state and law was due to collapse of the state-legal system of imperial Russia. In turn, the modern post-Soviet Russian state-legal system was formed due to destruction of the Soviet analogue. Within the framework of each of these cycles, two of which (imperial and Soviet) are complete (closed), and the existing (post-Soviet) – current, there were and are qualitatively different ideas about both the legal phenomenon itself (law-understanding) and its constructive system.

The systematic nature of the law, understood as an established, formed structure, in relation to cyclic law genesis, suggests that there is no single idea of the law unchanged for various discrete cycles, and there cannot be.

In the Russian Empire, law, on the one hand, is the will of the reigning monarch (the Emperor of All Russia, owner of the Russian land), on the other – the tradition of the “Russian world”, represented at its core by a rural community bound by mutual responsibility, or – the eternal belief in some kind of justice, with simultaneous disbelief to the official and the state law, since one law is for the rich, and another for the poor.

In Soviet Russia, law is the will of the ruling class – the working people (working class, collective farm peasantry and working intelligentsia, united in the “indestructible bloc of communists and non-party”), elevated into law. Soviet socialist law is opposed to bourgeois (Western) law and based on qualitatively different value priorities and principles of construction and functioning from the latter.

In modern Russia, law is a complex of formal legal acts and processes emanating from the state, expressing the will of *the entire* (emphasis added) people of Russia, based on values and principles of natural law and based in their construction on the basic value – a person, his/her rights and freedoms (Article 2 of the 1993 Constitution of the Russian Federation).

The difference in approaches to understanding of law entails a difference in ideas about the system of law, perceived simultaneously as a theoretical abstraction – a specu-

relative logical construction and a phenomenon of socio-cultural reality that has developed in a certain nation, at a certain historical stage – living law.

Summarizing the above, it should be concluded that any reasoning about the consistency of law should be carried out, first, based on the differentiation of the dynamics and statics of legal matter, and, second, taking into account the specifics of legal phenomenology and functionality within certain cycles of political and legal genesis.

System of law and system of legislation

Relationship between the concepts “law” and “legislative act”, as well as their derivatives – system of law and legislative system, is among the most discussed in both general theoretical and branch legal sciences. Moreover, researchers are often misled by the unity in the names of concepts that differ significantly from each other both in the form of external expression and content. In the Russian language, the words “law” and “right” can both be identified and contrasted, which is not possible, for example, in the Anglo-American legal and linguistic tradition, where these words denote qualitatively different categories.

The system of law is a purely theoretical construction that does not directly depend on a certain socio-spatial-temporal continuum. Within the framework of the latter, a system of national legislation and a national legal system are being formed and functioning.

The system of law characterizes law as a separate structure that arises, in a formal legal sense, simultaneously with the state (by the way, from the same moment we should talk about the appearance of phenomena of crime and criminality) and transforms with it. In the general theoretical understanding of the legal system, it is advisable to distinguish only three branches: public positive (mandatory), public negative (prohibitive) and private (permissive) law. The proposed approach is conditioned by three basic means of legal influence: prohibition, obligation and permission. These means, of course, in various proportions form legal systems in all the states that have ever existed and exist.

In the 1930s, 1950s and 1980s Soviet legal science, discussions on the criteria of branch

division in law pursued the goal not to consider the problems indicated in their name, but more global issues related to understanding and structuring of Soviet socialist law, opposed to the bourgeois “pseudo-law”, developed in the countries of the capitalist West, at that time opposed to the collective socialist East. Moreover, as most researchers note, within the framework of the first discussion, its participants were engaged not so much in branch division, as in solving the question of a new characteristic of law in terms of its substantive organization [6]. Soviet scientists faced the task to substantiate the transition from revolutionary law and revolutionary legality of the initial stage of constructing the proletariat dictatorship state to socialist law and socialist legality of the workers’ democracy state. Unlike the Russian Empire’s theory of law, based on basic principles of traditional European (bourgeois) law, the Soviet legal theory categorically rejected division of law into public and private, believing that there should be nothing “private” in the state of a new historical type, including law. Thus, the pragmatic meaning of the discussion of the 1930s was reduced to sectoral structuring of Soviet socialist law and defining the subject and method of sectoral regulation.

The discussion of the 1950s was aimed at a more thorough study and adaptation of a systematic approach to humanitarian studies in general and legal science in particular. It generated a legal category “system of law” in its modern sense [6]. At the same time, the most acute controversy was caused by issues related to the discussion of the subject of legal regulation in the field of civil law, deprived in the conditions of the Soviet period of the opportunity to operate with such significant categories as private property, private entrepreneurial activity, commercial activity, etc.

Speaking about the third discussion that unfolded in the 1980s, it seems appropriate to quote words of one of V. Tsoi’s songs: “Changes, we are waiting for changes ...”. The deep crisis that was clearly identified in this historical period led to the desire to find a legal solution related to optimization of the state legal system, which at that time was clearly unable to overcome the emerging challenges and threats that ultimately led to the collapse

of the USSR and destruction of the world system of socialist law. At the same time, the participants of the discussion, in their arguments, tried to adapt the rapidly aging dogmatic Soviet socialist law to innovations of the continuously changing socio-legal reality.

The conducted comparative analysis shows that, in essence, the debates of that time were devoted not to theoretical concepts and principles characterizing the legal system as a whole and its individual constituent elements (institutions, sub-sectors, arrays) in particular, since they were widely known, used both in scientific circulation and practice and did not cause much controversy, but to determination of the numerical composition of separate branches of law and justification of the need to include the new ones in the existing system. However, this approach involved confusion of “theoretical” branches of law with “practical” branches of legislation. Accordingly, it actualized the issue of identifying correlation between concepts of the system of law and the system of legislation within the framework of the national legal system of Russia. In the modern Russian theory of law, these concepts are correlated as content and form; abstract and concrete; theoretical and practical. The system of law is a theoretical model of the normative structuring of law, regardless of its national-historical specifics. The approach to understanding law as a normative macrosystem is based on determination of the primary element – the rule of law, the logical structure of which (disposition – a standard of prohibited, mandatory, possible behavior; hypothesis – conditions ensuring implementation of a behavioral standard defined in the disposition; sanction – legally significant consequences of implementation of the corresponding behavioral standard), essentially coincides with the structuring of law as a logical abstraction. It is for this reason that it is advisable to distinguish only 3 branches in the theoretical system of law. As mentioned earlier, this is a public positive (binding), public negative (prohibitive) and private (permissive) law. As for separation of other branches, we do not mean law, but legislation; changes in the field of legislative regulation triggered formation of new branch directions. Scientific specialties were consolidated in accordance

with the Decree of the Ministry of Education and Science No. 118 of February 24, 2021. All branch areas of scientific research in jurisprudence were reduced to five groups: theoretical and historical legal sciences, public legal (state legal) sciences; private legal (civil legal) sciences; criminal legal sciences; international legal sciences. With the first and fifth groups being removed from the above list (the first – due to the general legal nature, and the fifth – due to qualitative difference between international and national law), we get the same three-part structure of the legal system mentioned earlier.

As for the legislative system, it is indeed constantly changing both in terms of an increasing number of branches, and in terms of content. Unlike the system of law, which represents an objective category existing, as already noted, regardless of the specifics of the state structure and national-historical cultural characteristics, the system of legislation, its structural and content composition, is formed by the state. The list of branches of Russian legislation was previously fixed by the Decree of the President of the Russian Federation No. 2171 of December 16, 1993 “On the general legal classifier of legislation branches”. Nowadays the Decree of the President of the Russian Federation No. 511 of March 15, 2000 “On the classifier of legal acts” determines crucial subjects of legislative regulation, on the basis of which the relevant branches of legislation are formed.

The observed confusion of the concepts of branch of law and branch of legislation, caused primarily by the terminological interchangeability of the terms in the Russian language, leads to the situation when speaking about the emergence of new branches of law, the authors mean branches of legislation of the same name, or rather legal acts united by certain subjects of legislative regulation. So, it is widely discussed whether advertising law, sport law, transport law, urban planning law, etc. should be considered as new branches of law. In addition, as independent branches of law, some authors propose to consider generalities of legal acts regulating certain types of legally significant activities, considered regardless of the sphere of public relations within the framework of which this activity is

carried out. We are talking about personnel law, disciplinary law, digital law, energy law, consumer law, etc. It seems rather simple to create a new branch of law. An adjective is attached to the noun “law” (mining, pipeline, compulsory, compensatory, etc.) and the job is done, a “new branch of law” is formed. Despite the obvious absurdity of the methodology of such “law formation”, it continues to inspire “searches and discoveries” of those who believe that the theoretical model of law can be transformed as permanently as the branch legislation permits [3].

To the issue of categorical status of penitentiary law

The publication of A.M. Bobrov and N.A. Mel'nikova “Is There Any Reason to Single Out Penitentiary Law in the System of Russian Law?” prompted us to write this article [4]. Having responded to the request to act as a reviewer on the named work and noting, not without pride, that the authors chose our scientific works as the most frequently cited, at the same time, we could not agree with a number of formulated provisions and conclusions that made us contemplate on the issue. At the same time, as well as the above-mentioned authors, we considered it necessary to initially present our understanding of the system of law and the system of legislation, with an emphasis on their relationship.

It is obvious that the system of law and the legislative system are different phenomena. To argue with this, as well as to prove the evidence of the stated position, does not make sense.

The system of law is a set of legal norms, the system of legislation is a set of legislative acts.

What is penitentiary law and what kind of the system formation is it part of?

The answers to these questions, according to A.N. Bobrov and N.A. Mel'nikova, should be sought in the history of “prison science”, hereinafter referred to as “penitentiary science”. With all due respect both to the authors themselves and to “Her Majesty Science” we cannot agree with this stance. The institution of punishment arises long before its scientific understanding. Criminal punishment in the form of prison isolation, which aims not only to punish the crime committed, but also

to correct the convicted person, emerged in Europe in the age of Enlightenment and was based on the idea of rational organization of society and all processes in it. To continue this idea, the perception of punishment was also rationalized. On the one hand, legislators tried to distribute punishments more evenly, since in previous eras not all criminals had been punished. Punishment had been imposed disproportionately to the public danger of the crime committed. The main task of the archaic punishment was to demonstrate state power and its ruthlessness in relation to real and potential criminals. Hence, punishment combined cruelty, entertainment (publicity) and transience.

Enlightenment thinkers took on the task to develop such systems of punishments that would no longer demonstrate the power and ruthlessness of the state, but the wrongness of the crime itself as a form of human behavior. Scholars wanted punishments to show the essence of the crime and the damage it caused to society. The punitive effect was combined with correctional and educational. Hence, the prison system was most suitable not so much for punishing criminals (since it did not meet the previously designated characteristics of the punitive punishment institution, providing neither entertainment nor transience of the punitive effect; cruelty was hidden from the broad masses behind the walls of prison casemates and significantly lost its preventive value), as for their re-education. One of the aspects of total rationalization and specialization of social life in the conditions of the Enlightenment is the emergence of the phenomenon of discipline, which involves analysis and formalization of each action performed by a person, subordination of these actions, both individually and in their totality, to a strict order. Decomposition of actions into details and arrangement them in strict sequences covering long periods of time and a significant number of people was a special industrial way of subordinating a person to the authorities, whether it is the power of a prison guard, school teacher, or army commander. Due to that structure of public organization and social management implementation, a disciplinary institution with a guarded external perimeter, strict daily rou-

tine, constant supervision and control over convicts became the main candidate for the role of a machine for re-educating criminals and embedding them in the global state machine, where in the same way institutional formations, such as schools, hospitals, plants and factories, and army units, operated.

In the Russian Empire, the centralized system of state administration in the field of criminal penalty execution was created in 1879, when the Main Prison Department was established as part of the Ministry of Internal Affairs [5]. The traditional approach for Russia, when the Russian word denoting a particular phenomenon is mechanically replaced by a foreign one, was also involved in this case. The prison system was called penitentiary, and penitentiary studies replaced prison studies as a direction of scientific research and educational process. In fairness, it should be noted that the very fact of borrowing Western European experience, including in the field of execution of criminal penalties, should not be considered as a negative. Russia had always demonstrated the highest rates of development in the conditions of openness to positive developments in various spheres of public life. The transition to a European-type penal system involved humanization of the institution and the shift of emphasis in its execution from punitive to correctional. The introduction of the word “penitentiary” (from Lat. *poenitentiarium* – house of repentance) and its derivatives into the penal terminology was connected with correction of criminals on the basis of understanding a negative nature of the crime and perceiving it as an unconditional evil, followed by repentance and redemption of guilt [1]. The same purpose was pursued by “correctional houses” created in the penal system of the Russian Empire [2]. Can we say that the introduction of the word “penitentiary”, etc. into the “Russian penal language” led to practical transformation of the prison punitive system into correctional (penitentiary), and prison science into penitentiary? Surely not. By itself, the fact of replacing one name with another does not always mean qualitative transformations of the meanings and contents of the reassigned phenomena. The article by A.N. Bobrov and N.A. Mel’nikova pays considerable attention to the

arguments about administrative law, a special part of which, according to the authors, includes almost all militarized branches of law: penitentiary, military, migration, and police. It turns out that researchers practically take a position that they fiercely criticize throughout their publication. There is no penitentiary law as a branch of law, but there are *militarized* (emphasis added) branches of law, including penitentiary law. It is obvious that these and many other areas of public legal influence are directly related to public administration. However, it does not mean that everything, to one degree or another related to public administration, is included in the subject area of administrative law. The latter, in its current state, includes legal foundations of state organization, legal foundations of administrative justice, legal foundations of administrative responsibility as relatively independent sub-branches. The system of legislative sources of administrative law is characterized by their partial codification, which, on the one hand, allows us to talk about the possibility of separating a new branch from administrative law (for example, administrative procedural law), and on the other, involves considering the administrative direction of legal regulation, to a greater extent not as an abstract branch of law, but as quite real branches of the national legislation. At the same time, reasoning about which name (police law, state law, administrative law) is more consistent with scientific, and which is pseudoscientific, in our opinion, does not make sense due to the subjectivity of the authors’ points of view, guided by the monistic principle: “all points of view are divided into two: mine and the wrong one”.

Let us return to penitentiary law. Indeed, in the Russian Empire, this term was not used to characterize the sectoral division of law and there is nothing strange about it. Russian scientists of the pre-revolutionary approach relied in their theoretical constructions on the continental European tradition and, to a greater extent, did not solve an abstract theoretical question: what is law and how it is arranged, but built practice-oriented constructions aimed at adapting the implemented legal institutions, principles, technologies to the realities of Russian society, initially oriented not to formally-legal regulations, but

moral attitudes. This predetermined relative inattention of Russian legal scholars of the 19th – early 20th centuries to the issues of structuring law.

Soviet jurisprudence was based on the polar concept of the world order, within which two world state-legal systems were opposed: Western (capitalist) and Eastern (socialist). Moreover, the named opposition was antagonistic (irreconcilable) in nature. What was proclaimed valuable in the capitalist West was not recognized by the socialist East and vice versa. Naturally, such an opposition could not but affect the sphere of law. However, if capitalist law, having been generally developed in Western Europe for more than 200 years (17th–20th centuries), acquired stable legal forms and legal and technical means of law-making and law-realization activity and was recognized by the majority of citizens, then socialist law arose as a phenomenon of a new reality on the revolutionary wave of “renunciation of the old world” and rejection of the experience of the “old life”, was forced to create its own legal theory just-in-time. No doubt, issues related to the sectoral division became topical. It is quite logical that the word “penitentiary”, alien to the Soviet atheistic mentality, disappeared from the Soviet penal language. In Soviet Russia, the penal system extended its influence to two categories of citizens: in relation to “enemies of the people/state” and “incorrigible” criminals (malicious repeat offenders), criminal punishment acted as a punishing sword. As for the persons belonging to working class who committed crimes due to a lack of cultural development, thoughtlessness and negligence, the state system of criminal penalties acted as a measure of preventive and corrective action. At the same time, the state supported a hypothesis about possible final eradication of crime as a phenomenon alien to the Soviet cultural tradition, oriented in its progressive development towards the construction of a classless, and therefore stateless communist society in which there will be neither crime, nor criminal, criminal procedure, penal law, nor the penal system related to these branches.

Destruction of the system of *Soviet socialist law* (emphasis added), caused by the collapse of the Soviet socialist state (USSR/RS-

FSR), was not accompanied by the rethinking of conceptual foundations of understanding of law. Despite criticism of orthodox normativism of the Soviet period and active introduction of conceptual pluralism and, first of all, iusnaturalism into the theory of understanding of law, legal positivism continued to prevail in the field of branch and applied jurisprudence based on the inextricable connection of law and the state and the unconditional dominance of normative legal acts in the system of formal sources of law, among which priority was given to national legislation acts and presidential decrees.

In the current situation, discussions about the structural composition of the system of law with further definition of certain branches, proposed by interested authors, acquires the character of discussion for the sake of discussion. If Soviet law, being a “historical innovation”, differentiated itself from imperial law, then the law of modern Russia, stating its difference from both monarchical and Soviet, nevertheless does not make a clear distinction between the corresponding legal paradigms. It is impossible to seriously consider the renaming of state law into constitutional law as conceptual changes, and the theory of state and law into the theory of law and the state. The return of the term “penitentiary” to the legal vocabulary should be considered from different perspectives. On the one hand, the supporters of its introduction, as previously noted, showed off their intelligence due to the mechanical change of the corresponding line of names: penal system – penitentiary system; penal law – penitentiary law; institutions of the penal system – penitentiary institutions, etc. If we take this approach as a basis, then the question of whether penitentiary law is an element of the legal system of modern Russia (although we believe it is more correct to talk either about the national legal system or about the system of national legislation) boils down to the question of whether we consider we terms “penal” and “penitentiary” interchangeable. There was approximately the same situation in the mid-1990s, when the issue of changing the name of science, branch of law and academic discipline from state law to constitutional law was being resolved. At the same time, many people

insisted on the importance of such a change in terms of democratizing the state structure of Russia. Interestingly, most departments in departmental universities retained the “Soviet name” of departments of public legal disciplines, the same name was given to one of the enlarged scientific specialties (public legal (state legal sciences)).

If we proceed from the essence of penitentiary as a sphere of social activity, in which punishment is perceived not so much as penal treatment demonstrating the authorities’ power and ruthlessness to the “little man” bearing in mind that there is no such thing as a get out of jail free card, but as a lesson taught to realize person’s own guilt for the crime committed, then the situation is completely different. Article 2 of the Constitution of the Russian Federation, fixing that a “person, his/her rights and freedoms are the main value”, fills the system of executing punishment with the meaning qualitatively different from both imperial and Soviet analogues, giving it a penitentiary (correctional, penitential) orientation. We may be accused of legal idealism. We will not argue; indeed, in modern Russia, many liberal values and principles introduced in the 1990s are perceived as not viable and chimerical. However, it does not predetermine that these values cannot be implemented in principle. Let us consider the Church as an example. This structure, working with believers does not set itself the task of cultivating one hundred percent righteous men. It does not set a task, but carries out activities for a person to stay on God’s path, including in institutions of the penitentiary system, thereby realizing their penitentiary function. The same can be said about employees of the penal system who work with citizens who have violated the law and whose rights and freedoms the state recognizes as core values.

Here we ask the question once again, whether it is reasonable to talk about penitentiary law as a branch of modern Russian law? If we talk about objective law, regardless of national-historical specifics, then the answer is negative. It is possible to speak with certain reservations about penitentiary law and the penitentiary system in relation to the national legal system of Russia. This understanding makes it possible to carry out a compara-

tive analysis of similar systems (regardless of their official name) created and functioning at various stages of Russian political genesis. In particular, the work conducted shows that the concept of organizing the Soviet penal system, without any significant changes, was adopted by the penal system of post-Soviet Russia, still being predominantly repressive and punitive, regardless of the use of the term “penitentiary”.

Speaking about the place of penitentiary law in the system of national legislation, it should be emphasized that it is unacceptable to reduce legal acts regulating the social environment, in one way or another related to the execution of criminal penalties, exclusively to penal law. People serving sentences participate in various legal relations regulated by various legal acts (constitutional, civil, administrative, family, labor, etc.), while legal regulation is carried out taking into account the subject composition and content of the relevant relations, which, despite the substantive difference, have a common object – the penitentiary environment. It is precisely this feature that allows us to speak of penitentiary law as an intersectoral normative community that unites both specialized legal acts and acts that are indirectly related to penitentiary communications.

In conclusion, we would like to express our gratitude to A.N. Bobrov and N.A. Mel’nikova for the article they prepared; it prompted us to once again comprehend the phenomenon of penitentiary law. The only thing we would like to ask dear authors is to preserve in their subsequent works a correct attitude to any expressed points of view, regardless of the subjective attitude to them. We believe that the classical branches of law do not need anyone’s protection, precisely because of their “classicism”. Penitentiary law does not exactly claim a classical role in jurisprudence; therefore, it has no sense to protect the system of law in general and the system of Russian law in particular from it.

Representing the regulatory and protective system combining legal acts that enshrine penitentiary norms defining fundamental principles and mechanisms of the organization and functioning of the penitentiary system, establishing measures of encouragement for

positive behavior and negative responsibility for the commission of offenses, penitentiary law acts as a comprehensive means of legal influence in the field of penitentiary legal relations.

As law fulfils regulatory and protective functions, it is necessary to differentiate regulatory and protective functions of penitentiary law. The regulatory impact of penitentiary law is aimed at maintaining the established law and order in the penitentiary sphere and its positive correction. The protective effect is aimed at preventing possible offenses and providing adequate response to the illegal acts committed. At the same time, in all cases, the implementation of the norms of penitentiary law is carried out in the form of penitentiary legal relations opposed to penitentiary offenses.

As for the question expressed by A.N. Bobrov and N.A. Mel'nikova, whether the relations arising in the penal system in connection with illegal acts are penitentiary or they are not included in the subject of penitentiary law, we consider it necessary to explain the following. Law and offense, being deterministic phenomena, simultaneously act as antagonistic constructions. The offense stems from the law, just as death is a consequence of life. According to the formal legal approach to understanding law, the act not recognized as such in the relevant legal act is not an offense. And if so, then paradoxically, the offense is a consequence of the law. There is no legal act defining types and compositions of offenses, as well as establishing measures of legal responsibility for them, there is no offense. Accordingly, all legally significant (provided by law) public relations should be divided into legitimate – legal relations and illegal – offenses. It follows from the above that penitentiary legal relations are always legitimate relations. Relations arising in connection with commission (or prevention) of penitentiary offenses are no exception. These legal relations are related to implementation of the protective function of penitentiary law and are therefore called protective. Unlike regulatory legal relations based on the presumed legitimacy of consciousness and behavior of subjects of relevant penitentiary communications, protective legal relations are based on the pre-

sumed illegality of subjective consciousness and behavior. Thus, the subject area of penitentiary law includes both lawful and illegal acts of participants in penitentiary communications. At the same time, only legal relations should be considered as positive forms of social behavior in the penitentiary sphere. In turn, offenses are illegal legal facts with the prevention and counteraction of which penitentiary legal relations of a protective orientation are connected.

So, does penitentiary law exist? There is an answer. Despite the absence of a legislative definition, the phenomenon of penitentiary is quite actively used both in the scientific and educational process and official rule-making, including in the current Concept for the development of the penal system of the Russia Federation up to 2030.

Does penitentiary law occupy a certain place in the Russian legal system? If we recognize the penitentiary system existence, then it is logical to recognize penitentiary law, and if so, then this phenomenon occupies a certain place in the system of national law of Russia. Is this place clearly defined and unambiguously perceived by all researchers? The answer is negative, because there is no consensus in science, characteristic of the bureaucracy based on the power vertical, where the boss' order is still perceived as a law for the subordinate. The supreme judge, indifferent time, will show, whether the term "penitentiary" will be established in relation to organizational regulators with the help of which regulatory and protective influence is carried out in the sphere of execution of punishments. We believe that over time, penitentiary law would acquire its conceptually completed categorical status, primarily in the scientific field. And the very fact that this article was published in the journal "Penitentiary Science" inspires and pleases us.

Conclusions

1. Consistency is a universal property of law both in abstract-theoretical and praxiological understanding.

2. The concepts of the system of law, legal system, legislative system used general theoretical and branch legal science, in some cases, are not clearly distinguished, which leads to confusion of the form and content of

the categories branch of law and branch of legislation.

3. Discussions regarding separation of new branches in the legal system are dictated in most cases by subjective interests of individual authors who solve selfish tasks, usually related to obtaining academic degrees.

4. Penitentiary law as an objectified concept – the theoretical and legal model is an intersectoral normative community that is formed simultaneously with the organizational and functional formation of a specialized state system to execute criminal penalties and is modified simultaneously with it.

5. In the modern Russian law, penitentiary law is considered either as the penal law “re-named to meet European standards”, which continues to be as repressive and punitive as the criminal executive law of the Soviet period, or as a “legal innovation”, on the one hand, designed to show a change of the punitive and repressive objectives of the Russian penal system into correctional and educational, and on the other hand, expanding the subject of the legal impact of this community, including, along with actual penal relations, communications regulated by norms of other branches of Russian law.

REFERENCES

1. Alekseev V.I. Formation of the Russian penitentiary policy and its sources (1879–1917). *Zhurnal rossiiskogo prava=Journal of Russian Law*, 2010, no. 7, pp. 92–97. (In Russ.).
2. Alekseev V.I. Correctional house in the penitentiary system as a result of prison transformations in Russia (1879–1917). *Ugolovno-ispolnitel'noe parvo=Penal Law*, 2015, no. 4 (22), pp. 69–73. (In Russ.).
3. Baranov A.M. Permanent changes in the criminal procedure law as a property of modern law. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta=Tomsk State University Journal*, 2017, no. 424, pp. 204–207. (In Russ.).
4. Bobrov A.M., Mel'nikova N.A. Is there any reason to single out penitentiary law in the system of Russian law? *Penitentsiarnaya nauka=Penitentiary Science*, 2022, vol.16, no. 2 (58), pp. 118–126. (In Russ.).
5. Pertli L.F. Prison policy of the Russian Empire (1879–1917). *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy=Vedomosti of the Penitentiary System*, 2018, no. 9, pp. 29–34. (In Russ.).
6. Ufimtseva E.V. Development of ideas about the criteria for distinguishing branches of law in Soviet and modern Russian legal science. *Yuridicheskie issledovaniya=Legal Studies*, 2015, no. 4, pp. 132–163. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ROMAN A. ROMASHOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor at the Department of State and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, romashov_tgp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9777-8625>

Received July 7, 2022

Original article

UDC 343.81

doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.002

Factors Affecting Safe Conditions for Serving Sentences in Economic Maintenance Units of Pre-Trial Detention Facilities

ANNA I. GOLUBTSOVA Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia, GolubcovVA@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2013-3102>

Abstract

Introduction: deprivation of liberty in the domestic criminal and penal law is the most severe form of punishment for persons who have committed crimes. Institutions of the Federal Penitentiary Service face the task to correct convicts. Formation of law-abiding behavior and respect for generally recognized norms and rules of human community in convicts, restoration and maintenance of social ties is impossible without implementation of state policy aimed at ensuring the rights and legitimate interests of citizens, including in places of forced detention. Pre-trial detention centers perform functions of a correctional institution in relation to a number of convicts. The special mode of functioning of pre-trial detention centers imposes certain difficulties on the process of serving and executing sentences. The article considers factors affecting the security of convicts serving sentences in pre-trial detention facilities of the penal system. *Purpose:* to study various theoretical approaches to classifying factors and their impact on the process of execution and serving of punishment, as well as identify key threats to convicts' vital interests. *Methods:* the methodological basis of this study is a set of methods of scientific cognition, among which the main place is occupied by questionnaires and statistical analysis. *Results:* based on the analysis carried out, the author makes a conclusion about crucial factors affecting safe conditions of serving sentences by convicts of the economic maintenance unit of pre-trial detention centers of the penal system. *Conclusions:* the author emphasizes the need for constant state control over the penal policy implementation in the field of ensuring safety of persons deprived of liberty, as well as continuation of scientific and law enforcement activities to protect the vital interests of those sentenced to imprisonment.

Keywords: safety factors; convicts' safety; serving of sentence; socio-psychological climate.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Golubtsova A. I. Factors affecting safe conditions for serving sentences in economic maintenance units of pre-trial detention facilities. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 3 (59), pp. 245–253. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.002

Introduction

In the context of the ongoing process to reforming the Russian penal system, the tasks

to ensure human rights in the execution of criminal punishment in the form of deprivation of liberty, personal safety and inviolability of

convicts and persons in custody are priority tasks of correctional institutions and pre-trial detention centers of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation. The Constitution of the Russian Federation, recognizing the rights and freedoms of a person, including those who have committed a criminal act, gives state bodies the duties of recognizing, observing and protecting them.

The data, published by human rights organizations in 2021, on cases of criminal violence against convicts serving sentences in institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia, including with participation of employees and personnel of the penal system, seriously undermined public opinion about the domestic penitentiary system, in terms of performing law enforcement functions related to correction of convicts. Revealed serious violations in the field of human rights led not only to personnel changes in the leadership of the Federal Penitentiary Service of Russia and its territorial bodies, but also initiation of criminal cases against convicts and employees of institutions, as well as attracted serious attention of the highest state authorities and President of Russia V.V. Putin to this institution. All this resulted in the President's instructions on strengthening measures of prosecutorial supervision over activities of places of detention, as well as the preparation and introduction of amendments to the penal legislation, in terms of establishing responsibility for torture or other actions, contrary to the will of man.

Despite the proposed and partially adopted measures, unfortunately, it is necessary to recognize the fact that at the highest level practically nothing was said about the causes and conditions of the current negative practice of using illegal methods to correct convicts, as well as factors affecting the process of execution and serving of punishment. This situation indicates insufficient study, including scientific analysis of the problems associated with ensuring convicts' safety, and adoption of effective measures aimed at creating a truly safe environment.

E.V. Martynova, D.V. Uglitskikh, A.V. Zvyagina, A.V. Smirnov, B.B. Kazak, A.V. Shcherbakov, L.V. Lozhkina, A.V. Chugunov, A.M. Sysoev, N.V. Kuz'mina, T.A. Skub, A.N. Zhuravlev, E.K. Panasenko, V.B. Shabanov, A.L. Santashov, A.L. Luk'yanovich, M.A. Gromov,

R.Z. Useev, S.V. Kulakova and others studied factors affecting convicts' safety during execution and serving of punishment. However, this serious theoretical scientific experience still does not find its proper enforcement in practice.

Theoretical foundations

The research in scientific literature on the topic under consideration shows the presence of different approaches and criteria for classifying factors affecting convicts' safety in the process of serving a sentence. Most scientists associate convicts' safety with the following factors:

- an economic state not only of the penitentiary system, but also of the state as a whole;
- a territorial and geographical location of institutions executing punishment;
- natural-climatic and ecological conditions of the environment of the dislocation of institutions;
- a socio-political state of society;
- a level of crime, a state of the criminogenic environment and other factors affecting the process of execution and serving of punishment.

At the same time, some scientists identify other factors that affect protection of convicts' vital interests, for example, a state of production and economic activity of the correctional facility and a state of the operational-regime situation in the institution.

This opinion is shared by E.V. Martynova, D.V. Uglitskikh, A.V. Zvyagina, A.N. Zhuravlev, E.K. Panasenko.

So, E.V. Martynova, in addition to the main factors, identifies conditions affecting convicts' security level, according to the strength of their manifestation and the extent of possible harm:

- the presence of prohibited items in a correctional facility, including alcoholic beverages and narcotic drugs;
- the organization and provision of medical care;
- material and household support of convicts;
- convicts' illegal behavior aimed at infringing on the rights and freedoms of the individual, associated with encroachment on vital interests [10].

In his study, D.V. Uglitskikh pointed out that the following factors influence safe conditions of serving a sentence by convicts:

- staffing of a correctional facility;
- effective interaction of all structural divisions of the institution to ensure supervision;
- a state of the operational situation and decision-making when it changes;
- a state of law and order in a correctional facility, as well as logistical support for supervision organization [15].

According to A.V. Zvyagina, labor adaptation is one of the important conditions to ensure convicts' safety. The author identifies production and non-production factors. Production factors relate to able-bodied convicts' involvement in labor activity, a lack of demand for most occupations mastered by convicts in the process of serving their sentences, and obsolescence of the material and technical base of the production sector. Non-production factors include economic, organizational, psychophysiological, socio-psychological, cultural and household [4].

A.N. Zhuravlev, considering issues of ensuring security in places of deprivation of liberty through indicators of the state of the operational situation in a correctional facility, suggests the following classification of negative factors:

- shortcomings in the organization of execution of punishment related to the organization of penal institution activities;
- a state of crime both inside and outside the correctional facility;
- a political situation in the country and actions of popular disobedience associated with it;
- convicts' negative reaction to changes in the external and internal environment;
- emergencies arising in a correctional facility (fires, accidents, explosions, destruction);
- the instability of the correctional facility functioning;
- employees' non-fulfillment of official duties, security measures and rules of service, as well as their unprofessional actions, etc. [3].

E.K. Panasenکو presents the following classification of factors, dividing them into groups related to:

- organizational and managerial activities of the correctional facility administration;
- labor use of convicts;
- a state of supervision over convicts' behavior;
- a sphere of execution and serving of imprisonment [11].

A.M. Smirnov, considering issues to ensure security of penal institutions, proposes to single out a separate type of convict security – victimological security, characterized as a state of protection from illegal (negative) actions and encroachments. The probability of becoming a victim of an unlawful assault or crime, according to the author, depends on the following factors:

- personal characteristics of the convicted person;
- a nature of the crime committed;
- a psychological environment of convicts;
- a state of law and order in the process of execution of punishment;
- convict's social status [13].

B.B. Kazak, A.V. Shcherbakov, L.V. Lozhkina, A.V. Chugunov, A.M. Sysoev, N.V. Kuz'mina, T.A. Skub associate the state of security of convicts with the stated factors.

B.B. Kazak and A.V. Shcherbakov in their research came to the conclusion that security of a correctional facility also depends on the specifics of penitentiary crime, which includes:

- penitentiary relations;
- a subject composition of criminals;
- specifics of the psycho-emotional side of criminal manifestations;
- increased latency.

According to the scale of prevalence of threats and dangers, scientists divide factors into global, regional and local [5].

L.V. Lozhkina and A.V. Chugunov, among other factors, associate convicts' safety in a correctional facility with:

- a state of crime in the country;
- a change in the qualitative characteristics of convicts for the worse, high level of crimes against the person committed in a correctional facility;
- insufficient preventive work to prevent crimes;
- a difficult financial situation of the penitentiary system itself, etc. [9].

Studying issues of countering extremism in places of detention, A.M. Sysoev connected a level of personal security with the following characteristics of a correctional facility:

- social isolation;
- a priority of antisocial relations among convicts;
- aggressive behavior of a large number of convicts;

- a high percentage of people suffering from mental disorders;
- “overcrowding” of penitentiary institutions;
- convicts’ life monotony;
- a strictly regulated process of criminal punishment execution [14].

N.V. Kuzmina and T.A. Skub rightly point out that the factors that have a direct impact on the process of serving a sentence can be both various changes concerning society and the state of crime in the country. They are as such:

- organizational, legal and criminogenic processes occurring in a correctional facility;
- a social environment;
- a criminal ideology;
- shortcomings in the activities of a correctional facility;
- gaps in the legislation;
- drawbacks of a criminal, psychological, organizational and managerial nature [7].

A.V. Shcherbakov connects the state of convicts’ security with negative processes and social phenomena. The author rightly refers to processes and phenomena, such as rejuvenation of crime and deterioration of criminological characteristics of convicts, as well as the problem associated with organization of socially useful employment of convicts serving sentences in a correctional facility and adoption of measures for their re-socialization [18].

In their research, V.B. Shabanov, A.L. Santashov, and A.L. Lukyanovich, having considered the state of internal processes of the social environment in the process of execution and serving of a criminal sentence in the form of imprisonment, the specifics of the social sphere of the correctional facility, as well as shortcomings in various areas of the penitentiary system, concluded that convicts’ safety also depends on:

- a level of social crime control;
- scientific research, legislative initiative and law enforcement activities in the field of human rights protection;
- the specifics of places of deprivation of liberty;
- the presence of criminal norms and traditions of psychological contact;
- a state of public control over activities of the penal system;

- the effectiveness of activities of control and supervisory bodies [17].

The most important task in this sphere, according to S.V. Kulakova, is to prevent any incidents with convicts’ participation and associated psychological readiness of employees for these actions. As the author notes, all the factors affecting employees’ psychological readiness to ensure safety of penitentiary institutions can be divided into organizational, logistical, psychological and criminogenic-situational, including:

- organizational issues of penitentiary institutions and readiness to act in case of emergency;
- engineering and technical support for service activities;
- a system of personal and professional characteristics of employees [8].

M.A. Gromov, dividing all the factors affecting convicts’ safety into external and internal, pays special attention to:

- moral characteristics of society, affecting spiritual security of the country;
- demographic processes and the structure of population;
- a geographical location of penal institutions;
- activities of international organizations;
- a state of criminal culture among convicts;
- a state of production and economic activity of a correctional facility;
- a state of the correctional process, etc. [1].

R.Z. Useev associates the state of protection of convicts’ vital interests with:

- the influence of natural, environmental, man-made and social hazards;
- a special status of the penitentiary system;
- a state of social and legal protection of the service in the UIS;
- a level of official discipline, criminality among employees of the penal system and a degree of its corruption;
- imperfection of the penal legislation;
- the non-compliance of domestic and international legislation in the field of penitentiary law, etc. [16].

Results

Having considered the classification of factors proposed by penitentiary scientists, we can single out key factors affecting convicts’ safety:

- conditions of serving sentences;
- criminal environment of serving a sentence;
- criminological characteristics of convicts;
- staffing of correctional facilities and social security of UIS employees;
- effective supervision of convicts;
- a state of the operational situation and decision-making when it changes;
- material and technical support of the organization of supervision;
- labor adaptation of convicts;
- moral and psychological climate;
- a state of law and order;
- specifics of penitentiary crime;
- a criminogenic situation in the country;
- a financial position of a correctional facility;
- social isolation, antisocial relations among convicts;
- a strictly regulated process of execution of criminal punishment;
- educational work with convicts and their resocialization;
- state, judicial, public control and supervision over correctional facility activities;
- activities of international organizations;
- a level of convict subculture development;
- a state and application of the norms of domestic and international penal legislation.

Let us consider the impact of the above factors on the state of protection of person's vital interests, respect for the rights and legitimate interests of convicts serving sentences in pre-detention centers.

In accordance with the Penal Code of the Russian Federation, a pre-trial detention center is a correctional facility for several categories of convicts. The most significant category of convicts in a pre-trial detention center are persons who are held in the institution to perform household work. Convicts serve their sentences in the conditions that are established in general regime correctional facilities, but with significant, in our opinion, features that in most cases positively affect the punishment execution process.

Taking into account the fact that all convicts serving sentences in a pre-trial detention center are employed and have permanent earnings not lower than the established subsistence minimum, issues of labor adap-

tation do not have a proper impact on the process of ensuring security. Moreover, financial security of convicts does not depend on the economic situation in the region, where the pre-trial detention center is located, economic and production activities of the institution, as well as other factors related to convicts' employment. These circumstances ensure involvement in the work of convicts who have claims in criminal and civil cases, which in turn guarantees the adoption of appropriate measures to repay them.

The work performed by convicts in pre-trial detention centers is mostly not of a production nature, with the exception of convicts involved in cooking and washing bed linen. In turn, it is fair to note that the level of occupational injuries among convicts of this category is quite insignificant. As a rule, convicts' injuries are of a domestic nature and do not lead to serious consequences.

Taking into account the fact that persons serving sentences in pre-trial detention centers are mostly positively characterized, have not previously served a sentence in the form of imprisonment, there is an insignificant number of cases of infringement on life. A low criminality level is also due to the fact that those persons who do not want to serve their sentences in a general regime correctional facility remain to serve their sentences in an economic maintenance unit. There may be several reasons for this. To begin with, people fear the criminal environment present in general regime correctional facilities. Besides, they have adapted to conditions of the pre-trial detention center and do not want to relive the stress associated with transfer to another institution.

As a rule, among convicts serving sentences in a pre-trial detention center, criminal subculture is poorly developed, relationships are mostly benevolent, the level of violations and crimes, as well as the criminogenic environment influence are minimal.

As for victimological safety of convicts serving sentences in pre-trial detention centers, the probability of becoming a victim of the crime while serving a sentence is insignificant. Positive personal characteristics of convicts, a weakly expressed criminal subculture, absence of convicts of a negative orientation, increased tolerance to the nature of the criminal act committed, moral and psychological

climate among convicts, maintenance of law and order at the proper level, the status of convicts as “those who have not previously served their sentences”, and a lack of experience in deprivation of liberty minimize negative security threats and practically exclude commission of crimes against the person.

The factors related to the execution process also have a positive impact on ensuring convicts’ safety in pre-trial detention centers. They are the following:

- a high degree of supervision over prisoners and its logistical support;
- a high level of application of integrated security systems in pre-trial detention centers;
- increased requirements for isolation of various categories of persons held in pre-trial detention;
- cell detention of prisoners capable of having a negative impact on convicts, etc.

It should also be noted that units for economic maintenance of pre-trial detention centers, as a rule, are not crowded, their quantitative composition depends on the actual occupancy of the institution. In accordance with the design rules of pre-trial detention centers, the number of convicts performing household work cannot exceed 7% of the occupancy rate [12]. Under these conditions, more efficient work can be conducted to correct convicts, encourage development of their positive qualities and respect for the norms of human community and the rights to personal integrity, life and health, and form a healthy moral and psychological climate, thereby reducing dependence of the process of serving a sentence on social isolation of convicts, antisocial relationships among themselves, convicts’ life, problems of organizing socially useful employment of convicts and measures for their re-socialization.

Territorial and geographical conditions of the functioning of the institution do not have a significant negative impact on convicts’ safety. Basically, pre-trial detention centers are geographically located in large settlements. As a rule, in the locations of pre-trial detention centers there are other state authorities and law enforcement agencies, which ensure judicial, public and departmental control of their activities, as well as constant prosecutor’s supervision. In these circumstances,

the issues of ensuring the rights of convicts, including personal security, are under closer supervision than in correctional facilities located outside large territorial entities.

However, it is fair to note that in addition to the positive aspects associated with serving a sentence in a pre-trial detention center, there are also negative ones. The financial and economic situation of the penitentiary system, as well as professional activities of employees, can have a real impact on the state of protection of vital interests of convicts.

In the information and analytical reference based on the results of the study of the socio-psychological situation among convicts (the Instruction of the Federal Penitentiary Service of Russia for the Perm Oblast, 2021, the document was not published), problematic moments characteristic of most pre-trial detention facilities were identified from the point of view of convicts’ subjective assessment. The convicts mentioned problematic issues, such as:

- organization of the medical unit work;
- wage violations related to the lack of compensation for overtime, work on weekends and holidays;
- provision of shops at pre-trial detention centers with food and basic necessities;
- utilities and household living conditions;
- meetings with relatives and friends, a criminal defense lawyer;
- organization of the correctional process;
- a low level of justice in relations with employees, and a high level of conflict [2].

Current pain points in the process of serving a sentence, in most cases, are objective in nature and related to the specifics of functioning of pre-trial detention centers as institutions executing a court sentence.

We will highlight objective threats to the vital interests of convicts associated with the nature of activities of the pre-trial detention center.

1. Specifics of pre-trial detention center activities.

Pre-trial detention centers are designed primarily for detaining the suspected and the accused of committing crimes. For this purpose, a detention regime is established in pre-trial detention centers, aimed, inter alia, at ensuring the rights and legitimate interests of persons in custody. Pre-trial detention

centers perform two tasks that are different in content, but the same in degree of responsibility:

- keeping in custody of persons in respect of whom a preventive measure in the form of detention is chosen;
- execution of criminal punishment in the form of imprisonment in relation to convicted persons, including the household maintenance unit.

At the same time, the fulfillment of the first task is considered as its priority activity. Hence, as a rule, less attention is paid to issues of ensuring convicts' rights and legitimate interests. It should be noted that the increased conflict between convicts and employees of the institution, in most cases, is not associated with a low level of legality in the process of criminal punishment execution, and does not entail the use of means to correct convicts not provided for by penal legislation, but is a consequence of high loads, a large volume of tasks performed by employees and staff of pre-trial detention centers.

However, in these conditions, another negative moment may arise, associated with the presence of non-official relationships of employees and staff of the pre-trial detention center with convicts. In conditions of a shortage of personnel and a large volume of official tasks performed, it is not uncommon for convicts to be involved in performing unusual tasks.

2. A special environment for serving a sentence.

It is generally believed that the penal system begins with a pre-trial detention center. Persons, in respect of whom the court has chosen a preventive measure in the form of detention, arrive there. In the first days of their stay in pre-trial detention centers, the suspected and the accused undergo a necessary medical examination, fluorographic and laboratory tests, the results of which often reveal infectious, socially significant and very dangerous diseases (tuberculosis, hepatitis, syphilis, scabies, HIV infection, etc.). Considering that convicts serving sentences in a pre-trial detention center directly and constantly perform maintenance work at all premises and facilities, are constantly in the risk zone, the threat of their infection with these diseases is too high.

3. Quantitative and qualitative composition of convicts.

An economic maintenance unit is composed of the convicts who have not previously served their sentence, are positively characterized, do not want to serve their sentence in a correctional facility of general regime, as well as those who have applied to the head of a pre-trial detention center with a corresponding request.

According to K.V. Korsakov and I.A. Zhilko, convicts of this category "are always characterized by the absence of a pronounced anti-social attitude and significantly less susceptible to various kinds of criminogenic factors reproducing criminal behavior compared to other categories of convicts" [6]

Convicts' relatives often want the convicted to be kept in economic maintenance units, because of the inability to visit them in a remotely located correctional facility or some other personal circumstances. In these circumstances, convicts have to accept all conditions of serving their sentence, including negative ones, realizing that in case of disagreement with the requirements, they can be transferred to a general regime correctional facility. Considering that the capacity limit of an economic maintenance unit depends on the occupancy rate, the actual number of convicts cannot be increased without any serious grounds. An insufficient number of convicts performing maintenance work leads to the violation of labor legislation requirements in the process of serving a sentence by convicts:

- provision of a proper number of days off;
- compliance with a 40-hour working week;
- payment of overtime hours, as well as work on weekends and holidays;
- provision and holding of annual vacations, etc.

The administration of a pre-trial detention center in most cases supports convicts when they submit requests for changing the type of a correctional facility or replacing part of the sentence not served with a milder kind, as well as parole.

Considering that pre-trial detention centers are not designed for serving sentences in strict conditions stipulated by the Penal Code of the Russian Federation, convicts who have committed malicious violations, as well as

those who do not want to serve their sentence in a pre-trial detention center, are transferred to general regime correctional facilities.

We believe that in these circumstances, convicts are forced to accept appropriate conditions for serving their sentences in a pre-trial detention center, undergo restrictions on their rights and legitimate interests, in the hope of an early release.

4. A state of financial and economic support.

Pre-trial detention centers, performing functions of correctional facilities, do not conduct any production and economic activities. In most cases, there is no possibility to carry out extra-budgetary activities there, which leads to a lack of additional funds.

Conclusion.

It is fair to note that despite the existing negative factors affecting the process of execution and serving of sentences in a pre-trial detention center, it is safer there than in correctional facilities. There are practically no crimes committed in the economic maintenance units of the pre-trial detention center, and the level of offenses is minimal.

Despite the fact that pre-trial detention centers are characterized by a positive moral and psychological climate among convicts and safer conditions for serving sentences, we propose the following measures to reduce the negative impact of the process of serving sentences on the state of convicts' vital interests:

– to control a state of security of penitentiary institutions; work out the Concept for

security of the penal system, fixing measures aimed at ensuring safety of the suspected, accused and convicted persons in places of deprivation of liberty;

– to strengthen the role of public organizations, including human rights organizations, in protecting the rights of convicts, which will undoubtedly increase the level of public trust in activities of the penitentiary service; expand the possibility of involving civil public organizations (institutions, associations) in solving issues related to providing medical, social, psychological and other assistance to convicts;

– to continue scientific research in the field of penal law and timely implement scientific achievements in practical activities of institutions and bodies of the penal system of the Russian Federation; fix the concept of security of convicts and persons in custody in the Penal Code of the Russian Federation and the Federal Law "On detention of suspects and the accused of committing crimes" and determine criteria, limits, forces and means to ensure it.

Sharing the opinion of foreign scientists, we should note that deprivation of liberty has a long-term impact on positive life of offenders. In this connection, it is recommended to make coordinated efforts to reintegrate former offenders and make every effort to ensure that former convicts can get paid work after returning to freedom and give up committing crimes [19].

REFERENCES

1. Gromov M.A. *Organizatsiya bezopasnosti v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh: uchebnoe posobie* [Organization of security in correctional institutions: textbook]. Ryazan: Akademiya prava i upravleniya Minyusta Rossii, 2004. 252 p.
2. Golubtsova A.I. Features of the socio-psychological climate among convicts serving sentences in the maintenance units in the pre-trial detention centers of the Russian penitentiary system (on the example of pre-trial detention centers of the Main Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Perm Region). *Vestnik Permskogo instituta Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii=Journal of the Perm Institute of the FPS of Russia*, 2022, no. 1 (44), pp. 30–42. (In Russ.).
3. Zhuravlev A.N. Classification of factors complicating the operational situation in a correctional institution. *Ugolovno-ispolnitel'noe parvo=Penal Law*, 2006, no. 1, pp. 88–89. (In Russ.).
4. Zvyagina A.V. Labor adaptation of convicts as one of the factors of ensuring economic security of the penitentiary system. In: *IV Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi forum "Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie": sbornik tezisov vystuplenii i dokladov uchastnikov: v 10 tomakh. Tom 9* [IV International Penitentiary Forum "Crime, punishment, correction": collection of abstracts of speeches and reports of participants: in 10 volumes. Volume 9]. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii, 2019. Pp. 80–83. (In Russ.). ISBN 978-5-7743-0937-5.
5. Kazak B.B., Shcherbakov A.V. Certain threats and factors influencing the security of the penal enforcement system. In: *IV Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi forum "Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie": sbornik tezisov vystuplenii i dokladov uchastnikov: v 10 tomakh. Tom 9* [IV International Penitentiary Forum "Crime, punishment, correction": collection of abstracts of speeches and reports of participants: in 10 volumes. Volume 9]. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii, 2019. Pp. 295–300. (In Russ.). ISBN 978-5-7743-0937-5.

6. Korsakov K.V., Zhilko I.A. Criminological characteristics of the convicted who work detention facilities upkeep service. *Kriminologicheskii zhurnal Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava=Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2013, no. 3, pp. 72–79. (In Russ.).
7. Kuz'mina N.V., Skub T.A. Factors determining security in places of deprivation of liberty. In: Brill' G.G., Gruzdev V.V. (Eds.). *Modernizatsiya rossiiskogo zakonodatel'stva v usloviyakh konstitutsionnoi reformy: sbornik trudov 17 Vserossiiskikh dekabr'skikh yuridicheskikh chtenii v Kostrome. Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya (9–10 dekabrya 2020 g., g. Kostroma)* [Modernization of Russian legislation in the context of the constitutional reform: proceedings of the 17th All-Russian December legal readings in Kostroma. All-Russian Scientific and Practical Conference (December 9–10, 2020, Kostroma)]. Kostroma: KGU im. N. A. Nekrasova, 2021, pp. 322–325. (In Russ.). ISBN 978-5-8285-1141-9.
8. Kulakova S.V. Factors and mechanisms to develop the personnel readiness to ensure security in penitentiary institutions. *Global'nyi nauchnyi potentsial: psikhologiya i pedagogika= Global Scientific Potential: Psychology and Pedagogy*, 2018, no. 10 (91), pp. 27–28. (In Russ.).
9. Lozhkina L.V., Chugunov A.V. Safety in penitentiary institutions and factors which have a negatively effect on safety. *Vestnik Udmurtskogo universiteta, seriya Ekonomika i parvo= Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*, 2013, no. 3, pp. 161–167. (In Russ.).
10. Martynova E.V. The factors influencing the state of personal security of prisoners in the course of detective activities. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie=Man: Crime and Punishment*, 2016, no. 4, pp. 104–109. (In Russ.).
11. Panasenko E.K. *Kriminologicheskaya bezopasnost' osuzhdennykh v mestakh lisheniya svobody: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Criminological safety of convicts in places of deprivation of liberty: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii, 2007. 29 p.
12. The Code of rules SP 247.1325800.2016 "Pre-trial detention facilities of the penal system. Design rules". *Elektronnyi fond pravovykh i normativno-tekhnicheskikh dokumentov: sait* [Electronic fund of legal and regulatory documents: website]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/1200137143?ysclid=l7ivllxosd806058710> (accessed May 25, 2022).
13. Smirnov A.M. Victimological safety of persons sentenced to imprisonment: conceptual aspects. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal=All-Russian Journal of Criminology*, 2020, vol. 14, no. 2, pp. 277–289. (In Russ.).
14. Sysoev A.M. Operational-regime support of the organization of counteraction to radicalization of persons sentenced to imprisonment. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy=Vedomosti of the Penitentiary System*, 2012, no. 4, pp. 11–21. (In Russ.).
15. Uglitskikh D.V. Factors affecting safety and means of ensuring it in correctional institutions executing life imprisonment. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: yurisprudentsiya=Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence*, 2007, no. 1–2, pp. 108–109. (In Russ.).
16. Useev R.Z. *Obespechenie bezopasnosti ispravitel'nykh uchrezhdenii: uchebnoe posobie* [Ensuring safety of correctional institutions: textbook]. Samara: Samarskii yuridicheskii institut FSIN Rossii, 2015. 135 p. ISBN 978-5-91612-100-1.
17. Shabanov V.B., Santashov A.L., Luk'yanovich A.L. Factors determining the security of convicts in detention facilities. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii=Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia*, 2017, no. 2 (27), pp. 55–60. (In Russ.).
18. Shcherbakov A.V. Theoretical and legal aspects of safety precautions of the penal system. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie=Man: Crime and Punishment*, 2018, vol. 26, no. 2, pp. 187–192. (In Russ.).
19. Amali S.E., Sibanyoni E.K., Tshivhase T. Incarceration for reformation or deformation? *International Journal of Criminology and Sociology*, 2021, vol. 10, pp. 562–571.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ANNA I. GOLUBTSOVA – Postgraduate Student of the Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia, GolubcovVA@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2013-3102>

Received April 18, 2022

Criminal Legal Impact: Features, Forms, and Issues of Implementation

EKATERINA N. BARKHATOVA

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia,
ekaterinabarhatova1997@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-0381-5462>

Abstract

Introduction: the article reveals the essence of the criminal legal impact, analyzes its forms, and examines mechanisms for implementing certain forms of the criminal legal impact. Attention is focused on the specifics of regulating the mechanism to implement criminal law measures in the Penal Law Code of the Russian Federation. Problems of scientific and legislative definition of certain forms of the criminal legal impact, as well as criminal liability are touched upon. The author comes to the conclusion about the need to improve the legislative regulation of certain forms of the criminal legal impact and the mechanism for their realization, as well as the necessity to adjust forms of the criminal legal impact. *Purpose:* resolution of certain issues to regulate the mechanism for implementing various forms of the criminal legal impact. *Methods:* the author uses a general scientific dialectical method of cognition to consider the essence of phenomena, an analysis method to identify key problems arising in the legislative regulation of the criminal legal impact, a synthesis method to form the author's position on the identified problems and work out a mechanism for their possible solution. *Results:* modern forms of the criminal legal impact, enshrined in the criminal law, and approaches to understanding the criminal legal impact and its implementation raise questions due to the generally recognized point of view in the science of criminal law regarding the beginning and end of criminal liability and the approach to its understanding. Some forms of the criminal legal influence seem ineffective and require adjustments. The legislative regulation of the mechanism for implementing the criminal legal impact needs to be revised due to the inconsistency of its current state with the requirements for codifying norms of one branch of law. *Conclusions:* it seems necessary to correct forms of criminal legal influence defined in the criminal law, determining what should be attributed to such, guided by the goals and objectives pursued by it. In addition, it is advisable to revise the penal legislation system that does not meet codification requirements and does not fully reflect the specifics of penal law.

Key words: criminal legal impact, criminal liability, penal law, educational impact, judicial fine, punishment, post-penitentiary impact.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Barkhatova E. N. Criminal legal impact: features, forms, issues of implementation. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 3 (59), pp. 254–262. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.003.

Introduction

The criminal legal impact as a category of criminal law raises a number of issues related to the definition of its concept due to specific goals and relatively specific content; the identification of impact goals, different in each of its forms; the determination of impact forms and their attribution to a particular institution of criminal law; the mechanism to implement its various forms; and the identification of moments of its beginning and end. The central place in solving these issues is occupied by the establishment of types of punishment in the law, its imposition and execution.

Methods

To study identified problematic issues, we applied a general scientific dialectical method of cognition to consider the essence of phenomena. Using the method of analysis, the main problems of legislative regulation of the criminal legal impact were identified. The synthesis method made it possible to form the author's position on the identified problems and develop a mechanism for their possible solution.

Results

Some measures of the criminal legal impact today seem ineffective, and the mechanism for their implementation is not fully regulated, demonstrating organizational shortcoming. Thus, it is reasonable to review a number of provisions of the criminal and penal legislation.

Discussion

The criminal legal impact on a person is designed to ensure the established order in society. In order to avoid further violation of the rules worked out to maintain functioning of the state performing a life-supporting function, it is necessary to respond to the already committed crimes adequately. Thus, the purpose of the criminal legal impact is to prevent the commission of new crimes.

In order to clarify the essence of the criminal legal impact, it is appropriate to compare it with criminal liability, despite the essential difference between these phenomena. Approaches to understanding criminal liability are quite diverse. It is understood as an offender's obligation to undergo certain negative consequences, a law-abiding citizen's moral quality to comply with the prohibitions set by the state, and a certain sanction. How-

ever, based on the analysis of criminal law norms in their interrelation and inseparable unity, conducted by the author, the definition of criminal liability as a criminal's obligation to suffer punishment for what he/she has done to the state and society seems more correct from a normative point of view.

The criminal legal impact is a tool for implementing criminal liability, that is those measures the state uses to respond to the prohibition violation. Thus, criminal liability is the duty of a criminal, the criminal legal impact is the duty of the state. At the same time, both the first and the second legal phenomenon have one common characteristic, in our opinion.

In the doctrine of criminal law, there is an approach to classifying criminal liability, which allows dividing it into positive and negative [6, p. 37; 8, p. 266]. Positive liability implies responsibility of all persons to the state for compliance with the prohibitions established by criminal law. It is rather a preventive component of criminal liability. Negative criminal liability comes upon violation of the prohibition.

These provisions on criminal liability are also applicable to the criminal legal impact. So, the state prevents violations by establishing a prohibition under the threat of the criminal legal impact on a person, and in case of the crime committed it exerts the criminal legal impact in an accessible form provided for by law. There are various resources to be used for such an impact. Punishment is the most severe form of the criminal legal impact. The Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the CC RF) stipulates 13 types of punishment, arranged in a certain hierarchy, introduced into the criminal law in order to ensure an individual approach to each criminal and principles of justice and equality of all before the law. The legislator takes a very responsible approach to observing the principle of justice and tries to offer the law enforcement officer a wide range of opportunities to comply with this principle in the imposition and execution of punishment [15; 16; 18, p. 1482; 19, p. 63; 20]. According to Part 2 of Article 43 of the Criminal Code of the Russian Federation, the goals of punishment are restoration of social justice, correction of the convicted person and prevention of new

crime commission. Based on the sequence of these goals in the article, it can be assumed that social justice restoration is a priority, although the opinion about the equivalence of punishment goals prevails in society. The listed goals of punishment reflect the essence of the latter and do not coincide with goals of other types of the criminal legal impact. As M.V. Bavsun correctly notes: "The presence of common goals of criminal law counteraction to crime does not exclude the need to formulate independent goals for each group of impact measures, differing only in their intended result of implementation" [1, p. 14].

At the same time, if we compare goals of punishment with those of the criminal legal impact, we can come to the conclusion that one of them coincides, in particular prevention of crimes. This goal is also pursued in the implementation of other forms of the criminal legal impact, which, along with punishment, should include a suspended sentence, other measures of a criminal legal nature, placement of a minor in a special educational institution of a closed type, exemption from criminal liability and punishment. Yu. V. Truntsevskii backs this stance, indicating that the purpose of applying measures of criminal legal influence is to counteract crime through prevention, combating crimes, minimizing and (or) eliminating consequences of their commission [11, p. 30]. Prevention of crimes as the dominant goal of punishment is also indicated in the criminal law of Muslim states [14, p. 4]. Contrary to the prevailing view of the criminal legal impact, which does not cover issues of releasing a person from criminal liability and punishment, we still adhere to the position of including these measures of the state's response to new conditions in the resources of such impact. The question is to ensure criminal's proper behavior in any legal way. The principle of liability differentiation and punishment individualization presupposes the impact on criminals, based not only on legal facts, but also on their personality, their awareness of the illegality and public danger of their actions, and the desire to improve. In this regard, the criminal legal impact should provide for a kind of incentive and recovery measures. Exemption from criminal liability and punishment refers to incentive measures. Suspended sentence, compulsory measures

of educational influence, placement of a minor in a special educational institution of a closed type, and a court fine also fall into this category. We consider it necessary to single out these measures along with suspended sentence, since, although they relate to types of exemption from criminal liability, however, they are also other measures of a criminal nature, i.e. they have a dual legal nature. We cannot consider all other measures of a criminal-legal nature as incentives due to the inclusion of provisions on property confiscation (it is used as a penalty) and compulsory medical measures (here we should single out another category of the criminal legal impact – provision of assistance) in this section.

It seems reasonable to clarify, why placement of a minor in a special educational institution of a closed type is an independent form of the criminal legal impact. So, Part 2 of Article 90 of the CC RF does not have placement in a special institution among compulsory measures of educational influence, thus, based on the literal interpretation of the criminal law, it is not included in the system of measures under consideration. Moreover, Part 4 of Article 90 of the CC RF contains an indication to place a minor in a special institution in case of systematic violation of compulsory measures of educational influence appointed by the court. Part 2 of Article 92 of the CC RF states that placement in a special institution is used as a compulsory measure of educational influence. And again, based on the literal interpretation of the law, it can be concluded that such a measure is used as a measure of educational influence, while, in fact, it is not. Since Article 92 of the CC RF is devoted to the release of a minor from punishment, then it should be included in the group of types of release from punishment, without singling it out independently, but the literal interpretation of the law and the specifics of legal writing again does not allow us to do this. Thus, all types of exemption from punishment and from criminal liability, involving any active activity on the part of the released person or the state, are formulated using the preposition "With": "with the appointment of a judicial fine" (Article 76² of the CC RF), "with active repentance" (Article 75 of the CC RF), "with compensation for damage" (Article 761 of the CC RF), "with the use of coercive measures of

educational influence” (Part 1 of Article 92 of the CC RF).

Returning to the issue of goals of the criminal legal impact, it is necessary to refer to goals of its various forms presented in the table.

Goals of various forms of the criminal legal impact

Form of the criminal legal impact	Goals
Punishment	1) restoration of social justice; 2) correction of the convicted person; 3) prevention of crimes
Compulsory measures of educational influence; placement of a minor in a special educational institution of a closed type	1) restoration of social justice; 2) correction of the convicted person; 3) prevention of crimes
Compulsory medical measures	1) prevention of crimes and socially dangerous acts of insane persons prohibited by criminal law; 2) provision of assistance to a person suffering from a disease
Confiscation of property	1) restoration of social justice; 2) prevention of crimes
Exemption from criminal liability (including a court fine)	1) prevention of crimes; 2) correction of the convicted person
Exemption from punishment	1) prevention of crimes; 2) correction of the convicted person

So, each form of the criminal legal impact pursues, along with others, the goal of preventing crimes, including by responding to the crimes already committed. Consequently, the prevention of crimes is a common goal of the criminal legal impact. This also follows from the essence of the latter. This goal determines a number of tasks that the state faces within the framework of the criminal legal impact. They are formulated in Article 2 of the CC RF “Tasks of the Criminal Code of the Russian Federation”. It should be noted that the Criminal Code of the Russian Federation acts only as a documentary representation of the criminal legal impact. The code itself cannot pursue any tasks. Such an approach, in our opinion, is similar to the normativist theory of the crime object, indicating that the latter is a rule of law. But, as a number of authors rightly point out, the norm is only a text on paper and the fact of violation of the prohibition estab-

lished in the norm will not affect this text in any way, which cannot be said about public relations, within which this prohibition will be violated [7, p. 102; 9, p. 94; 10, p. 21].

In connection with the above, it seems necessary to raise the question of amending the title of Article 2 of the Criminal Code of the Russian Federation to “Tasks of the criminal legal influence”. If such amendments are made to the criminal law, there appears the logic, according to which the solution of all the tasks listed in Article 2 of the Criminal Code of the Russian Federation must be achieved during the criminal legal impact regulated by the Criminal Code of the Russian Federation.

Developing this idea, it is necessary to consolidate the concept of the criminal legal impact itself, as well as its types. So, for example, Article 1 of the Criminal Code of the Russian Federation could be supplemented by Part 3, establishing that the criminal legislation regulation subject is public relations that develop in connection with the commission of a crime, as well as within the framework of the criminal legal impact, which is the application of measures defined by the criminal law to a criminal in order to prevent violations of criminal law prohibitions and maintain law and order.

Article 1 of the CC RF should also be supplemented with Part 4, defining forms of the criminal legal impact: punishment carried out with the help of correctional influence means (regime, labor, training, educational work); suspended sentence with subsequent control; compulsory medical measures; confiscation of property; exemption from criminal liability, including with subsequent application of certain measures (court fine); exemption from punishment with subsequent control or application of coercive measures of educational influence; criminal record.

The goals of various forms of the criminal legal impact presented in the table may raise questions, and therefore we consider it necessary to comment on some of them.

As can be seen, compulsory measures of educational influence and placement of a minor in a special institution pursue the same goals as punishment. This provision only emphasizes the legislator’s stance that a minor who is aware of the public danger of his/her act and whose behavior shows a tendency

to correction can be released from liability in connection with application of these measures or from punishment in connection with placement in a special institution. We are not talking about the fact of correction, but only about the tendency to such. Therefore, highlighting the purpose of correction in this case seems appropriate and necessary. Restoration of social justice should also be attributed to the goals of compulsory measures of educational influence and placement in a special institution for the reason that a minor still undergoes negative consequences of his/her illegal act, although he/she is released from criminal liability, so the balance of public relations is restored.

Compulsory medical measures, along with the provision of assistance to a person suffering from a disease, are aimed at preventing crimes. Perhaps, in this case, the use of the word "crime" is not entirely correct, since commission of an illegal act in a state of insanity excludes criminal's recognition of a crime. At the same time, the category of measures under consideration can also be applied to persons who have violated the law in a sane or limited sane state. Therefore, this goal can be formulated in this way, or the wording can also be expanded: "prevention of crimes and socially dangerous acts committed by insane persons or prohibited by criminal law".

The purposes of confiscation of property that we have identified as another measure of a criminal nature also need clarification. We believe that in this case we should proceed from the category of confiscated property. Depending on this category, one of the goals will be missing, or both will be pursued. The goal of restoring social justice is to compensate the victim for damage at the expense of confiscated property. The purpose of crime prevention is realized through the possible removal from the criminal the tool of the crime or the means of its commission, which to some extent acts as a preventive measure.

Exemption from criminal liability as a form of criminal legal influence pursues two goals. The first one, prevention of crimes, is implemented through the state's credit of trust to the person who has committed the crime. The state, showing favor to the citizen, counts on his/her law-abiding behavior in the future. A citizen who has been trusted will not com-

mit a crime in the future, feeling his/her responsibility to the state. As for correction, a person is aware of the prohibition to commit crimes in the future due to the trust placed in him. According to the articles on exemption from criminal liability, public danger does not vanish due person's awareness of the illegality of his/her actions and his/her conviction of the inadmissibility of committing crimes in the future. Such a formulation is present only in Article 75 ("as a result of active repentance, it has ceased to be socially dangerous"). It allows us to conclude that it is possible to release from criminal liability a person who has not fully achieved correction. The statement that the person who compensated the damage or reconciled with the victim through the expression of an apology has ceased to be socially dangerous seems untenable, since it does not take into account the subjective component. Exemption from criminal liability in connection with the imposition of a court fine is of particular concern in this regard, as it does not imply correction as such, but only the possibility of paying the specified fine. In addition, the fact of possible exemption of an incorrigible person from criminal liability is confirmed by Article 90 of the Criminal Code of the Russian Federation on compulsory measures of educational influence, considered as a type of exemption of minors from criminal liability. The application of such measures to minors released from liability proves the uncertainty of both the legislator and the law enforcement officer in their correction. The approach we have reflected to defining goals of exemption from criminal liability as a form of the criminal legal impact may be criticized regarding the statement about the need to correct the person being released. It may be objected that it is inappropriate even to raise the issue of exemption from criminal liability of persons who need correction. At the same time, the above considerations on the person's fulfillment of objective conditions necessary for exemption from liability, in the absence of real awareness, acceptance of his/her guilt and correction, substantiate of the author's point of view.

Correction of a convicted person as the goal of release from punishment is reflected in the provision of the opportunity for the convicted person to draw appropriate conclu-

sions about his/her behavior without the use of a punitive element. This statement applies both to persons who could not be released from criminal liability on formal grounds, and persons who initially needed to serve a real sentence, but enduring the punishment demonstrated a desire to improve. Correction of a convict cannot be considered as a goal inherent in all types of release from punishment. Thus, release due to an illness, with a change in the situation, with the expiration of the statute of limitations, and postponement are an objectively conditioned necessity, are the duty of the state. Conditional early release and replacement of the unserved part of the sentence with a milder type are of a different nature, which allows us to talk about the purpose of correcting a convict.

Prevention of crimes with regard to release from punishment is achieved, since a convict is not affected by the criminal environment in a correctional institution, does not experience risks of desocialization (if it is a question of deprivation of liberty), and does not undergo various restrictions hindering realization of person's creative and professional capacities (regarding types of punishment not related to isolation from society).

Thus, the goals listed in the table, in our opinion, fully correlate with the forms of the criminal legal impact.

The question of the moment of the beginning and end of the criminal legal impact is of interest in some cases. How do the criminal legal impact and criminal liability relate in this case? In this regard, it is interesting to discuss such forms of criminal legal influence as compulsory measures of educational influence and exemption from criminal liability. There are different views on the moment criminal liability arises. For instance, for supporters of the existence of positive criminal liability it is the moment when the criminal law enters into force [3; 6; 8; 13]. Other authors adhere to the position that criminal liability arises at the time a crime is committed, when a person becomes obliged to face consequences of his/her actions [4; 5]. The dominant opinion today is that criminal liability arises from the moment of being charged. [9, 19]. This stance is based on legal facts and the need to confirm the basis of criminal liability. Proceeding from the essence of criminal liability, one can

disagree with this position, since a certain kind of obligation arose precisely about and at the time of crime commission, or law violation. However, a person who has committed a crime can be released from criminal liability, which means that in the modern theory of criminal law the moment, when criminal liability arises and is terminated, is actually determined by the law enforcement officer.

The moment of criminal liability termination also attracts attention. Criminal liability, according to the law, does not end at the time a person has served a sentence. It extends further – for the period when a person has a criminal record. Considering that, upon meeting a number of conditions, a convict has the right for early release and removal of the criminal record, it is necessary to emphasize the powers of the law enforcement officer to establish the moment of criminal liability termination.

The moment of the criminal legal impact emergence is characterized by a later stage in the development of criminal legal relations than the time of criminal liability occurrence. As a rule, this is the moment of criminal sentencing, use of coercive measures of a medical nature or educational influence, confiscation of property, or imposition of a court fine. Besides, an investigator, inquirer or prosecutor may pass a resolution on exemption from criminal liability on the grounds provided for by the criminal law and not requiring a court decision. At the same time, in this case, in fact, the criminal legal impact begins earlier with compensation for damage and other reparation. However, it is impossible to unambiguously call such person's actions as the criminal legal impact, since, as a rule, a person should carry out these actions voluntarily, thus confessing guilt and confirming repentance and correction.

A criminal record should be recognized as one of the forms of the criminal legal impact. Therefore, the moment of impact termination, provided that the sentence is actually served, should be called the moment of record expungement.

Compulsory measures of educational influence deserve special attention in the aspect of discussing the time of the criminal legal impact termination. The legislator considers these measures as an exemption from

criminal liability. At the same time, if a person is released from criminal liability, the state recognizes that such a person does not need further influence and any measures regarding the crime committed will no longer be applied to him/her. So, release from liability with the subsequent criminal legal impact looks rather strange. The same can be said about a court fine. In this regard, it seems unjustified to exclude compulsory measures of educational influence from the number of forms to implement criminal liability. It seems that such a measure of the state's response to the crime committed by a minor should be considered as an exemption from punishment, but not from criminal liability. At the same time, placement in a special institution fits into the algorithm we proposed, in contrast to actual compulsory measures of educational influence. This approach may also be argued by the fact that compulsory measures of educational influence are placed in the section "Other measures of a criminal-legal nature", which title stipulates that the corresponding measures are part of the criminal-legal impact.

A court fine involves rendering of a judicial decision on exemption from criminal liability with subsequent payment of a fine, i.e. it actually transfers the criminal legal impact to a later stage, where it is not presupposed. Moreover, it is assumed that in case of non-payment of a court fine, the decision on exemption from criminal liability is subject to cancellation, and the person is liable to prosecution, conviction and punishment. Considering that initially exemption from criminal liability was envisaged as an irreversible incentive measure, the provisions on a judicial fine do not comply with provisions of the criminal law doctrine and legal writing rules.

The concept of the criminal legal impact in terms of the letter of the criminal law is broader than the one of criminal liability, since it can be implemented outside the latter. We believe that the criminal-legal impact in the form of other measures of a criminal-legal nature should be considered, first of all, as a preventive measure, and not a responsibility measure. Prevention also applies to all citizens, including law-abiding ones.

So, let us turn to the analysis of the mechanism to implement measures of the criminal legal impact provided for by the law. A num-

ber of normative legal acts of various levels are devoted to this issue, united within the framework of the penal law branch, however, going beyond the limits of the Penal Code of the Russian Federation. The disparity of provisions on the mechanism to implement certain types of the criminal legal impact does not always have a positive effect on the practice of applying these norms, moreover, the Penal Code of the Russian Federation loses its meaning as a code due to the fact that it regulates only one direction of a large branch. The analysis of the Penal Code of the Russian Federation shows that its norms are devoted only to the execution of punishment and the application of certain measures of the post-penitentiary impact, which are not included in the system of the criminal legal impact. The criterion for compilation of the Penal Code of the Russian Federation is not entirely clear to us. To clarify it, let us take a step back:

1) the Penal Code of the Russian Federation unites norms on the execution of various types of punishments. The position is incorrect, since the Code has provisions on post-penitentiary measures of influence in;

2) it reflects norms related to the jurisdiction of the Federal Penitentiary Service. The position is close to reality, however, the penalty in the form of a fine executed by the Federal Bailiff Service falls out of this scheme;

3) a "mixed" criterion combining the first two features. The most objective criterion, however, is partly refuted by the fact that the Penal Code of the Russian Federation stipulates norms regulating the procedure for applying compulsory medical measures to convicts. Thus, the Penal Code of the Russian Federation is partly devoted to the implementation of other criminal legal measures.

In terms of codifying norms of a particular branch of law, such a provision seems unacceptable. We agree that all the nuances of the criminal legal impact cannot be combined in the code due to their multiplicity and their attribution to the jurisdiction of various law enforcement subjects issued by various bodies. At the same time, the Penal Code could have reflected generalized provisions in the form of norms of a blank nature, but concerning all forms of the criminal legal impact. This is also required by the attitude adopted in the scientific field to penal law as a "living" criminal law.

In our opinion, the specifics of applying post-penitentiary impact measures could be reflected in special regulatory legal acts.

The disunity of criminal and penal law norms in terms of compliance with the hierarchy in the punishment system raises questions. So, in the Penal Code of the Russian Federation, this hierarchy is not maintained (norms on the execution of punishment in the form of mandatory work precede norms on the execution of punishment in the form of a fine).

We argue that, when designing the Penal Code, one should not focus on duties of a particular body or institution, but on criminal law provisions, thus revealing the procedure for their implementation.

When analyzing norms of the Penal Code of the Russian Federation, it can be seen that in fact the criminal legal impact is not limited to those formally defined actions that are regulated by criminal law. In addition to these actions, it stipulates educational work, social impact, labor and training.

International criminal law, like the national one, provides for the use of other measures of the criminal legal impact along with punishment, but does not specify them. Such an approach to the regulation of criminal law relations raises certain doubts about the limits within which international legislation can operate. We agree with S.A. Korneeva that "international judicial bodies' competence should be limited to the recognition of a person guilty of committing a crime against the world and security of the mankind, followed by the appointment of criminal punishment and, possibly, control over its execution. Determining types of other measures of the criminal legal impact should be recognized as the subject of exclusive competence of the national justice authorities in order to prevent violations of state sovereignty and interference in internal affairs of the country concerned" [17].

The domestic legislation requires detailed regulation of the criminal legal impact forms for the law enforcement officer not to go beyond the limits.

Conclusion

Certain systematization of the criminal legal impact forms in the criminal law is necessary. First of all, the law should define that the criminal legal impact is the application of measures defined by the criminal law to a person who has committed a crime in order to prevent violations of criminal law prohibitions and maintain law and order. The criminal legal impact forms should also be determined as follows:

- 1) punishment carried out with the help of correctional influence means (regime, labor, training, educational work);
- 2) probation with subsequent control;
- 3) compulsory medical measures;
- 4) confiscation of property;
- 5) exemption from criminal liability, including subject to the subsequent application of certain measures (a court fine);
- 6) release from punishment with subsequent control or application of coercive measures of educational influence;
- 7) criminal record.

It is noteworthy that the proposed list lacks placement of a minor in a special educational institution of a closed type due to its inclusion in the composition of compulsory measures of educational influence.

The proposed changes require further elaboration and substantiation, as well revision of other provisions of the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation.

The conducted research is of interest from a theoretical and practical point of view, as the author tried to systematize the scattered knowledge about the criminal legal impact and work out approximate measures to improve this area of state activity.

REFERENCES

1. Bavsun M.V. *Ugolovno-pravovoe vozdeistvie: ideologiya, tseli i sredstva realizatsii: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [The criminal legal impact: ideology, goals and means of implementation: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2013. 40 p.
2. Brainin Ya. M. *Ugolovnaya otvetstvennost' i ee osnovanie v sovetskom ugolovnom prave* [Criminal liability and its foundation in Soviet criminal law]. Moscow: Gosyurizdat, 1963. 275 p.
3. Volkov B.S. *Deterministicheskaya priroda prestupnogo povedeniya* [Deterministic nature of criminal behavior]. Kazan: Izd-vo Kazan.un-ta, 1975. 110 p.

4. Ignatov A.N., Kostareva, T.A. *Ugolovnoe pravo: Obshchaya chast': kurs lektsii. Lektsiya 4: Ugolovnaya otvetstvennost' i sostav prestupleniya* [Criminal law: general part: course of lectures. Lecture 4: Criminal responsibility and the corpus delicti]. Ed. by Ignatov A.N., Krasikov Yu.A. Moscow: Norma, Infra-M, 1996. 63 p.
5. Korobov P.V. The moment of criminal liability. *Pravovedenie=Jurisprudence*, 2001, no. 2, pp. 147–163. (In Russ.).
6. Lipinskii D.A. Concepts of positive legal responsibility in the Russian jurisprudence. *Zhurnal rossiiskogo prava=Journal of Russian Law*, 2014, no. 6, pp. 37–51. (In Russ.).
7. Piontkovskii A.A. *Ugolovnoe pravo RSFSR. Chast' Obshchaya* [Criminal law of the RSFSR. General part]. Moscow: Gos. izdat-vo, 1925. 219 p.
8. Popov K.I. Positive criminal responsibility and lawful harm. *Voennoe parvo=Military Law*, 2018, no. 6, pp. 266–269. (In Russ.).
9. Tagantsev N.S. *Russkoe ugolovnoe parvo. Chast' Obshchaya: lektsii. V 2 tomakh. Tom 1.* [Russian criminal law. General part: lectures. In 2 volumes. Volume 1]. Moscow: Nauka, 1994. 380 p.
10. Ter-Akopov A.A. *Otvetstvennost' za narushenie spetsial'nykh pravil povedeniya* [Responsibility for violation of special rules of conduct]. Moscow: Yurid. lit., 1995. 176 p.
11. Truntsevskii Yu.V. Measures of criminal-legal influence: concept and types. *Rossiiskaya yustitsiya=Russian Justice*, 2015, no. 5, pp. 29–32. (In Russ.).
12. Chistyakov A.A. *Ugolovnaya otvetstvennost' i mekhanizm formirovaniya ee osnovaniya: monografiya* [Criminal liability and the mechanism of its foundation formation: monograph]. Moscow: Zakon i pravo, YuNITI-DANA, 2002. 275 p.
13. Yuzhanin V.E. On positive criminal liability. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie=Man: Crime and Punishment*, 2020, vol. 28 (1-4), no. 2, pp. 200–206. (In Russ.). doi: 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.200-206.
14. Bahnasi A.F. *al-Uqubahfi al-fiqhal-Islami*. Cairo: Dar al-Shuruq, 1983. 210 p.
15. Dancig-Rosenberg H., Dagan N. Retributarianism: a new individualization of punishment. *Criminal Law and Philosophy*, 2019, vol. 13, pp. 129–147.
16. Feinberg J. *Doing & deserving: essays in the theory of responsibility*. Princeton: Princeton University Press, 1970. 299 p.
17. Lapshin V.F., Korneev S.A., Kilimbaev R.V. The use of artificial intelligence in criminal law and criminal procedure systems. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*, 2020, vol. 1001. Available at: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1757-899X/1001/1/012144> (accessed June 8, 2022).
18. Voronin V. Justice in Russian criminal law. In: *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Vol. 108: Man. Society. Communication*. 2021. Pp. 1482–1489. Available at: <https://www.europeanproceedings.com/book-series/EpSBS/books/vol108-msc-2020/> (accessed June 8, 2022).
19. Voronin V.N. Justice of punishment as social compromise. In: *Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Volume 420: 17th International Research-to-Practice Conference dedicated to the memory of M.I. Kovalyov (ICK 2020)*. 2020. Pp. 62–66. Available at: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/ick-20/125937326> (accessed June 8, 2022).
20. Voronin V. Role of sociological methodology in determining criteria evaluating justice of punishment in criminal law. In: *SHS Web of Conferences. Volume 134: 14th Session of Euro-Asian Law Congress "The value of law"*. 2022. Available at: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2022/04/shsconf_eac-law2021_00084/shsconf_eac-law2021_00084.html (accessed June 8, 2022).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

EKATERINA N. BARKHATOVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia, ekaterinabarhatova1997@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0381-5462>

Received June 10, 2022

Original article

UDC 343.01

doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.004

Changing the Category of Crime by the Court as a Means to Individualize Imposition of Criminal Punishment

ELINA A. BABAYANTS

Moscow City Court, Moscow, Russia, eli.fart@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5126-2014>

Abstract

Introduction: the article discusses the procedure and grounds for changing the category of crime by the court to a less serious one in conditions where there are reasons for applying the specified norm to individualize punishment. The norm of Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation is often criticized in literature and is the subject of specialists' discussion. *Purpose:* based on the analysis of scientific literature and judicial practice, to show the possibilities of punishment individualization by recognizing a crime less grave in accordance with the provisions of Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Methods:* historical, comparative legal, statistical, empirical methods of description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic. The following private scientific methods were used: the legal-dogmatic and the method of interpretation of legal norms. *Results:* the work conducted reveals researchers' opinions about redundancy of the norm regulating the change in the category of crime. Nevertheless, this rule should be recognized as necessary, as it entitles the court to make the right decision in non-standard situations. The rule under study may be used to individualize punishment for members of organized criminal groups, depending on their degree of involvement in criminal activity and the public danger of their actions. *Conclusions:* to promote individualization of punishments in the domestic criminal law, it is necessary to expand the possibilities of applying Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation, having supplemented the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation with an appropriate paragraph providing for the application of this norm when considering cases in a special order in connection with the conclusion of a pre-trial cooperation agreement with the defendant.

Key words: criminal legislation; changing the category of crime; categories of crimes; punishment individualization; public danger of crime.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Babayants E. A. Changing the category of crime by the court as a means to individualize imposition of criminal punishment. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 3 (59), pp. 263–273. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.004.

Effective application of the criminal law norms is a necessary condition for protecting human rights and freedoms, as well as interests of both an individual and the society as a whole. A key direction of the modern criminal

policy development is humanization of criminal legislation, understood as a direct consequence of implementing important principles of criminal law, such as legality, justice and humanism. Respecting the humanism prin-

ciple, criminal punishment is aimed at correcting a convict, restoring justice in public relations, and preventing new offenses, but in no way revenging or penalizing. Among the legal tools that serve to humanize the criminal law, we should note the retroactive effect of mitigating punishment norms, amnesty, and the establishment of milder punishments in compliance with the conditions specified in the law.

Introduced in 2011, Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation, is a measure humanizing criminal legislation. The provisions of this article allow the court, in some cases specified in the law, to change the category of crime to a less serious one.

The categories of crimes provided for in Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation, predetermining formally permissible limits for assessing acts of the relevant group, at the same time encourage the court to make variable criminal law decisions. A clear example of this was the right granted to the court to reduce the category of the crime, which significantly affects the scope of criminal responsibility of the guilty person.

The provisions of Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation grant the court the right to change the category of crimes of moderate gravity, grave and especially grave to less serious ones, in the case when the defendant is sentenced to no more than three, five or seven years of imprisonment, respectively, or a milder punishment. It should be noted that courts hardly use this rule – only in about 0.5% of cases of conviction for crimes of moderate gravity, grave or especially grave categories [9].

The mechanisms to apply the above norm are specified in the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10 of May 15, 2018 “On the practice of courts’ application of the provisions of Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation”, Paragraph 2 of which, in particular, stipulates that “in resolving this issue, the court takes into account a method of committing crimes, degree of realization of criminal intentions, role of the defendant in the crime committed in complicity, type of intent or type of negligence, motive, purpose of the act, nature and size of the consequences, as well as other factual circumstances of the

crime affecting the degree of its public danger. The court can conclude about the existence of grounds for applying provisions of Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation, if the actual circumstances of the committed crime indicate a lesser degree of its public danger”.

The concept of public danger can be hardly ever interpreted unambiguously. By its very nature, it is intended specifically for assessing various legal situations, which can often be atypical. Accordingly, they can hardly be assessed on the basis of standardized strict norms. Y.E. Pudovochkin defined public danger as follows: “Being an internal property of an act, public danger, at the same time, is an evaluative sign. An act is assessed as dangerous at two levels: at the level of the legislator when determining criminalization of an act and at the level of the law enforcement officer when choosing an optimal form for realization of the subject responsibility’s” [19, p. 155]. Disputes about the degree of public danger of certain committed acts and the measure of punishment for their commission do not subside both in our country and abroad (for example, in the USA there is an active discussion about the frequency of sentencing in the form of life imprisonment for violent crimes). In their publication, M. Bagaric and J. Svilar justify the proportionality of the sentence of life imprisonment for first-degree murder. At the same time, the authors point out that such a penalty is excessive for other crimes that do not entail such dangerous consequences, and suggest considering the possibility of abolishing the practice of assigning this type of punishment for crimes less serious than first-degree murder [26].

Formally, almost every sentence considers the very possibility of applying the provisions of Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation. Nevertheless, the court hardly ever changes the category of crime to a less serious one, in accordance with this article [20, p. 66]. According to sample studies, the use of Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation is found in only 1.7% of sentences, or in 5 cases out of 300 considered. According to the 2021 statistics of the Judicial Department at the Supreme Court of the RF, the courts of general jurisdiction applied Part 6 of

Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation only in 6,987 cases out of 769,948 completed ones, that is, 0.91% of the cases. In 2020, this article was applied by the courts even less often: in 0.59% of the cases [22].

It should be noted that in the system of norms of the Criminal Code of the Russian Federation, the provisions of Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation have a special character, and can be applied only in exceptional situations [18]. Thus, a criminal case must have certain features and circumstances (facts) for their application.

D.S. Dyad'kin describes the grounds for applying the rule of Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation, such as exceptional factual circumstances of the crime, and an exceptional degree of public danger of the act. Factual circumstances of the crime should be understood more broadly than just as a set of facts established in the case, simultaneously testifying to both the act itself and its criminality. These should include any circumstances related to the definition of vital facts, phenomena of reality, forming in this particular case the actual basis for applying the norm under discussion" [6, p. 23].

It should be noted that the discussion about the need for further individualization of sentencing is conducted not only in Russian scientific circles. Western researchers also draw attention to the need for additional study of all the evidence in order to identify mitigating circumstances, which will allow a more balanced approach to both the prosecution and defense of the defendant. According to J.B. Meixner Jr., the sentencing process in American courts should be reformed towards greater individualization of sentencing. The author proposes to achieve this by conducting deeper investigation of all facts and examination of evidence, as well as presenting mitigating circumstances so that they can be of effective assistance to the defender in the trial [28]. At the same time, another author emphasizes that the introduction, for example, of mandatory minimum sentences in the United States forces judges to impose minimum prison sentences solely on the basis of charges brought against the accused by prosecutors, deprives judges of

the opportunity to exercise discretion and make individual court decisions in each specific case. Since the introduction of mandatory minimum punishment, many unjustifiably harsh sentences have been imposed, including for nonviolent crimes, as well as against criminals who have not been previously convicted [29]. Of course, such a practice, which provides for the same approach to everyone, without taking into account all circumstances of the case, should be avoided in domestic justice.

Taking into account special circumstances of the category change, it is reasonable to consider correlation of Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 64 of the Criminal Code of the Russian Federation, stipulating "exceptional mitigating circumstances that significantly reduce the degree of public danger of a crime". The Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in the Resolution No. 10 of May 15, 2018 emphasized that "the court's application of Article 64 of the Criminal Code of the Russian Federation does not prevent a change in the category of crime in accordance with Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation, these norms are applied independently, since the law provides for various grounds for this".

Based on the current practice of law enforcement, it can be noted that the provisions of Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation are confidently applied by courts, although their application is not widespread due to their exceptional properties. They deserve a certain place in the system of means of individualizing criminal punishment. The basis for discussing problems of the practice to apply Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation is the recognition of the fact that, despite the complexity of existing criminal law norms on categorization of crimes, these prescriptions should not be interpreted as violating the constitutional rights and freedoms of citizens. The Constitutional Court of the Russian Federation considered citizens' appeals regarding compliance of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation with the basic law. However, none of the cases had any signs of contradiction to the Constitution in the criminal norms under consideration. At

the same time, the Court formulated an important basic thesis: "In the Criminal Code of the Russian Federation, the type and size of the punishment provided for them are used as a criterion for categorizing crimes, which serve as external formalized indicators reflecting the nature and degree of their public danger" [12]. The Court repeatedly emphasized the fact that in this case it refers to the amount of the maximum penalty established in the sanction of the relevant article of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, and not to the amount of punishment actually imposed on the defendant.

That is why the opinion repeatedly expressed in the literature that the norm of Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation contradicts the principle of legality raises fair doubts. L.O. Kuleva substantiates this point of view, as "it is the legislator who develops the article sanction, determining the content of a particular category, as well as criminal legal consequences. In case of a change in the category of a crime, the court casts doubt on the sanction of the article, establishing a different category" [8, p. 56].

However, we are not talking here about a routine and daily change in the category of a crime, but about exceptional cases, when the use of the norm of Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation is not to cancel the sanction of the applied article of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, but only to individualize punishment for the convicted person to the necessary extent [6, p. 25; 19, p. 80].

As indicated in the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, when the category of crime is replaced by a less serious one, the legal consequences for the convicted person will be determined with regard to the changed category of crime. This recommendation of the Supreme Court, which is addressed to inferior courts, emphasizes the great importance of the role of judicial authorities in determining the public danger of a crime. According to A.M. Gerasimov, the provisions of Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation provide the court with additional opportunities to give maximum objective assessments to criminal acts, minimizing the

issuance of standard, cliched decisions [5, p. 56].

Besides, L.O. Kuleva argues that the norm of Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation duplicates other articles of the same Code, in particular, Article 64 of the Criminal Code of the Russian Federation on circumstances that reduce a degree of public danger [8, p. 85]. However, in accordance with the clarification given in the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10 of May 15, 2018, various grounds are provided for using these articles, therefore, they can be applied simultaneously.

Based on a comparative analysis of the mentioned norms, it can be concluded that, although the grounds for their application have some common features, there are the following differences:

- Article 64 of the Criminal Code of the Russian Federation can be applied to crimes of minor gravity, whereas Part 6 of Article 15 cannot;

- Article 64 of the Criminal Code of the Russian Federation cannot be used in relation to certain crimes specified in Part 3 of Article 64 of the Criminal Code of the Russian Federation, whereas Part 6 of Article 15 is applicable;

- Article 64 of the Criminal Code of the Russian Federation is applied in the presence of aggravating circumstances, whereas Part 6 of Article 15 is not;

- Article 64 of the Criminal Code of the Russian Federation, unlike Part 6 of Article 15, stipulates active assistance of a group crime participant in the disclosure of this crime;

- Article 64 of the Criminal Code of the Russian Federation provides for mitigation of punishment below the lowest limit of the sanction or imposition of a milder punishment than specified in the sanction, or non-assignment of additional punishment provided for as mandatory, while Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation can be applied when imposing punishment within the limits established by the sanction of the applicable article of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, taking into account the maximum amount of punishment specified in the article itself.

When circumstances of the case suggest the existence of grounds for using both norms, and there are no legally defined obstacles to the application of Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation, it should be assumed that the court is entitled to impose a more lenient punishment than established for this crime, and at the same time change the category to a less serious one.

Proceeding from the premise that the norms of Article 64 and Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation are intended in criminal law to solve different tasks and do not compete with each other, the same facts and circumstances of the criminal case can be taken into account for their application.

In general, it should be noted that although courts, as a rule, are not ready to apply Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation, at the same time, such an opportunity changes a lot for the defendant, for example, from the appointment of a type of correctional facility to the chance to be released early. It is necessary to use this rule at least occasionally, relying not just on mitigating circumstances of the case, but on exceptional ones. This will bring us closer to solving the problem of individualizing criminal punishment.

In this sense, we should turn to the criminal legislation of the Republic of Kazakhstan. It is a vivid example of the fact that the legislator takes another approach to individualization of sentencing. In this case, the emphasis is not on the category of the crime itself, that is, not on the degree of its public danger, but on the presence or absence of mitigating circumstances. Article 55 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan [24] exhaustively and specifically states in what circumstances and in what amount the punishment should be reduced. Thus, it is provided that the presence of mitigating and the absence of aggravating circumstances is the basis for reducing the penalty for a criminal offense and crimes of small or medium gravity at least by half, for a serious crime – by no more than 2/3, and for a particularly serious crime – by no more than 3/4 of the amount established by the relevant article of the Special Part of the Criminal Code.

The provisions of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan were supplemented by the Normative Resolution of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan No. 4 of June 25, 2015, indicating the need to take into account not only the severity of the crime established in Article 11 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan, but also the totality of circumstances accompanying its commission, such as motives, goals, method of commission, form of the criminal's guilt, stage of the crime, public danger of the consequences, etc. Also, the Resolution draws the courts' attention to the fact that the rules on the imposition of a more lenient punishment can be applied only in the presence of exceptional mitigating circumstances, which, first, reduce the degree of public danger of a criminal act, and second, indicate positive characteristics of the defendant from a socio-moral point of view. The last circumstance about moral appearance of a criminal is a significant difference from similar Russian norms and their interpretations, in which there is no reference to characteristics of the criminal's personality as such.

This approach certainly has both positive and negative properties. In particular, some Kazakh jurists believe this issue to negatively affect sentences related to certain crimes. For example, there are situations when almost the same punishment is imposed on members of a criminal group performing roles completely different in importance and social danger (for example, an organizer and a minor perpetrator), for the sale of narcotic substances by one criminal in the amount of one gram, and by another – several kilograms of the same substance [3].

Unlike the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan, the Criminal Code of the Kyrgyz Republic [23] directly establishes basic principles of the criminal law, including the principle of individualization of liability and punishment.

At the same time, the 2021 criminal legislation reform carried out in Kyrgyzstan in fact, removed many means of differentiation and individualization previously introduced. Thus, the Criminal Code of the Kyrgyz Republic, adopted in 2017, was abolished. Acts that had been considered offences were transferred to the category of less serious crimes.

Article 19 of the Criminal Code of the Kyrgyz Republic fixes four categories of crimes: minor, less serious, grave and especially grave, the classification is traditionally based on the terms of imprisonment assigned to these categories.

In addition, in 2021, the institute of a cooperation agreement was abolished in Kyrgyzstan, since, according to the legislator, the presence of such an institute led to a significant decrease in the quality of investigative actions [1]. Thus, it seems that these provisions of the criminal legislation of the Kyrgyz Republic reduce the importance and role of the principle of individualization of criminal liability and punishment.

It seems that the expansion of the use of Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation is possible, in particular, in the sphere of sentencing persons who participated in organized groups or criminal communities. Hearing of cases of crimes committed by a group of persons or an organized group, or a criminal community, is always characterized by increased complexity, due to additional consideration of the facts related to determining forms of complicity, roles of each member of the criminal group in the commission of crimes, forms and degrees of guilt of each of them.

In the literature, it is customary to talk about organized forms of crime as phenomena with increased social danger. According to D.A. Yankovskii, this is mainly due to the fact that criminal associations form and operate much more stable antisocial ties of a criminal nature between individual criminal elements, and in this way a special "collective" subject of criminal activity appears [25, p. 117].

According to Paragraph 2 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, application of Part 6 of Article 15 of the Criminal Code, requires, among other factors, consideration of the defendant's role in the crime committed in complicity. However, it seems to us that this formulation is insufficient for forming law enforcement practice in this area.

Criminal organizations and communities differ in a certain distribution of roles and functions between participants according to the established unwritten hierarchy and the degree (prescription) of involvement in

criminal activity. Accordingly, the division of income from illegal activities occurs between them also in accordance with this structure and hierarchy. Mandatory features of both the criminal community and the organized group are the following: mandatory identification and definition of the goals of joint activities; detailed elaboration and planning of criminal actions; a hierarchical structure and distribution of roles among criminal community (criminal organization) members; strict discipline with unconditional subordination in the management system; organizers' active efforts to create a system for counteracting various control levels [7, p. 78].

Therefore, when considering cases concerning crimes committed by organized groups of criminals, the court has to determine, among other things, the position of each of the accused in the hierarchy of the community and the degree of complicity. This circumstance in itself sufficiently complicates the process of adjudication in such cases. During the preliminary investigation, it is necessary to establish the degree of guilt and identify the specifics and degree of actual participation of each of the accused in the commission of a crime. At the same time, a person is often involved in the criminal activity accidentally, against his/her own will, through threats, deception, blackmail, under the influence of delusion or not fully realizing consequences of his/her actions. Accordingly, personal responsibility of each person should be determined with regard to all the circumstances set out.

In order to counteract precisely group forms of crime, including latent, socially dangerous criminal phenomenon, the institute of pre-trial cooperation agreement (Paragraph 61 of Article 5 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation). Its effectiveness is achieved through promotion of positive post-criminal actions of the accused, who acquires favorable criminal legal consequences established in the agreement [2, p. 56]. In terms of effectiveness and frequency of application, it can be compared with plea bargaining in the US criminal law [27, 30].

It can be said that the application of a special procedure for considering the case when concluding a pre-trial cooperation agreement

with the accused is a compromise way of both consideration by the court and preliminary investigation of a criminal case. At the same time, assistance of the suspect or the accused to preliminary investigation bodies, as B.T. Bezlepkin notes, should be characterized by such signs as activity, interest and conscientiousness. This, in the researcher's fair opinion, is the legitimate purpose of this agreement [4, p. 233].

We also believe that the institution of a pre-trial cooperation agreement was introduced to establish a mechanism for effective counteraction of organized crime. It was assumed that this mechanism would serve as an obstacle to illegal activities of criminal groups and communities, since their participants often withhold information about criminal activity organizers and their accomplices under the fear of revenge. The norms on the pre-trial cooperation agreement allow investigative authorities to legally provide state protection measures and mitigation of punishment to participants of organized criminal groups and criminal communities in exchange for providing information about accomplices, planned crimes, criminal connections and contacts in the group (community).

According to E.Z. Sakaeva and E.E. Musina, the essence of the pre-trial cooperation agreement is reduced to a special way of investigating and solving the most dangerous and serious crimes (contract murders, banditry, illicit trafficking in narcotic drugs, weapons, corruption crimes, etc.), by encouraging the accused to actively cooperate with the investigative authorities [21, p. 87].

We studied 90 sentences, issued in a special order of the case consideration, with the application of Chapter 40.1 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation on the conclusion of a pre-trial cooperation agreement. Among them there is a relatively small proportion of sentences, in which the court found it appropriate to apply Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation and change the category of crime. In particular, the grounds were the following:

– the defendant was found guilty of committing crimes under paragraph “a” of Part 5 of Article 290, Part 1 of Article 291.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. The category of the crime under paragraph “a” of

Part 5 of Article 290 was changed from especially grave to grave, she was sentenced to the 3-year imprisonment with serving a sentence in a correctional facility of general regime and deprivation of the right to hold positions in public service, local self-government bodies with organizational and administrative and economic functions for a period of 4 years and the fine to the state revenue in the amount of 70,000 rubles [14];

– the defendant was found guilty of paying a bribe for processing documents confirming the veterinary safety of farm animals under Part 5 of Article 291 of the Criminal Code of the Russian Federation, and the fine of 3,000,000 rubles was imposed. The court, on the basis of Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation, found it possible to change the category of the committed crime from especially grave to grave [17];

– the defendant was found guilty of unlawful deprivation of liberty, violation of the inviolability of the home, and extortion. The court found it necessary to change the category of this crime from especially grave to grave, on the basis of Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation. The final punishment was imposed in the form of imprisonment for a period of four years, without a fine and without restriction of freedom [16];

– the defendant was found guilty of committing four crimes under Part 3 of Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation. The court, guided by Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation, considered it possible to change the category of four crimes committed by the defendant to a less serious one (from grave to the category of medium gravity). The final punishment was imposed on the totality of crimes by partial addition of prescribed punishments in the form of imprisonment for a period of three years. In accordance with Article 73 of the Criminal Code of the Russian Federation, the sentence imposed on the defendant was changed to suspended, and a two-year probation period was established [15].

It should be noted that most of the mentioned court sentences relate to cases of corruption and economic crimes: bribery or mediation, fraud, and extortion.

The most severe punishment in the form of actual imprisonment was imposed in the

criminal cases, when there was several episodes of criminal activity, with the defendant using her official position, or where there were other crimes, such as illegal deprivation of liberty and violation of the inviolability of the victim's home.

With all the numerous sentences in cases concerning articles of Chapter 25 of the Criminal Code of the Russian Federation, in particular, illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances, the court hardly ever uses provisions of Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Of the total number of court decisions considered in the framework of this study, there was one in which the court established grounds for changing the category of crime from especially grave to grave. The court took into account, among other things, a degree of realization of criminal intentions (the crime was not completed), non-occurrence of particularly serious consequences, commission of a crime for the first time and young age of the defendant [14]. In the operative part of the verdict, the court decided to find the defendant guilty of committing a crime under Article 30, Part 3, paragraphs "a", "d", Part 4 of Article 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, impose a sentence of imprisonment for a period of 4 years in the general regime correctional facility, changing the category of crime from especially grave to grave. So, the change in the category affected the type of a correctional institution for serving the sentence.

Thus, it can be noted that the application of Part 6 of Article 15 is rather difficult or seems impossible in relation to violent crimes, as well as crimes against public health and public morality. Taking into account the increased public danger of these crimes, in our opinion, it is difficult to determine which exceptional mitigating circumstances may prompt the court to consider the issue of individual mitigation in sentencing.

At the same time, as mentioned above, the use of Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation in judicial practice is very rare, while the article represents capacities for further development of humanization and individualization of criminal punishment.

Considering the possibility of applying this rule, when the criminal case is considered in

a special order with the conclusion of a pre-trial agreement on cooperation and the crime is nonviolent, we would like to draw attention to the following points. Paragraph 7 of Article 317.3 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation stipulates that a pre-trial cooperation agreement should specify mitigating circumstances and criminal law norms that can be applied against the suspect or the accused if the latter meet requirements and fulfills obligations specified in it. Thus, in this case we are dealing with a criminal procedural issue, which in turn covers criminal law, that is, includes application of Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation when considering a case in a special order.

Paragraph 5 of Part 4 of Article 317.7 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation indicates that at the court hearing it is necessary to investigate, among other things, the circumstances that characterize the personality of a defendant, with whom a pre-trial cooperation agreement has been concluded, and the circumstances mitigating and aggravating punishment. The Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 16 of June 28, 2012 "On the practice of courts' application of a special procedure for court proceedings when concluding a pre-trial cooperation agreement" [10] also mentions investigation of the circumstances characterizing the defendant's personality, mitigating and aggravating punishment. It is indicated that these circumstances can be established on the basis of additional materials provided by the parties, as well as witness testimony.

At the same time, the law provisions do not clarify the specific purpose of this investigation, thus it seems possible to use results of the court's consideration of these characteristics and circumstances, including for substantiating mitigation of the imposed punishment. So, if there are sufficient mitigating circumstances and personal traits of the defendant, the court has reason to change the crime severity category in accordance with Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation. This approach is confirmed by examples from judicial practice, although quite rare, when, when considering a case in a special order, the court found it pos-

sible to change the category of a crime when passing a guilty verdict [13].

It seems reasonable to recommend to courts, when criminal cases are considered in a special order with the conclusion of a pre-trial cooperation agreement and nonviolent crimes are committed as part of a criminal community (organized criminal group), to apply the rule on changing the category of crime to a less serious one, in accordance with Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation. This approach will ensure achievement of the goal to individualize imposition of punishment for secondary participants in the hierarchy of the criminal community, who perform auxiliary roles and voluntarily cooperate with investigative bodies in order to prevent further criminal activity of the community, to prevent them from committing new crimes.

In this regard, we find it sensible to supplement the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10 of May 15, 2018 “On the practice of courts’ application of the provisions of Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation” with Paragraph 13 of the following wording: “13. When the court considers cases under Chapter 40.1 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, for example, when the charges are brought against the defendant for participation in a criminal community, the court should individualize and comprehensively assess a degree of participation of the defendant and the impact of the above on occurrence of socially dangerous consequences of the act. If the

defendant meets all requirements of the pre-trial cooperation agreement, the court, when imposing punishment, additionally assesses the expediency of applying Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation, taking into account data on the defendant’s personality, the scope and nature of charges” [11].

So, the norm of Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation is applied by courts only in exceptional cases when there are special mitigating circumstances. In this case, the court plays an important role in determining a degree of public danger of the act, as well as the threat to society that the defendant’s personality represents. The contribution to the development of the theory and applied field of criminal law science is that the conclusions and proposals formulated based on the results of the study are aimed at improving the criminal legislation of the Russian Federation and solving existing problems in law enforcement practice. In particular, there are prospects for expanding the use of Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation in sentencing persons accused of committing crimes as part of criminal communities.

We would recommend courts, when considering criminal cases in a special order, when a person enters into a pre-trial cooperation agreement, charged with committing nonviolent crimes, to apply the rule on changing the category of crime to a less serious one, in accordance with Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation.

REFERENCES

1. Abdullaeva A. New criminal law of Kyrgyzstan: a throwback or efficiency policy? *Central Asian Bureau for Analytical Reporting: sait* [Central Asian Bureau for Analytical Reporting: website]. Available at: <https://cabar.asia/ru/novoe-ugolovnoe-zakonodatelstvo-kyrgyzstana-otkat-nazad-ili-kurs-na-rezultativnost> (In Russ.). (Accessed May 5, 2022).
2. Asadueva S.A. The importance of the institution of a pre-trial agreement on cooperation in criminal proceedings. *Zakon i parvo=Law and Legislation*, 2021, no. 6, pp. 54–59. (In Russ.).
3. Ashirbekov A. According to the principle of individualization of punishment. *zakon.kz: sait* [zakon.kz: website] Available at: <https://www.zakon.kz/4911883-po-printsipu-individualizatsii.html> (In Russ.). (Accessed May 5, 2022).
4. Bezlepkin B.T. *Kommentarii k Ugolovno-protsessual’nomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [Commentary on the Criminal Procedural Code of the Russian Federation (article-by-article)]. Moscow: Prospekt. 2016. 576 p. ISBN 978-5-392-32847-5.

5. Gerasimov A.M. Criminal law policy to increase the role of the court in establishing the level of public danger of crime. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*=*Legal Policy and Legal Life*, 2022, no. 1, pp. 55–59. (In Russ.).
6. Dyad'kin D.S. Criminal and legal problems of application of Article 15, Part 6 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Ugolovnoe pravo*=*Criminal Law*, 2015, no. 2, pp. 23–28. (In Russ.).
7. Korotkov S.A. Criminal community (criminal organization) and responsibility of their participants under Russian criminal law. *Akademicheskaya mysl'*=*Academic Thought*, 2020, no. 2 (11), pp. 77–84. (In Russ.).
8. Kuleva L.O. *Kategorizatsiya prestuplenii kak sredstvo differentsiatsii otvetstvennosti v Obshchei i Osobennoi chastyakh UK RF: avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk* [Categorization of crimes as a means of differentiating liability in the General and Special parts of the Criminal Code of the Russian Federation: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Yaroslavl, 2019. 244 p.
9. In the direction of humanization: the Plenum of the Supreme Court clarified how to mitigate punishment through retraining. *Pravo.ru: sait* [Pravo.ru: website]. Available at: <https://pravo.ru/news/202505/> (In Russ.). (Accessed May 5, 2022).
10. On the practice of courts' application of a special procedure for court proceedings when concluding a pre-trial cooperation agreement: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 16 of June 28, 2012. *Rossiiskaya gazeta*=*Russian Newspaper*, 2012, no. 156. (In Russ.).
11. On the practice of courts' application of the provisions of Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court No. 10 of May 15, 2018. *Rossiiskaya gazeta*=*Russian Newspaper*, no. 106, 2018. (In Russ.).
12. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 16-P of May 20, 2014 on the case of checking the constitutionality of Paragraph 1 of Part 3 of Article 31 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen V.A. Filimonov. In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2014. No. 22. Art. 2920. (In Russ.).
13. Verdict of the Privokzalnii District Court of the city of Tula of January 21, 2020 in the case No. 1-196/2019. *Sudebnye i normativnye akty RF: sait* [Judicial and regulatory acts of the Russian Federation: website]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/IGRb5goMxML1/?ysclid=17fxv7mexz786365480> (In Russ.). (Accessed May 5, 2022).
14. Verdict of the Sverdlovsk District Court of the city of Belgorod of July 23, 2020 in the case No. 1-122/2020. *Sudebnye i normativnye akty RF: sait* [Judicial and regulatory acts of the Russian Federation: website]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/qwbohF8UPc6q/?ysclid=17fxwcxejo962493303> (In Russ.). (Accessed May 5, 2022).
15. Verdict of the Tuapse District Court of Krasnodar Krai of May 19, 2020 in the case No. 1-60/2020. *Sudebnye i normativnye akty RF: sait* [Judicial and regulatory acts of the Russian Federation: website]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/y1fizbweGmLW/?ysclid=17fxx5sm8g565692349> (In Russ.). (Accessed May 5, 2022)
16. Verdict of the Chita Garrison Military Court (Zabaikalsky Krai) of May 8, 2020 in the case No. 1-52/2020. *Sudebnye i normativnye akty RF: sait* [Judicial and regulatory acts of the Russian Federation: website]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/jrr45eQuAn dK/?ysclid=17fxxzsg6r962406711> (In Russ.). (Accessed May 5, 2022)
17. Verdict of the Yashkul District Court of the Republic of Kalmykia of July 21, 2021 in the case No. 1-60/2021. *Sudebnye i normativnye akty RF: sait* [Judicial and regulatory acts of the Russian Federation: website]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/wVAXCV2XVCoT/?ysclid=17fxypizc7513765155> (In Russ.). (Accessed May 5, 2022)
18. Pudovochkin Yu.E., Genrikh N.V. Changes of category of crime by the court: theoretical applied analysis. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii*=*Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*, 2019, no. 2 (73), pp. 76–81. (In Russ.).

19. Pudovochkin Yu.E. *Uchenie o prestuplenii: izbrannye lektsii* [Doctrine of crime: selected lectures]. Moscow: YurLitinform. 2008. 224 p. ISBN 978-5-93295-654-0.
20. Reshetnik V.Ya. Taking decisions by courts on changing a category of crime for a minor crime. *Zakonost' = Legality*, 2016, no. 9 (983), pp. 65–76. (In Russ.).
21. Sakaeva E.Z., Musina E.E. Concept of plea agreement. *Interaktivnaya nauka = Interactive Science*, 2021, no. 3 (58), pp. 85–89. (In Russ.).
22. Judicial statistics of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. *Sudebnyi departament pri Verkhovnom Sude Rossiiskoi Federatsii: ofitsial'nyi sait* [Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation: official website]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (In Russ.). (Accessed May 5, 2022)
23. Criminal Code of the Kyrgyz Republic No. 127 of October 28, 2021 (with amendments and additions as of April 1, 2022). *25-YuRIST: sait* [25-Law: website]. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065 (In Russ.). (Accessed May 5, 2022).
24. Criminal Code of the Republic of Kazakhstan No. 226-V of July 3, 2014 (with amendments and additions as of March 2, 2022). *25-YuRIST: sait* [25-Law: website]. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (In Russ.). (Accessed May 5, 2022).
25. Yankovskii D. A. Features of sentencing for a crime committed by a group of persons, a group of persons by prior agreement, an organized group and a criminal community. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2015, no. 3, pp. 116–123. (In Russ.).
26. Bagaric M., Svilar J. A (partial and principled) defense of sentences of life imprisonment. *Cleveland State Law Review*, 2022, vol. 70, no. 4, pp. 667–708. Available at: <https://engagedscholarship.csuohio.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4182&context=clevstrev> (accessed May 5, 2022).
27. Johnson T. Lying at plea bargaining. *Georgia State University Law Review*, 2022, vol. 38, no. 3, pp. 673–733. Available at: <https://readingroom.law.gsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3139&context=gsulr> (accessed May 5, 2022).
28. Meixner J.B. Jr. Modern sentencing mitigation. *Northwestern University Law Review*, 2022, vol. 116, no 6. pp. 1395–1480. Available at: <https://scholarlycommons.law.northwestern.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1490&context=nulr> (accessed May 5, 2022).
29. Ramsey J. Minimum sentences, maximum suffering: a proposal to reform mandatory minimum sentencing. *Scholars Crossing. The institutional repository of Liberty University: website*. Available at: https://digitalcommons.liberty.edu/hsgconference/2022/theory_philosophy/16 (accessed May 5, 2022).
30. Reed K., Franz A., Calderon V., Meschkow A. et al. Reported experiences with plea bargaining: a theoretical analysis of the legal standard. *West Virginia Law Review*, 2022, vol. 124, no 2, pp. 421–447. Available at: <https://researchrepository.wvu.edu/wvlr/vol124/iss2/5/> (accessed May 5, 2022).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ELINA A. BABAYANTS – Second Class Justice Advisor, Assistant to the Deputy Chairman of the Moscow City Court, Moscow, Russia, eli.fart@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5126-2014>

Received June 24, 2022

Russian Accelerated Inquiry: Modern Metamorphoses of the Procedural Form

SERGEI I. GIR'KO

Center for Security Research of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia
syvorina959134@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0344-0573>

SERGEI V. KHARCHENKO

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia, dsb111@yandex.ru

ALEKSANDR A. DOLGOPOLOV

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia, Aadolgopolov1@mail.ru

ALTYNBEK M. KAMBAROV

All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia, Kambarov75@mail.ru

Abstract

Introduction: recently, the search for accelerated and simplified pre-trial proceedings both in Russia and abroad is a manifestation of the trend to humanize the criminal process. However, the analysis of the stance of procedural law scholars in the scientific literature considered through the prism of international standards of police inquiry does reveal the expediency of conducting an abbreviated inquiry. Defining the *purpose* of the research presented in the article, the authors link the current state of the accelerated inquiry efficiency with the definition of ways to optimize organization of crime investigation and solve a number of problems to differentiate the procedural form of inquiry. The following set of theoretical and empirical methods of scientific cognition of reality comprises the *methodological basis* of the research. Theoretical knowledge is based on the analysis of scientific sources and the authors' reflection on the topic of legislative regulation of an accelerated inquiry; empiricism is derived from the practice of using this form. *Discussion:* the authors of the study evaluate the ongoing discussion in the Russian scientific literature on the problem to consider an accelerated inquiry as an independent procedural form introduced into the Russian criminal process. Development of hybrid models of criminal justice in two continental jurisdictions (on the example of France and Italy) is considered. In the countries of the Anglo-Saxon legal system, such as the USA, Great Britain, Australia, a simplified procedure is usually associated with the conclusion of a plea bargain both at the stage of investigation and legal proceedings. The CIS member states' (Kazakhstan, Belarus, Moldova) approach to accelerated pre-trial proceedings only shortens its term. *Conclusion:* the authors see the solution to the existing problem in bringing domestic practices in line with international standards of police investigation procedures. The study shows that despite discussions of scientists, the accelerated inquiry model introduced in the Criminal Procedural Code of the

Russian Federation, in general, meets the requirements, and organizational measures of the Ministry of Internal Affairs of Russia will allow to spread this practice. The results of the study expand knowledge about the unified procedure enshrined in the Criminal Procedural Code of the Russian Federation and contribute to its further improvement.

Key words: criminal procedure regulation; abbreviated form of inquiry; international standards; police inquiry; accelerated pre-trial proceedings; accelerated inquiry model; organizational measures of the Ministry of Internal Affairs of Russia; scope of application of accelerated inquiry.

12.00.09 – Criminal procedure.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Gir'ko S. I., Kharchenko S. V., Dolgoplov A. A., Kambarov A. M. Russian accelerated inquiry: modern metamorphoses of the procedural form. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 3 (59), pp. 274–284. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.005

Introduction. The need to modernize criminal procedures both in Russia and foreign states is caused by the need to take into account internationalization of crime in the context of global globalization and rapid scientific and technological progress, leading to the emergence of new forms of socially dangerous behavior. The cross-border nature of crime is intensified by rapid criminalization of the information and telecommunications sphere. Experts recognize the following leading cyber threats of 2021: spread of backdoor reception in the supply chain, hacking of home systems to enter the office, attacks on cloud platforms, as well as fraud with mobile payments and QR codes [22]. In these circumstances, the need for effective international mechanisms and closer cooperation between states has been repeatedly noted by the United Nations General Assembly [24]. In November 2001, 43 states signed the Council of Europe Convention on Cybercrime, aimed at improving cybersecurity through development of international cooperation and optimization of investigative mechanisms [16]. The priority direction in most countries' activities remains the tendency to follow the processes of liberalization and humanization of criminal justice. On September 17, 1987, the Committee of Ministers of the Council of Europe signed the Recommendation No. R (87) 18 of the Committee of Ministers to Member States concerning criminal justice simplification, which indicates preliminary investigation limitation, and in some cases its non-necessity

[21]. However, international standards in the field of criminal justice and the processes of convergence of continental and Anglo-Saxon legal systems have mainly affected the judicial process and to a lesser extent pre-trial stages.

These and other prerequisites prompted the Russian legislator to search for the most optimal forms of preliminary investigation. The Federal Law No. 23-FZ of March 4, 2013 introduced Chapter 32.1 "An abbreviated inquiry" into the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, thus the procedural form of inquiry was differentiated. Although, scientific discussions are still underway between supporters of a single procedural form and supporters of a simplified procedure for investigating crimes [6]. For example, duplication of procedural actions, absence of electronic interdepartmental document flow and timing of forensic examinations and a number of other shortcomings of the criminal procedure legislation prevent reduction of terms in a simplified form of inquiry.

Taking into account the above facts, the relevance of our research is determined by:

- ongoing processes of liberalization and humanization of criminal justice;
- the search for ways to bring together the Anglo-Saxon and continental models of preliminary criminal proceedings;
- the need to differentiate the criminal procedural form and the search for effective simplified and accelerated procedures for preliminary criminal proceedings;

– conditions of criminalization of the information and telecommunications sphere and the corresponding need to establish and develop digital interaction of law enforcement agencies at the domestic and international levels.

Defining the purpose of the research presented in the article, the authors link the current state of the accelerated inquiry effectiveness with the definition of ways to optimize organization of crime investigation and solve a number of problems to differentiate the procedural form of inquiry.

The achievement of this purpose will be facilitated by gradual solution of research tasks: historical and legal analysis of the meaning and essence of differentiation of the procedural form of inquiry in Russia and abroad; identification of organizational shortcomings and problems of the practice of an abbreviated inquiry; determination of prospects for the accelerated inquiry development; analysis of information technologies to support an accelerated inquiry.

Literature review. Having analyzed scientific sources on the research topic for 2016–2021, we determined 3 groups, each of which focuses on certain aspects of the current state of an accelerated inquiry institute.

The first group of sources is related to the problem of finding effective forms of resolving a criminal law conflict by solving the task of criminal proceedings to ensure access to justice and, in general, implement the criminal process humanization concept. This is works of T. Yu. Vilkova [2, p. 167–179], V.M. Gerasenkov [4, pp. 21–25], V.V. Dzhura [8, pp. 10–21], Yu.A. Lyakhov [9, pp. 194–197], D.B. Bazarov [14, pp. 34–37], Sh.F. Fayziev [19, pp. 70–73] and other authors. Trends and vectors for applying a simplified form of pre-trial procedures in Russia and abroad are identified. The authors consider the transformative impact of globalization processes on the national criminal justice development. Convergence and bringing the norms of domestic law into line with international standards corresponds to the principles of democratization and humanization of criminal procedures. According to this group of authors, solution to the problem of improving the efficiency of pre-trial proceedings is to get rid of excessive formalization and bureaucratization. Analyzing key models of pre-trial proceedings in vari-

ous countries with regard to their affiliation to the Anglo-Saxon or continental legal system, T.Yu. Vilkova emphasizes that “the purpose of any simplified and accelerated proceedings is to eliminate unjustified obstacles to access to justice” [2, p. 168]. V.V. Dzhura studies issues of strengthening guarantees of openness and accessibility of justice, as well as simplifying the procedure for obtaining information about the movement of a criminal case in modern conditions of the information society development. The author comes to the conclusion that “Russia is on the path of gradually bringing the norms of procedural law in line with international standards” [8, p. 10]. Professor Yu.A. Lyakhov (Russia, 2021) notes that “humanity is an essential feature of the criminal process and, accordingly, all transformations should be carried out along the path of humanization” [9, p. 195]. Other researchers share this point of view. For example, a representative of the Tashkent law school D.B. Bazarova (Uzbekistan, 2016) argues that “in the age of information technology, the effectiveness of criminal justice depends on the resolution of criminal cases in a shorter time” [14, p. 34]. Sh.F. Fayziev, discussing issues of improving criminal procedural activities of inquiry bodies also focuses on such a factor as saving the state budget [19].

The second group of scientific sources consists of works of Russian and foreign authors who differently assess prospects for introducing celerant procedures in criminal proceedings of states. A.R. Belkin [1], V.M. Gerasenkov [4], S.I. Gir’ko [6], N.V. Manilkin, E.V. Bykadorova, N.V. Boldyrev [10], A.A. Prokopova [11], B. Coscas-Williams, M. Alberstein [17], S. Egbert, M. Leese [18, pp. 13–17], J. Sorabji, S. Vaughan [22], and E. Yaşar [26, pp. 255–299]. A.R. Belkin and a number of other researchers believe that the “legal regulation contradictions in the abbreviated inquiry procedure (Chapter 32.1 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation cannot be corrected only by introducing amendments. It is necessary to exclude this chapter from the norms of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation as not conforming to the rules of criminal procedural evidence and the purpose of criminal proceedings in general” [1]. On the contrary, V.M. Gerasenkov notes that the excessive

formalism of pre-trial criminal proceedings, especially when it comes to crimes of small and medium gravity, hinders access to justice and ensuring the principle of a reasonable period of criminal proceedings [4, p. 21]. The prevalence of celerant criminal proceedings in foreign countries is mostly criticized in foreign scientific press. Thus, A.A. Prokopova is sure that the new accelerated proceedings introduced by the Criminal Procedural Code of the Kyrgyz Republic (institute of accelerated pre-trial investigation; protocol proceedings on criminal offenses; procedural agreement in the form of a plea bargain and writ proceedings) have not created the expected effect over the past five years [11, p. 122]. Assessing the accelerated proceedings introduced in 2019 in the Turkish criminal process, E. Yaşar (Turkey, 2020) writes that, having refused full-fledged proof, the legislator did not strengthen procedural guarantees of the rights of participants in accelerated proceedings [26, p. 255]. B. Coscas-Williams and M. Alberstein in the scientific report of the Faculty of Law of Bar-Ilan University (Israel, 2019) discuss admissibility of simplified criminal proceedings for a limited list of crimes, taking into account mandatory presence of factual prerequisites defined in the law [17]. Scientists D. Johnson and D. Vanoverbeke (Japan, 2020) consider transparency of crime investigation as the crucial goal of reforming the criminal process in Japan. Simplified criminal prosecution procedures are possible only if the penalty for the crime in connection with which the criminal prosecution is carried out does not exceed a fine of one million yen. The report reveals that, unlike most states of the general legal and continental legal families, criminal prosecution in Japan is carried out exclusively by the prosecutor's office. At the same time, the investigation of the prosecutor's office is monitored by the Commission for controlling activities of the Prosecutor's office, a civil control body [20, p. 440].

The third group of scientific sources includes researchers who assess the current state of the abbreviated inquiry from a forensic point of view. We should mention domestic and foreign authors, such as Y.P. Garmaev, E.I. Popova [3], S.I. Gir'ko [5], A.S. Gorban' [7], W. Chen [15, pp. 323–407], F. Al-Asaad [13], L. Soubise [23], A. Vasko [25], D. Johnson, and D. Vanoverbeke [20]. Most authors

considering the problem to implement simplified forms of criminal proceedings note that they significantly save time and resources of law enforcement agencies. Scientists of the East Siberian State University Yu.P. Garmaev and E.I. Popova believe that the quality of investigation in simplified proceedings is significantly lower. They attribute this fact to the lack of developed forensic tools. Accordingly, they propose to elaborate a theoretical concept of forensic support for simplified procedures [3, p. 16]. The representative of the Kuban law school A.S. Gorban' suggests an algorithm for producing an abbreviated inquiry in the investigation of thefts [7]. Similar studies are conducted in other countries. W. Chen, relying on the legal community's latest discoveries, presents current trends of accelerated proceedings in the criminal procedure law of China. The specifics of regulating criminal procedural relations there is its party-oriented nature, but this does not prevent the Chinese legislator from following modern international trends. The lack of separation of the procedural form of preliminary investigation in China is due to a shorter duration of criminal proceedings, simplified procedure for authorizing the use of procedural coercion measures and production of investigative actions [15, pp. 323–407]. Professor at the University of Liverpool L. Soubise in the review of the book by J. Hodgson "The metamorphosis of criminal justice – a comparative report" contemplates about fundamental changes in criminal justice in England and Wales. "For example, the person who has committed a crime can be immediately brought to the magistrate's court without pre-trial preparation and a written indictment (oral formulation of the charge). If the accused pleads guilty, other evidence of guilt is not examined by the court" [23, p. 815]. A. Vashko (Slovak Republic, 2020) studies criminalistic features of the use of intelligence data in the abbreviated criminal proceedings. According to him, the abbreviated investigation in Slovakia must be completed within two months from the date of the indictment. In case of a shortened investigation, a protocol of shortened proceedings is drawn up". The author comes to the conclusion that the use of intelligence information in criminal proceedings leads to the reduction of time and is justified by the case-law of the European Court of Human Rights" [25, p. 280].

Drawing a final distinction between what has already been done and what needs to be done, we should mention, on the one hand, the diversity of scientific approaches to shortened procedures of criminal proceedings, and on the other hand, the need for their legislative refinement to the requirements of international standards. The identification of important variables related to the research topic shows that the authors often use a descriptive approach preventing development of a holistic view of improving the accelerated procedural form of pre-trial registration of materials about crimes. Accordingly, it becomes obvious that this problem requires further elaboration, namely, optimization of inquiry bodies' activities.

Materials and methods. The methodological basis of the research was the following set of theoretical and empirical methods of scientific cognition of reality. Theoretical knowledge is based on the analysis of scientific sources and the author's reflection on the topic of legislative regulation of the accelerated inquiry; while empiricism is derived from the practice of using this form.

This article, based on the systematic approach, focuses on revealing integrity of the ongoing processes to modernize criminal procedures in the context of the search for effective international mechanisms of close cooperation between states. Researchers, namely Yu.A. Lyakhov [9], N.V. Manilkin, E.V. Bykadorova, N.V. Boldyrev [10], describe not only characteristic features of international cooperation, but also a wide range of options for optimizing investigative mechanisms.

The authors, using the philosophical method of materialistic dialectics, study pre-trial accelerated proceedings in relation to the general order of criminal proceedings and the tasks to fulfill [1–8].

With the help of general scientific methods of cognition, we obtained new theoretical knowledge about the essence, content and legal nature of the accelerated inquiry. Thus, the use of the analysis method helped reveal problems in the legal regulation of accelerated pre-trial proceedings. Based on the synthesis method, the authors made proposals on theoretical foundations of various accelerated pre-trial proceedings in the criminal procedure.

In the study, the authors also applied private scientific methods of cognition, such as com-

parative-legal, specific sociological, formal-legal, and historical-legal. The comparative legal method made it possible to compare accelerated pre-trial proceedings in Russia and foreign countries by a number of criteria. The specific sociological one allowed us to study criminal cases, law enforcement practice and procedural law scientists' opinions on the issues of differentiated proceedings. The formal-legal method contributed to the research in the norms of the current Russian criminal procedure legislation regulating accelerated proceedings. Thus, researchers S.I. Gir'ko [5; 6], A.S. Gorban'[7], N.V. Manilkin, E.V. Bykadorova, N.V. Boldyrev [10] and others, with the help of the formal-legal method, identified structural logical elements that are part of accelerated pre-trial criminal proceedings. Organizational and criminological problems were identified. On the basis of these elements, accelerated pre-trial proceedings were classified. The historical and legal method of the study influenced the conclusions regarding the genesis of accelerated pre-trial proceedings within the framework of domestic and foreign criminal procedure legislation.

In general, these research methods were determined by the specifics of its purpose: to identify ways for optimizing investigation of crimes in the form of an accelerated inquiry in the context of the current state of accelerated proceedings in Russia and abroad. Accordingly, methods of observation, comparison and description were chosen as empirical research methods to evaluate theoretical proposals for optimizing the criminal procedural form of an accelerated inquiry.

A typical sample was the main method of sampling criminal cases. The subject of the study was criminal cases of crimes of small and medium gravity, the investigation of which had been conducted in the form of the general and abbreviated inquiry in 2016–2020. For the specified period, we analyzed data of legal statistics on issues related to the investigation of crimes of the above categories published on the official websites of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation, the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, the Ministry of Internal Affairs of Russia, and the Federal Bailiff Service of Russia.

Data collection and processing was carried out on the basis of applying the method

of statistical grouping of empirical data and the suggestions were made for its use in conducting research on the problem indicated in the research topic. In order to achieve the accuracy of the statistical grouping method application, the authors determined the feature underlying the division. We proposed the following classification: 1) a qualitative indicator – an accelerated inquiry under a specific article of the Criminal Code of the Russian Federation; 2) a quantitative indicator – grouping of criminal cases for which in 2016–2020 the suspects filed petitions for the abbreviated inquiry.

Results and Discussions. The Federal Law No. 23-FZ of March 4, 2013 introduced Chapter 32.1 “The abbreviated inquiry” into the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, which in fact fixed the accelerated pre-trial registration of materials on crimes, unified in procedural form and significantly optimized the inquiry bodies’ activities, primarily the police, in a certain category of criminal cases. It is also important for us to evaluate the 2013 innovation dialectically, that is, from different positions and, more importantly, taking into account opinions of researchers and practitioners.

The authors of the study evaluated the ongoing discussion in the Russian scientific literature on the problem of considering the accelerated inquiry as an independent procedural form introduced into the Russian criminal process [1; 5; 6; 7]. The most accessible opinion of the opponents of the abbreviated inquiry is expressed by A.A. Sumin, who believes that this unified procedural form was brought to life by “reformist itch, unbridled and, most importantly, not conditioned by the needs of practice” [12, p. 6]. However, the above opinion is puzzling, since it is the huge number of simple and obvious cases in the proceedings of police interrogators, distracting them from qualitative investigation of crimes with a more complex structure, that required the Ministry of Internal Affairs of Russia to constantly set the Russian legislative bodies the task of introducing a unified procedural form into criminal proceedings. In particular, in this regard, attention should be paid to the law requirement on the mandatory complaint of a suspect to conduct an inquiry in the abbreviated form. It seems that it is quite difficult to get it from the guilty person.

Meanwhile, the surveyed practical interrogators do this in the initial protocol of the interrogation of a suspect. The externally complicated procedure regulated by law does not cause any difficulties in practice.

It is worth mentioning that shortly after the introducing the chapter on the abbreviated inquiry into the Criminal Procedural Code of the Russian Federation there appeared certain forecasts, including skeptical, on a number of features of the procedure adopted by the legislator. The authors’ research in international standards of accelerated pre-trial proceedings showed that the unified form of pre-trial proceedings introduced into the Russian criminal process largely corresponds to them [5]. A wide prevalence of delinquent criminal proceedings in foreign countries makes it possible to identify interest of foreign researchers in them. The Researcher at the Judicial Conflict Resolution Laboratory of the Law Faculty of the Bar-Ilan University V. Coscas-Williams and Professor at the Law Faculty of the Bar-Ilan University, the Chief Investigator at the Judicial Conflict Resolution Laboratory M. Alberstein, having studied development of hybrid criminal justice models in 2 continental jurisdictions (case study of France and Italy), drew conclusions about prospects for accelerated pre-trial proceedings development. France and Italy had different effectiveness of criminal proceedings, ranging from elements of competition and ending with the Inquisition. The French system, having been investigative in nature for a long time, has recently begun to change in the direction of the disappeared investigation. The Italian system, on the other hand, announced a radical transformation into the adversarial structure of judicial proceedings, but at the same time applying mainly non-judicial procedures. This shift did not lead to the disappearance of the litigation phenomenon. [17]. In France, this type of inquiry is generally evaluated positively because it gives the opportunity to quickly establish the fact of a crime, detain a criminal and consolidate evidence until they disappear. Most often, pre-trial proceedings are limited to the investigation of obvious crimes. In Italy, the practice of plea bargains as a shortened pre-trial procedure was introduced by the CPC back in 1998 [5]. In the countries of the Anglo-Saxon legal system, such as the USA, Great Britain,

Australia, the simplified procedure is usually associated with the plea bargain both at the stage of investigation and legal proceedings [10]. In the CIS member states (Kazakhstan, Belarus, Moldova), the approach to the accelerated pre-trial proceedings was chosen, which only allows to shorten its term. So, A.A. Prokopova (2019) notes that in the Republic of Kazakhstan, criminal procedure legislation provides for 4 independent accelerated proceedings (accelerated pre-trial investigation; protocol form of the pre-trial investigation; procedural agreement in the form of a plea bargain; writ proceedings), identical to each other and, moreover, jeopardizing criminal procedural guarantees of human rights [11].

Another problem that is causing discussion in the scientific community concerns the issue of conducting the accelerated inquiry in relation to a specific person, when he/she admits his/her guilt. According to A.R. Belkin, this seems strange. The opinion is also expressed that the “decision on the initiation of such an inquiry is often within the discretion of the law enforcement officer” [1, p. 16]. The authors, meanwhile, do not find it strange to conduct the accelerated inquiry in relation to a particular person. Moreover, the unified inquiry procedure is therefore applied with various simplifications and reasonable deviations from classical, traditional preliminary investigation, because the crime is obvious, the involvement of a particular person in it is beyond doubt and is credible.

We also previously critically perceived the legislator’s linking of the issue of possible initiation of an abbreviated inquiry with the suspect’s complaint. Such a decision, from our point of view, should be solely the result of the discretion of the inquirer, taking into account all the case circumstances: its evidence, the suspect’s admission of guilt, and characteristics of the guilty person. No other circumstances should influence the decision to initiate the abbreviated inquiry.

Meanwhile, we couldn’t but take into account the international practice of accelerated proceedings and the police investigation procedures adopted and effectively operating in foreign countries. It should be stated that the evidence of the crime, suspect’s admission of guilt and its reliability, guilty person’s consent to pre-trial accelerated proceedings are crucial when deciding on the use of simplified

proceedings both in the countries of the continental and Anglo-Saxon systems of law.

Problems related to proof are also widely discussed among procedural law scholars. However, in this case we are talking about the crime with a simplified construction of the *corpus delicti*, in particular, a criminal is detained at the scene of the crime or shortly after its commission and does not pose a significant public danger. In this case, everything, including a proof procedure, proceeds from the procedural economy principle.

Taking into account our contemplations, it is appropriate to give an example from the legislation regulating criminal proceedings in the Russian Empire. Thus, the inquiry purpose is stated in Paragraph 15 of the Instruction of the Prosecutor of the Moscow Judicial Chamber G. Stepanov of October 15, 1909, which entered into force on January 1, 1910: “Under the obligation to detect crimes, police officers, having received statements or information about crime commission, conduct an inquiry to find out whether a crime was committed and, if so, what, when, by whom and under what circumstances” [5, p. 33]. It is quite concise and concrete.

Limits and the proof procedure as elements of the system to work with evidence, when conducting the accelerated inquiry, are also individualized by the legislator. We believe that they fully provide the possibility of applying this procedural form in inquiry bodies’ activities. In addition, they largely correspond to the foreign practice of police investigation. However, not all experts in the field of criminal procedure share the stated approach to the problem. In a number of cases, contradictory and even mutually exclusive positions are expressed. So, for example, Yu.V. Frantsiforov defines the “legal component of the features of evidence in the abbreviated inquiry production of in an form as contradicting fundamental rules not only of the evidence theory, but also the principles of criminal proceedings themselves”. On the contrary, B.T. Bezlepkin emphasizes that “various simplifications made in the work of proving in accelerated pre-trial proceedings do not contradict the evidence theory” [1, pp. 16–25].

Regarding the positions expressed in various literary sources, it should be noted that the problem of legal regulation, accelerated and simplified, that is, a differentiated pro-

cedural form and its inclusion in the Criminal Procedural Code of the Russian Federation arose at the stage of a significant increase in crime in the Russian Federation. The main burden on the investigation of mass crimes, mainly not related to the category of serious and moderate, fell on the Ministry of Internal Affairs of Russia. The main idea of the unified procedural form is its accelerated and simplified nature. By the way, leading foreign countries use the same “patterns” to similar forms of police inquiry.

Assessing the abbreviated inquiry as quite adequate to the public relations that have developed in matters of countering mass crimes of small and medium gravity, it should be noted that, from our point of view, the legislator has not found an opportunity to consider issues of regulating proving evidence. In particular, in such cases, evidentiary information comes from the same sources that are used during the preliminary investigation.

Meanwhile, within the framework of the accelerated inquiry, it is hardly justified to carry out investigative actions, especially such as forensic examinations, searches, investigative experiments and some others. At the same time, the legislator provided for exceptions from proof procedures used in the preliminary investigation: the failure to conduct a number of investigative and procedural actions, verification of certain evidence, which in itself can be perceived as an independent system of evidence for the accelerated inquiry.

However, we are talking about a different situation, similar to international practices, when within the framework of the abbreviated inquiry, a system of proof unique only for this procedural form would be developed and incorporated into the law. As the main sources of evidence here, it would be possible to use the carriers of evidentiary information contained, for instance, in Part 1 of Article 144 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, perhaps some others, but this is definitely a topic of independent research. It is important that such sources of evidence, subject, limits and process proof are unique for the abbreviated inquiry and in their totality are perceived as a proof system, immanent exclusively to this procedural form.

Has the abbreviated inquiry model fixed in the Criminal Procedural Code of the Rus-

sian Federation become the tool that ensures prompt investigation of minor crimes and bringing perpetrators to justice? Has an abbreviated inquiry filled the legal niche of unified pre-trial proceedings, which up to 1998 had been occupied by the protocol form of pre-trial preparation of materials? There is no unequivocal answer this question, but it should be noted that from year to year, after the introduction of Chapter 32.1 into the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, the scale of the investigation of cases in the form of the abbreviated inquiry is increasing.

According to the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, in 2016, a preliminary investigation was conducted for 649,197 minor and 301,001 medium gravity crimes, which amounted to 79.8% of the total number of crimes investigated; in 2018, a preliminary investigation was pursued for 603,524 minor and 270,571 medium gravity crimes, which accounted for 80.3% of the total number of crimes investigated; in 2019 a preliminary investigation was held for 587,817 minor and 252,363 medium gravity crimes, which comprised 79.8% of the total number of crimes investigated. V.M. Gerasenkov notes that the investigation of these groups of crimes according to the same procedural rules “is not always advisable, since in some cases the use of the entire procedural resource and application of the same rather long periods of criminal proceedings are clearly unnecessary” [4, p. 21].

According to statistics and factual information from the Inquiry Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in 2016, the number of cases for which an abbreviated inquiry was conducted amounted to 90,103 (9.0% of the number of registered crimes for which a preliminary investigation is optional), in 2017 – 105,886 (11.1%), in 2018 – 100,805 (12.2%), in 2019 – 82,532 (10%), and in 2020 – 65,237 (8.8%) [7]. At the same time, the abbreviated inquiry quality is characterized by quite high indicators. However, the not so decisive practice of applying Chapter 32.1 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation in recent years indicates certain legislative shortcomings. At the same time, of the total number of criminal cases sent by police interrogators to the court accelerated proceedings reached 28% and increased by 2% only over the past year.

It should be noted that if during the initial period of introduction of the novel inquiry into the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, law enforcement officers noted the absence of a unified policy to support accelerated proceedings, at the present time a common strategy has been developed at the level of federal prosecutor's offices and internal affairs bodies aimed at expanding the practice of the accelerated inquiry. Representatives of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Prosecutor General's Office of Russia visit territorial bodies with low indicators of such work. Hence, for 11 months of 2020 in the Penza Oblast Regional Office of the Ministry of Internal Affairs the number of cases of the use of the accelerated inquiry grew by 3.6 times (from 7.4% to 26.7%), and in the Mari El Republic Regional Office of the Ministry of Internal Affairs – by 2.7 times (from 11.8% to 32.1%). Nevertheless, the practice of active use of accelerated proceedings cannot be called well-established to this day. So, with the average Russian indicator of 28%, the share of the abbreviated inquiry in the Regional Office of the Ministry of Internal Affairs in the Republic of Crimea was 66.3%, in the Republic of Adygea – 59.2%, the Tver Oblast – 57%, while in the Kursk Oblast – 8.7%, and the Oryol Oblast – 13.8%.

As a result, we come to the conclusion that the legal regulation of the abbreviated inquiry, in general, is adequate to the tasks this institution faces and reflects international standards of such proceedings. Law enforcement officers, in particular interrogators of the internal affairs bodies (police), take organizational measures in order to spread the practice of the abbreviated inquiry throughout the territory of the Russian Federation, while expanding the scope of such pre-trial proceedings. However, the absence of systematic and clearly formulated forensic algorithms for accelerated pre-trial proceedings result in proceedings formalization, orientation on the accused's admission of guilt and a lack of a full trial in the case. Formation of a criminalistic concept, according to Yu.P. Garmaev, A.A. Prokopova, E.I. Popova, will contribute to maintaining a balance between public interests of applying simplified procedures [3] and, in general, ensuring the purpose of criminal proceedings.

5. Conclusions. Thus, in response to the problematic question stated in the research topic about what is happening to the unified inquiry and the form of criminal procedure regulating it: evolution or degradation, we believe that in comparison with the protocol form of pre-trial preparation of materials on crimes of a certain category, the abbreviated inquiry:

1) has become an important innovative solution that has absorbed many critical comments from scientists and practitioners;

2) is largely brought into line with most international standards and domestic practices underlying police investigation procedures.

The statistical studies demonstrate that the unified procedure fixed in the CPC is not ideal and needs further refinement to a state adequate to those public relations and challenges that will be formed in Russia in the future.

The historical and legal analysis of the inquiry differentiation in Russia and abroad shows that numerous discussions conducted by scientists do not interfere with the ongoing search for effective, simplified and accelerated forms of pre-trial proceedings in various countries. Identified organizational shortcomings and problems of the practice of the abbreviated inquiry promote optimization and efficiency of the model of accelerated pre-trial proceedings in the domestic criminal process.

Determining prospects for the accelerated inquiry development, we can mention 1) the importance of a full-fledged judicial review as a mandatory condition for the use of accelerated pre-trial proceedings; 2) the formation of one common production on the basis of the accelerated pre-trial investigation and production with a concluded agreement with mandatory proof of guilt, regardless of its recognition by the accused; 3) the rejection of the victim's opinion as one of the conditions for applying this procedural form, as well as the exclusion of the possibility of the suspect's subsequent refusal from this shortened investigation procedure. The analysis of possible introduction of digital information technologies to support accelerated inquiry allowed us to emphasize the importance of digital interaction between law enforcement agencies and the population. Creation of uni-

fied and protected digital resources will contribute both to implementing the principle of a reasonable period of criminal proceedings, minimizing the percentage of possible errors and, in general, preventing criminalization of the information and communication sphere.

Such studies encourage development of the interdisciplinary theory of compromis-

es, as well as enrich criminal procedure and criminalistic science and practice. In this regard, scientific development of such areas as digital criminology of organizing investigation, effective forms of criminal proceeding participants' interaction, forensic versions, forensic prevention and other areas synchronized with an accelerated inquiry seems relevant.

REFERENCES

1. Belkin A.R. Inquiry in simplified form: doubtful scheme with truncated evidence. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo=Criminal Judicial Proceeding*, 2016, no. 4, pp. 16–25. (In Russ.).
2. Vil'kova T.Yu. Organization of pre-trial proceedings in criminal cases in Russia and abroad as a factor in ensuring access to justice. *Vestnik universiteta im. O.E. Kutafina (MGYuA)=Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2020, no. 10, pp. 167–179. (In Russ.).
3. Garmaev Yu.P., Popova E.I. Differentiated approach of the legislator to defining the subject of proof in criminal cases with respect to minors. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki=News of the Tula State University. Economic and Legal Sciences*, 2021, no. 1, pp. 10–16. (In Russ.).
4. Gerasenkov V.M. Criteria for differentiation of accelerated pre-trial proceedings as a basis for the establishment of its efficient model. *Rossiiskii sledovatel'=Russian Investigator*, 2019, no. 6, pp. 21–25. (In Russ.).
5. Gir'ko S.I. Standards for accelerated pre-trial proceedings in police practice abroad and possibilities of their implementation in the Russian Federation. *Colloquium-Journal*, 2019, no. 18 (42), pp. 29–40. (In Russ.).
6. Gir'ko S.I. Accelerated inquiry – where and why the evolution of the procedural form led. *Colloquium-Journal*, 2020, no. 5 (57), pp. 133–136. (In Russ.).
7. Gorban' A.S. Forensic doctrine of algorithm development applied to theft investigations in the form of abbreviated inquiry. *Obshchestvo: politika, ekonomika, parvo=Society: Politics, Economics, Law*, 2018, no. 8 (61), pp. 111–114. (In Russ.).
8. Dzhura V.V. International standards of implementation of justice in the framework of the harmonization of domestic procedural law. *Sibirskii yuridicheskii vestnik=Siberian Law Bulletin*, 2016, no. 1 (60), pp. 10–21. (In Russ.).
9. Lyakhov Yu.A. The humanization of the criminal process is the general task of the Russian criminal justice. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra=Criminalistics: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2021, no. 1 (17), pp. 194–197. (In Russ.).
10. Manilkin N.V., Bykadorova E.V., Boldyrev N.V. Angliiskaya forma ugolovnogo sudoproizvodstva, kak odna iz osnovnykh istoricheskikh form ugolovnogo protsessa. In: *Mir v epokhu globalizatsii ekonomiki i pravovoi sfery: rol' biotekhnologii i tsifrovoykh tekhnologii sbornik nauchnykh stateipo itogam raboty kruglogo stola s mezhdunarodnym uchastiem* [World in the era of globalization of the economy and the legal sphere: the role of biotechnologies and digital technologies: collection of scientific articles on the results of the round table with international participation]. Moscow: Konvert, 2021. 184 p. Pp. 138–140. (In Russ.).
11. Prokopova A.A. Comparative analysis of accelerated pre-trial proceedings in the criminal process of the Republic of Kazakhstan. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii=Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2019, no. 3 (51), pp. 122–128. (In Russ.).
12. Sumin A.A. Abbreviated inquiry: a stillborn child of the criminal process reformers. *Advokat=Advocate*, 2013, no. 10, pp. 5–88. (In Russ.).
13. Al-Asaad F. "Except by accident": the Christchurch investigation. *Arena*, 2021, no. 5, pp. 13–17.
14. Bazarova D.B. Procedural safeguards in investigating and adjudicating criminal cases by summary procedure. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 2016, no. 12 (44), pp. 34–37.

15. Chen W. *Reform and development of powers and functions of china's criminal proceedings*. Singapore: Springer Nature, 2021. 551 p. ISBN 9789811584336.
16. Convention on Cybercrime (ETS No.185). *European Parliament: website*. Available at: https://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2014_2019/documents/libe/dv/7_conv_budapest_/7_conv_budapest_en.pdf (accessed May 5, 2021).
17. Coscas-Williams B., Alberstein M. A patchwork of doors: accelerated proceedings in continental criminal justice systems. *New Criminal Law Review*, 2019, vol. 22, no. 4, pp. 585–617.
18. Egbert S., Leese M. *Criminal futures. Predictive policing and everyday police work*. London; New York: Routledge, 2021. 242 p. ISBN 978-0-429-32873-2.
19. Fayziev Sh. F. Saving the state budget by improving the criminal procedure activities of bodies of inquiry. *Religacion*, 2019, vol. 4, no. 5, pp. 70–73. Available at: <http://revista.religacion.com/index.php/religacion/article/view/276> (accessed May 5, 2021).
20. Johnson D., Vanoverbeke D. The limits of lay participation reform in Japanese criminal. *Hastings Journal Crime Punishment*, 2020, vol. 1, no. 3, pp. 439–485. Available at: https://repository.uchastings.edu/hastings_journal_crime_punishment/vol1/iss3/8 (accessed May 5, 2021).
21. Recommendation No. R (87) 18 of the Committee of Ministers to member states concerning the simplification of criminal justice¹ (Adopted by the Committee of Ministers on 17 September 1987 at the 410th meeting of the Ministers' Deputies). *Council of Europe: website*. Available at: <http://rm.coe.int/16804e19f8> (accessed May 5, 2021).
22. Sorabji J., Vaughan S. "This Is Not A Rule": COVID-19 in England & Wales and criminal justice governance via guidance. *European Journal of Risk Regulation*, 2021, no. 9, pp. 143–158. <https://doi.org/10.1017/err.2020.118>
23. Soubise L. Book review: the metamorphosis of criminal justice – a comparative account. *Social & Legal Studies*, 2021, vol. 30, no. 5, pp. 813–818.
24. Tenth UN Congress on the Prevention of Crime and Treatment of Offenders "Crime and Justice: Meeting the Challenges of the Twenty-first Century". Vienna, Austria 10–17 April 2000. The United Nations: website. Available at: <https://www.unodc.org/congress/en/previous/previous-10.html> (accessed May 5, 2021).
25. Vaško A. Intelligence information within criminal proceedings. *DUNAI: Law, Economics, and Social Issues Review*. 2020, vol. 10, no. 3, pp. 267–283.
26. Yaşar E. Accelerated proceedings in Turkish Criminal. *Adalet Dergisi*, 2020, no. 65, pp. 255–299. Available at: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/1467957> (accessed May 5, 2021).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

SERGEI I. GIR'KO – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Director of the Center for Security Research of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, syvorina959134@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0344-0573>.

SERGEI V. KHARCHENKO – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Criminology of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia, dsb111@yandex.ru

ALEKSANDR A. DOLGOPOLOV – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Administrative and Financial Law of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia, Aadol-gopolov1@mail.ru

ALTYNBEK M. KAMBAROV – Candidate of Sciences (Law), associate professor at the Department of Administrative and Financial Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia, Kambarov75@mail.ru

Received June 27, 2022

Original article

UDC 343.8

doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.006

Organizational and Legal Aspects of Ensuring Cooperation between Penal Institutions and Religious Organizations

NADEZHDA V. KUZNETSOVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, nadezda17041976@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2638-4351>

TAT'YANA V. MAKAROVA

Territorial Body of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Vologda Oblast, Vologda, Russia, Solnopekova_tvm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1951-4461>

Abstract

Introduction: the article analyzes domestic normative legal acts regulating interaction between the penal system and religious organizations in terms of realizing the right to freedom of conscience and religion and organizing spiritual and moral education of convicts and persons in custody. The constitutional right to freedom of conscience and freedom of religion is guaranteed to everyone and should also be ensured in the event of a person's conviction or detention. To date, there is a certain regulatory framework. The reform of the Russian penal system is to a certain extent aimed at strengthening and expanding cooperation with religious organizations, requiring adjustment of the existing system of normative legal acts. *Purpose:* to characterize the system of existing domestic regulatory legal acts regulating and protecting this area, identify the shortcomings of legal regulation hindering full-fledged cooperation of the Federal Penitentiary Service of Russia with religious associations, and suggest ways to solve problematic issues. *Methods:* dialectical method of scientific cognition, methods of logical analysis and synthesis, comparative-legal, system-structural, statistical, formal-legal. *Results:* the authors have substantiated the necessity to use capacities of religious organizations belonging to various faiths when implementing educational work with persons in isolation as part of the correction process. The problems of legal regulation of the considered public relations are revealed. *Conclusions:* in order to ensure full cooperation between the penitentiary system and religious organizations in terms of realizing the right to freedom of conscience and religion, it is necessary to improve the regulatory framework, taking into account religious canons and the specifics of activities of penitentiary institutions.

Key words: penal system; correctional institution; religious organization; cooperation; convicts; persons in custody; legal regulation; punishment; correction; spiritual and moral education.

12.00.11 – Judicial activities, prosecutor's activities, human rights and law enforcement activities.

5.1.2. Public legal (state legal) sciences.

For citation: Kuznetsova N. V., Makarova T. V. Organizational and legal aspects of ensuring cooperation between penal institutions and religious organizations. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 3 (59), pp. 285–292. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.006

Humanization of the criminal policy, expressed in the priority assignment of criminal penalties not related to isolation from society, is one of the areas of reforming the penal system. The implementation of this approach, on the one hand, led to reduction in persons sentenced to imprisonment, but on the other hand, deterioration of qualitative characteristics of the personality of criminals serving sentences in penitentiary institutions, since persons with low moral values get there. Unfortunately, most of them are repeat offenders. The statistics of the Federal Penitentiary Service of Russia for 2021 reflect quantitative indicators of the occupancy of institutions. 423,822 convicts served their sentences in correctional facilities, of them, 228,015 people had more than two convictions [3]. The presence of repeated crimes indicates a person's persistent criminal orientation and desire to lead an illegal lifestyle.

At the same time, the basic ideas of the modern penitentiary system are to correct convicts and prevent recidivism [11]. Correction, according to the legislator, should be achieved by forming a respectful attitude towards a person, society, work, norms and rules accepted in society, and promoting a law-abiding lifestyle.

Besides regime requirements as a means of correcting convicts, we should mention socially useful and educational work, opportunities for education and profession, and public influence. The stated goal is successfully achieved, when a former convict denies an antisocial lifestyle and illegal behavior. A special place in the formation of value orientations of persons who have violated the law is occupied by spiritual and moral education, implemented, including through religious influence.

Religion, as a certain system of views, is a type of socio-historical worldview, a form of spiritual culture of the mankind, which includes a set of moral norms and rules of life that unite a huge number of people. To date, religion has penetrated into almost all spheres

of life and has an impact on a large range of social relations [14]. The penal system is no exception. Its modern development is impossible without effective interaction with civil society institutions. Therefore, strengthening cooperation with traditional religious organizations, as well as expanding their participation in the spiritual and moral education and upbringing of convicts, persons in custody, employees and members of their families is indicated as the most important direction of the ongoing reform of the penitentiary system.

Nowadays the prison clergy institute is actively functioning in the penal system. Representatives of various religious confessions carry out educational and preventive work in places of deprivation of liberty, thereby participating in correction and re-socialization of convicts. So, to date, 1,477 buildings, structures and premises used for religious rites function in 935 institutions of the penitentiary system. Most premises are used by persons (1,025) professing Orthodoxy. The interests of convicts adhering to Islam (389), Judaism (14), Buddhism (27), as well as other religious movements (22) are taken into account [3].

The need for religious education is emphasized at the legislative level. Thus, the Constitution of the Russian Federation contains guarantees of freedom of conscience and religion for every person (Article 28), and also reserves the right to profess any religion or renounce religious affiliation altogether. It is important that a person's choice is not limited by the legal framework, which makes it possible to interact with religious organizations in various fields of activity, including in the penal system. Today, the church is a popular tool for influencing convicts, which required not only the creation, but also the reform of legal foundations of its activities.

Any legal system will be finally formed and effective only if there is a balanced legislation that performs both regulatory and protective functions. In this regard, the regulatory framework on the basis of which the interac-

tion of the penitentiary system with religious organizations is carried out will be considered through these aspects. The first group includes normative legal acts regulating this activity.

Constitutional provisions on freedom of conscience and religion are reflected in the federal legislation. Thus, the federal law "On freedom of conscience and religious associations" was adopted in September 1997. This normative legal act became the regulator of relations in the field of human and civil rights to freedom of conscience and freedom of religion and determined the legal and civil status of religious associations. This law stipulated the conduct of religious rites in penitentiary institutions and guaranteed the secrecy of confession. Adoption of the document and subsequent amendments to it (2021) adjusted activities of religious organizations and served as a barrier to penetration of destructive sects, pseudo-religious organizations, and foreign missionaries into places of detention [10].

It is important that in order to ensure strict compliance of the current legislation by religious organizations and prevent them from committing illegal actions, the judicial authorities, the prosecutor's office, and other authorized bodies monitor their activities within their competence.

In addition to convicts, persons in custody have the right to freedom of religion. Their interests are protected by the Federal law No. 103 of July 15, 1995 "On the detention of suspects and accused of committing crimes". It explicitly states the prohibition of discrimination on religious grounds and guarantees the possibility of religious ceremonies.

The Russian Orthodox Church has normative documents justifying the need for interaction with the penal system to work with persons who have violated the law, such as the Fundamentals of social concept of the Russian Orthodox church of August 13, 2000, as well as the Mission of the prison service of the Russian Orthodox Church and penitentiary institutions of March 12, 2013 [9]. They emphasize the importance of pastoral and missionary work in places of detention.

The agreement between the Ministry of Justice of the Russian Federation and the Russian Orthodox Church is a significant ad-

ministrative document in terms of achieving socially significant benefits [2]. It determines the need for the staff of penal institutions to cooperate with representatives of the Russian Orthodox Church in the field of spiritual care, religious and moral education of convicts. The parties pledged to provide all possible support to each other, in particular, create favorable conditions in correctional institutions for church representatives to visit believers, perform prayers and divine services, carry out religious education and upbringing, assist in the construction of temples, chapels, prayer rooms, and provide them with cult items and special literature. It seems that the signing of this document is justified, since it is aimed at creating conditions for productive religious service in institutions of the penitentiary system. In 2017, the cooperation agreement was signed directly with the Federal Penitentiary Service of Russia (hereinafter referred to as the FSIN of Russia).

Similar agreements were also concluded in 2010 with the Russian Council of Muftis, the Federation of Jewish Communities of Russia, and the Buddhist Traditional Sangha of Russia [8]. In the same year, the program for cooperation between the Federal Penitentiary Service of Russia and the Russian Union of Evangelical Christians-Baptists (RUECB) was signed.

Conditions for visiting certain penitentiary institutions and conducting religious activities with convicts are specified in agreements [5] on cooperation with territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia and the religious organizations registered in accordance with the established procedure. They determine key issues related to the list of buildings and structures that are planned to be used for religious rites. To date, rites of baptism, penance, anointing, confession, communion, and unction are held in penitentiary institutions, religious literature is distributed, etc. Time limits of rituals, personal data of the clergy who will carry out activities on the territory of a correctional facility, and items used in conducting religious rites are also agreed upon, and a list of relevant literature is discussed. Interaction of the parties to the agreement is carried out free of charge to ensure the right to freedom of conscience and freedom of religion of convicted persons

and persons in custody. Similar agreements have been concluded in all territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia.

For example, back in 2018, representatives of the Vologda Diocese of the Russian Orthodox Church and the Territorial Body of the Federal Penitentiary Service of Russia signed the agreement aimed at ensuring freedom of conscience and freedom of religion of convicts who are isolated from society [12]. Priests participate in pedagogical influence, spiritual and moral upbringing and education, restoration of socially useful ties, preparation for release and subsequent re-socialization after serving a sentence.

Effective interaction between the penitentiary system and religious organizations requires revival of the practice of constant cooperation between clergy representatives and correctional institutions that perform the functions of assistant chiefs for organizing work with believers in territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia [4].

Unfortunately, despite the work done, there is currently no single normative act that would regulate the legal status of assistants in organizing work with convicts and certain areas of their activities,.

The provisions corresponding to the basic law of the country regarding the rights of persons in isolation to freedom of conscience and religion are contained in the Penal Code of the Russian Federation.

The amendments to Article 14 of the Penal Code of the Russian Federation made in 2015, of course, contribute to realization of this constitutional right, since convicts have the opportunity to freely perform religious rites and listen to sermons. Religious convicts serving sentences in isolation are entitled, without quantitative restrictions, to meet in person with clergymen out of earshot of third parties. Objects of worship and religious literature can be used. There are special premises at correctional institutions. At the same time, it is worth mentioning that the right to freedom of conscience and religion is voluntary. Satisfaction of religious needs should not violate internal regulations of institutions and infringe on the rights of others.

At the same time, it should be noted that the effectiveness of the influence of religion on convicts, the degree of its penetration be-

hind bars depends on the state authorities [11]. While the state guarantees convicts freedom of conscience and religion, there are also certain prohibitions and restrictions related to the type of institution, conditions of serving a sentence and the regime of detention. Thus, the Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 110 of July 4, 2022 "On approving the Internal regulations of pre-trial detention facilities of the penal system, the Internal regulations of correctional facilities and the Internal regulations of correctional centers of the penal system" fixes certain conditions for the exercise of convicts' rights. A brief analysis of the Regulations shows that there is an appropriate mechanism for the realization of convicts' rights to freedom of conscience and religion, taking into account the specifics of places of detention of convicts. First, the conditions for conducting religious rites are defined in agreements on cooperation with territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia. Second, only priests belonging to the religious associations registered in the Russian Federation are allowed to enter the territory of a penitentiary institution. Third, religious rites are performed only in places determined by the administration of an institution. Depending on the place and conditions of serving a sentence, these may be residential premises, lockable premises, cells, or corresponding buildings and structures located on the territory of a correctional institution. Fourth, it is forbidden to use piercing and cutting objects of religious worship, including those made of precious metals or having cultural or historical value, during church rites. Fifth, personal meetings with the priest cannot exceed two hours and are held in the presence of an administration employee. If necessary, with the written consent of the priest, a personal meeting (in private) can be held out of earshot for third parties, but using video surveillance. Sixth, the storage of certain substances, for example, intended for communion, is prohibited on the territory of a correctional facility. Their use is possible only during the service.

At the same time, it should be borne in mind that religious influence on convicts differs from other areas of educational work, it is implemented taking into account persons' individual needs. In order for this activity to be as

orderly and effective as possible, the Regulations contain not only prohibitions. Convicts, wishing to receive spiritual help, can submit a written request for this. Besides, they are allowed to use religious literature located in the institution and have religious items. Convicted persons suffering from serious illnesses are also provided, at their request, with the opportunity to perform necessary religious rites with the invitation of church representatives. On the eve of church holidays, the clergy, with the permission of the institution administration, can transfer to convicts ready-to-eat food (cakes, dyed boiled eggs, dry confectionery) made on the territory of a correctional institution.

The state grants the right to every person to profess any religion or to be an atheist, as well as act in accordance with their beliefs. Religious relations in the system of execution of punishments are also protected under certain provisions of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation. So, administrative liability is provided for obstructing the exercise of the right of persons in isolation to freedom of conscience and freedom of religion in accordance with Article 5.26 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation [1]. This activity entails the imposition of a fine on an individual in the amount of 50–100 thousand rubles. If the offense is committed by a legal entity, the amount of a fine increases to 1 million rubles. It is punishable to publicly desecrate religious literature, objects of religious veneration, signs or emblems of ideological symbols and attributes, as well as their damage or destruction.

Religious activity of an organization without specifying its official full name is qualified as an administrative offense. Issuing and distributing literature and other materials of religious content that have no, insufficient or deliberately false labeling entails the imposition of an administrative fine and confiscation of these items. Religious organizations, foreign citizens and stateless persons engaged in missionary activities in violation of the Russian legislation on freedom of conscience, freedom of religion and religious associations are brought to liability in the form of a fine and administrative expulsion.

Criminal liability is provided for the commission of public actions expressing obvious disrespect for society and insulting believers' religious feelings (Article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation). The criminal legal influence measures are differentiated depending on the place of commission of these actions, for example, a place of a religious rite or ceremony. The acts to hinder religious activity, committed with the use of official position or violence are classified by the legislator as particularly qualified, for the commission of which a penalty of imprisonment is provided.

Certain provisions of the criminal law establish liability for committing murder motivated by religious hatred or enmity (paragraph "l" of Part 2 of Article 105 of the Criminal Code), intentional infliction of serious or moderate harm to health for the same reasons (paragraph "e" of Part 2 of Article 111 of the Criminal Code, paragraph "e" of Part 2 of Article 112 of the Criminal Code of the Russian Federation), discrimination of a person because of his/her attitude to religion (Article 138 of the Criminal Code of the Russian Federation), inciting hatred or enmity, humiliation of the dignity of a person or group of persons because of religious beliefs (Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation), etc.

At the same time, the current legislation has certain shortcomings, which in practice cause disputes and may lead to the violation of the right to freedom of conscience and religion of persons in custody and places of deprivation of liberty. For example, the preamble of the law "On freedom of conscience and religious associations" indicates the importance of the Orthodox religion itself, and its special role in the development of the spiritual and cultural heritage of Russia. It is separately noted that other religions are also respected in the country: Christianity, Islam, Buddhism, Judaism, as well as those that are an integral part of the historical heritage of Russia. Pointing out the privileged position of some religions in relation to others that are historically not traditional for Russia can become a prerequisite for discrimination of convicts who identify themselves with non-widespread confessions in the country.

Clergymen actively participate in the process of education, have a positive impact

on convicts, thus affecting not only the operational situation in the institution and moral and psychological climate, but also helping to achieve the stated goals of criminal punishment, that is to correct convicts and prevent them from committing new crimes. A clergyman does not act on behalf of the state and has a neutral status. A benevolent manner of communicating with others can change a criminal's attitude to the committed act, become a powerful incentive for repentance and encourage renunciation of violence and other types of illegal activities. According to some researchers, the appearance of a priest in places of deprivation of liberty causes positive feelings in convicts [13].

The penal legislation contains a list of forms and methods of educational work as a means of correction. These include moral, physical, labor, legal and other effects. In essence, religious influence on convicts differs from other areas of education. It has specific forms and methods and is mainly associated with the performance of religious rites, reading religious literature, prayers, sermons, etc. In this regard, the absence of an indication of religious influence as the main means of correction in Part 2 of Article 9 of the Criminal Code of the Russian Federation does not seem correct.

The activity of religious organizations in penitentiary institutions, according to researchers, has its own characteristics that need to be taken into account. These include isolation conditions, a specific object of influence, and a legal framework [6]. A special role is played by internal regulations that should not be violated when performing religious ceremonies. Unfortunately, there is currently no regulatory act that would specify the issues related to the conduct of appropriate rituals with the participation of persons held in correctional and other penal institutions. Thus, the current legislation does not contain a direct prohibition on the implementation of certain religious rites in isolation, which means that any rite can be held at the request of convicts. At the same time, if it does not meet the regime requirements, there appears a for violating the right to freedom of religion and freedom of speech. For example, when a cleric performs a Judeo-Islamic circumcision

rite (an analogue of baptism in Orthodoxy), cutting objects, prohibited by internal regulations, are used. During some liturgies, church sacraments of Communion, Unction of the sick and weddings, red church wine is used, which is classified as prohibited items on the territory of a correctional facility. Also, internal regulations do not allow the use of prayer mats (namazliks), since they do not belong to wearable or pocket objects of a religious cult. For Muslim believers, the problem of studying the Koran in Arabic is critical. Current nutrition norms do not provide for the preparation of individual dishes, consuming or refusal of which is required by one or another religion [7]. Hence, difficulties arise with fasting, cooking halal food, etc. All this may lead to the fact that the observance of church customs will become impossible, and therefore convicts and persons in custody will not be able to exercise their right to freedom of conscience and religion. Another pressing issue that needs to be addressed is the implementation of regime measures: inspections of priests, objects of spiritual purpose, and examination of premises for rituals for finding prohibited items, including with the use of service dogs. According to church canons, a dog is considered an "impure" animal (Canon 88 of the Sixth Ecumenical Council (VII)). Its presence in the room where the divine service is taking place is a serious violation of the canon. Implementation of regime measures may offend religious feelings of believers and desecrate religious shrines, this discouraging convicts to repent and correct.

Thus, the cooperation between the penal system and representatives of various religious denominations contributes to the process of correction of convicts and their subsequent re-socialization. At the same time, the provision of this right has a number of legislative restrictions due to the specifics of the functioning of penitentiary institutions. The absence of normative legal acts regulating activities of representatives of religious organizations in a penitentiary institution decreases the effectiveness of interaction. The solution to the problem is seen in the creation of a single normative act, the provisions of which would be mandatory for both penitentiary institutions employees and clergymen.

REFERENCES

1. Vorob'ev S.M. The constitutional-legal bases of activity of religious organizations in the Russian penal system. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo=Penal Law*, 2016, no. 1 (23), pp. 32–35. (In Russ.).
2. Korobova E.G. Agreement on cooperation of state executive bodies and the Russian Orthodox Church as a form of administrative contracts. *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie=Region: Systems, Economics, Management*, 2018, no. 4(43), pp. 213–218. (In Russ.).
3. Brief description of the penal system of the Russian Federation. *Federal'naya sluzhba ispolneniya nakazanii: ofitsial'nyi sait* [Statistical data of the Federal Penitentiary Service of Russia: official website]. Available at: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (In Russ.). (Accessed June 30, 2022).
4. Markelova O.N. Peculiarities of appointment of an assistant chief of a territorial body of the FPS of Russia on work with the faithful. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo=Penal Law*, 2016, no. 1 (23), pp. 61–64. (In Russ.).
5. Machkasov A.I., Parshkov A.V. The interaction between territorial bodies of FPS of Russia and religious organizations: experience, problems, perspectives. *Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi zhurnal=International Penitentiary Journal*, 2015, no. 2, pp. 39–42. (In Russ.).
6. Mel'nikova N.A., Matveev D.O. Some aspects of the legal regulation of religious organizations and their activity in prisons. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo=Penal Law*, 2014, no. 1 (17), pp. 20–23. (In Russ.).
7. Mishustin S.P. Features of the work of clerics with the inmates of confinement. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta=Bulletin of the Samara Law Institute*, 2014, no. 1 (12), pp. 38–42. (In Russ.).
8. Morozov A.S. Legal regulation of the religious relations in the penitentiary sphere. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta=Bulletin of the Samara Law Institute*, 2015, no. 3 (17), pp. 63–68. (In Russ.).
9. Fundamentals of social concept of the Russian Orthodox Church. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov': ofitsial'nyi sait Moskovskogo patriarkhata* [Russian Orthodox Church website of the Moscow Patriarchate]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (In Russ.). (Accessed June 30, 2022).
10. Polishchuk N.I. Administrative-legal principles of activity of the Russian Orthodox Church in penitentiary institutions of Russia. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie=Man: Crime and Punishment*, 2013, no. 3, pp. 125–130. (In Russ.).
11. Trofimova N.N. Historical experience of interaction of penal correction system of Russia with the Orthodox Church and other religious associations in the sphere of work with convicts. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy=Vedomosti of the Penitentiary System*, 2019, no. 3 (202), pp. 48–55. (In Russ.).
12. The Territorial Body of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Vologda Oblast has concluded an agreement on cooperation with the Vologda Diocese of the Russian Orthodox Church. *Federal'naya sluzhba ispolneniya nakazanii: ofitsial'nyi sait* [Statistical data of the Federal Penitentiary Service of Russia: official website]. Available at: https://fsin.gov.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=416618 (In Russ.). (Accessed June 30, 2022).
13. Fomin V.V. Religion and its influence on persons sentenced to deprivation of liberty. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya=Applied Legal Psychology*, 2019, no. 2 (47), pp. 101–107. (In Russ.). doi: 10.33463/2072-8336.2019.2(47).101-107.
14. Shaidulina N.D., Simonova M.A. Features of the realization of freedom of religion in places of deprivation of liberty. *Molodoi uchenyi=Young Scientist*, 2017, no. 3 (137), pp. 471–473. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

NADEZHDA V. KUZNETSOVA – Candidate of Sciences (Law), Senior Lecturer at the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, nadezda17041976@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2638-4351>

TAT'YANA V. MAKAROVA – Head of the Department of Educational and Social Work with the Staff of the Territorial Body of the Federal Penitentiary Service in the Vologda Oblast, Vologda, Russia, Solnopekova_tvm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1951-4461>

Received July 4, 2022

Original article

UDC 343.13

doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.007

On the Concept of Prompt Investigation in Institutions Executing Custodial Sentences

IGOR' A. IVAN'KOV

Kirov Institute for Advanced Studies of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, Kirov, Russia, iwanckow2011@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6414-0702>

Abstract

Introduction: the article is devoted to the analysis of scientific sources on the definition of prompt investigation as an organizational and tactical form of law enforcement intelligence operations to ensure maintenance of law and order in correctional institutions. *Purpose:* based on the analysis of literary sources, to develop a definition of prompt investigation for operational units of the penal system to ensure law and order when executing a sentence of imprisonment. *Methods:* comparative legal, empirical methods of description and interpretation, theoretical methods of formal and dialectical logic. *Results:* the analysis of literary sources on the issue under consideration made it possible to formulate the definition of prompt investigation in relation to activities of operational units of correctional institutions to maintain law and order in the execution of custodial sentences. *Conclusions:* the author made proposals on prompt investigation features when executing a sentence in the form of imprisonment, aimed at improving effectiveness of understanding this tactical form of prompt investigation activity.

Key words: Federal Penitentiary Service; operational units; law enforcement intelligence-gathering activities.

12.00.12 – Criminalistics; forensic examination activities; law enforcement intelligence-gathering activities.

5.1.4. Criminal legal sciences

For citation: Ivan'kov I. A. On the concept of prompt investigation in institutions executing custodial sentences. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 3 (59), pp. 293–301. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.007.

Introduction.

As a result of the state policy that expands possibilities of applying alternative criminal penalties not related to isolation from society (restriction of freedom, forced labor), the number of persons held in institutions of the penal system is declining consistently.

As of January 1, 2021, 354.1 thousand people were held in correctional facilities, which is 369.8 thousand less than in the same period of 2010 (723.9 thousand people) [12].

At the same time, despite the decreased number of persons serving sentences in the form of imprisonment, the number of offenses committed in correctional institutions goes up. For example, there was a 24% increase in the registered crimes under Article 321 “Disorganization of activities of institutions providing isolation from society” in 2010–2018.

Further improvement of the activities of institutions executing sentences in the form of deprivation of liberty is possible in case of strengthening the rule of law there.

Let us analyze the rule of law in the execution of a custodial sentence and its elements. The rule of law in correctional facilities should be considered as rules of conduct of participants in public relations regarding execution and serving of a criminal sentence in the form of imprisonment regulated by the norms of law.

The essential elements of law and order in a correctional institution are the following:

1. law and legality as its regulatory and legal basis;
2. administration of a correctional institution, convicts, other persons (judges, prosecutors, relatives of convicts, etc.) endowed with subjective rights and duties are participants (subjects) of legal relations;
3. lawful behavior committed by subjects within the framework of legal relations, which constitutes the content of the rule of law.

In various literary sources, the term “legality” refers to a number of categories: principle of law, method of activity of state bodies and their officials, system of legal norms regulating public relations [25, pp. 454–475; 26; 27].

In our opinion, a fairly accurate definition of legality is given by N.V. Vitruk: “Legality from a functional point of view can be characterized as a principle of building and functioning of the democratic state of law, as a requirement defined by it for the activities of all government structures, bodies, organizations, institutions, public associations, their officials; as a method (means) of exercising power; as a state (regime) of public and state life” [6, pp. 350–351].

In the practical implementation of law requirements, legality acts as a method of directing and managing activities of institutions and bodies executing punishment and officials; more precisely, legality is a special property, qualitative content of this activity.

As a method of activity, legality means that officials of institutions and bodies executing criminal penalties in the form of imprisonment must strictly comply with laws and other regulatory legal acts in their activities. Implementation of legality as an activity method of officials of institutions and bodies executing punishment determines the use of legal norms, and not arbitrariness and subjective discretion, in relations between subjects of penal relations.

As a system of legal norms, legality in the execution and serving of a sentence in the form of deprivation of liberty acts in terms

of proper and effective application of prescriptions enshrined in regulatory sources of various legal force by all participants in the criminal enforcement process. Penal law norms are applied in order to regulate social relations arising in the process and regarding execution, as well as serving a sentence, application of corrective measures to convicts. Hence, norms of law regulate execution of punishment necessary for the state and society, ensuring correctional, educational influence on convicts, and their re-socialization; the social value of penal law and its norms is determined.

Law acts as a regulator of public relations through a system of attitudes of proper behavior of participants in these relations. At the same time, in order to maintain law and order, the system of formally defined norms acts as the main category characterizing the state and dynamics of law and order in the execution and serving of punishment. When the rule of law is violated, an offense arises and, accordingly, law and order is shattered. Any violation of the established procedure for serving a sentence is at the same time a violation of the rule of law. The rule of law in the penal enforcement system is the legality implemented in penal legal relations. In other words, the rule of law is achieved only through ensuring legality.

Participants (subjects) of legal relations are another element of maintaining law and order.

In the theory of law, participants (subjects) of legal relations are understood as individuals and legal entities who, on the basis of legal norms, can have subjective rights and legal obligations [25–27].

We believe that when maintaining law and order in correctional institutions, not only penal, but also organizational and managerial, administrative and legal, civil and criminal legal relations arise and develop due to possible preparation and commission of offenses and the need to prevent, suppress and (or) clear them. Therefore, based on the subject of our research, we adhere to the point of view that the subjects of legal relations for the maintenance of law and order in institutions executing punishment are both convicts and the administration of these institutions, as well as other individuals and legal entities who enter into public relations with the administration and convicts.

Taking into account that the penal legislation, in its essence, embodies an ideal model of law and order in the execution of criminal penalties in the form of imprisonment and has the purpose of correcting convicts and preventing commission of new crimes by the convicted and other persons (Part 1 of Article 1 of the Penal Code of the Russian Federation), we can state that the provision of law and order in a correctional institution presupposes the following:

1) prevention of commission of new crimes, both by convicted and other persons. The effective solution of this problem is closely related to the exclusion of offenses in a correctional institution. The legal order is very often linked to a specific level of crime in a correctional institution, and its condition is determined by the dynamics, structure and nature of crimes and other illegal acts committed in the institution. Thus, V.M. Artamonov points out that law and order appear to be the result, on the one hand, of the actions of those who violate, and on the other hand, it is directly dependent on the level of professionalism of law enforcement officials [1, p. 81]. In other words, the rule of law in a correctional institution depends, first of all, on the administration's capacities to prevent offenses and crimes.

2) correction of convicts. Regime is one of the main means to inculcate a respectful attitude towards a person, society, work, norms, rules and traditions of human community in convicts and stimulate their law-abiding behavior in a correctional institution (Part 2 of Article 9 of the Penal Code of the Russian Federation), therefore it is obvious that maintaining law and order is only possible through proper provision of regime requirements.

3) prevention of crimes and offenses committed by personnel of correctional facilities. Activities of the staff of a correctional institution are predetermined by various regulations. The rights and obligations of penal system employees follow from goals and objectives of the penal legislation (articles 1, 3 of the Penal Code of the Russian Federation) and the content of the rights and obligations of convicts (Chapter 2 of the Penal Code of the Russian Federation). Article 13 of the law "On institutions and bodies executing criminal penalties in the form of deprivation of liberty" assigns a number of responsibilities to insti-

tutions executing punishments (and therefore to their personnel). Improper performance of functional duties by correctional institution employees affects the state of law and order in an institution, for instance, improper supervision of convicts who are in the premises of detachments by the duty shift at night, untimely or incomplete response to convicts' violations of the daily routine of the institution, etc.

The third key element of law and order in a correctional institution is lawful behavior of subjects within the framework of legal relations, which constitutes the content of law and order.

The analysis of literary sources shows that in the theory of law, lawful behavior is understood as socially useful conscious behavior of subjects of legal relations, corresponding to legal prescriptions [14, pp. 421–423]. At the same time, the subjects of lawful behavior are not only individuals, but also legal entities.

In relation to the subject of the current study, lawful behavior of various subjects of legal relations arising from the maintenance of law and order in a correctional institution is various conscious actions of officials and citizens regarding the execution and serving of a custodial sentence that comply with legal regulations.

In other words, enforcement of punishment is a process of influencing the personality of a convicted person, which in the end should form his/her law-abiding behavior.

Implementation of measures to influence the personality of a convicted person during the execution of a criminal sentence is a process regulated by the norms of law. Of course, this process should proceed in a certain order and sequence, as well as follow common goals and objectives, that is, using methods of implementing legal regulations.

It is the execution of the procedure established by the penal legislation for the enforcement and serving of a sentence in the form of deprivation of liberty by all subjects of legal relations that is the essence of maintaining law and order in the execution of this type of punishment.

Effective performance of operational units for operational and investigative support of the fight against offenses in correctional institutions involves identification of primary, previously unknown, information about persons

plotting, preparing, committing or committed offenses, as well as facts occurring on the territory of correctional institutions (hereinafter – correctional facility and territories adjacent to it) and affecting the state of law and order in the execution and serving of a sentence of imprisonment.

Operational investigative science indicates that identification of persons and facts lies at the heart of law enforcement intelligence operations and serves as a necessary condition not only for the detection of crimes, but also for their prevention [23, p. 51]. Indeed, timely identification of previously unknown categories of persons of operational interest, facts of their illegal behavior is the first stage in the process of combating offenses [10, p. 3; 20, p. 58].

We support this point of view that identification of persons and facts of operational interest acts as a necessary condition for combating *crimes*.

Our position on the issue about *offenses* is determined by the specifics of activities of operational units of the Russian penal system. It manifests itself in the following. Activities of these operational units on the use of operational-search forces, means and methods to combat *offenses* in the institutions under consideration are regulated not only by the operational-search, but also penal legislation of the Russian Federation.

There are the following laws in the field of legal regulation of law enforcement intelligence operations in the execution of sentences in the form of imprisonment are:

- Law of the Russian Federation No. 5473-1 of July 21, 1993 “On institutions and bodies executing criminal penalties in the form of deprivation of liberty”;

- Federal Law of the Russian Federation No. 103-FZ of July 15, 1995 “On the detention of suspects and accused of committing crimes”;

- Federal Law of the Russian Federation No. 1-FZ of January 8, 1997 “Penal Code of the Russian Federation”.

Previously, we have repeatedly considered issues of legal regulation of law enforcement intelligence operations in institutions that execute sentences in the form of imprisonment [9, pp. 115–134]. In accordance with paragraphs 1, 2 of Article 13 of the Federal Law “On institutions and bodies executing criminal

penalties in the form of deprivation of liberty”, institutions executing punishment are obliged to meet requirements of the Russian penal legislation and create conditions for ensuring law and order and legality, safety of convicts and personnel, officials and citizens located on their territories. Article 14 establishes the rights of institutions to monitor compliance with regime requirements at the facilities of institutions executing punishments and territories adjacent to them, as well as to carry out operational investigative activities in accordance with the Russian legislation. The tasks of operational units of the institutions executing punishment in the form of imprisonment are legislatively fixed in Article 84 of the Penal Code of the Russian Federation.

One of the tasks of law enforcement intelligence operations in institutions executing a custodial sentence is to identify, prevent and detect violations of the established procedure for serving a sentence that are being prepared and committed in correctional institutions.

The solution of this problem significantly affects the process of execution of a sentence in the form of imprisonment. This statement can be proved by statistical data on activities of the Federal Penitentiary Service of Russia. In 2020, in employees of correctional institutions impounded more than 499 thousand rubles, of which more than 462 thousand – upon delivery; more than 1,450 liters of industrial alcoholic beverages of which more than 1,390 liters – upon delivery; more than 25,590 liters of artisanal alcoholic beverages; more than 56,300 units of communication equipment, of which more than 25,800 units – upon delivery [18].

Therefore, we find it reasonable to talk about prevention and disclosure of offenses by means of operational investigative activities.

In the theory of law enforcement intelligence operations, the search for primary information is considered as an independent organizational and tactical form. Search for the primary information is its characteristic; all other organizational and tactical forms are based on its results [2, p. 56].

Primary information means previously unknown, and its receipt reduces some uncertainty in knowledge about someone or something. It is this point of view on the concept of

“information” that is most common [3; 5; 11; 13; 16; 28]. Thus, according to Yu.S. Blinov, “these data do not reduce uncertainty or affect the subject’s behavior. They remain data until there is a need for them, until they are referred to in connection with the implementation of certain actions or the obligation to make some decision. In other words, to remove the uncertainty that has arisen. Therefore, information is always primary” [3, p. 209].

Primary information is different in its content. At the same time, it contains data previously unknown to operational units about persons prone to committing crimes and violations of the established procedure for serving sentences, facts or events that are important for combating offenses.

Primary information obtained during investigation is one of the main means to cognize various processes (phenomena) associated with illegal activities of persons prone to committing crimes and violating the order and conditions of execution and serving of punishment. So, this information contains objective signs of illegal connection of a person, object, fact or other circumstance with a specific offense or crime as a social phenomenon.

Nowadays, the law enforcement intelligence operations theory has various approaches to defining prompt investigation. S.E. Matveev analyzed more than 10 definitions of prompt investigation and identification of persons and facts of operational interest [15, pp. 188–191]. Without going into their detailed analysis, we emphasize that the lack of a clear understanding of the process of implementing search activities, along with theoretical problems, leads to confusion in approaches to their planning and implementation.

To begin with, we should note that many authors, studying the essence of prompt investigation, divide the received information into primary and secondary [21]. E.N. Yakovets concludes that any subject, including an operational worker, perceives data as information only if they are systematized correctly, evaluated and contain something new [29, p. 74].

Thus, sharing the above point of view, it is possible to talk more about primary and secondary nature of data than information.

The latter, undoubtedly, is an argument in favor of defining the organizational and tacti-

cal form of ensuring the fight against offenses in the execution of a sentence in the form of imprisonment, as identification of primary prompt investigation data.

At the same time, this definition is, in our opinion, more concise than “identification of persons and facts of operational interest”, since the latter implies not only the process of prompt investigation and receipt of primary data, but also certain actions to verify them.

This definition presumes that after conducting a set of prompt investigation activities, an operational unit of this form should receive exactly new information of operational interest.

At the same time, it can be argued that in the process of data identification and subsequent verification there may be obtained the information about persons and facts that is of no operational interest. There is a certain logic in this remark.

We believe that considering the construction of this definition from the position that the phrase “of operational interest” indicates a requirement for the ultimate goal of the prompt investigation, it does not exclude actions that during this process will filter out information unnecessary for operational reasons.

Thus, the wording “information on the identification of persons and facts of operational interest” seems to us more adequate.

As we have already noted, different authors give different definitions of prompt investigation.

A.S. Vandyshev understands prompt investigation as a system of prompt investigation measures carried out by subjects of law enforcement intelligence operations in order to detect persons, objects and phenomena of operational interest [4, p. 11].

However, in this case preliminary analysis of the situation, verification of the information received, as well as making a decision on its use to combat offenses remain outside the definition.

A.Yu. Shumilov considers prompt investigation as law enforcement intelligence operations for detecting latent crimes and persons who committed them, as well as initially unknown causes and conditions for committing crimes [17, p. 199].

What this definition involves is the crimes that were committed, but remained latent, criminals and initially unknown reasons and

conditions for their commission, but, as in the definition presented above, the author does not take into account the analysis of the situation, the decisions taken, as well as the persons who prepare and commit offenses. Accordingly, it is not possible to take measures to prevent or suppress illegal activities of these persons.

In this regard, we back those authors who divide the process of identifying persons and facts of operational interest in stages in the following order:

- prompt investigation and receipt of primary data;
- their verification;
- decision-making [24, p. 5; 7, p. 4].

However, this approach also lacks preliminary analysis of the operational situation at the search objects.

Achieving positive results depends on each of these stages. But the leading place among them in terms of the amount of work performed is occupied by an prompt investigation aimed at obtaining primary data.

Operational investigative measures provided for in Article 6 of the Federal Law “On operational investigative activities” are conducted by officials of operational divisions of correctional facilities (or other officials and specialists), as well as citizens involved in the search on a public and secret basis. At the same time, information systems, video and audio recording, film and photography, other technical and other means can be used.

All this indicates that the content of the activities to identify persons and facts of operational interest is complex.

At the same time, it should be noted that the conduct of prompt investigation activities aimed at obtaining primary data, from the point of view of the current prompt investigation legislation, raises doubts.

At the same time, if we consider legal regulation of law enforcement intelligence operations in the institutions executing punishment in the form of imprisonment, then the task of *identifying* crimes being prepared and committed in correctional institutions and violations of the established order of serving a sentence is legally assigned to operational units of these institutions. But how can this task be solved?

As it is known, operational investigative activities presuppose the conduct of opera-

tional investigative measures (Part 1 of Article 1 of the Federal Law “On law enforcement intelligence operations”).

Accordingly, Article 7 of this law specifies grounds for conducting operational investigative measures aimed at identifying illegal acts that are being prepared, being committed and have been committed.

In accordance with Paragraph 2.1 of Article 7, the basis for carrying out prompt investigation measures is certain information that has “become known” to the bodies carrying out law enforcement intelligence operations (if there is not sufficient data to initiate a criminal case). That is, operational investigative measures can be carried out only after receiving primary data.

Of course, no one denies the possibility of obtaining primary data from citizens’ statements, reports of officials, etc., regardless of the measures taken to detect them. At the same time, obtaining primary information about latent crimes, intentions of persons preparing crimes or violations of the established procedure for serving and executing sentences, processes secretly occurring among convicts is very problematic. This information is revealed by conducting search activities. The main purpose of carrying out these activities is precisely to identify primary data on such acts and persons involved in their commission. In case if Article 7 of the Federal Law “On law enforcement intelligence operations” does not specify grounds for holding such events, then the question arises about legality of these events.

The considered norm of the federal law “On law enforcement intelligence operations” stipulates the conduct of operational investigative measures when receiving information about *signs of the illegal act being prepared, being committed or have been committed*, as well as about persons preparing, committing or having committed it. However, from the point of view of the legislator, there are no grounds to carry out operational investigative measures at the stage of the intention to commit an illegal act. But this contradicts the legislation norms (Part 1 of Article 2 of the Federal Law “On law enforcement intelligence operations” and Part 1 of Article 84 of the Penal Code) regarding prevention of offenses.

Taking into account the above, we find it reasonable to clarify the grounds for carrying

out prompt investigation measures stipulated in Article 7 of the discussed law.

Researchers considered issues of prompt investigation in institutions executing sentences in the form of imprisonment. E.N. Bilous, for example, notes that search for primary information in a correctional facility is a set of targeted measures aimed at detecting, obtaining, verifying and accumulating information containing new (previously unknown) special knowledge that is important for combating crime and other offenses in the institution [2, p. 57].

However, we believe it misses an important stage, such as decision-making. After discovering, receiving, checking, accumulating new (previously unknown to operational units) special knowledge, it is necessary to make an effective decision, otherwise all the work done will be in vain.

V.I. Potapov, in relation to activities of these institutions, considers identification of persons and facts of operational interest as the process of implementing a set of operational-search, regime, educational and other measures aimed at obtaining primary data of interest to the administration of a penitentiary institution, their verification and decision-making in order to prevent and disclose crimes, detect malicious violators of the regime of serving a sentence and search for escaped convicts [19, pp. 123–132].

A.V. Senatov, analyzing the presented definition, notes that the author has not taken into account one of the tasks of law enforcement intelligence operations, namely: thwarting of crime [22, p. 102].

From our point of view, terms “prevention” and “thwarting” essentially express the same phenomenon, so in this matter we would rather agree with V.I. Potapov.

However, if we are talking about a set of measures carried out by operational units of the penal system in order to obtain information of operational interest to maintain law and order in correctional institutions, then the definition presented needs some adjustment.

To begin with, when conducting prompt investigation in correctional institutions, operational unit employees carry out a set of measures of an prompt investigation, regime and educational nature. This is determined by the fact that they participate in conducting rou-

tine and educational measures against convicts, as representatives of the administration of these institutions. At the same time, employees of operational units also participate in conducting educational activities for employees and employees of other units, departments and services of institutions. So, they receive primary data on persons and facts of operational interest for solving tasks. But we are considering the definition of an operational-tactical form of operational-investigative activity, therefore, it is not entirely correct to talk about a set of measures of various nature aimed at obtaining primary data of interest to the administration of a correctional institution, albeit within the framework of maintaining law and order.

Furthermore, the presented definition lacks the analysis of the operational situation in a correctional institution as the basis for activities of the operational unit, and does not specify subjects of prompt investigation.

Therefore, we believe that the process of prompt investigation should begin with the analysis of the operational situation of the objects where it is supposed (planned) to conduct prompt investigation activities aimed at obtaining primary information about persons and facts of operational interest. In relation to the topic of our research, the operational situation in the correctional institution should be analyzed.

At the same time, we agree with the point of view of A.N. Zhuravlev, who comes to the conclusion that the operational situation in correctional institutions is a combination of internal and external conditions (factors) in which their activities are carried out, characterized by qualitative and quantitative indicators affecting the criminogenic situation in them, organization and implementation of execution of punishment in the form of imprisonment [8, p. 34].

Thus, *prompt investigation* in institutions executing custodial sentences should be understood as a process based on the operational situation analysis to implement a set of operational investigative measures carried out by operational units of the correctional facility aimed at obtaining primary information of interest for combating offenses, checking it and making decisions for further use in the performance of tasks that the specified divisions face.

REFERENCES

1. Artamonov V.M. *Pravoporyadok v sovremennom rossiiskom obshchestve: kontseptual'nye obosnovaniya i innovatsii* [Law and order in modern Russian society: conceptual foundations and innovations]. Moscow: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 1998. 143 p.
2. Bilous E.N. *Organizatsiya i taktika bor'by s protivopravnoi deyatel'nost'yu liderov kriminal'noi sredy v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh: uchebnoe posobie* [Organization and tactics of combating illegal activities of leaders of the criminal environment in correctional institutions: teaching guide]. Edited by V.M. Atmazhitov. Moscow: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 1998. 168 p.
3. Blinov Yu.S. *Teoreticheskie osnovy operativno-rozysknogo proizvodstva po delam operativnogo ucheta: dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Theoretical foundations of operational investigative proceedings in cases of operational accounting: Doctor of (Sciences) Law dissertation]. Moscow, 2003. 313 p.
4. Vandyshev A.S. *Organizatsiya i taktika operativnogo poiska* [Organization and tactics of prompt investigation]. Moscow: Akademiya upravleniya MVD SSSR, 1984. 89 p.
5. Wiener N. *Kibernetika* [Cybernetics]. Moscow: Sov.radio, 1968. 286 p.
6. Vitruk N.V. *Zakonnost': ponyatie, zashchita i obespechenie. Obshchaya teoriya prava: kurs lektsii* [Legality: concept, protection and provision. General theory of law: course of lectures]. Ed. by B.K. Babaev. Nizhny Novgorod: NVSh MVD RF, 1993. 544 p.
7. Zhilin O.A. *Formy operativno-rozysknoi deyatel'nosti: lektsiya* [Forms of law enforcement intelligence operations: lecture]. Ufa: Ufimskaya vysshaya shkola MVD SSSR, 1990. 45 p.
8. Zhuravlev A.N. *Otsenka operativnoi obstanovki v ispravitel'nom uchrezhdenii: organizatsionnye i pravovye osnovy: dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Assessment of the operational situation in a correctional institution: organizational and legal bases: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Ryazan, 2009. 269 p.
9. Ivan'kov I.A. *Operativno-rozysknoe obespechenie podderzhaniya pravoporyadka v uchrezhdeniyakh, ispolnyayushchikh nakazaniya v vide lisheniya svobody (teoreticheskie i pravovye aspekty): monografiya* [Operational and investigative support of maintaining law and order in institutions executing sentences in the form of imprisonment (theoretical and legal aspects): monograph]. Kirov: Kirovskii IPKR FSIN Rossii, 2018. 112 p.
10. Klimov I.A., Vandyshev A.S., D'yachkovskii S.A. *Organizatsiya i taktika operativnogo poiska: lektsiya* [Organization and tactics of prompt investigation : lecture]. Moscow: Yurid. in-t MVD Rossii, 1998. 32 p.
11. Kolmogorov A.V. Three approaches to the concept of "quantity of information". *Problemy peredachi informatsii=Problems of Information Transmission*, 1965, vol. 1, no. 1, pp. 3–11. (In Russ.).
12. Concept for the development of the penal system of the Russian Federation for the period up to 2030. *Elektronnyi fond pravovykh i normativno-tekhnicheskikh dokumentov: sait* [Electronic Fund of Legal and regulatory and Technical documents: website]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/603496992> (In Russ.). (Accessed February 4, 2022).
13. Kuvaldin V.N., Terent'ev B.I. *Informatsionnyi fond sluzhby BKhSS, ego organizatsiya i ispol'zovanie* [Information Fund of the Combating the Theft of Socialist Property and Speculation, its organization and use]. Gorkii: Vsh MVD SSSR, 1975. 245 p.
14. Marchenko M.N. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnyk* [Theory of state and law: textbook]. Moscow: Prospekt, 2011. 636 p. ISBN 978-539-20185-50.
15. Matveev S.E. *Operativnyi poisk v kriminal'noi srede: uchebnoe posobie* [Prompt investigation in the criminal environment: teaching aid]. Ed. by Yu.F. Kvashi. Moscow: MI MVD Rossii, UVD Novgorodskoi oblasti, 1998. 103 p.
16. Ovchinskii S.S. *Operativno-rozysknaya informatsiya. Problemy teorii i praktiki* [Operational and investigative information. Problems of theory and practice]. Moscow, 1976. 108 p.
17. *Operativno-rozysknaya entsiklopediya* [Operational-search encyclopedia]. Comp. by Shumilov A.Yu. Moscow: Shumilova I.I., 2004. 363 p. ISBN 5-89784-080-6.
18. Report on the results of operational and service activities of the security departments (regime and supervision) of correctional facilities, medical correctional institutions, medical and preventive institutions, juvenile educational facilities, prisons, pre-trial detention

centers, departments (departments, groups) of the regime and supervision of territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia for the fourth quarter of 2020. In: *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy yanvar' – dekabr' 2020 goda: informatsionno-analiticheskii sbornik* [Main indicators of criminal activity-executive system January – December 2020: information and analytical collection]. Tver: NIIIT FSIN Rossii. 386 p. (In Russ.).

19. Potapov V.I. Some questions of tactics of identification of persons and facts of operational interest by ITU operational apparatuses. In: *Trudy Akademii upravleniya MVD SSSR* [Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the USSR]. Moscow: Akademiya upravleniya MVD SSSR, 1988. 87 p. (In Russ.).

20. Rabunskii V.E., Matsakov G.A. On the issue of the information support system for operational investigative activities of internal affairs bodies. In: *Teoreticheskie i prakticheskie problemy operativno-rozysknoi deyatel'nosti* [Theoretical and practical problems of operational investigative activity]. Kaliningrad: Kaliningradskii yuridicheskii institut MVD Rossii, 1999. 205 p. (In Russ.).

21. Reva A.M. On the issue of the essence of collecting information relevant for preventing and solving crimes (prompt investigation). In: *Aktual'nye voprosy sovershenstvovaniya pravovogo i organizatsionno-takticheskogo obespecheniya deyatel'nosti operativnykh apparatov organov vnutrennikh del: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Topical issues of improving legal and organizational and tactical support for the activities of operational apparatuses of internal affairs bodies: intercollegiate collection of scientific papers]. Moscow, 2000. Pp. 202–206. (In Russ.).

22. Senatov A.V. *Pravovye i organizatsionno-takticheskie osnovy preduprezhdeniya prestuplenii operativnymi apparatami tyurem: dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Legal and organizational and tactical bases of crime prevention by operational prison apparatuses: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Vladimir, 2011, 186 p.

23. Sinilov G.K. *Pravovye i takticheskie osnovy operativno-rozysknoi deyatel'nosti sovetsoj militsii: avtoreferat dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Legal and tactical bases of operational-search activity of the Soviet militia: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 1983. 98 p.

24. Smirnov S.A., Bordilovskii E.I. *Organizatsionno-takticheskie formy operativno-rozysknoi deyatel'nosti organov vnutrennikh del: fondovaya lektsiya* [Organizational and tactical forms of operational-search activity of internal affairs bodies: lecture]. Moscow, 1986. 30 p.

25. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya vuzov* [Theory of state and law: textbook for universities]. Ed. by V.D. Perevalov. Moscow: Norma, 2004. 496 p. ISBN 5-89123-785-7.

26. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik* [Theory of state and law: textbook]. Ed. by V.K. Babaev. Moscow: Yurist", 2003. 592 p. ISBN 5-7975-0239-9.

27. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya vuzov* [Theory of state and law: textbook for universities]. Ed. by V.M. Korel'skii, V.D. Perevalov. Moscow: NORMA-INFRA-M, 2000. 616 p. ISBN 5-89123-388-6.

28. Shannon C.E. *Raboty po teorii informatsii i kibernetike: sbornik statei* [Works on information theory and cybernetics: collection of articles]. Ed. by Dobrushin R. L., Lupanova O.B. Moscow: Izd-vo inostrannoi literatury, 1963. 829 p.

29. Yakovets E.N. *Operativno-rozysknaya identifikatsiya* [Prompt investigation identification]. Ed. by V.M. Atmazhitov, B.Ya. Nagilenko. Moscow: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2003. 101 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

IGOR' A. IVAN'KOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Deputy Head for Academic and Scientific Work of the Kirov Institute for Advanced Studies of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, Kirov, Russia, iwanckow2011@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6414-0702>

Received February 28, 2022

Planning Documents to Develop the Russian Penal System in the Period of 2010–2030: Name, Type and Procedure for Entry into Legal Force

OLEG N. DYAD'KIN

Vladimir State University Named After Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia, e-mail: krimvggu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1887-2977>

ANDREI V. KALYASHIN

Vladimir Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russia, e-mail: cav71@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9699-020X>

Abstract

Introduction: recently, development of the Russian penal system is based on the conceptual provisions enshrined in legal documents that are the result of strategic planning. The conceptual provisions are being developed in order to achieve the desired state of the penal system in the future and represent a system of views aimed at improving activities of its institutions and bodies. Planning documents set up the final result, as well as priority development directions, as a rule, for a ten-year period according to the national legislation with regard to international norms and standards. *Purpose:* to conduct a comparative analysis of individual conceptual provisions in the terminated and newly adopted planning document aimed at improving the management system; taking into account results of the study, unresolved issues identified during implementation of the conceptual provisions, and positions of scientists and practitioners, to formulate theoretical and practical recommendations for the developers of a new legal document focused on developing the entire system of penal institutions and bodies. *Methods:* the methodological basis of the study is made up of general scientific methods, such as generalization, analysis, synthesis, deduction and induction, a system-structural method of comparison, as well as private scientific means of analyzing normative documents. *Conclusions:* the conceptual documents introduced in recent decades reflecting the leading ideas to optimize activities of the penal system and the chosen direction to execute criminal penalties predetermined the vector of its development. Moreover, the considered system of views has had a significant positive impact on the functioning of the institutions and bodies executing criminal punishment, as well as law enforcement practice. *Results:* the authors have identified unresolved problematic and debatable aspects of conceptual documents related to the implementation of departmental provisions, the form, methods and subjects that put into effect the legal acts under study. Based on the results of the analysis, the researchers made a theoretical conclusion and proposed doctrinal and practical recommendations that can form the basis for working out a new conceptual document occupying a higher position in the hierarchy of legal acts aimed at developing the entire system of institutions and bodies executing punishments.

Keywords: document; planning; form; method; concept; system.

12.00.14 – Administrative law; administrative process.

5.1.2. Public legal (state legal) sciences.

For citation: Dyad'kin O. N., Kalyashin A. V. Planning documents to develop the Russian penal system in the period of 2010–2030: name, type and procedure for entry into legal force. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 3 (59), pp. 302–309. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.008.

Introduction. Undoubtedly, the implementation of principles of the modern penal policy in the field of executing criminal penalties requires continuous significant transformations, including in the Russian penal system. This, in turn, determines the relevance of the research, need for scientific, based on official legal documents, modeling of the content and stages of development of the system of penitentiary institutions, including forecasting the expected results that should manifest themselves in its new qualitative state. The authors, backing the penal system reforms as a process of improving its activities, find it important to reconsider objectives of the conduct and results of their achievement.

In modern conditions, most developed countries, including Russia, are searching for optimal directions to develop activities of institutions and bodies executing criminal penalties, including in the form of incarceration. The improvement of activities, among other factors, directly affects criminalization of the convict's personality, which is confirmed by foreign researchers. F. Mirić studied causes of the criminogenic influence of penitentiary institutions in the Republic of Serbia in detail and came to the conclusion about the state of stress of all convicts sent to serve a sentence of imprisonment in a penitentiary institution. In his opinion, they have to put an end to their former way of life, live in a closed-type penitentiary institution with a very diverse contingent of prisoners. Due to the loss of freedom, some of the convicts are deprived of the privileges they had outside of prison. In response to these restrictions, they commit new crimes and serve new sentences. For this reason, the time spent in prison, from the author's point of view, can be a sufficient criminogenic factor [15, p. 37].

In the context under consideration, we note a steady trend of introducing official le-

gal documents of the so-called atypical legal nature over the past two decades.

Important components of giving legitimacy to the legal documents under consideration are the form, method and subjects that put them into effect and meet modern realities of life.

Concepts [14] and programs are the documents of atypical legal nature focused on enhancing the penal system.

The introduced conceptual documents are for departmental use. The sphere of application is limited, as the need for their elaboration always comes from the body in charge of criminal penalty execution, and their developers are research and educational institutions under its jurisdiction. Accordingly, provisions of these development documents do not apply to the entire set of institutions and bodies executing punishment, but only to the organizations that are part of the penal system. For example, betterment of punishment execution by bailiffs in the form of a fine remain is not provided for in the document.

In the 1990s, to enter into force, concepts were to be approved by the head of state. Currently, a program is approved by the resolution of the supreme executive collegial body of state power, and a concept by its order. It results in the ambiguity of the subject of giving legal force to the documents under study.

For a more objective characterization of the issue under consideration, it is important to note the position of a number of legal experts who believe nowadays the level of approval of a modern conceptual document has been significantly lowered. So, according to Professor V.I. Seliverstov, a new conceptual document to develop the penal system should be validated by the President of the Russian Federation, since the head of state, by virtue of the Basic Law, defines basic directions of the country's domestic and foreign policy.

Besides, he runs force structures, including the Federal Penitentiary Service, its institutions and bodies [9].

We will conduct a comparative analysis of the documents aimed at the penal system development, approved over the past two decades.

The Concept for the development of the penal system of the Russian Federation up to 2020 approved by the by-law of the Department (hereinafter referred to as the 2010 Concept) expired at the end of 2020. The ten-year period, divided into 3 unequal stages (2010 – 2012; 2013 – 2016, 2016 – 2020), was designed to implement the concept.

The provisions of the 2010 Concept have positive and negative sides. The conceptual document contains original ideas and measures of state influence on persons who committed crimes and were found guilty. At the same time, despite the complexity to implement the conceived intentions in the Russian conditions, some of the conceptual provisions have found their embodiment in practical activities of the penal system. Separation of individuals sentenced to imprisonment for the first time and those who have served a sentence of this type earlier is normatively consolidated and implemented in practice. These measures made it possible to accommodate a larger number of convicts in the region of residence, while reducing costs to transport a special contingent to other Russian subjects.

With all this, it is impossible not to take into account the current situation associated with the inclusion in the 2010 Concept of, at first glance, advanced ideas that in fact do not correspond to real goals and objectives. At the same time, clearly set and relevant goals make the planning document itself realistic [4]. One of the unattainable aspirations was to bring the performance of institutions and bodies executing punishments to European standards for treating convicts. Upgrading organizational structure of the penal system was another important direction of its reforming. In fairness, we should mention the work within the framework of the legal basis concept on changing the profile of correctional institutions, which provides for the creation of isolated areas that operate as prison.

The results of the 2010 Concept implementation show insufficient study of certain provisions and their inconsistency with reality; additions and amendments were introduced into the planning document in 2012 and 2015. To be more specific, the Russian Government's Decree No. 1877-R of September 23, 2015 amended the initial direction for the penal system development associated with the conversion of correctional facilities into prisons [2]. Another deviation from the intended goal was to improve activities of penal institutions and bodies to meet international standards. Besides, this planning document was supplemented with significant provisions to protect convicts' legitimate interests and rights, including their labor rights, thus boosting effectiveness of the 2010 Concept. At the same time, as a result of the changes, the document lost innovative ideas, moving into the category of important, but private improvements. This thesis is supported by P.V. Teplyashin, who argumentatively asserts that the rejection of one of the original core goals – expansion of prisons in the penal system, has entailed the loss of the idea containing a creative meaning in the document under consideration [11].

At the same time, though the issue of re-profiling of institutions is rather neglected, it does not exclude the relevance of the issue on separate placement of convicts in cells or rooms designed for one person to meet recommended international standards [10].

Since the transfer to the prison system is rather costly, during the transition period it seems right to develop a new type of institutions that should combine several types of regime and types of institutions, which in turn should be reflected in the conceptual document [3]. There are a number of Russian and foreign studies devoted to this problem.

R.Z. Useev, at the level of assumption, analyzed issues related to the formation and development of Russian institutions of a unified type. The author studied 3 fundamental areas to improve the institutions under consideration, including spatial development, legislation and law enforcement. Each of these directions was considered from the perspective of unresolved issues [12].

We find it reasonable to study experience of creating institutions of this kind in the penal system of the Republic of Azerbaijan. Thus, N.S. Salaev notes that the State program for the development of Azerbaijani justice for 2009–2013 provided for the construction of a new type of institutions, namely, penitentiary complexes, which include, among other things, a prison model. From the scientist's point of view, institutions that combine several types of regime and types of penitentiary institutions will create conditions for consistent application of the basic guidelines related to separation and individualization of punishment execution. As a result, according to the expert, convicts will be held in cells of penitentiary institutions during the transitional, thus, a new type of prison will be tested [16].

It is rather difficult to assess the degree of scientific elaboration of issues related to the conceptual development of the penal system, while in recent years they have been the focus of close attention of professional communities.

Scientists, law enforcement officers, human rights defenders and former penal system employees positively assess the penal system transformation as a process to improve its activities, accompanied by a change in the properties of institutions and bodies executing punishment.

Yu.A. Reent, having conducted a detailed assessment of its provisions implementation, identifies a number of controversial points in it, unresolved issues, and also focused on the positive results achieved [7].

Other legal experts point out serious shortcomings in the concept, associated with unreal nature of certain provisions. V.B. Malinin, who, having considered key provisions of this document, also concludes about the presence of flaws and impossible proposals in it [6].

The Minister of Justice of Russia K.A. Chuchenko admits that not all the provisions of the 2010 Concept were implemented. According to the minister, the document was largely aimed at eliminating unresolved complex issues in the penal system, which infrastructure had been used for centuries and the depreciation of fixed assets had been more

than seventy percent [8]. The 2010 Concept, with the inclusion of truly noteworthy conceptual provisions, a few months later, gave legal force to the Concept for the development of the penal system of the Russian Federation for the period up to 2030 (hereinafter referred to as the 2021 Concept).

The 2021 Concept acts as a kind of sum in strategic planning for the next decade. Among important directions to improve penal system activities, there are measures related to strengthening material and technical bases and enhancing working and living conditions of convicts. The document largely pays attention to the unresolved issue concerning the introduction of administrative probation mechanisms [5]. At the initial stage, the most important task is to consolidate the positive results that have been achieved in recent years due to liberalization of the criminal policy and interaction of the federal penitentiary body with agencies performing law enforcement functions and other public authorities.

Let us compare, without going into details, individual provisions of the concept, which ended in 2020, and the newly introduced one. This will make it possible to comprehend emerging patterns and directions of movement in the sphere of reforming the Russian penal system. It should be noted that the text of the new concept discussed since 2018 had characteristic differences from its final version. In terms of internal construction, they did not differ much. Each document included six sections, which consisted of 13 subsections in the expired Concept and 15 in the draft one (in the process of discussion and adoption). There are 23 sections in the final version of the 2021 Concept.

The approved 2021 Concept fixed only two chronological periods in its execution. Stage 1 (2021–2024) involves preparation of regulatory legal acts focused on fulfilling goals and objectives, as well as adjustment of related targeted programs at the federal level. We should note innovations, such as activities to improve electronic interaction with other state bodies and formation of a probation service.

Stage 2 (2025–2030) is aimed at developing the administration of the penal system. At the same time, the implementation of plans is

to be refined and optimized. Special attention is paid to timely summing up of interim results, which will be the basis for working out a next draft document, determining core directions for further improvement of the domestic system of punishment execution [1].

Among uncertain points in the name of both conceptual documents under consideration, as in many such acts, it is possible to single out the use of the time interval “up to 20 ...”. In fact, the wording “up to” does not fix in detail whether the validity time expires at the beginning of the calendar year, or at its end. So, it is possible to determine the time period of the Concepts “up to 20...” in whatever time period it pleases: until the beginning of 20 ... or until its end. From our position, the name of the document should have the interval “for the period of 2021–2030”.

Forms of the studied documents are the same (concept), in addition, the term “development” is used in their names, which is equally applied in the name of the Concept of the federal target program “Penal system development (2017–2025)”.

Hence, several documents of the same form and name were adopted, distinguished solely by type, period of validity and other words.

A way out of this situation was proposed by R.Z. Useev, who recommended accepting similar documents with different terms and fixed time intervals. In his opinion, the current concept refers to doctrinal legal acts and should be called as the “Penal system modernization concept (2021–2030)” [13].

The 2021 Concept looks like a planning document. However, the current system of legislative acts uses a term “strategic planning document”, that is why the legal nature of the concept as a type of document is uncertain.

Thus, the 2021 Concept cannot be attributed to strategic planning documents. Consequently, both it and the expired concept does not meet all the requirements of the Federal Law No. 172-FZ of June 28, 2014 “On strategic planning in the Russian Federation” (hereinafter – the Federal Law No. 172-FZ). At the same time, the Federal Law No. 172-FZ refers other strategic planning documents

that meet the stated requirements (Article 20) and were initiated by the President or Government to sectoral strategic planning documents. Hence, the federal target program “Penal system development (2018–2026)” satisfies requirements of the Federal law No. 172-FZ and is the strategic planning document. In turn, the 2021 Concept, unlike the federal target program, can be attributed to a sector policy document.

Conclusion

The stated above allows the authors to make a conclusion that the planning documents put into effect in recent decades, reflecting the leading ideas to develop the penal system and the chosen direction to execute criminal penalties predetermined the vector of its improvement. In addition, the studied method of understanding had a significant positive impact on the functioning of penal institutions and bodies, as well as law enforcement practice in the field of execution of criminal penalties.

Having analyzed results of the study and problems identified during implementation of the conceptual provisions, and having considered scientists and practitioners’ points of view, we would recommend to the developers of a new legal document focused on developing the entire system of penal institutions and bodies to proceed from the following (doctrinal and practical proposals):

1. A new conceptual document should not be reduced solely to the penal system development, but should be aimed at regulating transformations in the entire set of institutions and bodies executing criminal penalties. Such a legal document may bear the working title “Conceptual foundations for the development of institutions and bodies executing criminal penalties in the Russian Federation for the period of 2031–2040”.

2. It should be approved by the President of the Russian Federation, thus acquiring a higher position in the hierarchy of legal acts. The necessary quality level of fixing provisions in its content and their implementation in practice will be ensured.

3. The final results defined in the planning document and the range of tasks set for their achievement should correspond to reality, be

provided with sufficient funds, material and technical resources, as well as organizational and staff activities.

4. A newly introduced planning document should be of an interdepartmental nature, public bodies of various branches of government should engage in activities to execute criminal penalties. In this connection, it is im-

portant to involve specialists of various levels of government, including agencies implementing law enforcement functions, educational and research institutions, as well as practitioners from post-Soviet countries with experience in creating joint type institutions and implementing probation services, in preparing the text of the document.

REFERENCES

1. Antipov A.N. The Concept of the development of the penal system of the Russian Federation till 2030: the project drafting methodology. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie=Criminal-Executory System: Law, Economy, Management*, 2020, no. 2, pp. 15–17. (In Russ.).
2. Erkina T.N. Concept of the development of the penal system of the Russian Federation up to 2020: goal, main development directions, current state. *Sovremennoe obshchestvo i vlast'=Modern Society and Government*, 2016, no. 4 (10), pp. 132–135. (In Russ.).
3. Zakarzhvskii N.N. Concept of the development of the penal system for the period up to 2030: on some issues of detention of persons sentenced to imprisonment. In: *Nauchnoe nasledie irkutskikh uchenykh ugolovno-pravovoi nauki: materialy natsional'noi nauchno-issledovatel'skoi konferentsii, posvyashchennoi 90-letiyu so dnya rozhdeniya zaslužennogo yurista Rossiiskoi Federatsii, doktora yuridicheskikh nauk, professora G.S. Gaverova i doktora yuridicheskikh nauk, professora V.Ya. Rybal'skoi* [Scientific heritage of Irkutsk scientists of criminal law science: materials of the national research conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of the Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Law), Professor G.S. Gaverov and Doctor of Sciences Law, Professor V.Ya. Rybalskaya]. Irkutsk: Baikalskii gosudarstvennyi universitet, 2021. Pp. 29–31. (In Russ.).
4. Ivanova M.N. The problem of selecting target indicators when forming expected results of the Concept of development of the penal system of the Russian Federation up to 2030. In: *Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie: sbornik tezisov vystuplenii i dokladov uchastnikov 4 mezhdunarodnogo penitentsiarnogo foruma: (k 140-letiyu ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossii i 85-letiyu Akademii FSIN Rossii): v 10 tomakh. Tom 2* [Crime, punishment, correction: collection of abstracts of speeches and reports of participants of the 4th International penitentiary forum: (to the 140th anniversary of the penal system of Russia and the 85th anniversary of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia): in 10 volumes. Tom 2]. Ryazan: Akademiya prava i upravleniya Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii, 2019. Pp. 84–87. (In Russ.).
5. Kvashis V.E. About a new concept for the development of the penal system. *Obshchestvo i pravo=Society and Law*, 2021, no. 2 (76), pp. 8–12. (In Russ.).
6. Malinin V.B. Critical remarks on the implementation of the concept of the development of the penal system of the Russian Federation. In: *Luchshaya nauchno-issledovatel'skaya rabota 2017: sbornik statei pobeditelei 6 mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo konkursa* [The best research work of 2017: collection of articles by the winners of the 6th International scientific and practical contest]. Penza: Nauka i Prosveshchenie, 2017. Pp. 115–119. (In Russ.).
7. Reent Yu.A. The nature of the domestic penitentiary system transformations from 2010 to 2020 and the trends of its development for the next decade. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie=Man: Crime and Punishment*, 2021, vol. 29, no. 3, pp. 314–326. (In Russ.).
8. Repin A. “The year will be difficult”: the head of the Ministry of Justice Konstantin Chuichenko – about the work of the department in the international arena and within

the country. *RT na russkom: sait* [RT in Russian: website]. Available at: [https:// russian.rt.com/russia/article/815459-minyust-chuichenko-intervyu](https://russian.rt.com/russia/article/815459-minyust-chuichenko-intervyu) (In Russ.). (Accessed May 20, 2022).

9. Seliverstov V.I. On the future concept of the development of the penal policy of the Russian Federation in the light of the views of Professor A. I. Zubkov. In: *Organizatsionno-pravovoe obespechenie deyatel'nosti uchrezhdenii i organov FSIN Rossii: problemy i perspektivy razvitiya: materialy mezhvuzovskoi nauchnoi prakticheskoi konferentsii posvyashchennoi pamyati zasluzhennogo deyatelya nauki RSFSR, doktora yuridicheskikh nauk, professora A. I. Zubkova, Dnyu rossiiskoi nauki, 140-letiyu UIS i 85-letiyu Akademii FSIN Rossii* [Organizational and legal support of the activities of institutions and bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia: problems and prospects of development: proceedings of the interuniversity scientific practical conference dedicated to the memory of the Honored Scientist of the RSFSR, Doctor of Sciences (Law), Professor A.I. Zubkov, the Day of Russian Science, the 140th anniversary of the UIS and the 85th anniversary of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia]. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii, 2019. Pp. 259–266. (In Russ.).

10. Seliverstov V.I. On the directions of changing conceptual provisions of the penal policy of the Russian Federation. In: *Penitentsiarnaya bezopasnost': natsional'nye traditsii i zarubezhnyi opyt: materialy vserossiiskoi nauchnoi prakticheskoi konferentsii. V 2 chastyakh. Chast' 1* [Penitentiary security: national traditions and foreign experience: materials of the All-Russian scientific practical conference. In 2 parts. Part 1]. In: Samara: Samarskii yuridicheskii institut FSIN Rossii, 2019. Pp. 200–203. (In Russ.).

11. Teplyashin P.V. Concept of the development of the Russian penitentiary system in light of interpreted principles of European penitentiary practice. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo= Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2020, vol. 11, no. 1, pp. 129–139. (In Russ.).

12. Useev R.Z. Fundamentals of the concept of the establishment of a unified penal system (hypothesis): spatial development, legislation, enforcement. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta=Bulletin of the Samara Law Institute*, 2021, no. 4 (45), pp. 71–78. (In Russ.).

13. Useev R.Z. Draft concept for the development of the penal system until 2030: issues of form, content and comparison with the concept for the development of the penal system until 2020. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta=Bulletin of the Samara Law Institute*, 2020, no. 2 (38), pp. 77–86. (In Russ.).

14. Utkin V.A. The penitentiary system modernization concept as a doctrinal political and legal act. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta=Tomsk State University Journal*, 2018, no. 431, pp. 210–214. (In Russ.). doi: 10.17223/15617793/431/29.

15. Mirić F. Criminogenic influence of penitentiary institutions. *Facta universitatis. Series: Law and Politics*, 2017, vol. 15, no. 1, pp. 37–44. Available at: https://www.academia.edu/37489417/CRIMINOGENIC_INFLUENCE_OF_PENITENTIARY_INSTITUTIONS (accessed May 27, 2022). doi: 10.22190/FULP1701037M

16. Salaev N.S. Paradigm of forming a liberal penitentiary system – origins, trends and prospects. *Review of Law Sciences*, 2020, no. 1, pp. 151–162. Available at: https://www.researchgate.net/publication/347913810_PARADIGM_OF_FORMING_A_LIBERAL_PENITENTIARY_SYSTEM_ORIGINS_TRENDS_AND_PROSPECTS (accessed May 20, 2022). doi: 10.34920/rls.1.2020.151-162.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

OLEG N. DYAD'KIN – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the Vladimir State University Named After Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia, krimvggu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1887-2977>

ANDREI V. KALYASHIN – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Constitutional and Municipal Law of the Vladimir Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russia, cav71@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9699-020X>

Received May 25, 2022

Original article

UDC 159.9.07

doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.009

Emotional States of Convicts: a Model of a Psychological Correction Program

NIGAR N. ALIGAEVA

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski, Kaluga, Russia
Correctional Facility No. 2 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Ryazan Oblast, Ryazan, Russia
nigar-0520@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1239-1892>

Abstract

Introduction: the article presents results of testing the program for psychological correction of convicts' emotional states, aimed at gradual elaboration of conditions arising at all stages of the life path. The 5-month program involved 167 people serving sentences of imprisonment in subordinate organizations and institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Ryazan Oblast. *Methods:* at different stages of the program implementation, the following methods were used: scales of positive affect and negative affect (as adapted by E.N. Osin), Spielberger-Hanin anxiety test, K. Izard's differential emotions scale, Y.M. Orlov's questionnaire of the need for communication and the need for achievement, Rosenzweig frustration test, and Zimbardo time perspective inventory. *Results:* as a result of the program, the indicators of situational anxiety decreased compared to the primary results, the emotional states of failure to achieve the goal did not undergo any special changes, however, the indicators of extra-punitive and ego-defense responses went up, the need for communication and the positive emotions index increased, the indices of negative and anxious and depressive emotions declined, which indicates success of the measures implemented. *Conclusions:* conducting classes with convicts in the context of time periods allowed us to fully consider conditions of convicts, affecting their past experience and future plans and influencing their current state, which contributed to optimizing the emotional state and reducing manifestations of destructive behavior during the process of serving a sentence.

Key words: emotional states; emotions; psychological correction; places of imprisonment; convicts; perception of psychological time; time intervals.

5.3.9. Legal psychology and security psychology.

For citation: Aligaeva N. N. Emotional states of convicts: a model of a psychological correction program. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 3 (59), pp. 310–319. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.009

Introduction

Emotional states play an important role in the life of a person serving a sentence in prison. According to A.A. Rean's definition, emotional states are "relatively stable experiences of a person's attitude to the surrounding reality and to him/herself at a certain point in time, relatively typical for a given person" [14]. Being "indicators" of existing problems, they help regulate convicts' behavior.

People's ideas about themselves and their life paths are based on their past experience, which allows them to independently create a narrative about significant events anchored by emotional states [8]. M. Becker and his colleagues believe that the perception of the "narrative" of life and its associative links with the past allows us to predict the degree to which a person can feel self-sufficiency and is able to set clear goals and plans for the future [18]. Autobiographical memories of one's own life also retain substitute memories of events that happened to other people, but are perceived as a valuable part of one's own history, which influence the formation of "emotional experience" [24].

In literary sources there are various terms denoting the category of "perception of time": temporal trans-perspective (V.I. Kovalev), temporal orientation (F. Zimbardo), subjective picture of the life path (B.G. Ana'ev, A.A. Kronik, E.I. Golovakha), temporal outlook (P. Fraisse), etc. In this study we use the concept of psychological time, reflecting the system of a person's temporal relations between events occurring in his/her life, in combination with the concept of temporal perspective, which is a set of human ideas about the past, present and future. The terms used are synonymous and show the significance of events in defining ideas about the psychological past, present and future.

Modern researchers believe that a person's ideas about the past are the result of subjective emotional and cognitive processing, in particular, there is a connection "between the

strategies of emotion regulation "rumination" and "catastrophization" and negative ideas about the past" [13]. The nature of event actualization can be influenced by the currently dominant emotional state [16]. In the theories of cognitive estimates, assessment processes are considered as primary, causal factors that affect emotional states. In this process, a significant role is played by past experience and a person's ideas about the future.

The problem of emotional and cognitive processes interaction and the impact of emotions on time experience is indicated in several works [19; 20; 22]. Recent studies have revealed significant correlations between indicators of time perspective and indicators of emotion regulation [21].

Currently, the psycho-correction programs applied in relation to convicts are based mainly on provisions of the cognitive-behavioral approach and affect various spheres (cognitive, value-semantic, emotional), and also use various methods and techniques (art-therapeutic techniques, positive thinking techniques, cognitive psychotherapy). However, most researchers note that the formation of a holistic perception of the life path of persons serving sentences in places of deprivation of liberty contributes to the preparation for successful adaptation to life after release from correctional institutions (N.A. Konovalova [7], O.B. Schreder [17], A.B. Abibulaeva, L.V. Mardakhaev, A.K. Kuvatov [1]). Therefore, we made an attempt to work out a program for correcting emotional states with regard to the specifics of the psychological time perception. To implement this task, we applied an integrative approach (the subjective approach to group work by I.V. Vachkova and S.D. Deryabo), key provisions of E. Bern's transactional analysis (structural analysis of personality, analysis of transactions), an experimental-phenomenological approach of gestalt therapy by F. Perls, provisions of the

behavioral game psychotherapy based on theories of B.F. Skinner (theory of social learning) and A. Bandura (theory of socio-cognitive learning), B.F. Skinner's ideas about the personality of a person as a sum of patterns of behavior (each individual reaction is based on previous experience and genetic characteristics), an acmeological variant of therapy with creative self-expression by M.Ye. Burno. When working with each time interval, depending on the lesson purpose, a certain approach was used, helping disclose current problems and ensure full functioning of the personality.

Yu.Yu. Neyaskina argues that under the influence of difficult life situations, in particular, serving sentences in places of deprivation of liberty, there are changes in the perception of time periods of life, including a lack of semantic fullness of each of them. The author believes that people's orientation to a certain life period (fixation on the moments of the past, hedonistic attitude to events of the present, unrealistic ideas about the future) can be considered as coping strategies to deal with harsh circumstances; still they often lead to difficulties in further adaptation, do not allow to take active (and adequate) steps to solve life problems [11].

S.V. Baburin and E.V. Zautorova conducted a survey among convicts of correctional institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Vologda Oblast, in which they revealed that convicts had negative ideas about themselves and their life at the present stage, as well as found it difficult to make plans for the future [4].

M.G. Flaherty notes that while serving their sentence in a correctional facility, convicts submit to a strict temporary regime, which leads to ignoring the distant future and perceiving time "as a painful burden". The strategy of resistance to this phenomenon is temporal compression, that is the perception that time (i.e. their term of service) will pass quickly [23]. E.V. Nekrasova also emphasizes changes in the perception of psychological time under the influence of spatial characteristics, noting that both "rapid" changes in the subjective perception and "qualitative" changes characterized by loss of a sense of reality are possible [10].

When studying the specifics of the psychological time perception by convicts serving long-term or life imprisonment, we revealed positive attitudes towards the past, its positive reconstruction, a low level of fatalism of the present, the focus on the future, its planning, idealization and detailing. The authors explain these features of perceiving the time perspective by the convicts' desire to cope with the "immobility" of time, scarcity of events, wish for parole to realize their plans (Yu.Yu. Neyaskina [11], Yu.V. Slavinskaya, B.G. Bovina [15]).

A.A. Martynova states that the profile of the time perspective of convicts does not depend on the term of punishment, but there is a trend to a predominant orientation towards the future, which allows setting goals that give meaning to the present and maintain contact with the real world [9]. A positive perception of the past and the future, orientation to the fatalistic present determine an unbalanced profile associated with the inability to change anything in the current life period, despite the resource-based past and future. However, according to E.A. Ippolitova, during the period of adaptation to a correctional facility, convicts have pronounced pessimistic thoughts about the past, present and, partly, the future; in the middle of the sentence, nostalgia for the past and relative acceptance of the present appear; before release, the past and present are largely rejected, anxiety about the future arises [6]. These differences in the results obtained indicate that when analyzing characteristics of the psychological time perception, it is also necessary to take into account additional factors that can have a significant impact on the studied indicators. For example, E. Piotrow and R. Kadzikowska-Wrzosek argue that low scores on the "self-control" scale among convicts lead to the dominance of the "fatalistic present" orientation, which, in turn, negatively affects self-determination [25].

The Polish researchers developed the "Prison Time" methodology aimed at studying perceptual-formal measurements of time (pace, dynamics, variability) and emotional-valence measurements (emotional attitude to the experience of time at the time of serving a sentence) [26]. The study showed that

convicted men perceived the relationship between periods differently, adopted a time orientation, different from that observed in the general population, but the frequency of thinking about specific categories of time was similar [27].

Difficult life circumstances lead to rethinking of time periods of the past, present and future, highlighting significant moments in them, changing one's own attitude to them and affecting the value sphere of a person [2]. Serving a sentence in places of deprivation of liberty, being a rather difficult situation, contributes to the division of life into stages before crime commission and after release. The sentence period is a prerequisite for this rethinking. That is why the model of the developed psycho-correction program involves working with emotional states in the context of the time perspective concept, consistently considering a person's past experience, plans for the future and the current state, which will allow the convict to adapt favorably to the period of serving his/her sentence.

Methods

The developed psycho-correction program was tested on 167 male convicts serving a sentence of imprisonment in subordinate organizations and institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Ryazan Oblast. Sixty-two convicts were included in the experimental group, one hundred and five – in the control group.

The samples mainly have the following parameters: average level of education, unmarried, who have committed a particularly serious crime, openly cooperating with the administration of a correctional institution.

It took 5 months to implement the program. Express diagnostics with the participants involved the use of the positive and negative affect scale (as adapted by E.N. Osin [12]) and was carried out every two weeks to identify the dynamics of changes.

The time periods of the past, present and future were correlated with the emotional states highlighted by E.P. Il'in:

- 1) "Past" – emotional states of the forecast/expectations;
- 2) "Future" – emotional states associated with the failure to achieve the goal;

3) "Present" – communicative emotional states [5].

The first month of research, the main purpose of which was to work out convicts' expectations and forecasts regarding future events and actions based on their own past experience, is called the block "Past" (Table 1).

Table 1
Key activities of the block "Past"

No.	Action plan	Homework assignments
1	Acquaintance. Regression method. Exercises "Our expectations", "Carousel of communication", "Journey into the past".	Answer the questions.
2	Watching the movie "Groundhog Day", discussing significant moments	Make a list of personal fears, worries and feeling based on past experience.
3	Method of sharing experience. Exercises "Self-portrait", "Screen test", parable.	Measure "Evening review of events".
4	Simulation method. Parable. Meditation "The sage from the temple".	Technique "To cut off, discard".

The second month of work was devoted to identifying convicts' life goals and teaching goal-setting (Table 2).

Table 2
Key activities of the block "Future"

No.	Action plan	Homework assignments
1	Method of symbolic self-expression. Exercises "Mobilizing breathing", "Concentration on counting", "Group story", meditation-visualization "Mountain top"	To make a list of life goals and desires.
2	Method of group problem solving. Exercise "Catastrophe in the desert".	To perform the test of M. Rokich's value orientations.
3	Method of group problem solving. Exercises "Quality", "Thrift store", "Suitcase", SMART goal setting technique	To write 10-15 life goals using the SMART technique.
4	Operationalization method. Lecture "Goal setting techniques". Analysis of specific goals of convicts, taking into account possible frustrating situations	To send a letter to yourself in the future.

The rest 3 months were aimed at working with 3 vectors of communication: “convict-convict”, “convict-employee”, “convict-relative, acquaintance”, because the convicts’ present involves communication with other people in the process of everyday interaction in a correctional facility (Table 3).

Table 3

*Key activities
of the block “Present”*

No	Convict – convict	Convict – employee	Convict – relative, acquaintance
1	“Three names”, “Emphasizing community”, “Emphasizing significance”.	“Verbal and nonverbal manifestations”. Exercise “I am an adult”. Mini-lecture “Typical patterns of interaction”, “Lighthouse”.	“Conflict”. Technique “Changing what you don’t like” (T. Krupskaya) using metaphorical associative cards “Dixit”.
2	“I am so afraid, and many are not afraid of it”, “I am not afraid, but many are afraid”, “How have you learned not to be afraid of it?”	“Without a mask”. “Criticism”, statement of criticism. Mini-lecture “Model of constructive criticism” “Constructive criticism”.	“Spilling out aggressiveness”. «Listening techniques”.
3	“Feeling”, “Technique of polite refusal”.	Group discussion “Is it possible to live without established rules?”. Exercises “Uncertain, confident and aggressive answers”, “Yes”. Role-playing game.	“Past, present and future”. “Carousel”.
4	“Detectives”, Drawing on the topic “Dialogue”	“Concentration on a neutral subject”, “Concentration on emotions and mood”. Role-playing game.	Drawing in a circle “Mandalas”. Exercise “Wish in a circle”.

At the end of the experiment, the in-depth diagnostics was carried out using the following methods: Spielberger-Hanin anxiety test,

K. Izard’s differential emotions scale, Y.M. Orlov’s questionnaire of the need for communication and the need for achievement, Rosenzweig frustration test, and Zimbardo time perspective inventory.

Quantitative processing of psycho-diagnostic data was conducted in the program Psychometric Expert 9.1.0. Qualitative processing is represented by the analysis and description of the results obtained.

Statistical processing was performed in the IBM SPSS Statistics 22 program and was carried out in several stages. The Wilcoxon T-test was used to assess differences in the severity of signs measured before and after the psycho-correction program. The Mann-Whitney U-test was applied to assess differences in the level of severity of the studied signs in the experimental and control groups. The Friedman test helped identify dynamics of changes in the experimental group during the program realization.

Results

The author’s early works reflected results of testing the psycho-correction program on a sample of disabled convicts serving sentences in the Correctional Facility No. 2 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Ryazan Oblast (the male correctional facility of strict regime). The program activities, conducted in a group format with convicts with disabilities, showed their effectiveness, but the dynamics of changes for each was individual [3].

Let us consider results of testing the psycho-correction program on a sample of convicts who do not have any disabilities. The analysis of the methods used at the end of the experiment indicates a decline in the indicators of situational anxiety and the index of negative and anxiety-depressive emotions, as well as a rise in the group conformity rating (GCR) and the positive emotions index (Figure 1). Statistically significant differences are observed in indicators of the scales “need for communication” ($T=28.38$, $p<0.01$) and “negative emotions index” ($T=25.63$, $p<0.01$), as well as extra-punitive ($T=18.41$, $p<0.01$) and intra-punitive ($T=24.53$, $p<0.01$) responses and ego-defense ($T=20.13$, $p<0.01$) and continued need ($T=24.44$, $p<0.01$) types of reactions.

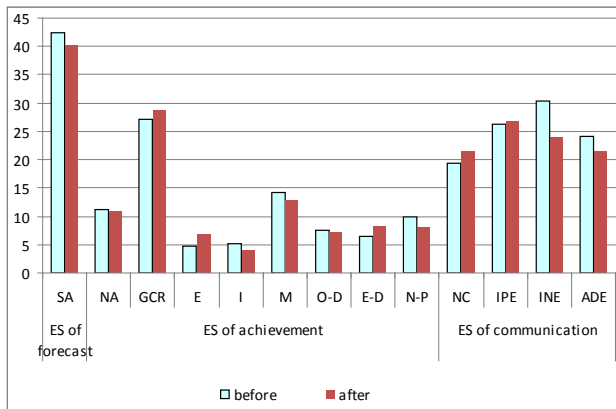

Figure 1. Comparison of average indicators of emotional states before and after the psycho-correction program

*Note. ES – emotional state; SA – situational anxiety; NA – need for achievement; GCR – group conformity rating; E – extra-punitive response; I – intra-punitive response; M – non-punitive response; O-D – obstacle dominance; E-D – ego-defense; N-P – continued need; NC – need for communication; IPE – index of positive emotions; INE – index of negative emotions; ADE – anxious and depressive emotions.

Situational anxiety of the convicts was mainly associated with forecasting their future after release from the correctional facility. Most of them had a negative experience of employment, family life, building relationships with other people, which complicated the process of re-socialization and contributed to the repeated violation of law and order. This experience contributed to a negative forecast of possible events, which was one of the reasons for the depressed state. In the first month of the program, psychological activities were aimed at studying events of the past and possible ways to resolve similar problems if they arise in the future. The convicts noticed that their life stories and difficulties are not unique: other persons who participated in the program also had similar problems. The opportunity to share a story created a favorable atmosphere in the group, which helped to reduce anxiety and increase a degree of the group conformity.

According to the results of the psycho-correction program, the indicators of the need for communication went up, but no purposeful work was done for this. The main format of psychological activities was group classes, which allowed convicts to discuss issues that were important to them together. An active discussion and group assignments revealed

common topics for conversations to be continued in everyday life in the correctional facility. Increased interest in group activities contributed to a rise in the positive emotions index and a decline in the indices of negative and anxiety-depressive emotions.

The work conducted helped identify statistically significant differences only in indicators of the scales of obstacle dominance “O-D” ($U=2658,0$, $p<0.05$) and ego-defense “E-D” ($U=2640,5$, $p<0.05$) types of reactions.

Comparison of average indicators revealed an increase in indicators of the scales “index of positive emotions” and “group conformity rating” (Figure 2) in the experimental group of convicts.

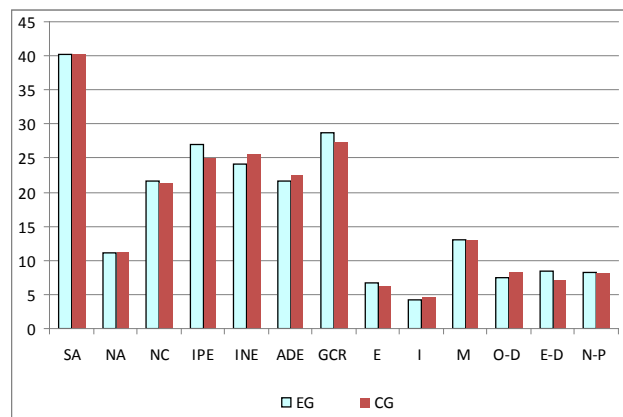

Figure 2. Comparison of average indicators of emotional states in the experimental (EG) and control groups (CG)

*Note. SA – situational anxiety; NA – need for achievement; NC – need for communication; IPE – index of positive emotions; INE – index of negative emotions; ADE – anxious and depressive emotions; GCR – group conformity rating; E – extra-punitive response; I – intra-punitive response; M – non-punitive response; O-D – obstacle dominance; E-D – ego-defense; N-P – continued need.

When studying the dynamics of changes in emotional states, patterns were revealed at a high level of statistical significance between indicators of positive ($\chi^2=461,1$, $p<0.001$) and negative ($\chi^2=90,1$, $p<0.001$) affect.

Figure 3 shows the dynamics of changes in positive and negative affect, which were measured once every two weeks. By 3–5 measurements, we can observe a sharp jump in affect, which we associate with the transition to the block “Future”, which is one of the most difficult and uncertain for convicts. Most convicts serving sentences in places of deprivation of liberty are repeat offenders

and, after release, experience difficulties in adapting to life outside the correctional institution, which leads to re-commission of crime. Difficulties in planning the future are associated with unreality of visible prospects and discrepancy between available adequate human capabilities.

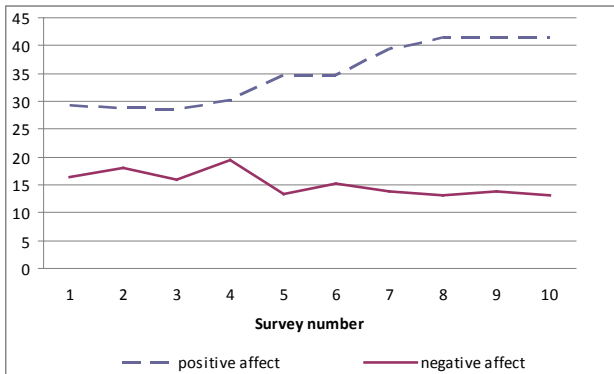

Figure 3. Dynamics of changes in positive and negative affect

The cluster analysis made it possible to divide the experimental group into two clusters, differing in the dynamics of changes in emotional state throughout the entire period of the program: Cluster 1 comprised 46 people, Cluster 2 – 16 (Figure 4). It can be noted that the second cluster participants are characterized by smooth dynamics of changes in positive affect. The first cluster convicts have a sharp jump on the 5th measurement associated with the transition to the block “Present”, aimed at working with current conditions during the period of serving sentences in places of deprivation of liberty.

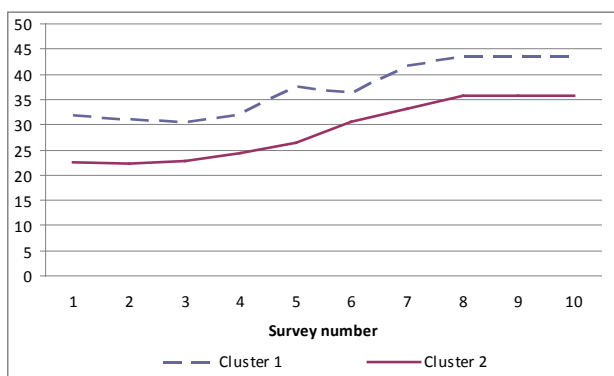

Figure 4. Dynamics of changes in positive affect in clusters 1 and 2

Cluster 2 is characterized by a gradual decrease in negative affect by the middle of the program and jumps on the 7th and 9th measurements due to conducted classes focused on communication of convicts with employees and relatives (Figure 5).

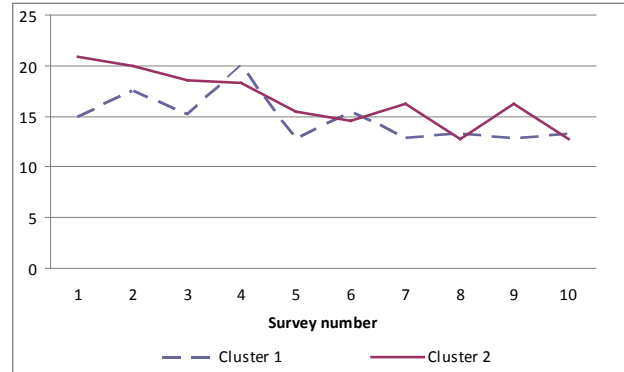

Figure 5. Dynamics of changes in negative affect in clusters 1 and 2

In Cluster 1 the jumps reflect the end of blocks “Past” and “Future”. The convicts of this cluster noted that a one-month period to study past experience and future plans was not enough for them, and the completion of one stage led to regret. The block “Present” did not affect their emotional states so much, because in the current period their life was not saturated with certain events, only interaction and communication at the “convict-convict” level caused vivid discussions, since it was this vector of relations that was full of various conflict situations requiring discussion.

As a result of the psycho-correction program, the convicts’ attitude to their own goals and plans for the future, as well as perception of events of the present period, changed, there was a desire to achieve satisfactory relationships with other people in order to maintain an optimal emotional state during the period of serving a sentence in the correctional institution. Statistically significant differences were achieved in indicators of the scales “positive past” ($T=26,0, p<0.001$), “hedonistic present” ($T=10.5, p<0.001$), “fatalistic present” ($T=30.18, p<0.001$), “future” ($T=13.5, p<0.001$) (Figure 6).

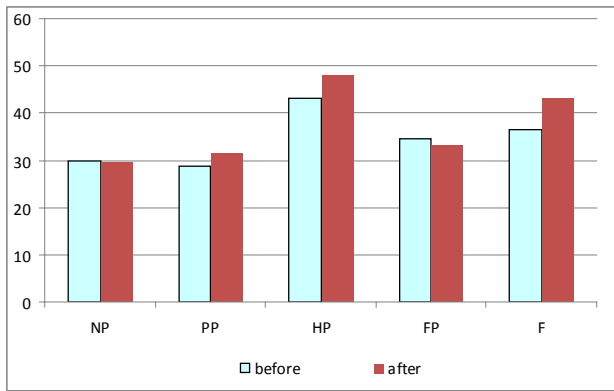

Figure 6. Comparison of average indicators according to the time perspective questionnaire

*Note: NP – negative past, PP – positive past, HN – hedonistic present, FP – fatalistic present, F – future

Discussion

In conditions of restricted freedom (“spatial restriction”) the perception of time changes, which can also influence convicts’ emotional state. The psychocorrection program, aimed at working with emotional states at each time stage, allows convicts to perceive life not as segments “before” and “after” serving a sentence, but as a single whole, cycle of interrelated events. Optimization of the emotional state according to the perception of the past, present and future leads to a favorable forecast of the process of adapting to difficult life circumstances.

The degree of connection between the categories of time demonstrates how much previous experience affects the present, and it, in turn, affects the future. The data obtained indicate convicts’ orientation to the past, expressed by certain emotional states affecting the subjective perception of the remaining time periods. Purposeful work with each life stage helps reduce manifestation of negative and anxious and depressive emotions.

However, when assessing convicts’ emotional states, the socio-psychological situation (SPS) is one of the significant factors requiring research, because convicts arrive in a closed space and their condition is subject to “infection” of the general mood of surrounding people.

The sample included 2,092 convicts, which is 72.3% of the total number of persons serving sentences in subordinate organizations and institutions of the Federal Penitentiary

Service of Russia in the Ryazan Oblast. Aged 21–75, convicts have different marital status and educational level (Table 4).

Table 4
Socio-psychological situation in the current period

Indicators		2 quarter of 2021
Block No. 1 Conditions of serving a sentence	average value	78%
	interpretation	satisfactory
Block No. 2 Operational situation in the correctional facility	average value	72%
	interpretation	satisfactory.
Block No. 3 Relationships in “the employee-convict” system	average value	74%
	interpretation	satisfactory.
Block No. 4 Relationships in the “convict-convict” system	average value	67%
	interpretation	unstable
Block No. 5 Convicts’ state	average value	78%
	interpretation	satisfactory.
Block No. 6 System of attitudes and motivation of convicts	average value	79%
	interpretation	satisfactory.
Assessment of the socio-psychological situation	number of unsatisfactory ratings by blocks	0
	number of unstable ratings by blocks	1
	number of satisfactory ratings by blocks	5

Having studied the socio-psychological situation in institutions, we identified changes in the convicts’ general mood associated with the epidemiological situation and changes in leadership. To a certain extent, it had an impact on indicators of the convicts in the control group. However, despite the circumstances, indicators of the convicts who participated in the program are quite positive.

Conclusions

The psycho-correction program based on comparison of emotional states with the temporary perspective concept has shown its effectiveness in a sample of convicts: indicators of situational anxiety declined compared to the primary results, emotional states of achieving (not achieving) goals did not undergo any special changes, however, indicators of extra-punitive and ego-defense responses rose, the need for communication increased,

the index of positive emotions and the indices of negative and anxiety-depressive emotions decreased.

To develop this scientific direction, it is possible to expand the developed research model by considering a larger number of components in the structure of emotional

states; adapt program classes for conducting trainings in an individual form as part of psychological measures implementation according to the individual program of psychological support of convicts who are on various types of preventive care, as well as activities with released convicts in the pre-release school.

REFERENCES

1. Abibulaeva A.B., Mardakhaev L.V., Kumatov A.K. Temporal perspective as a factor for the resocialization of condemned. *TsITISE= CITISE*, 2019, no. 3 (20), pp. 22–23. (In Russ.).
2. Akimenko A.K. Visions of the past, present and future in the system of socio-psychological personal adaptation. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya=Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2014, vol. 3, no. 2, pp. 131–142. (In Russ.).
3. Aligaeva N.N. Experience in the implementation of the programme of psychological correction of emotional states of disabled convicts. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika=Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2021, vol. 27, no. 3, pp. 224–233. (In Russ.).
4. Baburin S.V., Zautorova E.V. Penitentiary pedagogue-psychologist's work aimed at negative emotional state of convicts in prisons. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh=Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2016, no. 4 (67), pp. 76–78. (In Russ.).
5. Il'in E.P. *Psikhofiziologiya sostoyanii cheloveka* [Psychophysiology of human states]. Saint Petersburg: Piter, 2005. 412 p. ISBN 5-469-00446-5.
6. Ippolitova E. A. Features of temporary prospect of convicts at different stages of serving sentence. *Vestnik psikhologii i pedagogiki Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta= Bulletin of Psychology and Pedagogy of Altai State University*, 2016, no. 4, pp. 88–97. (In Russ.).
7. Konovalova N.A. Activity of a specialist in social work aimed at managing the time perspective of convicted. *Mezhdunarodnyinauchno-issledovatel'skiizhurnal=International Research Journal*, 2017, no. 11-1 (65), pp. 48–53. (In Russ.).
8. Makushina O.P. The perception of past, present and future students with different psychological age. *Vestnik VGU. Seriya: Problemy vysshego obrazovaniya=Proceedings of Voronezh State University. Series: Problems of Higher Education*, 2019, no. 3, pp. 46–50. (In Russ.).
9. Martynova A.A. Time perspective of the convicts of acquisitive crime in the initial period of serving the sentence. *Uchenye zapiski SPbGMU im. I.P. Pavlova=The Scientific Notes of the Pavlov University*, 2014, no. 4, pp. 54–58. (In Russ.).
10. Nekrasova E.V. *Prostranstvenno-vremennaya organizatsiya zhiznennogo mira cheloveka: avtoreferatdissertatsiina soiskanie uchenoistepeni doktora psikhologicheskikh nauk* [Spatial and temporal organization of the human life world: Doctor of Sciences (Psychology) dissertation abstract]. Barnaul, 2005. 47 p.
11. Neyaskina Yu.Yu. Time perspective of convicted persons. In: *Lichnost' v ekstremal'nykh usloviyakh i krizisnykh situatsiyakh zhiznedeyatel'nosti: sbornik nauchnykh statei 10 Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Personality in extreme conditions and crisis situations of life: collection of scientific articles of the 10th international scientific and practical conference]. Ulyanovsk: Zebra, 2021. Pp. 143–154. (In Russ.).
12. Osin E.N. Measuring positive and negative affect: development of a russian-language analogue of Panas. *Psikhologiya. Zhurnal VShE=Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2012, vol. 9, no. 4, pp. 91–110. (In Russ.).
13. Padun M.A., Gagarina M.A., Zelyanina A.N. Mediated role of emotion regulation and time perspective in relationship between temperamental traits and emotional states. *Ekspierimental'naya psikhologiya=Experimental Psychology*, 2020, vol. 13, no. 4, pp. 36–51. (In Russ.).
14. *Psikhologiya cheloveka ot rozhdeniya do smerti* [Human psychology from birth to death]. Ed. by Rean A.A. Saint Petersburg: PRAIM-EVROZNAK, 2002. 656 p. ISBN 5-93878-029-2.

15. Slavinskaya Yu.V., Bovin B.G. Temporary perspective of those serving life imprisonment. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya=Applied Legal Psychology*, 2011, no. 4, pp. 41–54. (In Russ.).
16. Spivakovskaya A.S., Chetkina A.S. Actual emotional state and experience of time: a beatotherapeutic approach. In: Demidov A.A., Surat L.I. (Eds.). *Psikhologicheskie i psikhoanaliticheskie issledovaniya: ezhegodnik 2018–2019* [Psychological and psychoanalytic research: yearbook 2018–2019]. Moscow: Mosk. in-t psikhoanaliza, 2020. Pp. 116–129. (In Russ.).
17. Shreder O.B. Formation of the time perspective of convicts as a resource potential of the individual in the process of re-socialization. In: *Penitentsiarnaya bezopasnost': natsional'nye traditsii i zarubezhnyi opyt: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (30–31 maya 2019g.): v 2 ch.* [Penitentiary security: national traditions and foreign experience: materials of the All-Russian scientific and practical conference (May 30–31, 2019): in 2 parts]. Samara: Samarskii yuridicheskii institut FSIN Rossii, 2019. Pp. 271–274. (In Russ.).
18. Becker M., Vignoles V., Owe E., et al. Being oneself through time: bases of self-continuity across 55 cultures. *Self and Identity*, 2018, vol. 17, no. 3, pp. 276–293.
19. Droit-Volet S. Time perception, emotions and mood disorders. *Journal of Physiology*, 2013, vol. 30, no. 107 (4), pp. 255–264.
20. Droit-Volet S., Meck W.H. How emotions color our time perception. *Trends in Cognitive Sciences*, 2007, vol. 11, pp. 504–513.
21. Klimanova S., Trusova A., Gvozdetskii A., Berezina A. Time perspective orientation and emotion regulation. In: *5th International Conference on Time Perspective: book of abstracts*. Vilnius: Vilnius University, 2021. P. 100. Available at: <https://www.journals.vu.lt/proceedings/article/view/24357/23607> (accessed February 25, 2022).
22. Lui M.A., Penney T.B., Schirmer A. Emotion effects on timing: attention versus pacemaker accounts. *PLoS One*, 2011, vol. 20, no. 6 (7), pp. 21–29.
23. Flaherty M.G. Time in prison as contested terrain: temporal regime versus temporal resistance. *5th International Conference on Time Perspective: book of abstracts*. Vilnius: Vilnius University, 2021. P. 15. Available at: <https://www.journals.vu.lt/proceedings/article/view/24357/23607> (accessed February 25, 2022).
24. Gofman A. Vicarious memories in the personal past predict empathy, but differently in the Chinese and Russian Samples. In: *5th International Conference on Time Perspective: book of abstracts*. Vilnius: Vilnius University, 2021. Pp. 27–28. Available at: <https://www.journals.vu.lt/proceedings/article/view/24357/23607> (accessed February 25, 2022).
25. Piotrow E., Kadzikowska-Wrzosek R. Self-determination among inmates serving prison sentences in selected systems: the role of temporal orientation and self-control skills. *Resocjalizacja Polska (Polish Journal of Social Rehabilitation)*, 2021, no. 21, pp. 317–331.
26. Tucholska K., Wysocka-Pleczyk M., Gulla B., Piotrowski P., et al. Prison time experience – a semantic differential study. In: *5th International Conference on Time Perspective: book of abstracts*. Vilnius: Vilnius University, 2021. P. 75. Available at: <https://www.journals.vu.lt/proceedings/article/view/24357/23607> (accessed February 1, 2022).
27. Tucholska K., Wysocka-Pleczyk M., Gulla B., Piotrowski P., et al. Spatial metaphors of inmates' time experience. In: *5th International Conference on Time Perspective: book of abstracts*. Vilnius: Vilnius University, 2021. P. 75. Available at: <https://www.journals.vu.lt/proceedings/article/view/24357/23607> (accessed February 25, 2022).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

NIGAR N. ALIGAEVA – Postgraduate student of the Institute of Psychology of the Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski, Kaluga, Russia; psychologist of the Psychological Laboratory at the Correctional Facility No. 2 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Ryazan Oblast, Ryazan, Russia, nigar-0520@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1239-1892>.

Received February 28, 2022

Features of Meaningfulness of Life of Convicts Serving Long-Term Sentences

EL'VIRA V. ZAUTOROVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia
elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

NIKOLAI G. SOBOLEV

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia,
sobolev-nikolay@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6101-7437>

Abstract

Introduction: the article describes features of meaningfulness of life of convicts serving long-term sentences in places of deprivation of liberty. An attitude to life should be considered as a universal subjective formation that ensures self-organization of human activity in the process of their life. *Purpose:* to determine features of meaningfulness of life of convicts serving long-term sentences, give recommendations on correctional and educational work with this category of offenders. *Methods:* theoretical analysis of literature; methods of synthesis and generalization; life orientations test by D.A. Leont'ev. *Results:* convicts who have been in social isolation for more than 10 years demonstrate a lower interest in life and less emotional intensity and lack life aspirations and goals; the time perspective is not indicated. They perceive life as uninteresting and insufficiently filled with meaning. At the same time, the time passed is not fully comprehended, they cannot realize themselves, they are dissatisfied with their life and do not feel that they can manage it. The revealed features of meaningfulness of life of convicts serving long-term sentences supplement characteristics of persons in this category and this should be taken into account when organizing correctional and educational work with them in places of deprivation of liberty. *Conclusions:* when determining the direction of correctional and educational work with convicts of this category, it is important to take into account the specifics of their attitude to life and direct them to correction, preventing aggression in their behavior. At the same time, it is important for convicts to realize their guilt, focus on their own spiritual and moral problems, and develop a desire to compensate for the harm they have caused. To do this, it is necessary to establish cooperation with convicts based on the in-depth study of life, personality and needs.

Key words: places of deprivation of liberty; correctional process; convicts; long-term sentences; sense of purpose; correctional and educational work.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

5.3.9. Legal psychology and security psychology.

Citation: Zautorova E. V., Sobolev N. G. Features Of Meaningfulness Of Life Of Convicts Serving Long-Term Sentences. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 3 (59), pp. 320–326. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.010.

Introduction

The Concept for the development of the penal system up to 2030 is aimed at further improvement of correctional and educational work with convicts. It should be differentiated with regard to characteristics of different categories of persons serving sentences and types of penitentiary institutions. There is a need to search for effective means, forms and methods of correctional and educational influence, new approaches to the use of existing capacities, capabilities and forces, attracting various services and departments (pedagogical, psychological, medical, social, etc.) of a correctional institution.

As of December 1, 2021, 469,283 people were held in penal institutions, including 357,649 people – in 647 correctional facilities, 1,947 people – in 6 correctional colonies for those sentenced to life imprisonment and persons for whom the death penalty was replaced by imprisonment by way of pardon freedom, 1,345 people – in 8 prisons [8]. Persons serving long-term sentences and those serving sentences in strict and special regimes for committing grave and especially grave crimes require special attention. It is worth mentioning that criminals are aggressive, violent, and cynic towards citizens, their actions are cruel [12].

Long social isolation can lead to disruption of socially useful connections, loss of socially useful skills, etc., which in the future may complicate the process of resocialization of the convict's personality. Correctional facility employees face important tasks to ensure their correction in order to return to society after their release, as well as to prevent destructive forms of behavior of those deprived of liberty while serving their sentence.

Convicts' attitude to life can act as a kind of indicator of the meaningfulness of the life lived and the desire to improve its quality through self-acceptance and acceptance of responsibility for the changes taking place. Different views on life and its values determine convicts' behavioral patterns in correctional facilities and the degree of their readiness for release.

Works of S.A. Abdulgalimova, I.S. Artyukhova, M.I. Bobneva, A.G. Zdravomys-

lov, I.S. Ilyina, I.S. Kon, A.V. Mudrik and many other researchers are devoted to the study of value orientations of personality. Still the system of life-meaning orientations and ideas about life in terms of the content of existential representations of persons deprived of liberty is neglected. The attitude to life is considered by scientists as an attitude to the life activity that influences people's behavior in all spheres of their activity, is expressed in acceptance (non-acceptance) of life and responsibility for oneself and one's life and striving (lack of striving) for personal growth and is determined by the value world of the individual [1]. At the same time, this subjective category includes an attitude to the present, past, and future, is formed under the influence of death perception, and includes the meaning of life as an obligatory component [4].

The attitude to life in psychology was considered in many aspects. Thus, in foreign psychology, A. Adler drew attention to the relationship between behavior and life meaning of a person, presenting a sufficiently detailed understanding of behavioral meanings of life, which he associated with a lifestyle, life plan [3]. C.G. Jung considered orientation of a human personality to search for life meaning as a separate task. A person faces the task of discovering life meaning, thanks to this he/she can live, since the meaning of life is interconnected in case of spiritual and cultural goals presence. In their pursuit a person goes beyond the ordinary. According to the researcher, finding the meaning of life is a specific need and task; "archetypes" and symbols are the sources (forms) of meaning [15].

According to V. Frankl, the meaning of life is the pursuit of universal values, and the search for the meaning of life is inherent in a person in the form of a tendency. Experiencing the meaning of life is the highest value of the relationship; the individual's responsibility for his/her own life is an important question [14].

The desire to preserve life is innate, a person is vitally oriented and chooses life by virtue of the fact of his/her existence as opposed to death, adhering to one or another life con-

cept. Hence, life is of the highest value status. Defining human nature as a set of five basic needs (need for life, social security, community or belonging, esteem, self-actualization), A. Maslow notes that the need for life is initial [10].

In Russian psychological science, this problem was studied within the activity approach. S.L. Rubinstein identifies two main ways of human existence and defines two attitudes to life. The first one presents a certain attitude to individual phenomena, but not to life as a whole, the second – reflection and philosophical understanding of life. Semantic analysis of human behavior is interpreted as a way of a person's spiritual life and attitude to everything that surrounds a person. Forming a general and generalized attitude to life reflects the connection of past, present and future events of his/her life. This attitude makes it possible to realize the meaning of life and improve it [13].

K.A. Abul'khanova-Slavskaya emphasizes the importance of a person's single life line in understanding the attitude to life: the whole life dynamics ceases to be randomly alternating events, but depends on the activity of the individual, his/her ability to direct life events [2]. V.N. Myasishchev discusses a person's attitude to life activity, considering person's attitudes as the most important category associated with the development and formation of a personality. The attitude to life activity is a complex structural formation that contains an attitude to oneself, activity and other people [11]. According to V.A. Zobkov, people's attitude to their life and themselves contribute to the emergence and development of meaningful characteristics [7].

Thus, the attitude to life should be considered as a universal subjective formation that ensures self-organization of human activity in the process of their life. In order to specify the attitude to life of convicts with different terms of imprisonment, we conducted an empirical study in several stages. At the first stage convicts' personal files were studied to identify subjects and create experimental (EG) and control (CG) groups. The purpose of the second stage was to determine features of

life meaningfulness of convicts serving long-term sentences (EG – 30 men aged 34–50, socially isolated for more than 10 years). At the third stage, the second stage results were compared with those of the group of convicts serving short sentences (CG – 30 men aged 34–50 years, socially isolated for up to 5 years), and recommendations were proposed. We constructed the following hypothesis: a long term of serving a sentence leads to significant personal changes of a negative orientation, in connection with which the attitude to life of convicts serving long-term sentences is characterized by a less pronounced acceptance and a more vivid rejection than those of convicts with short terms of serving a sentence.

The empirical study was conducted in the correctional facility No. 17 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Vologda Oblast (November–December, 2021). This is a strict regime correctional facility for male (capacity limit: 1,565 people [8]).

Test of life-meaning orientations (the LMO method) by D.A. Leont'ev was used to determine subject's life-meaning orientations. It attracted our attention because it allows us to assess the "source" of the meaning of life, which can be found by a person either in the future (goals), or in the present (process) or the past (result), or in all three components of life. This method is an adapted version of the Purpose-in-Life test (PIL) by J. Crumbaugh and L. Maholick [9].

The test contains both a general indicator of life meaningfulness, and five subscales indicating three specific life orientations (goals in life, life intensity and satisfaction with self-realization), as well as two aspects of the locus of control (Me and Life). Based on the factor analysis of the version of this method adapted by D.A. Leont'ev, domestic researchers (D.A. Leont'ev, M.O. Kalashnikov, O.E. Kalashnikova) worked out the LMO method, which includes 20 pairs of opposite statements reflecting the idea of life meaningfulness factors.

The analysis of data obtained with the help of the life-meaning orientations test (the LMO method) by D. A. Leont'ev showed the following results.

The experimental group (convicts are socially isolated for more than 10 years) is characteristic of low rates of meaningfulness of life on the scales, such as goals in life, a process, and a locus of control "Life", average rates on the scales, such as a locus of control "Me" and a general indicator of meaningfulness of life (ML). In the group of people sentenced to short-term imprisonment, average rates of meaningfulness of life are observed on the scales, such as a result, a locus of control "Life", as well as low rates on the scales, such as goals in life, a process, a locus of control "Me", and an indicator of meaningfulness of life (ML).

Comparative indicators of life meaningfulness of convicts in the EG (group 1) and CG (group 2) are shown in Figure.

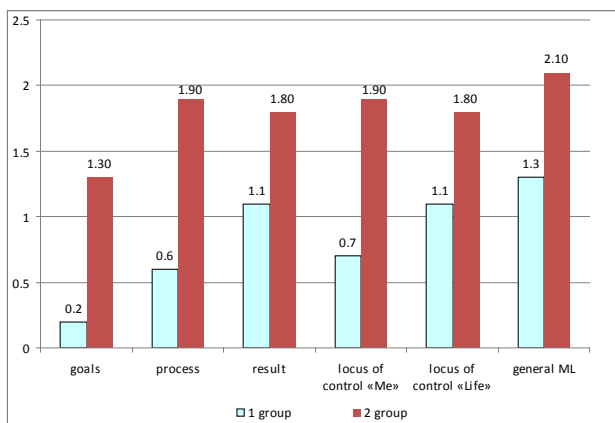

Figure. Comparative indicators of meaningfulness of life of convicts in the EG (group 1) and CG (group 2)

Convicts serving long-term sentences in places of deprivation of liberty have lower rates of a general level of meaningfulness of life (1.3), its purpose (0.2), a life process itself (0.6) and its effectiveness (1.1), as well as a locus of control "Me" (0.7), and a locus of control "Life" (1.1), than those of the control group convicts.

Convicts in the EG demonstrate a lower interest in life, lower emotional intensity, do not set life goals and objectives of the future; the time perspective is not indicated. They perceive life as insufficiently interesting, and unfilled with meaning. At the same time, the period of life already lived by the subjects is not fully understood, they are dissatisfied with the life they have lived and do not think they can manage their life.

The convicts of the control group are characterized by higher rates of general levels of meaningfulness of life (2.1), its purpose (1.3), a life process itself (1.9) and its effectiveness (1.8), as well as a locus of control "Me" (1.9), and a locus of control "Life" (1.8). The convicts in this group show an interest in life, a certain emotional intensity of life, they have certain life goals and objectives of the future, time limits are determined. They feel the strength and capabilities to manage their own lives.

Results

Thus, we confirmed a hypothesis that the attitude to life of convicts serving long-term sentences is characterized by a less pronounced acceptance and a more vivid rejection than that of convicts serving short-term sentences. In this regard, penitentiary psychologists and squad leaders need to organize special work to correct convicts' behavior, especially those who are serving long-term imprisonment, which will contribute to more harmonious relations in the convicts' environment, reduce stress and conflict, etc. in order to solve the main task – to correct the personality of an offender.

At the same time, there is some experience in practical work with this category of convicts: individual conversations are held, social ties are maintained and developed, the positive impact of convicts on each other is used, relatives, the public, representatives of religious denominations, etc. are involved [16]. In order to optimize the socio-psychological situation in the squad of convicts with long-term sentences, it is necessary to organize special work to correct the personality of a convict, take measures to change their attitude to life [19, pp. 48–54]. At the same time, it is important to develop measures to prevent and regulate destructive trends, as well as to conduct work on correcting relationships in groups of convicts.

Personnel of the educational department of a correctional facility should provide timely socio-psychological support to people who find themselves in a difficult life situation, while contributing to the creation of conditions that provide opportunities for implementing useful initiatives, developing person-

al potential, psychological competence and skills of adaptive behavior of the convicted with rational use of their free time. It is crucial to promote optimization of self-esteem, stabilization of the emotional and psychosocial state of the educated, reduction in conflict, alienation and overcoming barriers in communication by conducting group and individual psychological prophylactic and psychological corrective measures [5]. Formation of "healthy" lifestyle models, socially useful initiatives, work skills and law-abiding behavior in convicts will promote more successful social rehabilitation and adaptation after release from places of isolation from society.

At the same time, an important area of work is to realize social measures for convicts with long-term sentences [6], and organize permanent monitoring for identifying barriers to adequate life activities of persons of this category.

Conclusion

This study describes features of meaningfulness of life of convicts serving long-term sentences. The subjective category, such as an attitude to life, includes a person's attitude to the past, present and future, is an obligatory component of the meaning of life. Experiencing the meaning of life is the highest value of the relationship and the indicator of persons' responsibility for their own life [18].

The following features of meaningfulness of life were identified in persons who have been in conditions of social isolation for more

than 10 years: a low interest in life, its weak emotional intensity, insufficient number of life goals, lack of a goal for the future, temporary perspective, alienation from life, detachment in communication with the prison administration and other convicts. A lack of prospects associated with release, solitary confinement, various severe restrictions aimed at regulating the order of serving a sentence and excluding the possibility of building their relationships in society on the principles of cooperation, are the reason for this attitude to life [20]. Convicts serving long-term imprisonment often show a lack of desire and internal readiness for social rehabilitation. Such a way of thinking and inability to socialize can become key factors determining social danger of persons who have violated the law.

Correctional and pedagogical work should encourage convicts serving long-term sentences to change their personality, prevent violence and aggression against representatives of the administration, other convicts and themselves, realize their guilt and repent on this basis, focus on their own spiritual and moral problems, develop a desire to compensate for the harm caused by their crime [17].

The conducted research will contribute to the development of general recommendations on psychological correction of convicts' attitude to life and formation of their moral value orientations as preventive measures to combat suicide in correctional facilities and their readiness for social rehabilitation.

REFERENCES

1. Abdulgalimova S.A. The concept of the meaning of life and the meaning of life paradigms. *Vestnik Sotsial'no-pedagogicheskogo instituta=Bulletin of the Socio-Pedagogical Institute*, 2011, no. 2, pp. 83–92. (In Russ.).
2. Abul'khanova-Slavskaya K.A. *Psikhologiya i soznanie lichnosti (Problemy metodologii, teorii i issledovaniya real'noi lichnosti): izbrannye psikhologicheskie trudy* [Psychology and consciousness of personality (Problems of methodology, theory and research of real personality): selected psychological works]. Moscow: Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut. Voronezh: MODEK, 1999. 224 p. ISBN 5-89502-067-4.
3. Adler A. *Individual'naya psikhologiya* [Individual psychology]. Saint Petersburg: Piter, 2017. 165 p. ISBN 978-5-88230-458-3.
4. Il'ina I.S. Specificity of the concepts of attitude to life and death, to health and illness in studies of persons who had experience of suicidal attempts. *Lichnost' v ekstremal'nykh usloviyakh i krizisnykh situatsiyakh zhiznedeyatel'nosti=Personality in Extreme Conditions and Crisis Situations of Life*, 2011, no. 1, pp. 339–343. (In Russ.).

5. Zautorova E. V. *Osobennosti agressivnogo povedeniya osuzhdennykh, otbyvayushchikh nakazanie v ispravitel'noi kolonii strogogo rezhima: monografiya* [Features of aggressive behavior of convicts serving sentences in the correctional facility of strict regime: monograph]. Moscow: NII FSIN Rossii, 2020. 120 p. ISBN 978-5-6042382-3-3.
6. Zautorova E.V., Kevlya F.I. Prevention of illegal behavior of convicts in places of deprivation of liberty. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii=Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 2 (92), pp. 188–194. (In Russ.).
7. Zobkov V.A. Personality's attitude to the life activity. *Ekonomika obrazovaniya=Economics of Education*, 2015, no. 2, pp. 91–94. (In Russ.).
8. Brief description of the penal system. *Federal'naya sluzhba ispolneniya nakazanii: ofitsial'nyi sait* [Federal Penitentiary Service of the Russian Federation: official website]. Available at: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20harka%20UIS/> (In Russ.). (Accessed February 3, 2022).
9. Leont'ev D.A. Test of life-meaning orientations (the LMO method). *Psikhologiya schastlivoi zhizni: sait psikhologicheskoi pomoshchi* [Psychology of a happy life: psychological help website]. Available at: <https://psycabi.net/testy/256-test-smysl-zhiznennye-orientatsii-metodika-szho-d-a-leontev> (In Russ.). (Accessed February 3, 2022).
10. Maslow A. *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and personality]. Saint Petersburg: Piter, 2011. 351 p. ISBN 978-5-459-00494-7.
11. Myasishchev V.N. *Psikhologiya otnoshenii* [Psychology of relations]. Moscow: MPSI, 2011. 398 p. ISBN 978-5-89502-790-5.
12. Nedlyakova I.M. Individual features of the convict's personality (results of a psychological research). *Penitentsiarnaya nauka=Penitentiary Science*, 2021, no. 2 (54), pp. 321–327. (In Russ.).
13. Rubinshtein S.L. *Bytie i soznanie* [Being and consciousness]. Saint Petersburg: Piter, 2017. 287 p. ISBN 978-5-496-02943-8.
14. Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla: sbornik* [Man in search of meaning: collection]. Ed. by L.Ya. Gozman, D.A. Leont'ev. Moscow: Progress, 1990. 366 p. ISBN 5-01-001606-0.
15. Yung C.G. *Arkhetipy i kollektivnoe bessoznatel'noe* [Archetypes and the Collective Unconscious]. Moscow: AST, 2019. 224 p. ISBN 978-5-17-117179-7.
16. Buss A.H. Physical aggression in relation to different frustrations. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1963, vol. 67, pp. 1–7. (In Russ.).
17. Kohlberg L. *Essays on moral development. Volume 2: the psychology of moral development*. San-Francisco: Harper & Row, 1984. 580 p.
18. Moscovici S. The phenomenon of social representations. In: Fair R., Moscovici S. (Eds.). *Social representations*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. Pp. 3–69.
19. Rath T., Harter J. *Wellbeing: the five essential elements*. New York: Gallup Press, 2010. 229 p.
20. Zaleski Z., Chlewinski Z., Lens W. Importance of and optimism- pessimism in predicting solution to world problems: an intercultural study. In: Zaleski Z. (Ed.). *Psychology of Future Orientation*. Lublin: Towarzystwo Naukowe KUL, 1994, Pp. 207–228.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

EL'VIRA V. ZAUTOROVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Corresponding Member of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, professor at the Department for Legal Psychology and Pedagogy of the Psychology Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, Leading Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary

Service of Russia, Moscow, Russia, elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

NIKOLAI G. SOBOLEV – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, Senior Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, sobolev-nikolay@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6101-7437>

Received April 27, 2022

Original article

UDC 37.01

doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.011

Key Forms of Scientific Penitentiary and Pedagogical Knowledge

OKSANA B. PANOVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, xenia-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6096-2581>

Abstract

Introduction: the article is devoted to substantiating the expediency of formalizing scientific penitentiary and pedagogical knowledge, taking into account the information accumulated in this field and penitentiary pedagogy tasks; presenting a scientific view on the systematization of key forms of penitentiary and pedagogical knowledge and considering their basic parameters. *Purpose:* to present and characterize modern penitentiary and pedagogical knowledge as a formalized structure based on certain standard approaches that are designed to provide clarity and uniformity in the perception of key aspects of penitentiary-pedagogical reality in the scientific community, among practitioners and public figures. *Methods:* comparative historical analysis, monographic, structural analysis, logical generalization, etc. *Results:* during theoretical analysis of the literature reflecting priority achievements of penitentiary pedagogy and the established approaches to structuring scientific information, key forms of scientific penitentiary and pedagogical knowledge in the aspect of modern trends in the development of the penal system were presented and characterized. Pedagogical terms, patterns, principles, conditions, models, concepts and theories were considered as the main forms. Characteristics of these forms included basic features, penitentiary specifics, criteria of effectiveness and prospects for further development. These forms were supported by examples that made it possible to concretize each of them. The prospects to further elaborate the problem of formalization of penitentiary and pedagogical knowledge are determined.

Keywords: scientific penitentiary and pedagogical knowledge; pedagogical terms; patterns; principles; conditions; models; concepts; theories.

13.00.01 – General pedagogy, history of pedagogy and education

For citation: Panova O. B. Key forms of scientific penitentiary and pedagogical knowledge. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 3 (59), pp. 327–342. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.011

Introduction

Pedagogization of the correctional process in penitentiary institutions is a trend that is fixed in the content of the purpose for executing criminal punishment and confirmed in conceptual documents reflecting the current stage of the Russian penal policy development. Supplementing the goal of correcting convicts with such components, as “formation of a respectful attitude towards a person, society, work, norms, rules and traditions of human community” (Article 9 of the Penal Code of the Russian Federation), the legislator, thereby, consolidated a special role of the pedagogical component in its implementation, since respect for any object is primarily associated with the manifestation of moral duty and moral qualities, the development of which is most successfully achieved by means of education.

Many outstanding Russian scientists promoted penitentiary pedagogy, among them M.N. Gernet, who linked social causes of crime with shortcomings of upbringing and education [11, p. 44], N.F. Luchinskii, who developed the first in Russia concept for training domestic penitentiary personnel with an emphasis on the formation of pedagogical knowledge among prison officials [26, pp. 28–31], S.V. Poznyshev and I.Ya. Foinitskii, who included sections devoted to characteristics of prison upbringing, education and enlightenment of prisoners in the content of the previously existing branch of jurisprudence – prison studies [34, pp. 157–182; 47, pp. 373–387], A.S. Makarenko, who enriched pedagogical science with the team teaching doctrine [27, pp. 80–90], V.N. Soroka-Rosinskii, who justified a special role of creative and amateur activities in the re-education of juvenile offenders [40, pp. 164–229], etc.

The pedagogical heritage of Russian scientists has been confirmed and creatively developed in works of such outstanding researchers as I.P. Bashkatov, A.V. Budanov, V.F. Klyukin, V.M. Litvishkov, M.P. Sturova, N.A. Tyugaeva, and others. The information array created by them accumulates the content of pedagogical knowledge recorded in the study of the most significant fragments of penitentiary reality. It should be noted that there is no special task to create a ho-

listic picture of the knowledge series in penitentiary pedagogy as a list of the main forms of knowledge accumulated in research and practice so far. Meanwhile, such forms form the foundation for a specific language of penitentiary-pedagogical science, which ensures systematic assimilation of scientific information, its clear interpretation and effective use. The relevance of identification and analytical description of the main forms of scientific knowledge is associated with the need to prevent certain simplicities in explaining the essence and features of pedagogical processes and phenomena in the penal environment; it is explained by the need to operate with certain standards and patterns designed to ensure mutual understanding between members of the penitentiary-pedagogical community, both scientists and practitioners.

Purpose of the study

The purpose of this article is to present and characterize modern penitentiary and pedagogical knowledge as a certain formalized structure. Structuring the basic forms of existing penitentiary and pedagogical knowledge is important in determining directions and ways of productive development of penitentiary science and practice; its importance increases due to the need to follow an interdisciplinary approach that focuses on the effective operational integration of penitentiary pedagogy with other branches of science, ensuring clarity and understanding in the perception of key aspects of penitentiary and pedagogical reality in the scientific community, among practitioners and public figures.

Methods

In order to achieve the stated goal, we used a number of theoretical methods, such as the comparative historical analysis method (to compare scientific interpretation of key penitentiary and pedagogical terms at different time periods of the penitentiary pedagogy development), the monographic method (to describe holistic, relatively independent pedagogical categories, phenomena and processes as separate objects of the study and analysis), the structural analysis method (to show relationships between studied units of scientific knowledge in a hierarchical order), logical generalization (to consider common features of objects with their transfer to particular char-

acteristics and study particular properties of objects with their extrapolation to general parameters), and the generalization method (to summarize certain results of the study), etc.

Analysis and discussion of the results

Penitentiary and pedagogical knowledge is one of the forms of fixing the results of cognitive activity of specialists — scientists and practitioners — in the field of specially organized and implemented by pedagogical means measures aimed at correcting criminals sentenced to various types of criminal penalties. The category of pedagogical means includes those that are used in the course of solving educational problems and, accordingly, are related to teaching and upbringing. Penitentiary and pedagogical knowledge will be considered as scientific, provided it meets certain requirements, namely: criteria of objectivity, certainty, evidence, methodology, consistency and usefulness in terms of changing the situation for the better [23, p. 3]. Scientific penitentiary and pedagogical knowledge can reflect both universal regular educational processes and phenomena inherent in all correctional institutions, as well as single pedagogically significant situations and events that are of an exceptional nature and have significance for a particular institution. Complexity and non-linearity of the correctional process determines the need for a wide variety of forms of expression of scientific penitentiary and pedagogical knowledge.

Sharing the views of N.G. Serikov, who included pedagogical terms, patterns, principles, conditions, models, concepts and theories in the main forms of scientific and pedagogical knowledge [38], we consider it possible to present a similar formalization of penitentiary and pedagogical knowledge. Let us characterize each of the listed forms.

The word “term” is of Latin origin and was originally used in the meanings of “border”, “limit”, etc. [42, p. 636]. In modern usage, it is considered as a set of the most general and essential features of a class of objects and phenomena that are recognized in science at a certain stage of its development. Scientific terms are characterized by the absence of synonyms, unambiguity of interpretation, correspondence to the same type of terms in related fields of knowledge [25]. Any word

can be used as a term if it is used “in a special function, the function of naming a special concept, the name of a special object or phenomenon” [19, p. 307]. Any term has two sides, such as structural-linguistic and semantic, determined by the evolution and formation of a system of concepts of a particular science [9, p. 7].

Penitentiary and pedagogical terms should correspond to general pedagogical terminology, but, at the same time, have a specialized meaning mediated by penitentiary reality. In the terminological apparatus of penitentiary pedagogy, as in any branch of science, there are basic terms that, due to their a priori nature, are distinguished in a special way and called scientific categories. Since penitentiary pedagogy is one of the branches of pedagogy, its main categories include those that make up the categorical apparatus of general pedagogy, namely: education, upbringing, educational work, training; socialization, personality, society, culture; pedagogical process, pedagogical system, goals, content, methods, means, forms (of education); student, pupil, teacher, educator; development, formation (of a personality); interaction, communication (pedagogical), relationships, activities, etc. The categorical apparatus of pedagogy represents the primary basis for penitentiary pedagogy and conveys its characteristic features.

The terminological apparatus of penitentiary pedagogy includes concepts, such as “correction”, “re-education”, “re-socialization”, “educational system of a correctional facility”, “educational work with convicts”, “correctional process”, “means of correction”, “correction criteria”, etc. They help describe specific pedagogical methods of correcting convicts. We will take a closer look at the terms that, in our opinion, play a leading role in the penitentiary and pedagogical vocabulary.

The terminological construct “correction of convicts” entered the scientific apparatus of penitentiary pedagogy in 1997 in connection with the adoption of the Penal Code of the Russian Federation. Article 1 of the Penal Code of the Russian Federation fixes correction of convicts as a purpose of the Russian penal legislation and Article 9 defines its con-

tent: correction of convicts involves formation of a respectful attitude towards a person, society, work, norms, rules and traditions of human community and promotion of law-abiding behavior. From a pedagogical point of view, correction is considered as a goal, process and result. A convict is perceived as an object of pedagogical influence that leads to creation of a system of respectful relations to society and law-abiding behavior. Let us present a pedagogical analysis of components of the phenomenon under consideration.

Striving for pedagogical support of the process to form in a convict a system of social relations based on respect, correctional institution employees should take into account the essence of the concept "respect" in order to follow clear guidelines in achieving the given goal. In Russian the word "uvazhat" (to respect) has the same root as the word "vazhnyi" (important). Speaking, for example, about respect for a person, it is worth mentioning that it has 2 two main types: respect as recognition of person's rights and intrinsic value and respect as an assessment of human merits and achievements. In the first case, respect borders on concern (so, out of respect one should not interfere in the personal life of other people, disturb a vacationing person, regardless of his/her status, etc); in the second case, it is supposed to recognize the importance of a person for his/her diligence in achieving a certain goal, for example, respect for a person for professionalism, which means giving importance to his/her knowledge and skills [3, p. 190]. Accordingly, the expected result of correcting the convicted person should be the recognition of his/her personal significance, both of any individual and of society as a whole, as well as a variety of social norms and work. In other words, to form a respectful attitude means to solve an essentially existential task related to giving personal meaning to objects of respect according to the "meaning-for-me" type.

Let us analyze the essence of the terminological construct "stimulating law-abiding behavior" within the pedagogical approach. The semantics of the word "obedience", meaning submission, allows us to consider non-violation of legal norms as a basic indicator of the behavioral symptom complex, mainly

in circumstances mediated by the threat of subsequent punishment. At the same time, it should be borne in mind that in conditions under which it becomes possible to avoid punishment, an individual may perceive illegal behavior as acceptable. The source of any obedience is pragmatism, which determines the choice, which usually follows from situational profitability. A system of incentives adequate to pragmatic expectations of a particular convict will serve as an energy source for law-abiding behavior, and social learning – as an impact mechanism, ensuring formation of the ability to represent the influence of external stimuli on person's behavior in the form of a certain model. Social learning helps the convicted person to comply with the requirements or imitate law-abiding behavior even when he/she does not become the object of punishment or encouragement, as he/she monitors appropriate response to others. Thus, a correctional institution employee focused on encouraging law-abiding behavior of convicts should consider this task as a process, the repetitive cycles of which are stimulus, reaction and reinforcement; without them it is barely possible to achieved the stated goal [29, pp. 115–116].

Correction of convicts is considered not only as the purpose of criminal punishment execution, but also as a process, condition and result. The correctional process involves sequent steps in the realization of the goal of acquiring social norms and values; at the same time, there is a resolution of contradictions between insufficient social experience of convicts and requirements of strict adherence to social norms that arise in new circumstances, mediated by the influence of external and internal conditions. As a state, correction reflects a fragment of the convicted person's conscious rejection of antisocial, including criminal, ideas, comprehension of the meaning of a law-abiding life, transition from situational and unconscious adherence to social norms to meaningful legal behavior. Correction should result in a formed system of socially approved attitude of the convicted person to the surrounding reality.

Within the limits of pedagogical possibilities, correction of convicts is provided by means of re-education, implemented in the

aspect of re-socialization in conditions of the educational system of a correctional facility.

In relation to convicts, education has its own specifics, which led to the inclusion of the special term “re-education” in the vocabulary of penitentiary pedagogy. S.V. Poznyshev and I.Ya. Foinitskii were the first to claim prison education as a priority means of correction, characterize re-education as a “spiritual influence” on “detainees” aimed at developing their “desire to take the path of an honest life” [44, p. 400] and counteract striving for crime [34, p. 158]. They associated solution of these tasks with overcoming egoism, despondency and hopelessness among the prisoners; formation of self-respect and independence to the extent that “everyone’s fate is as far as possible in their own hands” [43, pp. 400–402]; and appearance of gratitude for the kind attitude of others and satisfaction from a quiet life [34, p. 158]. Developing the ideas of his predecessors, A.S. Makarenko also placed special emphasis on the formation of “real qualities of people who will come out of our pedagogical hands” [27, p. 62].

In accordance with these scientific judgments, the essence of re-education should be considered as a purposeful specially organized pedagogical interaction between correctional officers and convicts to erase negative personal traits formed under the influence of adverse factors and acting as prerequisites for illegal behavior, and form positive ones, incompatible with a criminal lifestyle. Personal qualities (traits) are understood as a set of individual characteristics, the nature of which has a hereditary or acquired – socially conditioned character. Personal qualities reflect the integral characteristic of its originality, a stable typological characteristic of personality [4, p. 52]. They can transform and change during the course of person’s life. Personal traits as a set of attributes of a person affect his/her social status, behavioral attitudes, direction of acts, well-being, reputation, and predisposition to specific activities. Examples of positive personal qualities are independence (propensity to initiate, develop and implement person’s own plans; ability to make independent judgments), kindness (active participation to a person who finds him/herself in a difficult life situation; focus on help-

ing people in need without claims to gratitude in return), diligence (positive attitude to work; tendency to work hard; getting satisfaction from the process and results of work); honesty (tendency to statements corresponding to real facts and phenomena, his/her thoughts and beliefs), ambition (tendency to achieve the set goal; readiness to overcome the circumstances that prevent its implementation), responsibility (person’s conscious attitude to his/her actions, tendency to see the causes of what is happening in a person’s soul), discipline (voluntary conscious observance of moral norms and established order), law-abiding behavior (unquestioning obedience to legal norms), etc.

We share the scientific idea that criminogenic qualities of a person manifest themselves in certain inclinations, distinguished by the degree of personal acceptability of a criminally punishable way of behavior and its conditionality by the value-semantic and emotional maturity of an individual (A.N. Pastushenya) [31, pp. 11–12]; individuals acting as carriers of certain negative inclinations have a potential orientation to commit crimes, intentional or negligent, of a certain type (Yu.M. Antonyan) [2, pp. 13–26]. Accordingly, we can assume that against the background of individuals’ acceptability of criminal behavior, the presence of a number of individual personal qualities or their totality may indicate potential readiness of these qualities carriers to commit certain crimes. For example, people who are characterized by such qualities as laziness (preference for an independent and enjoyable pastime that excludes work activity, idleness), greed (person’s excessive desire to appropriate as many different benefits as possible, both material and spiritual), envy (negative attitude towards people who have any benefits or opportunities that an envious person is deprived of, but strives for) may be inclined to commit crimes against property. It is also obvious that an individual with such traits as aggressiveness (preference for the use of violent means to achieve person’s goals), cruelty (behavior that deliberately causes pain or distress to people or animals), misanthropy (dislike or hatred of other people; expression of contempt for social norms and traditions), etc., is more predisposed to com-

mitting crimes against human life and health.

In correctional facilities, re-education has a certain functional purpose, which consists in encouraging convicts to overcome their own negative personal manifestations and develop socially approved qualities and abilities; orienting convicts to eliminate inconsistencies in the value system reflecting their attitude to themselves, people around them, social norms, etc.; helping convicts overcome external and internal factors of personal deformation. Implementing these functions, re-education acts as a significant component of resocialization of convicts.

Russian scientists and public figures took a keen interest in the problem of resocialization of convicts at the beginning of the 21st century, when the reform of the penal system acquired a pronounced humanistic orientation. Serious scientific works revealed the interdisciplinary nature of the phenomenon under consideration, substantiated the logic and justified different approaches to interpreting the term "resocialization".

The analysis of dissertation studies devoted to the problem of resocialization of convicts shows that with certain existing differences in this concept interpretation, they are united by a common feature indicating resumption or repetition of the socialization process [29, p. 68]. When formulating resocialization goals, many scholars emphasize aspiration to social regularity, "achievement of law-abiding behavior presupposing person's compliance with legal norms" (A.V. Pishchelko) [32, p. 276]; convict's acceptance of "minimal and sufficient" values and social norms (A.V. Chernysheva) [47, p. 27], "acquisition of social values, norms, knowledge, experience, abilities, as well as creation of conditions necessary and sufficient to form behavioral models in a minor, including key elements of institutional requirements and prescriptions (M.N. Sadovnikova) [37, p. 11], "achieving social responsibility for one's behavior and life in society without violating laws" (N.V. Andreev) [1, p. 7].

Characterizing the pedagogical aspect of resocialization, it should be noted that it consists in correcting person's socialization, his/her social attitudes and beliefs formed as a result of inadequate perception of social re-

lations [36, p. 21]. If in the socialization processes the development of a personality is of priority importance, then in the resocialization one it is the correction of person's deformed worldview, which promotes development of the individual and, at the same time, favors his/her integration into society.

As a pedagogical term, "correction" (from Latin *correctio* – correction) is applied to people with disabilities of physical development and/or social behavior [33, p. 13]. As for persons convicted of committing crimes, pedagogical correction is suitable for different types of deviations that are not so much pathological in nature as formed during improper influence in the circumstances of an unfavorable social environment. Such deviations may include certain character flaws caused by deformity of the worldview and underdevelopment of the emotional-volitional sphere.

Deformity of the worldview manifests itself in certain defects that have a bright degree of severity. These include social ignorance, indifference, social infantilism, nihilism, cynicism, etc. Social ignorance consists in a lack of awareness necessary for normal functioning in society. Bearers of social ignorance hardly understand social relations and processes; they lack a clearly defined social position. Social indifference is expressed in contemplative indifference and passivity in situations requiring expression of a personal attitude to ongoing social events and phenomena; it is characterized by adherence to the fatalistic cliché "if it is destined, it will come true" and distrust in person's possibilities and abilities to change unfavorable circumstances of life. They rely on luck in their pursue of goals.

Social infantilism manifests itself in the gap between biological and socio-cultural development, in which the convict, on the one hand, claims to possess certain rights and freedoms inherent in an adult, and on the other hand, refuses to recognize the need to comply with the status of an adult in matters of fulfilling established duties. Social nihilism is expressed in the denial of social norms in general, which includes disdain for social values, traditional ideals, social structure, social institutions, etc. Social cynicism is characterized by the demonstrativeness in expressing a disdainful attitude towards generally ac-

cepted norms of morality and law; orientation towards the “any means are good” attitude, which does not exclude violation of criminal law norms.

Underdevelopment of the emotional-volitional sphere is manifested, first of all, in emotional tension, which includes a set of experiences that reduce the emotional background and motivational sphere of a person. This condition is often accompanied by a feeling of helplessness and person’s own uselessness in certain life circumstances; it can lead to aggressiveness and misanthropy [46].

In pedagogical practice, overcoming these defects is associated with pedagogical correction focused on displacing certain personal defects while simultaneously developing personal qualities in the convict that contribute to increasing his/her own self-esteem. The main general pedagogical method of correction is to create a correctional and developmental environment where convicts can realize themselves, while the result of correction is to “even out” convicts as individuals. Those engaged in pedagogical correction programs can “even out”, that is, become the same as non-convicted, law-abiding people [18, p. 203].

A correctional and developmental environment includes a certain list of elements that determine activities of educators and convicts aimed at displacing certain personal defects. It is a complex, systemic, variable, changing mechanism of continuous pedagogical assistance to people with developmental disabilities, acquiring social competence in special classes and constructive communication, formation of mobility and social activity. The basis of a correctional and developmental environment in a correctional institution is formed by basic correctional programs and interaction with external social institutions.

Specific features of a correctional and developmental environment are the following: activation of the convicts’ desire to become law-abiding, like people around them; displacement of criminal ideals and values; awakening of emotional experiences about universal phenomena and facts; preparation of convicts to overcome psychological barriers that prevent productive existence in the social space.

Successful solution of pedagogical tasks to resocialization of convicts is largely determined by the functioning of the educational system. Having introduced this terminological construct into the scientific circulation of penitentiary pedagogy, M.P. Sturova defined the educational system of a correctional institution as “direct and indirect educational relations and connections of elements that make up and form integrity, including both spiritual and subject-practical activities of the educated and educators, designed to ensure a positive change of convicts” [41, p. 10].

Developing M.P. Sturova’s scientific views on the structure of the correctional institution’s educational system, S.A. Vetoshkin included the following components: target, indicating the goal, the entire pedagogical process strives to achieve; content, reflecting a variety of pedagogical tools, principles and methods used; activity, ensuring educator-student interaction, organization and forms of this interaction, as well as principles to manage the educational process; result, helping evaluate effectiveness of the current system. The scientist notes that the listed components allow only in general terms to schematically create an algorithm for practical activities to correct convicts; the problem lies in “concretizing these components, filling them with content that allows organizing an effective correction system” [5]. Since the penitentiary educational system functions in specific conditions, such as closeness of a correctional institution, strict regulation of educational work, high concentration of persons with a variety of pronounced deviations, it differs significantly from other educational systems. The main difference between the educational system of a correctional institution, in our opinion, lies in designating the vector of its development, which should be aimed at creating a correctional and developmental environment.

There is a close relationship between key terms of penitentiary pedagogy. It consists in the fact that the content of the term “correction” details the criminal punishment execution purpose and, thus, specifies key directions of re-education of convicts as an important factor in their re-socialization. In turn, the effectiveness of resocialization of

convicts is largely determined by the development vector of the correctional facility educational system.

A significant form of penitentiary and pedagogical knowledge is the regularities that make it possible to understand the nature of pedagogical reality, find true foundations of pedagogical activity, and discover stable recurring connections operating in it. The connections recorded in the patterns always have a causal character. These are, for example, links between the pedagogical methods used in the correctional process and the results obtained; the degree of complexity of pedagogical requirements and the quality of their assimilation by convicts; the system of pedagogical means and the time and effort spent by educators on achieving certain results, etc. In penitentiary pedagogy, patterns mainly show connections between specially created or already existing circumstances and the results achieved by correction of the convicted person. The importance of regularities lies in the fact that they define guidelines that allow ensuring the effectiveness of the correctional process in accordance with certain foundations.

An absolute requirement for a research scientist who identifies a particular pattern is the presence of a sufficient level of proficiency to conceptualize everyday reality in certain connections. Presentation of a new pattern is based on the results of research work, which must be approved and accepted by the pedagogical community. This provision also applies to laws of penitentiary pedagogy, which are subject not only to identification and description, but also to theoretical justification and confirmation with the help of empirical methods. The basic criterion to measure the pattern effectiveness is its reproducibility in the same type of situations, that is, manifestation in the pedagogical activity of any correctional institution employee; mandatory; and independence from individual abilities and characteristics of participants in the correctional process (except in cases when certain abilities and features are included in the described pattern as a special object).

A descriptive format that provides verbal presentation of information about non-ran-

dom dependencies between phenomena or processes is considered sufficient to represent a pattern in penitentiary pedagogy. Rigid mathematical confirmation in relation to laws of this branch of science is not imperative in view of the complexity and versatility of phenomena of penitentiary and pedagogical reality, significantly narrowing the possibilities of quantitative confirmation. In this regard, it is worth considering V.V. Krayevskii's statement that the use of quantitative methods in pedagogy "is limited by the specifics of the humanitarian sphere of scientific knowledge, which in many cases makes the complete quantitative certainty of the results obtained unattainable" [22, p. 244]. Developing this position, V.V. Krayevskii pays special attention to the application of a qualitative approach, according to which regularity is confirmed by generalizing ideas from the collected empirical data, and organization of the data is aimed at obtaining a holistic picture [22, p. 245]. He emphasizes the need to achieve a balance between mathematical and qualitative approaches in proving patterns.

The correctional process in penitentiary institutions correlates, first of all, with general pedagogical laws. Repeatedly justifying and defending this point of view, A.S. Makarenko notes that "education should be guided by one system of laws", regardless of whether it is carried out in relation to "good" people or offenders [27, p. 12]. At the same time, the patterns reflecting the most stable tendencies of education as a social phenomenon are refracted through the prism of the specifics of the pedagogical process in correctional institutions and acquire a specific content determined by specific research objectives. Therefore, for penitentiary pedagogy, both general pedagogical patterns and patterns related to its own sphere are important.

In penitentiary pedagogy, a number of authors have presented formulations of certain patterns stating conditions and circumstances to achieve stable success of the correctional process. Following the strict scientific requirement imposed on the regularity, we will consider a group of regularities, theoretically proven and confirmed with the help of quantitative and qualitative methods in the dissertation research of the Doctor of Sci-

ences (Pedagogy) S.A. Vetoshkin. He identified and scientifically substantiated the following patterns: 1) a pattern confirming the dependence of successful correction of convicts on pedagogical factors: proficiency level of penitentiary staff, availability of material resources designed to ensure the educational process (interest groups, clubs, etc.); 2) a pattern reflecting the conditionality of the correctional process effectiveness by the degree of the penitentiary institution closeness (prevention of the penetration of alcoholic beverages, drugs, prohibited items, and the spread of negative information, as well as occurrence of conflict situations, etc.); 3) a pattern that fixes the dependence of results of educational work with convicts on correctional facility employees' capabilities and desire to organize effective pedagogical activities. If such activity is neglected, then, according to S.A. Vetoshkin, the reverse process occurs: convicts negatively affect employees by imposing their own rules of behavior, slang words and habits [6]. In this article, we leave open a list of patterns significant for penitentiary pedagogy, limiting ourselves to the one, scientifically proved.

Regularities of the correctional process course create a certain system of connections, the practical implementation of which should contribute to its success. This, in turn, makes it possible to determine basic and specific principles that are important for solving theoretical and practical problems of penitentiary pedagogy. The principles are designed to succinctly express basic conceptual ideas on the basis of which the communication of all subjects of pedagogical interaction unfolds and the complex of its components functions: forms, content, methods and techniques. The correctional process requires, first of all, implementation of general pedagogical principles recognized today in the pedagogical community: expediency and purposefulness, unity of consciousness and behavior, combination of pedagogical leadership with initiative and self-activity of the educated, pedagogical optimism, differentiation and integration, complexity, continuity, cultural conformity, combination of demands with a humane attitude towards convicts; reliance on their positive quality; taking into account

the age and individual characteristics of the convicted person, etc.

Along with the above general pedagogical principles, the correctional process, having its own characteristics, needs implementation of special principles. There are also different approaches to defining principles in penitentiary pedagogy. Some authors have achieved real undeniable results in correction of offenders; A.S. Makarenko occupies a special place among them. A careful reading and analysis of his article "Methods of organizing the educational process" suggests that A.S. Makarenko's pedagogical system is based on the following interrelated principles: students' inclusion in work, the type and content of which is determined by their own choice, so that "everyone can find something to their liking"; organization of real self-government; ensuring mutual responsibility; provision of discipline and the "correct" regime; organization of a pedagogical center, where a "teacher-head should always communicate, without waiting for special meetings" and without "special subordination"; encouraging the team to be attentive to the newly arrived, whose admission procedure "should be thought out and prepared by the authorities, teaching staff and the council of commanders in all the details and to the end"; organization of cultural work based on the functioning of circles and club organizations visited voluntarily with the right to leave "at any time", etc. [27, pp. 267–329].

S.A. Vetoshkin singles out crucial principles of pedagogical organization of the correctional process in modern penitentiary institutions, such as functioning of a single team (employees and convicts); adequate response of the administration to convicts' actions; expanded stimulation of convicts' behavior [5]. Modern scientific research substantiates special principles concerning certain aspects of educational work with convicts, including moral education, re-socialization, etc. For example, L.V. Kovtunenکو was the first to identify principles of resocialization of juvenile convicts in the pedagogical environment, such as variability (creation of variable zones of the pedagogical environment; variations in the choice of forms, methods, means to meet convicts' needs and interests) and co-development of

the pedagogical environment and the juvenile convict (relationship, interdependence of the development of juvenile convicts and pedagogical environment) [20, p. 10]. Legal re-socialization of juvenile convicts includes the following principles: actualization of convicts' penitence, formation of anti-criminal stability, enrichment of subjective legal experience, constructive response to the achievements of legal re-socialization, stimulation of self-development, social adequacy, and dialogue interaction [29, p. 188]. E.V. Zautorova substantiates principles of moral and aesthetic education of convicts, attributing to them a personally significant dominant, accessibility of perception of works of art, activation of empathy in the process of familiarization with art, actualization of the situation on the basis of artistic material, aestheticization of the environment of the institution through the inclusion of convicts in artistic and creative activity and reflexivity [15, p.17].

The variability of approaches in the approval of certain groups of principles is caused by the multidimensional nature of the tasks being solved in the field of penitentiary pedagogy. The variety of research directions determines emergence of new principles, with the help of which penitentiary pedagogy appears not only as a research field of knowledge, but also as a sphere that transforms correctional reality, designating the direction of penitentiary and pedagogical activity, prescribing certain guidelines, with which correctional officers should correlate organization of the process of re-education of convicts and search for ways to optimize it. It should be borne in mind that a requirement can be accepted as a principle, if it is based on a confirmed pattern and does not depend on situational circumstances. While a pattern is confirmed in the course of the study of penitentiary and pedagogical reality, principles, being regulatory prescriptions, are proposed as derivatives of a certain pattern, that is, they act as an imperative adequate to a particular pattern. The principle effectiveness is largely determined by its correlation with positive pedagogical experience, both past and present; with orientation to the penal policy trends existing at a certain historical stage and the general state of penitentiary reality.

To concretize the ways to solve problems of re-education of convicts and detail pedagogical actions accompanying the correctional process, such a form of knowledge as a pedagogical condition is used. Pedagogical conditions are external circumstances, factors that have a significant impact on the course of the pedagogical process, to some extent consciously constructed by the educator, assuming, but not guaranteeing a certain result of the process [4, p. 112]. The following groups of pedagogical conditions are established in penitentiary pedagogy: organizational and pedagogical, whose main function is to manage the procedural aspect of the pedagogical system; psychological and pedagogical conditions aimed at organizing such measures of pedagogical interaction that affect the personal aspect of the pedagogical system; socio-pedagogical conditions integrating social (household, labor, leisure, valeological, post-penitentiary) and pedagogical (legal, educational, social) factors of successful educational work [6, p. 7].

The analysis of texts of more than 50 doctoral and candidate dissertations devoted to problems of penitentiary pedagogy show that in most of them pedagogical conditions are fixed as significant circumstances in solving the tasks set. A number of authors, including S.A. Vetoshkin [6], I.D. Zharkov [13], S.Yu. Zhidko [14], S.I. Zlobin [16], L.V. Kovtunenko [21], M.N. Panchenko [30], devoted their dissertations to identification and justification of certain pedagogical conditions against the background of identification of external factors that significantly affect the process to form a particular phenomenon under study.

Pedagogical models are other significant forms of penitentiary and pedagogical knowledge. They are "artificially created objects in the form of schemes, physical structures, sign forms, or formulas, which, being similar to the object under study, or phenomenon, display and reproduce in a simpler form the structure, properties, relationships between elements of this object" [12, p. 22]. The modeling method allows us to create and reproduce a model using logical constructions in a generalized form, that is, an analogue reflecting the structure, properties, relationships and relations between elements of the phenomenon

under study (V.V. Kraevskii, V.M. Monakhov, and others). Pedagogical modeling gives completeness and representativeness to the object under study. It has the ability to develop a holistic view of the content and final results of a particular pedagogical process. V.S. Il'in and V.M. Monakhov call basic requirements for the model: it should reflect the integrity of the process or phenomenon; give a description of the conditions and means of its flow; be structurally constructed [17, p. 13–14; 28, p. 75–89]. Pedagogical models are assigned, first of all, informative functions, namely, illustrative, translational, explanatory, predictive [12, pp. 446–447].

A.N. Dakhin suggests the following classification of models, referring to their main types: predictive, designed for optimal allocation of resources and concretization of goals; conceptual, based on the information base and the action program; tool, acting as a tool for performing and teaching educators to operate with pedagogical tools; monitoring, used to provide feedback and create ways to adjust probabilistic deviations from expected results; reflexive, aimed at developing operational pedagogical measures in adverse situations [12, p. 12–15].

In penitentiary pedagogy, special attention has recently been paid to modeling due to the increase in the theoretical and practical levels of development of penitentiary science in general. The theoretical aspect is connected with idealization, with the help of which a clear designation of the components of the simulated objects is carried out, and the practical one is connected with experimental verification of logical conclusions.

Penitentiary pedagogy, being a means of pedagogical reflection on the correctional process, primarily develops in accordance with public requests for applied research focused on solving specific tasks. As one of the examples of a pedagogical model, the model of an educational center created in line with the reform of the penal system can be attributed. This model includes targeted, methodological and content components, which together are designed to ensure continuity and consistency of social, psychological and educational work with minors from the moment of

their detention to the moment of release, and create a holistic effective system of preparing convicts for release, etc. [35, p. 29].

The study of doctoral dissertations determining development of penitentiary pedagogy at the present stage allows us to state that almost each of them presents models of the studied pedagogical processes and phenomena. Such models do not only describe penitentiary and pedagogical reality, but also highlight essential components, stages and interrelations between them. There are the following pedagogical models: the prognostic socio-pedagogical model to modernize a correctional institution (N.S. Fomin, 2005) [45], the model of educational process humanization in penitentiary institutions (A.G. Slomchinskii, 2009) [39], the model for designing education at a university in a correctional institution (N.Yu. Volova, 2011) [10], the conceptual and methodological model of the pedagogical gender system for forming spiritual and moral values of juvenile convicts (A.V. Vilкова, 2016) [7], etc.

Key forms of penitentiary and pedagogical knowledge *include pedagogical concepts*, which are complex purposeful, dynamic systems of fundamental knowledge about pedagogical phenomena, fully and comprehensively revealing their essence and content. One of the fundamental concepts that determine priority areas of research in the field of penitentiary pedagogy at different stages of its development is the Concept of educational work with convicts in the conditions of reforming the penal system (2000), the Concept for the development of the penal system of the Russian Federation up to 2020 (2010), the Concept for the development of the penal system of the Russian Federation for the period up to 2030, etc.

It can be stated that in modern doctoral dissertations of penitentiary orientation, pedagogical concepts are presented, including research ideas in the form of a certain theoretical structure with an inherent clearly expressed orientation and logical structure. A number of dissertations in the very names of the topics contain the word “concept”, offering a complex of scientific knowledge about the object under study, designed in a special way. We can mention the following

examples: the concept for forming spiritual and moral values of female juvenile convicts (A.V. VilkoVA) [7], the concept for social support of convicts in a correctional institution (V.V. Vinogradov) [8], the concept for resocialization of juvenile convicts in the pedagogical environment of a juvenile correctional facility (L.V. KovtunenKO) [20], etc.

The leading role in the hierarchical structure of penitentiary and pedagogical knowledge belongs to theories that contain a set of proven provisions and reveal the essence and interrelationships of various pedagogical properties, processes and phenomena. In most cases, presentations of newly proposed pedagogical theories are accompanied by the consideration of a special set of interrelated terms, patterns, principles and models that allow us to accurately, holistically, deeply and consistently illuminate and explain significant fragments of pedagogical reality; it is these fragments that are subjects of various theories. The listed elements make up the minimum set of components required for any pedagogical theory. The variable part of the theory may include pedagogical conditions, methods, technologies and other means designed to improve pedagogical reality and solve emerging problems more productively.

At first glance, there is a lot in common between a concept and theory: both forms in terms of content should be consistent with the logic of the development of pedagogical science in general and the direction being studied, in particular; contain a sign of scientific novelty; be suitable for effective use in mass practice [48, p. 4]. At the same time, they are different forms of scientific knowledge. The key difference is that many concepts can be built on the basis of one theory, each of which is designed to concretize a certain side of the theory.

Development of the theory should not become an end in itself; any theory can be considered effective if "practice requires it and it is conditioned by practice"; "pedagogical theory is the theory of pedagogical practice" [22, p. 91]. Emergence of a new theory is determined by certain factors. According to V.V. Krayevskii, they are the change in trends in the development of society and the change

of ideological guidelines; the gap between goals and real results of the pedagogical process; the logic of the existing pedagogical theory development [22, pp. 91–92]. So, with regard to the penal system, it can be argued that the trend of 1990s to move away from rigid authoritarian schemes of re-education of convicts determined the public demand for theories that consider and construct significant phenomena of the correctional process in line with humanistic ideas. The theories of personality-oriented education of the cultural type by E.V. Bondarevskaya, educational systems by L.I. Novikova, cultural and historical pedagogy by E.A. Yamburg; educational triumph by B.S. Gershunskii; educational systems by L.I. Novikova, cultural and historical pedagogy by E.A. Yamburg; educational triumph by B.S. Gershunskii; the system-synergetic theory by N.M. Talanchuk, etc. are the most popular.

Having studied monographs and doctoral dissertations devoted to penitentiary and pedagogical problems, we can state that modern scientists make a significant contribution to enriching existing pedagogical theories with the penitentiary context. Thus, M.P. Sturova facilitated the development of L.I. Novikova's theory of educational systems [41]; V.M. Litvishkov expanded the theory of creating a children's team by A.S. Makarenko, taking into account the specifics of modern correctional institutions [24]; N.S. Fomin supplemented the theory of pedagogical support by O.S. Gazman [45], etc.

Conclusion

The article presents a list of key forms of scientific penitentiary and pedagogical knowledge, including pedagogical terms, patterns, principles, conditions, models, concepts and theories. Scientific forms of penitentiary and pedagogical knowledge are used primarily in the professional environment of scientists and correctional officers. They are the result of the formation of penitentiary pedagogy as an independent branch of science with its own strictly designated subject, developed methodology and generally accepted terminological apparatus. Scientific forms of penitentiary and pedagogical knowledge appear to be a certain structure created as a result of the activities of sever-

al generations of penitentiary scientists who have formed scientific traditions and schools. The proposed structure of the main forms of penitentiary and pedagogical knowledge is based on the analysis and generalization of data contained in sources of methodological information, and the considered forms make it possible to summarize existing information about penitentiary and pedagogical reality.

The presented list of forms is not exhaustive, is conditional and can be supplemented. Forms that are not traditionally considered as the main ones are left outside of this study; significant events, subjective author's judgments, conclusions, comments, etc. can be attributed to them. Naming and describing the presented forms, we were guided by well-established methodological approaches to

their selection, taking into account objectively existing relationships between them.

Expanding boundaries, as well as deepening and changing meanings of penitentiary and pedagogical knowledge can occur as a result of new scientific research, organization of polemics, discussions, etc. Scientific community's approval and acceptance of the information contained in this knowledge is a universal indicator of the truth of penitentiary and pedagogical knowledge, regardless of its form. The aspects considered in the article allowed us to identify a new problem field of research, which focuses on its continuation in the aspect of description, justification and structural representation of not only the main, but also secondary forms of penitentiary and pedagogical knowledge, as well as a more systematic and detailed description of each type.

REFERENCES

1. Andreev N.A., Morozov V.M., Kovalev O.G. *Resotsializatsiya osuzhdennykh v penitentsiarnykh uchrezhdeniyakh FRG* [Resocialization of convicts in penitentiary institutions of Germany]. Moscow: Prava cheloveka, 2001. 182 p. ISBN 5-7712-0191-X.
2. Antonyan Yu.M., Golubev V.P., Kudryakov Yu.N., Bovin V.G. Some distinctive psychological traits of a criminal's personality. In: *Lichnost' prestupnika i preduprezhdenie prestuplenii: sbornik nauchnykh trudov* [Criminal personality and crime prevention: collection of scientific papers]. Moscow: VNII MVD SSSR, 1987. Pp.13–26. (In Russ.).
3. Akhundova Sh. D. Respect, its basis and types. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta=Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2013, no. 1 (129), pp. 188–192. (In Russ.).
4. Borytko N.M. *V prostranstve vospitatel'noi deyatel'nosti* [In the space of educational activity]. Volgograd: Peremena, 2001. 180 p. ISBN 5-88234-481-6.
5. Vetoshkin S.A. *Penitentsiarnaya pedagogika kak nauka i oblast' prakticheskoi deyatel'nosti: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora pedagogicheskikh nauk* [Penitentiary pedagogy as a science and a field of practical activity: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Moscow, 2002. 327 p.
6. Vetoshkin S.A. *Sotsial'no-pedagogicheskie usloviya vospitatel'noi raboty v ispravitel'noi kolonii: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Socio-pedagogical conditions of educational work in a correctional facility: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Ekaterinburg, 1997. 18 p.
7. Vilkova A.V. *Gendernaya kontseptsiya i metodologiya formirovaniya dukhovno-nravstvennykh tsennostei nesovershennoletnikh osuzhdennykh zhenskogo pola: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora pedagogicheskikh nauk* [Gender concept and methodology of the formation of spiritual and moral values of female juvenile convicts: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Novgorod, 2016. 427 p.
8. Vinogradov V.V. *Pedagogicheskaya kontseptsiya sotsial'nogo soprovozhdeniya osuzhdennykh v ispravitel'nom uchrezhdenii: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora pedagogicheskikh nauk* [Pedagogical concept of social support of convicts in a correctional institution: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Moscow, 2011. 50 p.
9. Vinogradov V.V. *Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian language. Grammatical teaching about the word]. Moscow: Vysshaya shkola, 1986. 639 p.

10. Volova N.Yu. *Proektirovanie i realizatsiya vysshego obrazovaniya v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh na osnove informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologii: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora pedagogicheskikh nauk* [Design and implementation of higher education in correctional institutions based on information and communication technologies: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Samara, 2011. 45 p.
11. Gernet M.N. *Obshchestvennye prichiny prestupnosti: sotsialisticheskoe napravlenie v nauke ugolovnogo prava* [Social causes of crime: the socialist trend in the science of criminal law]. Moscow: Izdatel'stvo. S. Skirmunta, 1906. 344 p.
12. Dakhin A.N. Pedagogical modeling: essence, effectiveness and uncertainty. *Idey i idealy=Ideas and Ideals*, 2010, vol. 2, no. 1, pp. 22–26. (In Russ.).
13. Zharkov I.D. *Pedagogicheskie usloviya deyatel'nosti spetsialistov po sotsial'noi rabote v penitentsiarnykh uchrezhdeniyakh: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Pedagogical conditions of activity of specialists in social work in penitentiary institutions: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Orenburg, 1999. 132 p.
14. Zhidko S.Yu. *Organizatsionno-pedagogicheskie usloviya distantsionnogo professional'nogo obucheniya v ispravitel'no-trudovom uchrezhdenii: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Organizational and pedagogical conditions of distance vocational training in a correctional labor institution: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Nizhny Novgorod, 2004. 20 p.
15. Zautorova E.V. *Nravstvenno-esteticheskoe vospitanie osuzhdennykh: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora pedagogicheskikh nauk* [Moral and aesthetic education of convicts: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Moscow, 2011. 47 p.
16. Zlobin S.I. *Organizatsionno-pedagogicheskie osnovy kompleksnoi otsenki i attestovaniya kadrov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Ministerstva yustitsii Rossii: na opyte raboty Belgorodskogo UIN MYu RF: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Organizational and pedagogical bases of comprehensive assessment and certification of personnel of the penitentiary system of the Ministry of Justice of Russia: based on the experience of the Belgorod UIN of the Ministry of Justice of the Russian Federation: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Moscow, 2001. 238 p.
17. Il'in V.S. *Formirovanie lichnosti shkol'nika (tselostnyi protsess)* [Formation of a student's personality (an integral process)]. Moscow: Pedagogika, 1984. 144 p.
18. Kashchenko V.P. *Pedagogicheskaya korrektsiya: ispravlenie nedostatkov kharaktera u detei i podrostkov* [Pedagogical correction: correction of character defects in children and adolescents]. Moscow: Akademiya, 2000. 304 p. ISBN 5-7695-2391-3.
19. Kiseleva N.I. Basic approaches to review scientific concepts and features term. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta=Scientific Notes of the Orel State University*, 2014, no. 2 (58), pp. 306–311. (In Russ.).
20. Kovtunenkov L.V. *Kontseptsiya resotsializatsii nesovershennoletnikh osuzhdennykh v pedagogicheskoi srede vospitatel'noi kolonii: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora pedagogicheskikh nauk* [Concept of resocialization of juvenile convicts in the pedagogical environment of a juvenile correctional facility: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Voronezh, 2018. 48 p.
21. Kovtunenkov L.V. *Pedagogicheskie usloviya professional'no-pedagogicheskogo stanovleniya sotrudnikov sluzhby ispolneniya nakazanii v vedomstvennom obrazovatel'nom uchrezhdenii: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Pedagogical conditions of professional and pedagogical formation of employees of the penitentiary service in a departmental educational institution: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Voronezh, 2006. 235 p.
22. Kraevskii V.V. *Obshchie osnovy pedagogiki* [General fundamentals of pedagogy]. Moscow: Akademiya, 2005. 254 p. ISBN 5-7695-2341-7.
23. Lebedev S.A. *Metodologiya nauchnogo poznaniya* [Methodology of scientific cognition]. Moscow: Prospekt, 2015. 257 p. ISBN 978-5-392-19243-4.
24. Litvishkov V.M. *Teoriya i metodika protsessa formirovaniya vospityvayushchego kollektiva nesovershennoletnikh osuzhdennykh: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora pedagogicheskikh nauk* [Theory and methodology of the process of for-

- mation of the educating collective of juvenile convicts: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Ryazan, 1995. 43 p.
25. Lotte D.S. Ocherednye zadachi tekhnicheskoi terminologii [Next tasks of technical terminology]. *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie obshchestvennykh nauk. Seriya 7=Izvestia of the USSR Academy of Sciences. Department of Social Sciences. Series 7*, 1931, no. 4, pp. 883–591. (In Russ.).
26. Luchinskii N.F. *Osnovy tyuremnogo dela* [Fundamentals of prison business]. Saint Petersburg: Tyuremnyi vestnik, 1904. 180 p.
27. Makarenko A.S. *Pedagogicheskie sochineniya: v 8 t. T. 1.* [Pedagogical essays: in 8 volumes. Volume 1]. Moscow: Pedagogika, 1983. 368 p.
28. Monakhov V.M. Pedagogical design – a modern instrument of didactic research. *Shkol'nye tekhnologii=School Technologies*, 2001, no. 5, pp. 75–89. (In Russ.).
29. Panova O.B. *Pedagogicheskoe obespechenie pravovoi resotsializatsii nesovershennoletnikh osuzhdennykh v vospitatel'noi kolonii: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora pedagogicheskikh nauk* [Pedagogical support of legal resocialization of juvenile convicts in a juvenile correctional facility: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Yaroslavl, 2013. 489 p.
30. Panchenko M.N. *Pedagogicheskie usloviya povysheniya effektivnosti obrazovatel'nogo protsessa v mestakh lisheniya svobody dlya nesovershennoletnikh osuzhdennykh: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Pedagogical conditions for improving the effectiveness of the educational process in places of deprivation of liberty for juvenile convicts: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Novokuznetsk, 2004. 19 p.
31. Pastushenya A.N. *Kriminogennaya sushchnost' lichnosti prestupnika: Psikhologicheskii aspekt: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora psikhologicheskikh nauk* [Criminogenic essence of the criminal's personality: psychological aspect: Doctor of Sciences (Psychology) dissertation]. Moscow, 2000. 551 p.
32. Pishchelko A.V. Resocialization of convicts: psychological aspect. In: *Prestuplenie i nakazanie ot "A" do "Ya" (slovar' po penitentsiarnoi psikhologii)* [Crime and punishment from "A" to "Z" (Dictionary of penitentiary psychology)]. Moscow: MPSI, 2009. Pp. 276–277. (In Russ.). ISBN 978-5-9770-0516-6.
33. Podlasyi I.P. *Kurs lektsii po korrektsionnoi pedagogike: uchebnoe posobie* [Course of lectures on correctional pedagogy: textbook]. Moscow: Vlados, 2003. 349 p. ISBN 5-691-00933-8.
34. Poznyshhev S.V. *Ocherki tyur'movedeniya* [Essays on prison studies]. Moscow: tipogr. G.A. Lemana i B.D. Pletneva, 1915. 296 p.
35. Popov V.V. Educational center as a new type of correctional institution for minors. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie=Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*, 2010, no. 10, pp. 27–35. (In Russ.).
36. Rozhkov M.I. *Vospitanie svobodnogo cheloveka. Pedagogicheskoe kredo* [Psychiatry: guide for doctors]. Yaroslavl: Yaroslavskaya regional'naya tipografiya, 2006. 30 p.
37. Sadovnikova M.N. *Resotsializatsiya nesovershennoletnikh osuzhdennykh (po materialam Vostochnoi Sibiri): avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Resocialization of juvenile convicts (based on materials from Eastern Siberia): Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Irkutsk, 2011. 21 p.
38. Serikov G.N. On systematization of the concepts of pedagogy. *Obrazovanie i nauka=Education and Science*, 2013, no. 4, pp. 19–31. (In Russ.).
39. Slomchinskii A.G. *Gumanizatsiya obrazovatel'nogo protsessa v penitentsiarnoi sisteme: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora pedagogicheskikh nauk* [Humanization of the educational process in the penitentiary system: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Ekaterinburg, 2009. 42 p.
40. Soroka-Rosinskii V.N. *Pedagogicheskie sochineniya* [Pedagogical works]. Moscow: Pedagogika, 1991. 239 p. ISBN 5-7155-0316-7.
41. Sturova M.P. *Vospitatel'naya sistema ispravitel'no-trudovykh uchrezhdenii (teoretiko-metodologicheskii i organizatsionnyi aspekty): avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora pedagogicheskikh nauk* [Educational system of correctional labor institutions (theoretical, methodological and organizational aspects): Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Moskva, 1991. 42 p.

42. Il'ichev L.F. et al. *Filosofskii entsiklopedicheski slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sov. entsiklopediya, 1983. 839 p.
43. Foinitskii I.Ya. *Ugolovnoe pravo. Uchenie o nakazanii: lektsii chitannye v 1-i polovine 1886 goda* [Criminal law. Doctrine of Punishment: lectures delivered in the 1st half of 1886]. Saint Petersburg: Tipolitografiya Kh. Sh. Gel'pern, 1886. 450 p.
44. Foinitskii I.Ya. *Uchenie o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniem* [The doctrine of punishment in connection with prison studies]. Saint Petersburg: Tipografiya Ministerstva putei soobshcheniya, 1898. 517 p.
45. Fomin N.S. *Teoriya i metodika sotsial'no-pedagogicheskoi podderzhki osuzhdennykh v protsesse ikh resotsializatsii: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora pedagogicheskikh nauk* [Theory and methodology of socio-pedagogical support of convicts in the process of their resocialization: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Moscow, 2005. 355 p.
46. Tsygankov B.D., Ovsyannikov S.A. *Psikhiatriya: Rukovodstvo dlya vrachei* [Psychiatry: guide for doctors]. Moscow: GEOTAR-Media, 2011. 495 p. –ISBN 978-5-9704-1905-2.
47. Chernysheva A.V. *Resotsializatsiya osuzhdennykh zhenshchin, otbyvayushchikh nakazanie v ispravitel'no-trudovykh koloniyakh: pravovye i organizatsionnye voprosy: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Resocialization of convicted women serving sentences in correctional labor colonies: legal and organizational issues: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 1990. 220 p.
48. Yakovlev E.V., Yakovleva N.O. *Pedagogicheskaya kontseptsiya: metodologicheskie aspekty postroeniya* [Pedagogical concept: methodological aspects of construction]. Moscow: VLADOS, 2006. 239 p. ISBN 5-691-01523-0.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

OKSANA B. PANOVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Psychology Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, xenia-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6096-2581>

Received August 8, 2022

IN MEMORY OF D. V. SOCHIVKO

Life Path and Activity of a Penitentiary Psychologist, Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Colonel of the Internal Service Dmitrii V. Sochivko*

OLGA I. SOCHIVKO

Candidate of Sciences (Psychology), Lecturer at the Department of Penitentiary Psychology and Penitentiary Pedagogy of the Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russia, sochivko_o@mail.ru

DMITRII M. PLOTKIN

Candidate of Sciences (Law), Honorary Employee of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, retired major case investigator, member of the Union of Writers of Russia, Ryazan, Russia, plotkindm@yandex.ru

A person remains alive in the hearts of his/her loved ones, students, books written and deeds done ... The memory of scientific discoveries, research and scientific works of Dmitrii V. Sochivko, professor at the Department of General Psychology of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Sciences (Psychology), Professor, will live, as long as the science of psychology is alive. The role of this scientist and his scientific contribution are truly immeasurable, his intellectual and personal qualities are remembered by everyone who communicated with him.

D.V. Sochivko was born on August 15, 1959 in Leningrad. He graduated from the Psychology Department of the Leningrad State University named after A.A. Zhdanov. In 1984, under the guidance of V.A. Yakunin, he defended his candidate dissertation on the topic "Research of individual styles of cognitive activity" (specialty 19.00.07 – pedagogical, age and child psychology) at the same university. This was the first step in his activity as a teacher, he devoted 14 years of his creative life to his native university.

In 2003, he defended his dissertation for the degree of Doctor of Sciences (Psychology) on the topic "Psychodynamics of personality in extreme conditions of life" (specialty 19.00.06 – legal psychology) at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The dissertation was based on the generalized experience gained during the years of service in the penal system, filling the position of senior psychologist in the high-security correctional facility in the Pskov Oblast.

Dmitrii Sochivko showed his talent as a scientific practitioner who tested his theories in practice. His intense scientific activity resulted in numerous publications, such as monographs, textbooks, articles; his students wrote and successfully defended 11 candidate and doctoral dissertations.

The name of D.V. Sochivko is known to everyone who has ever shown interest in psychological science, his theories and developments are widely used for new research. He communicated

---

* D. V. Sochivko was a member of the Editorial Board of the journal «Penitentiary Science» (up to August 2019 «Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction») from January 2018 to October 2021.

and creatively interacted with the most famous scientists in the field of psychology and pedagogy, in particular, L.M. Vekker, V.A. Hansen, M.G. Debolskii, V.N. Loskutov, A.V. Pishchelko, G.V. Sukhodolskii, V.A. Yakunin and others.

Dmitrii Sochivko had the honor of creating a new direction in psychological science and founding a scientific psychological school of the theory of modern psychodynamics of personality. His interests extended to scientific areas, such as social, legal, penitentiary and clinical psychology, Orthodox psychotherapy, etc.

D.V. Sochivko worked at the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia for more than 20 years and was awarded medals of the Federal Penitentiary Service of Russia "For Distinguished Service" of degrees 1, 2, and 3 for his truly titanic scientific and teaching activities.

Thanks to his initiative, a public research laboratory "Criminal Destructiveness of Personality" was created at the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia and the scientific journal "Applied Legal Psychology" was opened, which is included in the list of peer-reviewed publications of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russia, the annual methodological seminar "Topical problems of modern penitentiary and legal psychology" was organized at the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.

Dmitrii Sochivko organized a scientific and practical conference at the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia and a scientific and practical seminar at the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences "Where childhood goes: problems of suicidal behavior among young people". He offered Candidate of Sciences (Law) Dmitrii Plotkin to make a report on the most relevant topic on children's suicides influenced by the Internet. This problem drew attention of the country's leadership, and the Russian President Vladimir Putin instructed the Government to address it.

In 2021, D.V. Sochivko became the winner of the All-Russian best scientific book contest, having presented the monograph "Existential psychodynamics" (Moscow; Ryazan: Vysshaya shkola psikhologii; Akademiya FSIN Rossii, 2020. 224 p.).

The scholar's attitude to religion is worth noting. This deep feeling always accompanied him and was carefully nurtured at any stage of his life, regardless of external circumstances.

Dmitrii Sochivko left a bright memory of himself. He dedicated his life to high ideals of science and serving public interest; his attention and empathy for people deserves respect. D.V. Sochivko's ideas live on in activities of his students and followers. The theory of modern psychodynamics of personality, his main scientific discovery, embodying his extensive knowledge, creative energy and spiritual power, is of great interest and is still developing nowadays.

JOURNAL INDEXING IN DATABASES

eLIBRARY.RU: yes (contract 407-10/2019)

DOIprefix: yes (10.46741/2686-9764)

RSCI: yes

Core of the RSCI: no

HACLlist: yes

CrossRef: yes

East View Information Services: yes

GARANT system: yes

On the Web of Science platform: no

Web of Science: no

Scopus: no

EBSCO: yes

WorldCat: yes

CyberLeninka: yes

DOAJ: yes

<https://jurnauka-vipe.ru/?lang=en>